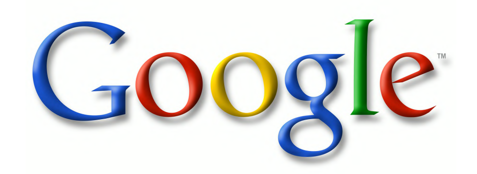
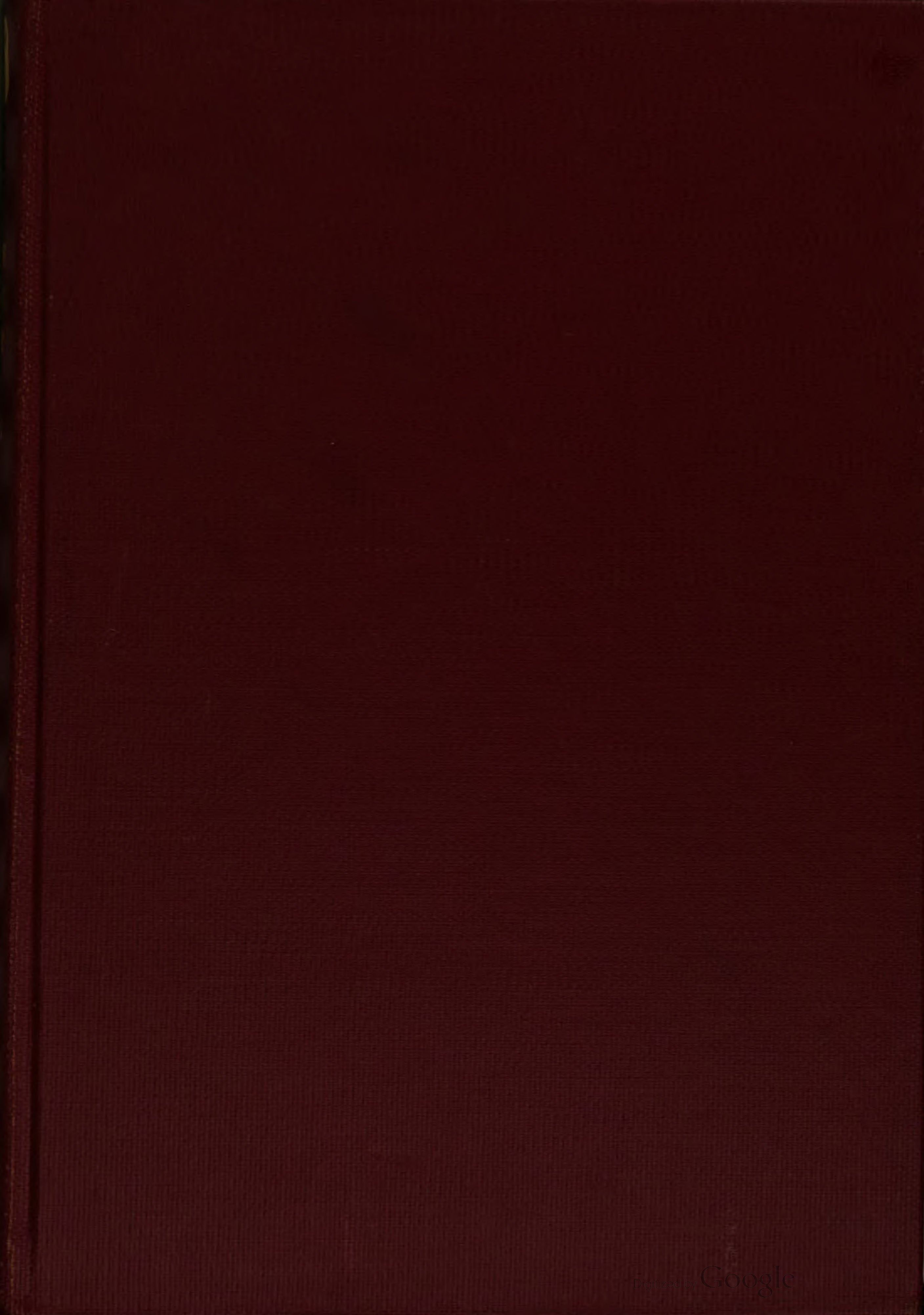
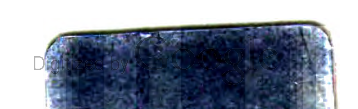

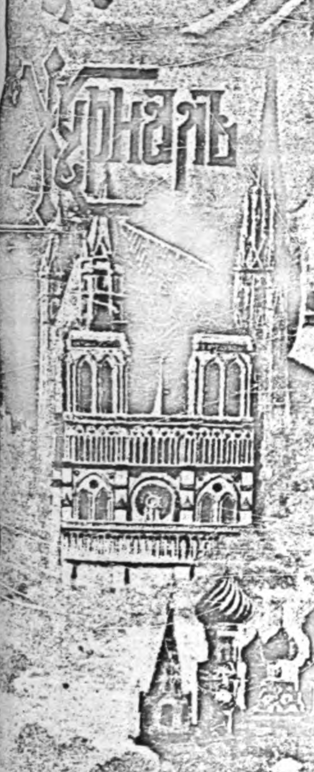

VE RI
TAS

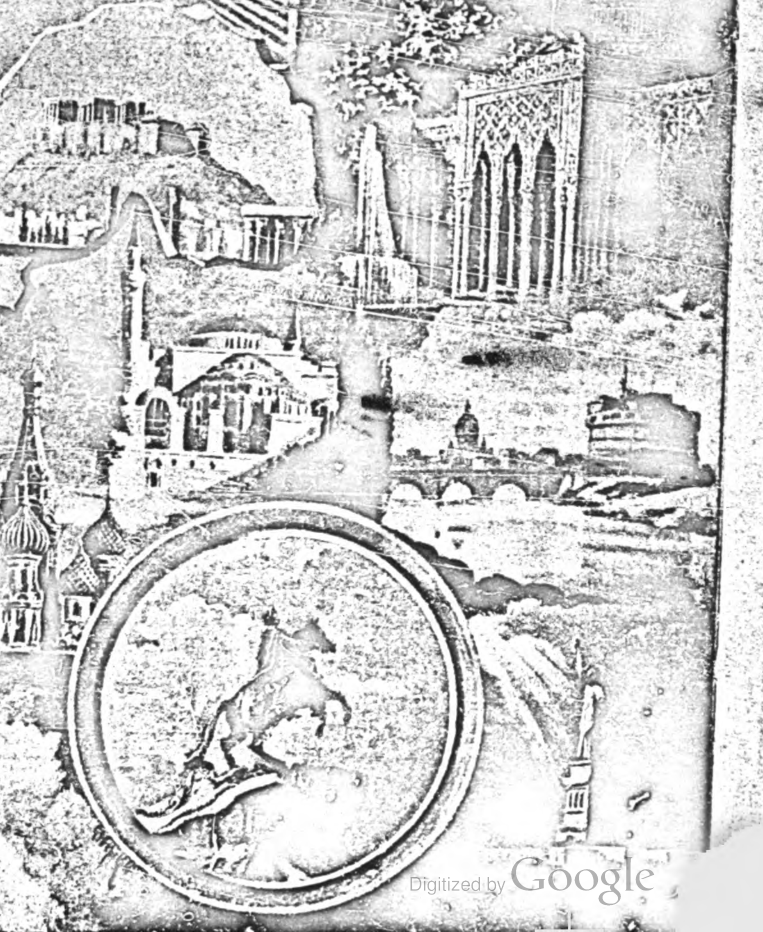

ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

№ 9.
1900 г.

ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

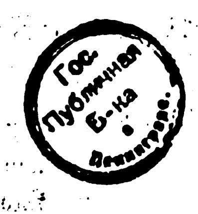
Ежемѣсячный журналъ

ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ.

АВГУСТЪ

№ 9

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Столичная типографія. Гороховая, 12.
1900

Приложенія:

Библіотека избранныхъ сочиненій по исторіи народовъ Европы.

1) Исторія польскаго народа. *В. Смоленскаго.*

Сборникъ иностранныхъ историч. романовъ.

2) Торжество силы. Истор. романъ *Поля Адамъ.*

Дозволено цензурою. Спб. 1 Августа 1900 г.

Католичество и религіозная нетерпимость въ средніе вѣка.

Въ началѣ среднихъ вѣковъ мы застаемъ процессъ полнаго крушенія когда-то могучей римской имперіи. Подъ ударами ислама гибнетъ пышная имперія, а съ ней вмѣстѣ и утонченная греческая культура. Восточно-греческая церковь переходитъ подъ власть варваровъ, и становится только терпимой, подчиненной султанамъ корпораціей. Христіанство изъ положенія государственной религіи переходитъ на положеніе религіи презрѣнной райи. И, удивительное дѣло, фанатичные поклонники Магомета оказались болѣе терпимыми, нежели восточно-римскіе христіане; султаны не предпринимали относительно христіанъ ничего подобнаго тому, что было въ свое время постановлено Θеодосіемъ относительно иновѣрцевъ, особенно же язычниковъ. Но передъ тѣмъ, какъ греческая церковь на многіе годы застыла, закостенѣла, она передала многія свои духовныя сокровища славянскому востоку и сѣверу; къ несчастію, она передала намъ и нѣкоторые свои недостатки; идея русской государственной принудительной церкви ведетъ начало отъ Византіи: и у насъ, какъ тамъ, апостазія есть не только грѣхъ, но и преступленіе, и у насъ, какъ тамъ, церковь находится въ полномъ подчиненіи государству, а сектанты подвергаются и ограниченію гражданскихъ правъ и уголовнымъ взысканіямъ.

Но съ паденіемъ новаго Рима старая римская идея не угасла; съ гибелью востока еще не погибъ западъ. Въ старомъ Римѣ на развалинахъ язычества держалась церковь св. Петра, а римскій патріархъ успѣшно отстаивалъ свою церковь и паству

среди волнъ великаго переселенія народовъ; если западная римская имперія погибла, то еще жила западная римская церковь; никакой иновѣрный завоеватель не налагалъ еще на нее своего вѣкового ига,—она могла бороться и боролась съ героизмомъ отчаянія за христіанство, за свои великія традиціи и за римскую идею. А старая идея эта нуждалась въ обновленіи. Въ самой конструкціи византійской церковной системы лежала неисправимая ошибка: эта система заключала въ себѣ противорѣчіе, а принципъ единства покоился на церковно-политическомъ дуализмѣ, на основаніи, самомъ въ себѣ раздѣленномъ. Въ самомъ дѣлѣ, признаемъ ли мы, что въ Византіи господствовалъ цезареопапизмъ, или примемъ, что тамъ была осуществлена система «гармоніи», на почвѣ взаимнаго примиренія интересовъ, результатъ будетъ одинъ: византійское единство не было и не могло быть послѣдовательной и логической системой единства, ибо таковое возможно только въ одномъ случаѣ, а именно, когда церковь подчиняетъ себѣ государство, священство господствуетъ надъ царствомъ, и водворяется такъ называемая іерократія, теократія, церковное государство на мѣсто государственной церкви. Другими словами, только римско-католическая система господства церкви надъ государствомъ есть единственно стройная и послѣдовательная система единства государства и церкви съ точки зрѣнія принудительной церкви и государственной религіи.

Попробуемъ нѣсколько разъяснить нашу мысль. Еслибы церковь была исключительно добровольнымъ религіозно-нравственнымъ союзомъ, то, само собою разумѣется, не могло бы быть и рѣчи о какомъ б.. то ни было принужденіи въ дѣлахъ вѣры, и если бы даже государство пожелало ввести институтъ государственной церкви, то ему пришлось бы создавать рядомъ съ существующей духовной церковью и свою собственную, другую, свѣтскую церковь, которая была бы, конечно, религіозно-политическимъ учрежденіемъ, но никакъ ужъ не церковью, такъ какъ первая хотя и отвергала бы насиліе, всякую государственную помощь въ дѣлахъ вѣры и совѣсти, но все-таки не погибла бы безъ государства, ибо ей присущи совершенно особыя духовныя богатства и духовный авторитетъ, ей обѣщано постоянное присутствіе и руководительство Божіе, и «врата адовы не одолѣютъ ю». Для земнаго же ея существованія и для выполненія ея земной миссіи ей было бы достаточно общей юридической и отчасти спеціальной защиты права,

и она, вынесшая въ свое время гоненія язычества, расцвѣла бы и окрѣпла въ чистой атмосферѣ религіозной свободы. И если-бы государство въ этомъ случаѣ отказалось,—что оно неминуемо должно было бы сдѣлать, — отъ всякой спеціальной религіозной политики, то оно наслаждалось бы единствомъ съ церковью не вынужденнымъ, а свободнымъ и нравственнымъ; и оно восприняло бы христіанство не въ свои кодексы, а въ самыя глубокія основы своей жизни, т. е. въ сердца своихъ гражданъ, оно встрѣтилось бы съ церковью въ каждомъ доблестномъ своемъ сынѣ, въ каждомъ своемъ подданномъ, проникнутомъ высшей идеей, оно не отрѣшилось бы тогда, какъ многіе утверждаютъ, отъ христіанства, а напротивъ, стало бы христіанскимъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ для этой религіи было бы открыты единственно ея достойныя пути, т. е. свободная воля человѣка. Только христіанскія чувства, мысли и поступки гражданъ дѣлаютъ государство христіанскимъ, и только, отказавшись отъ всякихъ искусственныхъ насажденій и прививокъ религіи среди людей, политическій организмъ получаетъ нравственно религіозное освященіе; только повѣривъ въ силу Христа и церкви и отказавшись отъ всякой поддѣлки и замѣны этой силы своими грубыми матеріальными средствами, государство откроетъ истинный источникъ своей мощи и единства, своей нравственной высоты и религіознаго озаренія. Но для этого надо съ одной стороны, чтобы сама церковь отвергла всякое прямое и косвенное принужденіе въ дѣлахъ вѣры, съ другой же стороны, чтобы государство повѣрило въ чистоту и великую нравственную силу религіи и церкви и отказалось отъ охраны религій насиліемъ; но иныя задачи предлежатъ государству, когда сама церковь становится католической и принудительной, когда она хочетъ властвовать не только во внутреннемъ мірѣ человѣка и мѣрами духовными, а допускаетъ и даже требуетъ внѣшнихъ мѣръ для вліянія на внутреннюю жизнь вѣрующаго, когда она дѣйствуетъ внѣшней властью, а не силою духовнаго авторитета, когда она самую религію превращаетъ въ систему юридическихъ нормъ и, организуясь въ мощную публично правовую организацію, образуетъ своеобразное государство, политическое цѣлое status in statu. Что дѣлать государству съ этой уже внѣшней, принудительной церковью, какъ здѣсь установить единство между двумя внѣшне обязательными принудительными порядками жизни, какъ примирить эти двѣ власти, какъ соединить два право-

выхъ кодекса, какъ сочетать двѣ іерархіи: однимъ словомъ, какъ соединить государство и церковь въ единую систему религіознаго принужденія? Предположимъ при этихъ условіяхъ, что государство хочетъ быть католическимъ, въ этомъ случаѣ оно дѣлаетъ исповѣданіе католической церкви обязательной религіей своихъ подданныхъ; но спрашивается, что такое истинная католическая вѣра? Вѣдь это можетъ опредѣлить только церковь св. Петра, ибо ей, а не государству принадлежитъ привилегія непогрѣшимости, и то, чему она учитъ и будетъ учить, должно быть безропотно принято католическимъ государствомъ. Государство желаетъ признать церковь и снабдить ее надлежащими средствами принужденія, желаетъ дать ей привилегію и богатства, но церковь имѣетъ свое божественное право —jus divinum, которое даровано ей изначала путемъ милости божіей, и государству остается только подчиниться каноническимъ требованіямъ церкви и предоставить ей тамъ «brachium saeculare», свѣтскую помощь, гдѣ она потребуетъ ее, въ силу своего божественнаго права. Государство желаетъ содѣйствовать самому дѣлу вѣчнаго спасенія вѣрующихъ, но, вѣдь не ему, а церкви даны особые дары благодати, въ особенности и «ordo» и «jurisdictio», а слѣдовательно, и здѣсь государству остается только признать высшій авторитетъ церкви, поставить ея власть надъ собой и стать послушнымъ исполнителемъ ея воли: въ ней, а не въ государствѣ живетъ Христосъ. Другими словами, для того, чтобы водворилось полное единство между государствомъ и католической церковью, а ея исповѣданіе стало государственной религіей, государство должно неминуемо подчиниться законодательству церкви, ея надзору и управленію, признать не только ея учительный авторитетъ, но правовой порядокъ и ея государственную власть. Католическое единство покупается только цѣною потери государственной самостоятельности.

Допустимъ, однако, иную возможность: представимъ себѣ случай, когда государство, принимая церковное вѣроученіе въ качествѣ принудительной религіи, вмѣстѣ съ тѣмъ хочетъ избѣжать необходимаго подчиненія церкви. Для этого оно можетъ избрать два пути: или присвоить себѣ извѣстное право участія въ рѣшеніи чисто церковныхъ, чисто духовныхъ дѣлъ и обезопасить себя такимъ образомъ относительно самаго законодательства и высшаго управленія церкви—что сдѣлали христіанскіе императоры Рима.—или пользуясь тѣмъ, что средства

принужденія находятся цѣликомъ въ рукахъ государства, взять на себя контроль со стороны исполненія церковныхъ предписаній и снабжать только тѣ изъ нихъ обязательной силой, которыя угодны—placet—государству,—что было принято на практикѣ въ періодѣ территоріализма. Но ни та, ни другая система не послѣдовательны и не даютъ единства. Первая система, допуская свѣтскую власть къ участію въ рѣшеніи вопросовъ религіозной догмы и церковнаго управленія, тѣмъ самымъ дѣлаетъ законодательство церкви результатомъ частнаго, каждый разъ, соглашенія духовной и свѣтской власти, измѣняетъ своему собственному католическому принципу и присвояетъ государю или его представителю богодуховность и дары благодати, какими тотъ не обладаетъ и по христіанскому ученію и обладать не можетъ; съ другой же стороны, возвышая правителя государства въ положеніе какъ бы епископа, церковь всетаки не можетъ гарантировать императору, что между ею и имъ не произойдетъ конфликта, такъ какъ священство всетаки по ученію церкви безконечно выше царства; и если въ двадцати случаяхъ на соборѣ императоръ присоединится къ правовѣрующимъ епископамъ и поддержитъ ихъ рѣшеніе, то въ двадцать первомъ случаѣ возможно иное, что и случилось въ исторіи византійской церкви, а именно, благодаря дѣятельности еретически настроенныхъ императоровъ не разъ засѣдали и рѣшали церковныя дѣла еретическіе соборы и ересь объявлялась государственной религіей; результатомъ этого, конечно, были раздоры, а не единство. Вмѣшательство низшей по существу свѣтской власти въ тѣ дѣла, гдѣ должна рѣшать высшая богодуховная власть церкви, единства создать не можетъ. Точно также или еще болѣе абсурдна съ точки зрѣнія принудительной католической религіи та система, которой придерживались западно-европейскіе властители въ XVI—XVIII вѣкѣ, то-есть система контроля церковныхъ постановленій передъ приведеніемъ ихъ въ исполненіе; принятіемъ церковнаго исповѣданія, въ качествѣ государственной религіи, этимъ самымъ принимается и непререкаемый авторитетъ церкви, и контролировать тотъ авторитетъ, которому государство обязано повиновеніемъ,—это значитъ возбуждать постоянные конфликты между свѣтской и духовной властью, что также оправдалось и на дѣлѣ

И такъ, единственно логическій выходъ для государства, признающаго то или другое церковное вѣроученіе государ-

ственной религіей, это безропотно подчиниться той высшей власти, которая одна можетъ и должна хранить это вѣроученіе и завѣдывать дѣлами спасенія. Двухъ выходовъ тутъ быть не можетъ: или государство, подчиняя своихъ подданныхъ принудительной религіи и само подчиняется католической церкви, или отказывается отъ государственной принудительной вѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возвращаетъ себѣ свою свободу. «Если», говоритъ Маассенъ: «церковь фактически можетъ пользоваться для выполненія своихъ задачъ средствами государственной силы, и если, дѣйствительно, воля Христа такова, чтобы религія и исполненіе нравственныхъ заповѣдей вынуждались внѣшнею силою: въ такомъ случаѣ не можетъ быть отдано на произволъ государства подавать свѣтскую руку церкви, или отказывать въ ней; въ такомъ случаѣ церковь имѣетъ право повелѣвать, а государство — обязанность повиноваться, въ такомъ случаѣ преимущественнѣйшее призваніе государства — быть орудіемъ церкви» [1]). И эта мысль получила полное примѣненіе и полное развитіе въ римско-католической церкви. Если принять, что «религіозное единство есть глубочайшее основаніе истиннаго и устойчиваго единства политическаго, и что государству принадлежитъ опредѣленное право стремиться къ этому единству въ религіозныхъ дѣлахъ, такъ какъ оно видитъ именно въ этомъ особенное основаніе своего благополучія, то, въ сущности, государство стоитъ передъ неотвратимой задачей, которую оно въ то же время неспособно разрѣшить своими средствами», такъ какъ для того, «чтобы предписывать извѣстное богопочитаніе государство должно не только обладать привилегіей непогрѣшимости, но и имѣть власть нравственно обязывать своихъ подданныхъ», этой-же власти, какъ равно и непогрѣшимости, оно не имѣетъ. «Середина между верховенствомъ государства и между такъ называемой теократіей не представляется болѣе мыслимой», а «католическое государство болѣе не можетъ уклониться отъ признанія верховенства церкви», съ другой же стороны, разъ дѣло религіи есть не дѣло свободной вѣры и подвига, не дѣло нравственно духовнаго союза благодати и свободы, а всеобъемлющаго авторитета церкви и ея формальнаго закона для всѣхъ сторонъ частной и общественной жизни человѣка, то, само собою понятно, что «косвенная власть церкви можетъ простираться на всѣ мірскія дѣла, насколько они всегда при-

---

[1]) **Maassen,** в. и. с. др. 65—66.

ходятъ въ соприкосновеніе съ сверхестественными цѣлями церкви» [2]).

Эту систему господства церкви надъ государствомъ и было суждено воплотить римской церкви во время среднихъ вѣковъ. Но этотъ процессъ совершился не сразу, и явился результатомъ цѣлаго ряда перемѣнъ, какъ во внутреннемъ строѣ римской церкви, такъ и во внѣшнихъ ея отношеніяхъ.

Для того, чтобы подчинить себѣ государство, церковь должна была прежде всего сама отъ него освободиться. Нужно было вырваться изъ подъ всеобъемлющей - опеки Византіи и замѣнить ея власть—властью св. Петра; надо было самой церкви стать государствомъ, чтобы не отказываясь отъ мѣръ государственнаго принужденія, вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить свою свободу; подчиненная церковь не можетъ стать сразу подчиняющей; она должна прежде всего создать свою самостоятельность. Но свобода отъ матеріальной внѣшней зависимости создается только такими же внѣшними, земными средствами, если воевать за матеріальную власть, то надо имѣть и матеріальное оружіе. Исторія доставила это оружіе папскому Риму. Уже во времена Константина богатства церкви св. Петра были весьма значительны. Впослѣдствіи они еще умножились, а въ концѣ VI вѣка папы были богатѣйшими землевладѣльцами Италіи; церковныя имѣнія, разбросанныя не только въ Италіи, Сардиніи, Сициліи, Корсикѣ, но и въ Галліи, и Африкѣ, представляли собою громадныя площади, причемъ доходъ съ однихъ только впослѣдствіи отнятыхъ у папъ владѣній Сициліи и Калабріи равнялся ежегодно 32 талантамъ золота. Благодаря этимъ средствамъ папы свободно могли и кормить населеніе Рима, и покупать миръ у различныхъ варварскихъ царей и платить имъ приличную дань. „Patrimonium s. Petri" — было основой экономической независимости и вліянія римской церкви, лучшимъ средствомъ для того, чтобы сбросить гнетъ далекой и слабой Византіи. Но сюда присоединялось еще одно обстоятельство; какъ мы видѣли выше епископы того времени вообще были облечены большою властью въ свѣтскихъ дѣлахъ; они участвовали въ судѣ и управленіи области, они наблюдали за личнымъ составомъ администраціи, особенно контролировали финансовое управленіе мѣстности. Всѣ эти полномочія государственнаго характера получили особое значеніе въ

[2]) Molitor, Die Decretale per Venerabilem, Münster 1876 стр. 230, 231, 239, срав. Hergenröther, Katholische Kirche und cristlicher staat, Freib. 1872, ст. 387—398 и 458—459. Liberatore, La chiesa e lo stato, Napoli, 1372 стр. 21.

Римѣ. Папа, послѣ паденія западной римской имперіи, оставался единственнымъ высшимъ сановникомъ области, который еще былъ въ состояніи поддержать хоть сколько-нибудь порядокъ и спокойствіе въ Италіи, былъ единственнымъ звеномъ между императоромъ и древнимъ Римомъ, единственной властью, которая не досталась въ руки различныхъ готскихъ царей и царьковъ. Административно политическое значеніе римскаго патріарха съ постепеннымъ паденіемъ власти кесаря возрасло чрезвычайно, и недаромъ Григорій Великій сравнивалъ свою власть съ княжеской (terreni proceris officiam); фактически и при остготахъ, и при лонгобардахъ папа былъ уже свѣтскимъ правителемъ Рима и обширныхъ владѣній св. Петра, собиралъ войска, строилъ крѣпости, назначалъ военноначальниковъ, вступалъ въ переговоры съ варварскими герцогами и королями, заключалъ съ ними договоры, вступалъ въ союзы, начиналъ войну. Византійскій дукъ Рима и экзархъ Равенны играли сравнительно съ папой только второстепенную роль. Въ особенности же усилилось значеніе папъ, когда они во время монофелитскихъ и иконоборческихъ смутъ возстали противъ греческой ереси, и явились какъ бы представителями латинскаго, національнаго запада—хранителями истиннаго римскаго преданія. Но еще болѣе возвысила римскаго первосвященника та разумная политика, которую вели папы во время всѣхъ современныхъ имъ войнъ и распрей въ Италіи: признавая надъ собой до поры до времени фиктивную власть восточнаго кесаря,—они обращали въ свою пользу еще неугасшее обаяніе императорскаго Рима, стараго римскаго величія и тѣмъ самымъ они избѣгали прямаго подчиненія чужеземнымъ властителямъ Италіи; пользуясь борьбой Византіи и лонгобардовъ, они старались по возможности получить выгоду отъ обѣихъ сторонъ, увеличить владѣнія св. Петра и упрочить свою собственную власть. Убѣдившись, что всетаки имъ долго не продержаться безъ сильной поддержки, они искали и нашли ее у могущественныхъ католическихъ франковъ; содѣйствуя тамъ династическому перевороту, они этой цѣной покупаютъ новое и уже весьма серьозное приращеніе папскихъ владѣній. Наконецъ при помощи франкскихъ королей они освобождаются и отъ лонгобардовъ и отъ византійцевъ, и создаютъ уже настоящую церковную область, автономную папскую монархію, подъ защитой и покровительствомъ ими же созданной, новой и уже священной западно-римской имперіи; но и на этомъ процессѣ государственнаго развитія папство не оста-

новилось свергнувъ съ себя, при помощи подложнаго дарснія Константина, послѣдніе признаки верховенства новой священной имперіи, папы становились уже совершенно самостоятельными и законными князьями Рима и всѣхъ областей, подаренныхъ имъ франками, и такимъ образомъ дѣлаются свѣтскими суверенами въ значительной части Италіи. Богатства, дарованныя Константиномъ, привиллегіи, данныя Юстиніаномъ, поземельныя даренія Пипина и Карла, охрана и покровительство императоровъ новой западной имперіи, все это было достойной наградой мудрой политики папъ, и въ умѣлыхъ рукахъ Иннокентія III и Юлія II все это сложилось въ замѣчательное священническое государство, которое имѣло царемъ первосвященника, а начальниками и судьями прелатовъ; это государство и послужило въ средніе вѣка той крѣпостью, откуда вышли черныя арміи папства для покоренія царствъ и народовъ, гдѣ строился грандіозный планъ насильственнаго водворенія царства Божія на землѣ и навѣки была осуждена свободная, нравственная личность [3]).

Но въ самомъ строѣ тогдашней католической церкви были сильныя препятствія къ осуществленію Римской идеи: весь западъ, преклонявшійся передъ духовнымъ авторитетомъ Рима еще былъ юридически свободенъ; на востокѣ въ лицѣ царьградскаго патріарха подымался опасный соперникъ римскаго прелата; самъ папа еще долженъ былъ считаться съ вселенскими соборами,—однимъ словомъ, католичество не замѣнило еще христіанства. И вотъ въ теченіи вѣковъ Римъ совершаетъ удивительную работу медленнаго, но вѣрнаго порабощенія папству отдѣльныхъ самостоятельныхъ церквей, окончательно разрываетъ съ ненавистнымъ ему востокомъ, создаетъ въ лицѣ папы вселенскаго и непогрѣшимаго намѣстника Бога, исправляетъ христіанство новыми догмами, формально обязательными для всѣхъ вѣрующихъ, и такимъ образомъ создаетъ церковную монархію, которая въ силу дарованнаго ей свыше божескаго права должна весь міръ сплотить подъ единой всеобъемлющей и всепроникающей властью святѣйшаго отца. Грандіозная идея, старые призраки римскаго владычества, вѣчные образы боговъ-императоровъ, которые воскресли теперь подъ сѣнью тіары, увѣнчанной крестомъ. Что не удалось язы-

---

[3]) Maassen, в. н. с. ст. 69—71; Niehues, в. н. с. ст. 410—415: Martens die Beziehungen der Ueberordnung, Nebenordnung und Unterordnung zwischen Kirche und Staat, Stuttgart 1877 стр. 103-124: Döllinger, Kirche und Kirchen, Papsthum und Kirchenstaat, München, 1861, ст.493—526.

ческому Риму и христіанской Византіи, то долженъ былъ теперь осуществить католическій первосвященникъ Рима! Но какъ же удалось папамъ организовать нужную для ихъ цѣлей армію воинствующаго католицизма, гдѣ нашли они основу для своего церковнаго строительства, чѣмъ скрѣпили это могучее цѣлое? Какъ мы замѣтили выше, все это было подготовлено уже значительно раньше: духовно учительный авторитетъ Рима былъ тѣмъ камнемъ, который папы положили въ основу угла. Римская церковь была единственная апостольская церковь на всемъ западѣ Европы; она хранила преимущественно передъ другими чистоту вѣры: она осудила гностиковъ и монтанистовъ, она боролась противъ аріанъ, когда аріанство стало государственной религіей востока: къ ней за рѣшеніемъ и помощью прибѣгали и Аѳанасій Александрійскій и его противники: побѣда никійскаго символа была вмѣстѣ съ тѣмъ побѣдой Рима; исповѣданіе именно этой церкви было провозглашено въ 380 г. обязательной религіей имперіи. Но съ правомъ высшаго апостольскаго учительства соединилось и право отлучать еретиковъ и грѣшниковъ отъ апостольской церкви; уже въ концѣ II-го вѣка въ знаменитомъ спорѣ о пасхѣ римская церковь исключила изъ вселенскаго общенія малоазійскія общины, и до самаго никійскаго собора эти церкви дѣйствительно какъ бы умерли для всего христіанства. Прекрасно говоритъ Зомъ: «Не всякая община обладала силою дѣйствительно воплотить въ себѣ жизнь христіанства. Что было задачей каждой общины, то до самаго IV вѣка только одна община осуществила на дѣлѣ — и это римская. Въ римской общинѣ, въ столичной общинѣ римской имперіи, жило какъ бы въ микроскопѣ христіанство римскаго міра [4]), римская церковь поучаетъ другихъ, но сама не принимаетъ поученій, какъ сказано въ письмѣ Игнатія къ римлянамъ: «вы другихъ поучаете» — ἄλλους ἐδιδάξατε. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отлученіе римской церкви обозначаетъ и отлученіе отъ вселенской; весьма скоро это отлученіе получило для Италіи и спеціально правовое значеніе; отлученные отъ римской церкви италійскіе епископы тѣмъ самымъ были и отрѣшенными отъ должности, изъ этого права родилось и право ихъ назначенія; а къ праву юрисдикціи присоединилось и право созыванія и распущенія синодовъ и утвержденіе ихъ постановленій. И это было вполнѣ логично. Какъ только одна мѣстная

---

[4]) Sohm, Kirchenrecht, Leipzig. 1892. стр. 139.

церковь получила благодаря преданію извѣстную фактическую привилегію истины, она ее обратила въ право духовной юрисдикціи; если только тотъ вѣритъ право, кто вѣритъ согласно ученію Рима, то значитъ одинъ Римъ можетъ судить о правовѣріи общинъ и законности ихъ епископовъ, можетъ рѣшать, кто подлежитъ одобренію, а кто отлученію отъ церкви, а отлученный, само собою понятно, епископомъ быть не можетъ, ибо только правовѣрующій и правильно поставленный есть законный пастырь общины; гдѣ же нѣтъ законнаго епископа, тамъ нѣтъ и законнаго синода, тамъ нѣтъ и католической церкви. Власть Рима надъ Италіей вытекала вполнѣ послѣдовательно изъ привилегіи римскаго учительства, такъ какъ подчиненіе Риму значило подчиненіе апостольской истинѣ. Когда же варвары аріанскаго исповѣданія захватили въ свои руки католическія области въ Галліи и Испаніи, то и здѣсь родилась насущнѣйшая необходимость сближенія съ Римомъ, ибо церковь св. Петра одна могла своей властью поддержать чистоту исповѣданія и апостольскаго порядка въ этихъ еретическихъ странахъ. Тогда же получило признаніе въ римской церкви и постановленіе сардикскаго собора о власти папы надъ всѣмъ западомъ, которое выдавалось за 6-й канонъ Никейскаго. Оффиціальное же признаніе канонической юрисдикціи Рима надъ всѣмъ западомъ Европы получило свое выраженіе въ законѣ Валентіана III: «ни епископы Галліи, ни какой-нибудь другой провинціи не должны ничего предпринимать противъ древнихъ обычаевъ безъ авторитета достопочтеннаго папы вѣчнаго города» [5]). Изъ учителя истины Римъ сталъ судьею запада, такъ какъ только римское католичество было основой церковнаго устройства, его благодатной силы и значенія. Вотъ въ краткихъ выраженіяхъ та идея, которая доставила Риму побѣду надъ Италіей и западной Европой: гдѣ Римъ—тамъ католичество и законное церковное устройство, гдѣ же устройство, тамъ и церковь; если эти страны хотѣли истинной церкви, онѣ должны были подчиниться Риму. Но востокъ? Вѣдь на востокѣ тоже были свои вселенскіе центры, тамъ тоже были вполнѣ законные преемники апостоловъ, которые могли блюсти и за чистотой вѣры и за правильностью церковнаго устройства. И тамъ по примѣру Рима были подчинены отдѣльныя общины провинціальнымъ синодамъ и архіепископской власти; и тамъ мы встрѣчаемъ на

[5]) Niehues, в. н. с. стр. 335.

подобіе стараго Рима—Римъ новый, который претендуетъ на приматъ востока такъ же, какъ папы претендовали на приматъ запада. Здѣсь вселенскій авторитетъ римской церкви встрѣчался съ совершенно нежелательными соперниками, изъ которыхъ одинъ въ особенности былъ ему опасенъ—а именно, патріархъ Константинополя. И вотъ мы видимъ удивительную картину раздора. Старый Римъ, этотъ творецъ церковнаго права и церковнаго устройства, встрѣчается именно на почвѣ каноническаго права съ восточными патріархами, которые восприняли цѣликомъ каноническое ученіе Рима, обратили его въ свою пользу, и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и Римъ, потребовали для себя первенства надъ вселенскою церковью. Пока еще дѣло шло о раздѣленіи этого первенства между всѣми патріархами, единство внѣшняго устройства церкви держалось. Но вотъ патріархъ Константинополя подчиняетъ себѣ всѣ церкви востока такъ же, какъ папа подчинилъ себѣ церкви запада, и теперь возникаетъ вопросъ, кто болѣе имѣетъ права на вселенское учительство и вселенскую власть, патріархъ ли Царьграда, поддержанный восточными преемниками апостоловъ, или папа Рима, до сихъ поръ имѣвшій, по крайней мѣрѣ, почетный приматъ вселенской церкви, т. е. бывшій первымъ среди равныхъ! Какъ извѣстно, споръ этотъ за первенство всей церкви кончился великимъ церковнымъ расколомъ между востокомъ и западомъ. Папа остался для всѣхъ западно-европейскихъ народовъ единственнымъ представителемъ католической истины и единственнымъ преемникомъ апостольской власти надъ всей церковью. Постановленія латинскаго сардикскаго собора нашли для запада полное примѣненіе на практикѣ: папа получилъ право юрисдикціи и управленія всей церковью.

Теперь для завершенія католическаго церковнаго единства надо было совершить еще одинъ шагъ, нужно было уничтожить остатки самостоятельности провинціальныхъ церквей, надо было поднять папу надъ вселенскимъ соборомъ, однимъ словомъ, надо было церковь подчинить неограниченной власти духовнаго монарха. И это совершилось; святой подлогъ лже-Исидоровыхъ декреталій помогъ дѣлу; какъ раньше лживая редакція никейскаго канона, такъ теперь завѣдомо подложный документъ сталъ основаніемъ полнаго порабощенія епископата; папа сдѣлался постепенно непосредственнымъ начальникомъ всѣхъ іерарховъ, черезъ нихъ же и всего священства. Учрежденіе монашескихъ орденовъ поставило подъ команду

святаго отца тысячи испытанныхъ и преданныхъ бойцовъ, рыцарскіе ордена объединили вооруженныхъ монаховъ, солдатъ и священниковъ, бенедиктинцы дали цѣлый рядъ папскихъ теологовъ, легистовъ и инквизиторовъ; францисканцы фанатичныхъ подвижниковъ и аскетовъ; іезуиты—политиковъ, дипломатовъ, администраторовъ и педагоговъ. У папы была духовная армія, какой никогда не было на востокѣ; при ея помощи можно было поработить весь міръ, а прежде всего церковь. И это совершилось. Римскій помѣстный соборъ заступилъ мѣсто вселенскаго, прежнія соборныя права архіепископа перешли къ папѣ; онъ сталъ главой вселенскаго собора, постепенно онъ сталъ надъ нимъ; онъ сталъ надъ церковью, сталъ выше ея. Церковное свидѣтельство истины ему уже болѣе не нужно. Гдѣ папа, тамъ и вселенская истина. Ватиканскій соборъ довершилъ весь этотъ ходъ развитія католической идеи, папа провозглашенъ непогрѣшимымъ законодателемъ вѣры, когда говоритъ «ex cathedra», онъ одинъ, движимый божественнымъ духомъ, постигаетъ самъ и учитъ вѣчной истинѣ церковь, онъ одинъ, какъ намѣстникъ Бога связываетъ и разрѣшаетъ на землѣ и на небѣ, держитъ въ своихъ рукахъ ключи отъ царства небеснаго, онъ одинъ обладаетъ всею полнотой божественной власти для управленія церковью и дѣломъ спасенія; его власть — это potestas plena suprema, ordinaria, immediata, episcopalis, т. е. полная верховная ординарная, непосредственная и епископская; онъ есть episcopus episcoporum, Pater patrum, omnium capitum caput, т. е. епископъ епископовъ, отецъ отцовъ, глава всѣхъ главъ церкви! Его приматъ это воистину центральная сіяющая жизнь, могучій дѣятельный центръ, назначеніе котораго держать церковный организмъ въ единствѣ тѣла и духа христовыхъ». Итакъ католичество организовалось! Мѣсто древняго императора—бога занялъ богъ—первосвященникъ. Онъ насиліемъ поведетъ непокорныя, слабыя души ко Христу, онъ объединитъ человѣчество въ счастливое и вѣрующее стадо, возьметъ на себя одного бремя непосильной для нихъ христіанской свободы [6]).

Но параллельно съ этимъ процессомъ развитія идетъ другой: подчинить государство церкви, сдѣлать сувереновъ данниками святаго престола, поставить законъ церкви надъ свѣт-

[6]) Sohm Kirchenrecht, стр. 377—459; Loening, в. н. с. T. I стр. 423—492 T. II стр. 62—98 Geffckken. в. н. с стр. 100—114, Döllinger, Kirche стр. 25—38. Hergenröther,, в. н. с. стр. 867—878.

скимъ правомъ, завладѣть мечемъ воиновъ и судей для поддержанія единства и чистоты вѣры, для защиты церкви, для пораженія еретиковъ; вотъ тѣ великія задачи, которыя приняла на себя католическая церковь среднихъ вѣковъ, когда она встрѣтилась съ полудикими народами германцевъ съ ихъ феодальнымъ государственнымъ строемъ. Надо ей отдать справедливость, она была первой и могучей просвѣтительницей запада: она принесла ему христіанство, выучила его читать и мыслить она познакомила его съ римскимъ правомъ, дала ему идею имперіи и монархической власти. Церковь была источникомъ и началомъ германо-романской культуры. Но за свои дары она потребовала соотвѣтственной награды; взамѣнъ религіи, нравственнаго и умственнаго просвѣщенія, она пожелала власти не только надъ церковной жизнью народовъ, но и надъ ихъ свѣтской жизнью. Идеалъ принудительной церкви она желала воплотить въ его чистѣйшей формѣ, именно въ формѣ вселенской теократіи или іерократіи. Но государство не уступило безъ сопротивленія своей самостоятельности и свободы, оно само заявило претензію на божественное назначеніе и божеское право и въ свою очередь желало самостоятельно и властно осуществить свое религіозное господство надъ подданными и національной церковью. Началась борьба между государствомъ и церковью. Эта борьба и составляетъ въ средніе вѣка содержаніе церковно-политической исторіи западной Европы. Перипетіи этой борьбы были различны; побѣда склонялась то на одну, то на другую сторону. Началась эта борьба, однако, преобладаніемъ государства.

При Меровингахъ папы, тѣснимые аріанами, вестготами, а потомъ лонгобардами, естественно искали помощи у католическихъ франковъ; Римъ долженъ былъ уступить: ему пришлось довольствоваться только учительнымъ чисто нравственнымъ авторитетомъ и въ франкскомъ государствѣ и въ церкви. Король давалъ свое разрѣшеніе на созваніе общихъ и провинціальныхъ синодовъ, король распредѣлялъ епархіи, утверждалъ епископовъ, разрѣшалъ новымъ членамъ поступленіе въ составъ клира, давалъ позволеніе епископамъ отлучиться изъ епархіи, даже разрѣшалъ учрежденіе новыхъ миссій среди язычниковъ. Церкви было, правда, оставлено римское право, но надъ нимъ былъ поставленъ королевскій законъ; церкви были дарованы иммунитеты и привилегіи, но ихъ защищалъ королевскій «миръ», короли не мѣшались въ чисто религіозныя дѣла, предоставляли церкви извѣстную автономію и сво-

боду, но и сами не терпѣли никакого вмѣшательства въ дѣла государственныя-свѣтскія. Но одна крупная ошибка была сдѣлана уже при Меровингахъ; уже тогда на почву церкви было брошено злое сѣмя, которое впослѣдствіи пышно разрослось плевелами: епископы стали не только крупными землевладѣльцами, но и сеньорами, феодальными господами и баронами; благодаря иммунитетамъ, какъ справедливо замѣчаетъ Лепингъ, «церковное землевладѣніе все болѣе и болѣе обращалось въ замкнутую, закрытую для органовъ государственной власти, область и, если первоначально дарованныя права были почти что только финансоваго характера, однако, рано или поздно за ними слѣдовали и сеньоральныя права» [7]). Такъ создалась въ государствѣ франковъ могущественная церковная аристократія, которая въ союзѣ съ свѣтскими баронами поколебала престолъ Меровинговъ [8]). При господствѣ мажордомовъ власть папъ уже значительно усилилась; папы, правда, по прежнему были беззащитны по отношенію къ своимъ воинственнымъ сосѣдямъ, по прежнему униженно и непрестанно вымаливали у франковъ вооруженной защиты и территоріальныхъ владѣній; но теперь уже и папы были нужны франкамъ; для того чтобы сломить могущество духовной аристократіи необходимо было содѣйствіе Рима; прикрываясь авторитетомъ папы мажордомы могли произвести всѣ нужныя церковныя реформы, подчиняя франкскую церковь римскому первосвященнику, они подчиняли ее тѣмъ сильнѣе своей власти, такъ какъ папу они держали въ своихъ рукахъ. Съ другой же стороны папа былъ имъ нуженъ и для династическихъ цѣлей: мажордомы рѣшили возложить королевскій вѣнецъ меровинговъ на свою голову, и здѣсь опять понадобился высшій авторитетъ церкви для того, чтобы оправдать и освятить эти нарушенія франкскаго государственнаго права. Мало этого, папа Стефанъ потребовалъ отъ франковъ клятвы на вѣрность новой династіи, и оградилъ неприкосновенность этой послѣдней—угрозой церковнаго наказанія; такъ впервые папы приняли участіе въ замѣщеніи королевскихъ троновъ и церковной властью установили отношеніе вѣрности между государемъ и подданными,—прецеденты, которые могли вести къ весьма опаснымъ послѣдствіямъ. Но тогда папы были еще фактически слабы, и члены династіи Арнульфа не могли

---

[7]) Loening, в. и. с. T. II, стр. 41.

[8]) Государство и церковь при Меровингахъ Löning, в. и. с. Т. II стр. 1-41, Fehr, Staat und Kirche im fränkischen Reiche Wien, 1869 стр. 1—79; Geffcken, в. и. с. стр. 115—119. Maassen, в. и. с. стр. 71—74.

и предположить, чтобы этотъ несчастный епископъ, живущій буквально по ихъ милости, когда-нибудь посмѣлъ заявить права смѣщать и назначать королей? При Карлѣ Великомъ въ общемъ продолжалась та-же политика; король все болѣе и болѣе приводилъ церковь своего государства въ подчиненіе папѣ, а самого папу все болѣе и болѣе ставилъ въ зависимость отъ своей воли; по мѣрѣ же того, какъ росло и расширялось государство Карла, росла и расширялась власть Рима, когда же владѣнія франковъ охватили пространство почти всего тогдашняго запада, то и власть папы надъ этими странами получила полное реальное фактическое осуществленіе. Каноническій приматъ Рима получилъ благодаря Карлу въ высшей степени живое содержаніе; его мощь поддержала церковное римское право. Но самъ папа былъ въ полной зависимости отъ Карла; вмѣстѣ съ папой и вся западная церковь. Повелитель франковъ самъ созывалъ соборы, утверждалъ ихъ постановленія, вмѣшивался въ рѣшеніе догматическихъ вопросовъ (Франкфуртскій соборъ 794 г.), назначалъ епископовъ, поддерживалъ церковную дисциплину, назначалъ визитацію монастырей, учреждалъ школы, даже устанавливалъ посты, праздники и провѣрялъ проповѣди, самъ папа долженъ былъ давать Карлу клятву вѣрности, и былъ при немъ только первымъ епископомъ государства. Карлъ такъ опредѣлялъ, въ своемъ письмѣ къ папѣ Льву III, ихъ взаимныя обязанности: „наша задача съ помощью божественной благодати извнѣ оружіемъ защищать церковь Христову противъ нападенія язычниковъ и опустошенія среди невѣрныхъ, внутри же защищать ее посредствомъ содѣйствія къ признанію католической вѣры. А на Васъ лежитъ обязанность съ мудростію соблюдать каноническія правила и постоянно слѣдовать предписанію отцовъ“ [9]). Какъ очевидно изъ этого письма, король франковъ предоставлялъ папѣ только чисто духовныя, священническія обязанности, все же остальное бралъ на свои могучія плечи. И все-таки, несмотря на все это, несмотря на власть Карла въ церковныхъ дѣлахъ, несмотря на все смѣшеніе въ государствѣ франковъ духовнаго и свѣтскаго, несмотря на все подчиненіе папы франкскому королю,—между властью Карла надъ церковью и византійской системой подчиненія церкви государству лежало громадное и существеннѣйшее различіе: византійскій императоръ въ силу римскаго права былъ юридическій властитель церкви

---

[9]) Цитирую по Маассену в. н. с. ст. 87.

Карлъ—только фактическій, временный ея распорядитель; восточные императоры покоряли церковь государству въ силу политическихъ соображеній государственнаго единства, Карлъ подчинялъ государство церкви во имя ея религіозныхъ цѣлей; императоры завѣдывали церковными дѣлами, какъ епископы для внѣшнихъ дѣлъ церкви въ силу своего собственнаго права, Карлъ и его преемники—какъ спеціально приглашенные „ad hoc" римскимъ первосвященникомъ лица, которыя дѣйствовали въ данномъ случаѣ какъ бы по особому порученію римской церкви. Между государственной властью и церковными правами Пипина, Карла и Каролинговъ не было органическаго, традиціоннаго единства: франкскіе монархи стали управителями церкви не въ силу своего собственнаго права, а въ силу чужого полномочія, которое естественно могло быть потомъ измѣнено и даже вовсе отнято. Вглядимся ближе въ конструкцію ихъ церковной власти. Пипинъ былъ „патриціемъ римлянъ", Карлъ сталъ не только римскимъ патриціемъ, но и римскимъ „императоромъ"—„Carolus serenissimus augustus a Deo coronatus magnus et pacificus imperator Romanum gubernans imperium"[10]), но ни тотъ ни другой титулъ не были ни дарованы, ни признаны тогдашними законными римскими монархами; откуда же идутъ эти титулы и связанныя съ ними права? Что значитъ прибавка «gubernans Romanum imperium?» вѣдь само собой понятно, что римскій императоръ управляетъ римской имперіей. Почему наконецъ самъ Карлъ такъ смиренно и терпѣливо добивался при византійскомъ дворѣ признанія своего императорства, разъ уже онъ имъ владѣлъ? Но въ томъ-то вся и суть, что имперія Карла и патриціатъ Пипина были: первая церковнымъ освященіемъ фактическаго универсальнаго королевства Карла, а второй—чисто церковнымъ титуломъ; происхожденіе того и другого титула чисто церковное, хотя и нашедшее основаніе въ тогдашней фактической власти франкскихъ государей. Содержаніе же этихъ титуловъ было слѣдующее: въ силу своего римскаго патриціата франкскій король получалъ право покровительства и защиты римской церкви; очевидно, это право менѣе содержитъ въ себѣ правъ, чѣмъ обязанностей; въ силу своего римскаго императорскаго сана, онъ становился главою западнаго христіанства, хранителемъ единаго римскаго католичества, опорою церкви,

---

[10]) Цитирую по Döllinger'у, das Kaiserthum Karl's des Grossen und seiner Nachfolger, въ Akad. Forträge B. III München, 91 стр. 139.

и предположить, чтобы этотъ несчастный епископъ, живущій буквально по ихъ милости, когда-нибудь посмѣлъ заявить права смѣщать и назначать королей! При Карлѣ Великомъ въ общемъ продолжалась та-же политика; король все болѣе и болѣе приводилъ церковь своего государства въ подчиненіе папѣ, а самого папу все болѣе и болѣе ставилъ въ зависимость отъ своей воли; по мѣрѣ же того, какъ росло и расширялось государство Карла, росла и расширялась власть Рима, когда же владѣнія франковъ охватили пространство почти всего тогдашняго запада, то и власть папы надъ этими странами получила полное реальное фактическое осуществленіе. Каноническій приматъ Рима получилъ благодаря Карлу въ высшей степени живое содержаніе; его мощь поддержала церковное римское право. Но самъ папа былъ въ полной зависимости отъ Карла; вмѣстѣ съ папой и вся западная церковь. Повелитель франковъ самъ созывалъ соборы, утверждалъ ихъ постановленія, вмѣшивался въ рѣшеніе догматическихъ вопросовъ (Франкфуртскій соборъ 794 г.), назначалъ епископовъ, поддерживалъ церковную дисциплину, назначалъ визитацію монастырей, учреждалъ школы, даже устанавливалъ посты, праздники и провѣрялъ проповѣди, самъ папа долженъ былъ давать Карлу клятву вѣрности, и былъ при немъ только первымъ епископомъ государства. Карлъ такъ опредѣлялъ, въ своемъ письмѣ къ папѣ Льву III, ихъ взаимныя обязанности: „наша задача съ помощью божественной благодати извнѣ оружіемъ защищать церковь Христову противъ нападенія язычниковъ и опустошенія среди невѣрныхъ, внутри же защищать ее посредствомъ содѣйствія къ признанію католической вѣры. А на Васъ лежитъ обязанность съ мудростію соблюдать каноническія правила и постоянно слѣдовать предписанію отцовъ“ [9]). Какъ очевидно изъ этого письма, король франковъ предоставляетъ папѣ только чисто духовныя, священническія обязанности, все же остальное бралъ на свои могучія плечи. И все-таки, несмотря на все это, несмотря на власть Карла въ церковныхъ дѣлахъ, несмотря на все смѣшеніе въ государствѣ франковъ духовнаго и свѣтскаго, несмотря на все подчиненіе папы франкскому королю,—между властью Карла надъ церковью и византійской системой подчиненія церкви государству лежало громадное и существеннѣйшее различіе: византійскій императоръ въ силу римскаго права былъ юридическій властитель церкви,

---

[9]) Цитирую по Маассену в. к. с. ст. 87.

Карлъ—только фактическій, временный ея распорядитель; восточные императоры покоряли церковь государству въ силу политическихъ соображеній государственнаго единства, Карлъ подчинялъ государство церкви во имя ея религіозныхъ цѣлей; императоры завѣдывали церковными дѣлами, какъ епископы для внѣшнихъ дѣлъ церкви въ силу своего собственнаго права, Карлъ и его преемники—какъ спеціально приглашенные „ad hoc“ римскимъ первосвященникомъ лица, которыя дѣйствовали въ данномъ случаѣ какъ бы по особому порученію римской церкви. Между государственной властью и церковными правами Пипина, Карла и Каролинговъ не было органическаго, традиціоннаго единства: франкскіе монархи стали управителями церкви не въ силу своего собственнаго права, а въ силу чужого полномочія, которое естественно могло быть потомъ измѣнено и даже вовсе отнято. Вглядимся ближе въ конструкцію ихъ церковной власти. Пипинъ былъ „патриціемъ римлянъ“, Карлъ сталъ не только римскимъ патриціемъ, но и римскимъ „императоромъ“—„Carolus serenissimus augustus a Deo coronatus magnus et pacificus imperator Romanum gubernans imperium“ [10]), но ни тотъ ни другой титулъ не были ни дарованы, ни признаны тогдашними законными римскими монархами; откуда же идутъ эти титулы и связанныя съ ними права? Что значитъ прибавка «gubernans Romanum imperium?» вѣдь само собой понятно, что римскій императоръ управляетъ римской имперіей. Почему наконецъ самъ Карлъ такъ смиренно и терпѣливо добивался при византійскомъ дворѣ признанія своего императорства, разъ уже онъ имъ владѣлъ? Но въ томъ-то вся и суть, что имперія Карла и патриціатъ Пипина были: первая церковнымъ освященіемъ фактическаго универсальнаго королевства Карла, а второй—чисто церковнымъ титуломъ; происхожденіе того и другого титула чисто церковное, хотя и нашедшее основаніе въ тогдашней фактической власти франкскихъ государей. Содержаніе же этихъ титуловъ было слѣдующее: въ силу своего римскаго патриціата франкскій король получалъ право покровительства и защиты римской церкви; очевидно, это право менѣе содержитъ въ себѣ правъ, чѣмъ обязанностей; въ силу своего римскаго императорскаго сана, онъ становился главою западнаго христіанства, хранителемъ единаго римскаго католичества, опорою церкви,

[10]) Цитирую по Döllinger'у, das Kaiserthum Karl's des Grossen und seiner Nachfolger, въ Akad. Vorträge B. III München, 91 стр. 139.

но менѣе всего императоромъ въ старомъ римскомъ смыслѣ; въ государственномъ отношеніи онъ былъ и остался франкскимъ государемъ—это былъ только глава объединенныхъ военной силой варварскихъ государствъ и только «представителемъ» «gubernans»—Рима и римской области. У новаго церковно-римскаго императора не было ни ограниченной, всепоглощающей власти древнихъ императоровъ, ни всеобъемлющаго римскаго права, ни централизованной и мощной римской магистратуры, ни римскаго народа, стоящаго такъ высоко надъ всѣми варварами, ни римской культуры. Новая имперія заимствовала только два элемента прежней римской имперіи: ея церковныя обязанности и отчасти церковныя права и ея военное единство. Но послѣднее было не долговѣчно, а первое при преобладаніи обязанностей надъ правами должно было скорѣе привести имперію къ подчиненію тому папству, которое ее создало, чѣмъ наоборотъ; не франкскимъ королямъ было покорить тотъ остатокъ подлинной римской культуры, который былъ закованъ въ броню вселенской римской церкви, не священной имперіи варваровъ было воплотить старую римскую идею. Ставши римской, новая имперія только покорилась Риму, а не овладѣла имъ [11]).

«Когда римское государство сдѣлалось христіанскимъ» говоритъ Массенъ, «тогда оно могло всю тяжесть тысячелѣтней исторіи положить на одну чашку вѣсовъ противъ церкви на другой»... «Уже языческіе императоры были повелителями міра». Совершенно инымъ было положеніе возстановленной римской имперіи Карла Великаго... какъ разъ въ томъ, что составляло теперь основную мысль имперіи—въ ея мірообъемлющей задачѣ, въ иманентномъ ея назначеніи преклонить всѣ народы земли подъ ея иго—она была продуктомъ церкви... «неотвратимая слабость императоровъ сдѣлалась однимъ изъ главныхъ рычаговъ къ возвышенію власти папы, а съ нимъ и всей церкви, въ свѣтскихъ дѣлахъ» [12]).

Съ паденіемъ монархіи Карла Великаго уже приближалось время папской теократіи. Единаго властнаго главы всего западнаго христіанства уже больше не было. Титулъ римскаго императора остался въ наслѣдіе германскимъ королямъ вмѣстѣ

---

[11]) Rettberg, Kirchengeschichte Deutschlands, Göttingen 1848, B. II, стр. 582—597. Döllinger, Akad. Vorträge B. III, стр. 77—143, Geffcken, в. н. с. стр. 120—131. Hinschius y Marquardsen'a Handbuch d. öffent Rechts I стр. 194—197, Maassen, в. н. с. стр. 74—89.

[12]) Maassen, в. н. с. стр. 39.

съ обязанностью защищать папство и римскую церковь, но церковныя права германскихъ императоровъ постепенно угасали за невозможностью ихъ осуществить, папы нашли себѣ новыхъ заступниковъ въ видѣ норманновъ, и оградились отъ сѣвера цѣлой линіей автономныхъ и сильныхъ итальянскихъ республикъ. Настала пора провозгласить папу, а не императора верховнымъ главою западнаго христіанства. Лже-Исидоровы декреталіи и здѣсь пригодились: въ этихъ подложныхъ документахъ,—наличность которыхъ въ римскихъ архивахъ не отказались оффиціально удостовѣрить папы,—было высказано, какъ неоспоримое положеніе, что не только клиръ и епископы, но что «всѣ» могутъ аппелировать къ римской церкви и искать ея защиты, «ибо и не должна и не можетъ мать забыть своего сына»; въ кодексѣ Граціана нагромождается цѣлая масса подложныхъ и подлинныхъ каноновъ, декреталій и догматическихъ положеній, которыя имѣютъ только одну цѣль: установить юридически то положеніе, что церковь стоитъ выше всѣхъ властей на землѣ, а папа есть ея самодержавный монархъ и законодатель. Право церкви все больше и больше беретъ верхъ надъ свѣтскимъ и все расширяются предѣлы церковной юрисдикціи.

Епископатъ и клиръ, ставшіе въ ряды феодальнаго королевства, занимаютъ постепенно положеніе могущественнаго и привилегированнаго сословія, образуютъ церковныя графства и герцогства, а іерархія въ цѣломъ составѣ, благодаря своимъ иммунитетамъ, становится государствомъ въ государствѣ и подчиняетъ себѣ постепенно свѣтскую власть. Побѣда церкви надъ государствомъ приближается. Правда, мощной рукѣ Оттона I и Генриха III еще удается сдержать на время папскія стремленія и дать почувствовать Риму оборотную сторону своего «juris advocatiae», права защиты церкви; правда, еще борется за свои церковныя полномочія Генрихъ IV и Фридрихъ II, но эта борьба безплодна—она должна окончиться побѣдой папства; у императоровъ уже не хватаетъ военной мощи поработить Италію, да и самый блескъ ихъ короны свѣтитъ отраженнымъ свѣтомъ. Напрасно они думаютъ утвердить свою власть на непосредственномъ божескомъ полномочіи: уже папа Николай I рѣшительно указывалъ Карлу Лысому на церковное происхожденіе его власти, по этой же дорогѣ пойдутъ и Григорій VII, и Инокентій III, и Бонифацій VIII. И вотъ создается благодаря этимъ великимъ папамъ замѣчательная теорія о превосходствѣ духовнаго надъ свѣтскимъ, о власти церкви надъ

государствомъ, о подчиненіи всѣхъ монарховъ, всѣхъ царей земли единому владыкѣ неба и земли Христу — въ лицѣ Его намѣстника, папы. Сначала указывается въ согласіи съ древними отцами на различіе государства и церкви и первенство послѣдней; приводятся сравненія души и тѣла, неба и земли, солнца и мѣсяца; причемъ, конечно, государство уподобляется земнымъ и низшимъ явленіямъ, а церковь высшимъ, и изъ этой аналогіи выводятся послѣдствія не въ пользу государства; припоминаются затѣмъ ученія Григорія Великаго, Іоанна Златоустаго, папы Геласія о превосходствѣ церкви надъ государствомъ, провозглашается далѣе теорія двухъ мечей, согласно тому мѣсту изъ Евангелія (Луки 28. — 38), гдѣ Христосъ бесѣдуетъ съ Петромъ о мечахъ, взятыхъ апостоломъ для защиты; изъ этого мѣста выводится знаменитое положеніе, высказанное особенно ярко св. Бернардомъ, что оба меча, и свѣтскій и духовный, одинаково принадлежатъ церкви, причемъ одинъ изъ нихъ употребляется церковью, а другой для церкви, одинъ рукою священника, а другой рукой воина, но по указанію священника и командъ полководца; оба меча принадлежатъ св. Петру, но одинъ обнажается его рукой, а другой по его приказанію [13]). Къ этимъ ученіямъ присоединяется наконецъ теорія т. н. нравственной цѣли государства, которая требуетъ подчиненія его низшихъ земныхъ цѣлей—цѣлямъ высшимъ, нравственнымъ и религіознымъ; которая требуетъ покорности государства церковной власти, такъ какъ «тому», говоритъ Ѳома Аквинскій, «кому принадлежитъ забота о послѣдней цѣли, должны подчиняться тѣ, кому принадлежитъ забота о цѣляхъ предшествующихъ, и они должны стать подъ его управленіе» [14]). И не иначе становится христіанскимъ государство, нежели отдѣльный человѣкъ, и не въ иныхъ средствахъ спасенія оно нуждается, нежели личность; для отдѣльнаго человѣка и государства одинаково нужна спасительная власть церкви; и какъ первый, удрученный первороднымъ грѣхомъ, только въ церкви находитъ оправданіе и спасеніе, такъ и государство, только подчинившись церкви, приближается къ царству Божію (civitas Dei) и перестаетъ быть исключительно

[13]) Uterque ergo Ecclesiae, et spiritualis sc. gladius et materialis; sed is quidem pro Ecclesia, ille vero ab Ecclesia exercendus, ille sacerdotis, is militis manu, sed sane ad nutum sacerdotis et jussu imperatoris (de consider. lib. IV c. 3) Petri uterque est: alter suo nutu, alter sua manu, quoties necesse est, evaginandus (Bern. epist. 256). Цитирую по Hergenrötther'у, в. н. с. стр. 381—382.

[14]) Ei, ad quem finis ultimi cura pertinet, subdi debent illi, ad quos pertinet cura antecedentium finium et ejus imperio dirigi—Thom. de reg. princ. I, 14, Hergenröther, в. н. с. стр. 387—388.

земнымъ союзомъ людей (civitas terrena) [15]. Такъ училъ блаженный Августинъ, и такъ учили средневѣковые теологи. Если же мы сведемъ теперь всѣ тѣ основанія, въ силу которыхъ государство должно было признать верховенство церкви, то, слѣдуя Туррекрематѣ, получимъ слѣдующую схему: верховенство церкви вытекаетъ изъ древности ея учрежденія (ex antiquitate temporis—она началась еще въ ветхомъ завѣтѣ); изъ высоты ея происхожденія (ex nobilitate originis—она учреждена непосредственно Богомъ); изъ безпримѣрнаго ея достоинства (ex singulati dignitate—душа и тѣло и т. п.); изъ старшинства ея авторитета (ex majoritate auctoritatis), изъ высшаго достоинства ея цѣли (ex nobilitate finis), изъ самой причинности (ex causalitate), изъ ея юрисдикціи (ex juris dictione), изъ превосходства ея преимущества (ex superioritate praelationis), изъ полноты ея господства (ex amplitudine principatus), изъ крѣпости ея и силы (ex firmitate et fortitudine). И надо замѣтить, что всѣ эти теоретическіе выводы и положенія отнюдь не были мертвой буквой для средневѣковаго папства; напротивъ того, идея теократіи не только получила юридическое и богословское обоснованіе, но и предъявила опредѣленныя практическія требованія; и прежде всего былъ поставленъ на очередь вопросъ о прямой и непосредственной власти церкви надъ всѣми христіанскими государствами Европы, а слѣдовательно дѣло шло не болѣе и не менѣе, какъ о возстановленіи древняго римскаго единства въ формѣ римской папской монархіи. «Если престолъ св. Петра рѣшаетъ и судитъ о небесномъ и духовномъ, то тѣмъ болѣе о земномъ и свѣтскомъ» — провозглашаетъ Григорій VII, и никто не освобожденъ отъ подчиненія этой власти, потому что апостола Петра «Господь нашъ Іисусъ Христосъ, царь славы, поставилъ княземъ надъ королевствами міра»; ему, а никому другому передалъ власть связывать и разрѣшать, «подчинивъ ему всѣ власти и княжества земного шара» [16]. «Іисусъ Христосъ», говоритъ другой папа, Иннокентій III: «поручилъ св. Петру не только управленіе всей церковью, но и всѣмъ свѣтомъ»; «онъ поставилъ во главѣ и того и другого, царства

[15]) Non aliunde beata civitas, aliunde homo, quam aliud non sit civitas, quam concors hominum multitudo. Aug. ep. 155 ib. стр. 397.

[16]) „Si enim coelestia et spiritualia sedes beati: Petri et judicat, quanto magis terrena et secularia“. (Gregor. Epist. IV, 26) цитирую по Laurent, La papauté et l'empire. Paris, 1865, стр. 109. „Nullum excepit, nihil ab ejus potestate subtraxit“. (Greg. Epist. IV, 2) ib. стр. 110. „Petrus apostolus, quem Dominus Iesus Christus, rex gloriae principem super regna mundi constituit“. (Greg. Epist. I, 63) ib.

и священства, единое лицо, которое есть его намѣстникъ на землѣ»[17]), а посему и римскій первосвященникъ не есть представитель человѣческой власти, но онъ есть намѣстникъ на землѣ самого истиннаго Бога[18]). Посему и присуще ему достоинство выше человѣческаго. Наконецъ, въ знаменитой буллѣ Бонифація VIII—«unam sanctam» завершается достойнымъ образомъ теорія папской теократіи; этотъ великій папа исходитъ въ своей буллѣ изъ той идеи, что единой церкви, которая имѣетъ единаго Господа, единую вѣру, едино крещеніе, данъ и единый глава, намѣстникъ Христа и преемникъ Петра. Этому князю апостоловъ и его преемнику папѣ, вручены два меча, духовный и свѣтскій; однимъ мечемъ онъ владѣетъ непосредственно, другой же находится въ рукахъ свѣтской власти, и имъ папа только распоряжается, а самъ не владѣетъ; этотъ второй мечъ подчиняется первому, а власть свѣтская—власти духовной, такъ какъ «ради вѣчнаго спасенія», — объявляетъ, изрекаетъ, опредѣляетъ и провозглашаетъ папа — «всякому человѣческому существу необходимо подчиниться римскому первосвященнику»[19]). Понятно отсюда, что когда Бонифацій VIII торжественно праздновалъ великій юбилей въ 1300 году, то, украшенный тройной тіарой, опоясанный мечемъ, онъ возгласилъ, указывая на свой тронъ: «Не первосвященникъ-ли есмь? Не престолъ-ли это св. Петра? Развѣ не въ силахъ я защищать права имперіи? — Я есмь кесарь, я есмь императоръ!»[20]). «Итакъ», заключаетъ Маасенъ, «идея принудительной церкви привела къ тому же результату, до котораго дошла античная мысль абсолютнаго государства въ ея историческомъ развитіи, — къ установленію неограниченной власти отдѣльнаго лица. Здѣсь римскій императоръ, тамъ римскій папа. Различіе только въ имени, въ существѣ же разницы никакой. Подобно тому, какъ императоръ признавался живымъ закономъ, который отъ Бога посланъ людямъ... «такъ власть папы — безъ мѣры, числа и вѣса; онъ есть

---

[17]) „Dominus Petro non solum universam Ecclesiam, sed totum reliquit seculum gubernandum", (Innoc. III, Epist. II, 209 ib. Unum praeficiens universis quem suum in terris vicarium adinavit" id. ibid.

[18]) Romanus pontifex non puri hominis, sed veri Dei vicem gerit in terris (Innocent. Registr. de negotio imperii epist. I, 335). Non hominis puri, sed veri Dei vicarius appellatur (id. ib. I, 326); цитирую по Laurent в. и. с. стр. 231, срав. Hergenröther, в. и. с. стр. 420.

[19]) „Oportet autem gladium esse sub gladio et temporalem auctoritatem spiritual subjici potestat..." „Porro subesse Romano pontifici omni humanae creaturae declaramusi dicimus, diffinimus et pronuntiamus omnino esse de necessitate salutis (c. id. M. et O. V. 7). Martens, в. и. с. стр. 33—34.

[20]) Geffcken, в. и. с. стр. 171.

источникъ всякаго права и всѣхъ законовъ [21])». И въ самомъ дѣлѣ, эти слова почтеннаго ученаго не покажутся преувеличеніемъ, если мы прослѣдимъ самый объемъ компетенціи папской власти. Папа, по ученію средневѣковыхъ канонистовъ, имѣетъ право лишать народы свободы и имущества, дарить страны и новооткрытыя области, рѣшать о войнѣ и мирѣ, лишать престола князей и разрѣшать подданныхъ отъ вѣрности ихъ государю, передавать престолы непослушныхъ папѣ князей— другимъ, болѣе достойнымъ лицамъ, лишать свѣтскіе законы всякой обязательной силы, «аннулировать» ихъ, опредѣлять границы вѣдомства свѣтской власти, осуществлять духовную юрисдикцію согласно канонамъ католической церкви безъ какого-либо вмѣшательства мірского правительства, пользоваться помощью свѣтской руки во всемъ, гдѣ это папа признаетъ необходимымъ и настолько, насколько это будетъ нужно для блага церкви и религіи. И эти права средневѣковые папы, хотя и не всегда и не во всемъ, но сумѣли осуществить. При Григоріи VII и Иннокентіи III, мы видимъ ихъ, сидящими, дѣйствительно, во главѣ тогдашняго, государственнаго строя. Могущественныя царства были леномъ св. престола; императоръ Германіи, короли Англіи, Франціи, Испаніи, Венгріи и Саксоніи считались вассалами папы; въ ленной зависимости отъ римскаго первосвященника были не только государства Италіи, Богеміи, Болгаріи, Далмаціи, даже, какъ утверждаютъ историки, нашей далекой Россіи. Папы боролись за верховенство съ могущественнѣйшими монархами Европы, и не безъ успѣха; несчастный Генрихъ IV долженъ былъ заплатить позоромъ Каноссы за ослушаніе папы; Фридрихъ II, великій Гогенштауфенъ, истомленный борьбой съ папой, напрасно молилъ черезъ посредство Людовика непреклоннаго Иннокентія о пощадѣ и мирѣ: папа торжествовалъ свою побѣду надъ трупомъ своего врага. Но часъ мщенія былъ уже недалекъ. Выродившаяся въ государство церковь скоро понесетъ кару за это; наступитъ авиньонское плѣненіе папъ, придетъ время великой схизмы, потребуется опять помощь свѣтской власти, какъ во времена великаго Карла, для реформаціи и обновленія выродившагося папства, и зараженной массой недуговъ церкви, — но идея католической теократіи все будетъ жить; правда она приметъ новую форму, она превозгласитъ уже непрямую, а только косвенную власть

---

[21]) Maassen, в. к. с. стр. 132.

церкви надъ государствомъ, но объемъ ея правъ, вытекающихъ изъ «косвенной» власти, врядъ ли многимъ будетъ меньше правъ ея власти «прямой». Содержаніе останется тоже; средневѣковое католичество есть все католичество; его идеалы останутся вѣчными свѣточами римскаго христіанства; его каноны—незыблемыми основами всего грандіознаго зданія папства; его завѣты будутъ жить въ той или другой формѣ, пока живетъ римская идея неограниченной власти, господствующей не только надъ тѣлами, но и надъ душами подданныхъ [22])! Итакъ наиболѣе логичная и послѣдовательная форма принудительной церкви и государственной религіи найдена: она дана католической теократіей. Идея вѣроисповѣднаго государства найдена: это папская вселенская монархія. И замѣчательно, «сходство съ средневѣковымъ папствомъ», говоритъ Маассенъ: «имѣетъ даже въ большей степени языческое императорство, чѣмъ императорство христіанскаго времени»; «абсолютная власть папы находитъ себѣ равно родную аналогію единственно во всемогуществѣ языческаго императора [23]). И, дѣйствительно, только въ древнемъ языческомъ Римѣ мы найдемъ аналогію папскому Риму; съ кѣмъ какъ не съ императоромъ богомъ можно сравнить папу, этого божественнаго повелителя вселенной, стоящаго выше людей и ангеловъ намѣстника самого «всемогущаго Бога»? — Онъ воистину и «divus» и «augustus». Гдѣ, какъ не въ абсолютной, всепоглащающей, всеохватывающей власти древняго Рима, найдемъ мы сравненіе для той страшной цѣпи мірового господства, которой думало сковать католичество и страны и народы. Гдѣ другая аналогія такого чудовищнаго смѣшенія земли и неба, насилія и молитвы, звѣрства и идеи, которое отличаетъ средневѣковую теократію такими удивительными чертами, и ставитъ ее во многихъ отношеніяхъ рядомъ съ тѣмъ Левіоѳаномъ, тѣмъ апокалипсическимъ звѣремъ, образъ котораго начерталъ св. Іоаннъ? Но различіе было и притомъ весьма существенное; когда Римъ обожествлялъ земную власть и господство, онъ религіи не зналъ, какъ самостоя-

---

[22]) Отношеніе церкви и государства въ средніе вѣк. см. Maassen, в. н. с. стр. 34—153; Martens в. н. с. стр. 5—52; Geffcken, в. н. с. стр. 142—173; Hinschius (Marquardsens Handb.) 213—219; von Schulte, die Macht der römischen Päpste, Prag, 1871, стр. 26—65; Hergenröther, в. н. с. стр. 373—461; Molitor, в. н. с. стр. 111—302; Laurent, в. н. с. стр. 102—123, 226—247, 383—416; Friedberg, Die Grenzenzwischen Staat und Kirche, Tübing. 1872, стр. 37—42; id. Die mittelalterlichen Lehren über das Verhältniss von Staat und Kirche. z. f. R. R. VIII B. Tübing. 1869, стр. 69—76.

[23]) Maassen, в. н. с. стр. 132.

тельнаго порядка жизни, онъ дѣйствовалъ именемъ Юпитера, а не Христа; когда онъ порабощалъ народы, онъ это сдѣлалъ во имя своихъ земныхъ, политическихъ цѣлей, а не небесныхъ; это была «civitas terrena», и насиліе и грѣхъ были ей присущи; когда онъ насиловалъ совѣсть, онъ зналъ только идею гражданскаго долга, а не долга внутренняго, духовнаго человѣка, христіанская совѣсть была ему неизвѣстна; самое небо древняго Рима было небо земное, и немудрено, что оно сплеталось, и смѣшивалось съ землею, ея испареніями и соромъ. Но въ папскомъ Римѣ было уже нѣчто иное. Тамъ Юпитера замѣнили Христомъ, тамъ всю страшную силу проснувшагося религіознаго чувства сдѣлали орудіемъ порабощенія, тамъ царство небесное превратили въ земное, и всѣ величайшіе дары Духа, всѣ величайшія блага безсмертія положили на одну чашку вѣсовъ, чтобы воздвигнуть на другой желѣзную машину спасенія, чтобы объединить подъ ея гнетомъ всю вселенную и успокоить, подъ кровомъ непререкаемаго авторитета, въ твердомъ видимомъ порядкѣ, жаждущее Христа, человѣчество. И если небо древнихъ было слишкомъ близко землѣ и мутно, а съ христіанствомъ открылся людямъ глубокій и чудный сводъ сіяющаго звѣздами вѣчнаго неба, то въ католичествѣ между землею и небомъ былъ воздвигнутъ куполъ св. Петра, и только подъ его каменнымъ кровомъ, могла пламенѣть молитва католика, подыматься къ небу его воздыханіе, процвѣтать смиренная и порабощенная добродѣтель. Страшнѣе и сильнѣе власть святѣйшаго отца, нежели власть языческаго человѣко-бога, глубже, тоньше и неотвратимѣе орудія его власти, послѣдовательна и стройна его теорія насильственнаго спасенія, неумолима его логика, безпощаденъ его судъ, сурово наказаніе. И если бы теократіи было суждено дѣйствительно воцариться надъ Европой, замѣчательную систему духовной и свѣтской тиранніи представила бы она міру. Но она дѣйствовала все-таки слишкомъ достаточно, чтобы надолго убить свободу личной вѣры и совѣсти. Въ этой области католическая идея была особенно живуча.

И здѣсь опять таки должна была сказаться разница между древнимъ Римомъ и Римомъ католическимъ. Если для римлянъ христіане были политическими преступниками и безбожниками, то для католической церкви еретики были преступниками еще худшими, оскорбителями самого Бога, бунтовщиками противъ Его власти, ослушниками Его законовъ. Если тамъ принципъ принудительной религіи строился на почвѣ госу-

дарственныхъ интересовъ, то здѣсь онъ основывался на заповѣди самого Бога, говорящаго устами папы. Если тамъ свѣтскій законъ, императоръ и судья наказывали преступника, то здѣсь самъ Богъ, въ лицѣ священника каралъ нечестиваго и предавалъ его мечу свѣтской власти. И чѣмъ ужаснѣе теперь казалось само преступленіе, тѣмъ страшнѣе должно было быть наказаніе; и на самомъ дѣлѣ, такой послѣдовательной и утонченной жестокости, которую мы встрѣчаемъ въ преслѣдованіяхъ еретиковъ въ средніе вѣка, мы не найдемъ ни въ Византіи, ни въ древнемъ Римѣ, — гдѣ жестокія гоненія возникали только спорадически, а истязанія примѣнялись только, какъ крайняя мѣра.

Но послушаемъ самихъ учителей и пастырей тогдашней римской церкви. «Еретики», говоритъ Иннокентій III, «Бога, Сына Божія, Іисуса Христа оскорбляютъ»[25]); «по справедливости, учитъ ангельскій докторъ, Θома Аквинскій, «ихъ можетъ свѣтскій судья убивать и лишать имущества, хотя бы и не соблазняли другихъ; такъ какъ они кощунствуютъ противъ Бога и соблюдаютъ ложную вѣру, то больше они подлежатъ наказанію, чѣмъ тѣ, кто виновны въ оскорбленіи величества, или тѣ, кто чеканитъ фальшивую монету»[26]). Но кромѣ кощунства виновны еще еретики и въ убійствѣ и при томъ тѣмъ худшемъ, что не тѣло убиваютъ, а душу, и если наказываютъ смертью фальшивыхъ монетчиковъ, то «насколько хуже», продолжаетъ Θома, «извращать вѣру, которая есть жизнь души, нежели поддѣлывать монету, которая есть средство для нашихъ мірскихъ интересовъ»[27]). Еретики—это лисицы, которыя желаютъ разрушить виноградникъ Господа, это скорпіоны, которые язвятъ жаломъ проклятія, это — саранча Іоселя, скрытая въ прахѣ среди неисчислимыхъ гадовъ; и правовѣрный императоръ Фридрихъ II повторяетъ слова Иннокентія III: это хищные волки, сыны погибели, ангелы смерти, посланные демономъ для погубленія простыхъ душъ; это ужи, это змѣи!» И само собою разумѣется, что смертная казнь является единственно достойнымъ наказаніемъ этихъ оскорбителей

---

[25]) Deum, Dei, filium, Iesam Christum offendunt (Innocent Epist II, 1) Laurent, в. и. с. стр. 438.

[26]) Judicio seculari possunt licite occidi et bonis suis spoliari, etsi alios non corrumpant, quia sunt blasphemi in Deum et fidem falsam abservant; unde magis possunt puniri isti, quam illi qui sunt rei criminis laesae majestatis et illi, qui falsam monetam cudunt» (Thomae in lib. sentent. IV, dist. 13, quaest 2. art. 3) ibid. 439.

[27]) Multo gravius est coerumpere fidem, per quam est animae vita, quam falsare pecuniam, per quam temporali vitae subvenitur (Thomae, secunda secundae, quaest, IX art. 3) ibid.

Божья величества, убійцъ души человѣческой, совратителей вѣры, бунтовщиковъ противъ церкви. Самъ Богъ повелѣваетъ убивать еретиковъ; это члены сатаны, они должны погибнуть до единаго [28]). Такъ опредѣляетъ и Иннокентій III, согласно съ постановленіемъ IV Латеранскаго собора, на которомъ онъ предсѣдательствовалъ: всѣ еретики осужденные, должны быть искоренены свѣтской властью по мѣрѣ возможности и подъ угрозой отлученія отъ церкви: (c. 13. ó. 3 X—) «Moneantur autem et indicantur, et si necesse fuerit, per censuram ecclesiasticam compellantur saeculares potestates quibuscunque fungantur officiis, ut, sicut reputari cupient et haberi fideles, ita pro defensione fidei praestent publice juramentum, quod de terris suae jurisdictioni subjectis universos haereticos ab ecclesia denotatos bona fide pro veribus exterminare studebunt».

И, конечно, правъ тогда, замѣчаетъ Маассенъ: «тотъ откровенный человѣкъ, который сказалъ, что наказаніе сожженіемъ, есть единственно разумное для еретика, ибо оно есть наиболѣе тяжкое наказаніе, какъ ересь есть наиболѣе тяжкое преступленіе».

А между тѣмъ съ XII вѣка, когда окончился процессъ образованія папской теократіи, возникла и оппозиція противъ католицизма и его іерархіи. Во Франціи, Италіи и Бургундіи развилось движеніе вальдейцевъ, которое носило на себѣ мистико-аскетическій характеръ, и требовало возвращенія къ первоначальной церкви; сектанты отрицали іерархію, безбрачіе духовенства, тайную исповѣдь, чистилище, поклоненіе святымъ и мощамъ, мессу, признавали причастіе только подъ обоими видами. Еще опаснѣе Риму была секта альбигойцевъ, которая главнымъ образомъ была направлена противъ самого католичества; альбигойцы признавали это исповѣданіе идолослуженіемъ, и считали римскую церковь Вавилономъ, предсказаннымъ въ Апокалипсисѣ; это ученіе основывалось отчасти на манихейскихъ воззрѣніяхъ, отчасти на теоріи аріанъ и другихъ восточнхъ еретиковъ; оно распространилось въ Южной Франціи, Бургундіи, Италіи, Фландріи, Шампаньи, Трирѣ, Люттихѣ и Кельнѣ. Альбигойцы успѣли создать себѣ духовную организацію, собрали одинъ соборъ, даже вступили черезъ одного константинопольскаго епископа Никиту въ сно-

---

[28]) Obediundum est voci Domini Dei nostri ut haeretici radicitus evellantur (Eymerici Director. Inquisit glossa super titul. Decretal. de haereticis) ibid. стр. 442.

шеніе съ восточными катарами. Къ альбигойцамъ принадлежали не только низшіе классы народа, какъ это было у вальдейцевъ, но и многіе члены феодальной аристократіи и городского гражданства. Въ лицѣ этихъ сектъ Риму грозила серьезная опасность, и папы не замедлили вступить съ ними въ борьбу. На многочисленныхъ соборахъ были выработаны прежде всего всѣ необходимыя мѣропріятія. Были распредѣлены категоріи еретиковъ и неблагонадежныхъ по степени ихъ опасности, были установлены мѣры взысканія и предупрежденія, были организованы потребныя для искорененія ереси средства и учрежденія.

Прежде всего, какъ общее правило было установлено преданіе еретиковъ свѣтской рукѣ и, слѣдовательно, смертная казнь чрезъ сожженіе для всѣхъ тѣхъ,—безъ различія пола, возраста и семейнаго ихъ положенія,—кто въ отвѣтъ на всѣ убѣжденія церкви упорствуетъ въ своихъ заблужденіяхъ; эта казнь сопровождалась конфискаціей имущества еретика, даже если у него были католическіе наслѣдники; только внуки съ материнской стороны, въ случаѣ ихъ правовѣрія могли наслѣдовать послѣ еретика: такимъ образомъ, якобы согласно писанію, и дѣти страдали за грѣхи отцовъ. Потомство еретика навсегда лишалось права занимать церковныя должности, исключенія могли быть сдѣланы только для тѣхъ членовъ семьи, которые доносили на другихъ: дѣти на отца, жена на мужа, и т. д. Затѣмъ тѣ изъ еретиковъ, которые обратились бы притворно или изъ страха смерти и наказаній въ лоно римской церкви, и всѣ еретики высшихъ степеней (perfecti, vestiti), по своемъ обращеніи подвергались выселенію въ чисто католическія мѣстности, инфаміи и пожизненному заключенію въ тюрьмѣ, причемъ содержаніе ихъ уплачивалось или изъ ихъ состоянія или, если его не было, то изъ церковныхъ средствъ. Только тѣ еретики, которые по мнѣнію духовнаго суда обращались искренно въ число правовѣрныхъ католиковъ, получали прощеніе и должны были нести «легкія» церковныя наказанія, т. е. уплатить денежную пеню, надѣть особое позорное одѣяніе съ двумя крестами,—одинъ на спинѣ, другой на груди—подвергнуться публичному бичеванію, участвовать съ розгами въ рукахъ въ процессіяхъ, а самое главное, ревностно помогать духовнымъ и свѣтскимъ властямъ ловить своихъ бывшихъ единовѣрцевъ, доносить на нихъ, обвинять и т. п. Эти лица, въ случаѣ непослушанія, или нерадиваго исполненія церковныхъ обязанностей, могли быть немедленно переведены въ разрядъ

притворщиковъ или даже упорствующихъ; тотъ изъ нихъ, кто, разъ уже присоединившись къ церкви отпалъ бы вторично въ прежнюю или иную ересь, подвергался немедленно передачѣ свѣтской власти на сожженіе. Всѣ лица, далѣе, которыя какимъ-нибудь образомъ проявляли свое сочувствіе еретикамъ, давали имъ кровъ и пищу, имѣли съ ними общеніе и знакомство, подвергались инфаміи, т. е. лишались права занимать публичныя должности, права свидѣтельствовать на судѣ, дѣлать завѣщанія, заниматься адвокатурой и даже врачебнымъ искусствомъ. Домъ, который служилъ бы пріютомъ еретика, подлежалъ срытію до основанія, а самый участокъ земли— конфискаціи. Если-же бы, однако, эти сочувствующіе продолжали поддерживать еретиковъ или отказались бы исполнять требованія духовной власти, они тѣмъ самымъ становились въ одинъ разрядъ съ упорствующими и подвергались одинаковой съ ними карѣ. Наконецъ, всѣ правовѣрные католики, которые проявили бы мало рвенія въ истребленіи ересей и обнаружили бы какое бы то ни было ослушаніе церкви въ дѣлѣ преслѣдованія еретиковъ, подвергались отлученію отъ церкви со всѣми гражданскими послѣдствіями этого церковнаго акта; если это былъ владѣтельный князь, то за свою нерадивость въ преслѣдованіи ереси лишался престола, его подданные освобождались отъ долга вѣрности по отношенію къ нему, на самую же страну налагался интердиктъ; если это былъ судья, то его рѣшенія теряли обязательную силу, если это было частное лицо, то оно объявлялось внѣ права и внѣ всякаго гражданскаго общенія и т. д. Даже умершіе подвергались преслѣдованію за ересь; трупы ихъ вырывались изъ могилъ, сожигались, и пепелъ разсѣивался по воздуху. Какъ видно изъ этого краткаго перечисленія мѣръ наказаній еретикамъ и сочувствующимъ ереси, римская церковь далеко превзошла въ своихъ гоненіяхъ разновѣрующихъ Византію и даже древній Римъ. Сожженіе въ качествѣ ординарнаго наказанія всѣхъ еретиковъ, широкія рамки самаго понятія ереси, какъ преступленія, возможность произвольнаго причисленія къ еретикамъ и многихъ «подозрительныхъ» и «непослушныхъ» изъ числа обращенныхъ, тяжелое положеніе даже еретиковъ, возвратившихся въ католичество, жестокія кары всѣмъ недостаточно ретивымъ въ дѣлѣ доносовъ и взаимнаго шпіонства католикамъ — все это можетъ найти аналогію развѣ въ самыхъ утонченныхъ кровавыхъ законахъ послѣднихъ языческихъ це-

зарей. Христіанская Византія до такой адской жестокости не доходила.

Но для осуществленія на дѣлѣ всѣхъ этихъ положеній и предписаній соборовъ нужны были и соотвѣтственныя средства; во первыхъ необходима была помощь свѣтскаго законодательства, во вторыхъ свѣтской военной и полицейской силы. Увы, ни въ томъ, ни въ другомъ недостатка не было. Все тогдашнее католичество было твердо убѣждено въ необходимости строжайшаго преслѣдованія еретиковъ, этихъ исчадій ада, святотатцевъ и оскорбителей Божьяго величества, и не только восприняло постановленіе соборовъ въ свои уголовные кодексы [29]). но по зову папы создало цѣлыя арміи, для искорененія огнемъ и мечёмъ злыхъ еретиковъ и разрушенія ихъ убѣжищъ: «Костры, говоритъ Лоранъ, дѣйствовали не достаточно быстро, пламя, которое пожирало еретиковъ, распространяло ересь. Личное преслѣдованіе еретиковъ казалось не достаточнымъ и прибѣгли къ массовому преслѣдованію, къ войнѣ для ихъ уничтоженія». Былъ объявленъ крестовый походъ противъ еретиковъ; короли и князья призывались на помощь Христу; всѣмъ участникамъ въ этой святой экспедиціи было обѣщано отпущеніе грѣховъ, какъ за посѣщеніе св. земли или гробницы апостоловъ; вмѣстѣ съ тѣмъ еретическіе сеньоры были провозглашены лишенными владѣній, а ихъ земли предназначены побѣдителямъ; былъ возбужденъ не только фанатизмъ, но и корысть.—И святая война возгорѣлась; жестокость и кровожадность крестоносцевъ превзошла всѣ ожиданія; это была по утвержденію историковъ рѣзня, какой еще не видалъ свѣтъ, не было пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ, ни старикамъ ни малымъ; даже не разбирали католиковъ и еретиковъ: «рѣжьте, говорилъ папскій легатъ, всѣхъ безъ различія, Богъ сумѣетъ разобрать, кто Его, а кто не Его. «Когда же послѣ взятія и разрушенія Безье папскій легатъ доносилъ папѣ объ этомъ радостномъ событіи, онъ выразился такъ: «Наши не давали пощады ни званію, ни полу, ни возрасту, произошла неимовѣрная рѣзня непріятелей; городъ разграбленъ и сожженъ, божественное

---

[29]) См. напр. постановленіе Саксонскаго зерцала—Sachsenspiegel. II, B, 4, 7, „Svelk kersten man oder wilf unhelovich ist, unde mit tovere umme gat oder mit vorgiftnisse, unde des verwunnen wid, den soll man uppehört brenen". Фридрихъ II Гогенштауфенъ постановилъ: „haeretici vivi in conspectu hominum comburantur flammarum commissi judicio, ut animatrum incendia patiantur, et infernum in hac vita adhuc subeant;" даже въ Бамбергскомъ уголовномъ судебникѣ въ 1507 г. была статья 130: „War durch den ordentlichen geistlichen Richter für einen Ketzer erkant, und dafür den Weltlichen Richter geantwort wurde, der sol mit dem fewer vom Leben zum Tot gestrafft werden"—Ришъ, в. н. с. стр. 770.

мщеніе свирѣпствовало удивительнымъ образомъ—«ultione divina mirabiliter in eam saeviente» (Laurent в. н. с. стр. 459—письмо Иннок. XII, 108). Избіеніе еретиковъ, сожженіе ихъ цѣлыми массами на кострахъ, все это производилось съ чрезвычайной радостью—«cum ingenti gaudio» (ib. 400)—во славу Христа и Его церкви; современные альбигойскому походу историки Божьему благоволенію приписывають даже удачное преслѣдованіе бѣжавшихъ еретиковъ; хотя не всѣ но все-таки нѣкоторые, слава Создателю, были настигнуты и убиты. Но не только сила была употреблена для отмщенія Божества, даже хитрость и обманъ считались позволительными для болѣе удачнаго избіенія нечестивыхъ: «О, святая ложь легата», восклицаетъ по этому поводу современный этому дѣянію монахъ-историкъ, «о, лгущее благочестіе». И въ самомъ дѣлѣ, успѣхъ всѣхъ этихъ войнъ былъ чрезвычайный, цѣлыя области были опустошены, сотни тысячъ населенія были перерѣзаны или сожжены; въ одномъ Безье поплатились жизнью 38000 человѣкъ. Ересь была уничтожена. Комментаріи къ подобнымъ актамъ благочестія и справедливости, полагаемъ, излишни.

Но крестовые походы были, такъ сказать, экстренными, чрезвычайными мѣрами для истребленія еретиковъ; нуженъ былъ органъ для постояннаго наблюденія за ними и ихъ уничтоженія—и таковымъ была инквизиція. Уже въ 1184 году послѣ Веронскаго собора на епископовъ была возложена обязанность визитировать свои епархіи, опрашивать прихожанъ, производить слѣдствіе и судить еретиковъ. На Латеранскомъ соборѣ 1215 г. были подтверждены и развиты правила о епископской инквизиціи; синодъ въ Тулузѣ 1229 г. еще развилъ положеніе объ инквизиціи, но только съ 1232 г. можно считать инквизицію окончательно установившейся, въ видѣ самостоятельнаго учрежденія, такъ какъ именно съ этого времени она была передана въ завѣдываніе монашескихъ орденовъ, спеціально же доминиканцевъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ куріи. Процессъ инквизиціи былъ чрезвычайно простъ въ своихъ основаніяхъ; онъ сводился къ тому, чтобы, пользуясь всѣми средствами насилія, обмана, корысти, вырвать изъ среды пасомыхъ возможно большее количество дѣйствительныхъ или мнимыхъ еретиковъ и сжечь ихъ. Для этого употреблялись слѣдующія мѣры: во первыхъ по своемъ прибытіи въ городъ, инквизиторъ путемъ индульгенціи собиралъ народъ и бралъ съ присутствующихъ клятву выдать всѣхъ еретиковъ. Доносчики

получали за каждую жертву и денежную награду и опять индульгенцію на болѣе продожительный срокъ; если же все-таки не было доносчиковъ, то тогда подъ угрозой отлученія отъ церкви инквизиторъ требовалъ выдачи еретиковъ. Тѣ, которые не прибыли для принесенія клятвы, считались подозрительными, и, если въ опредѣленный срокъ не являлись къ инквизитору, считались еретиками; среди прихожанъ инквизиторъ могъ избирать себѣ по желанію помощниковъ и сыщиковъ, которые обязаны были ему повиноваться подъ страхомъ отлученія; доносчиками и обвинителями могли быть лица по общему правилу недопускаемыя къ обвиненію: малолѣтніе, рабы, даже преступники; обвиненіе было тайное, свидѣтели давали свое показаніе также въ тайнѣ отъ обвиняемаго; инквизиторъ имѣлъ право арестовать всѣ грамоты и письма еретика; защита и адвокаты не допускались. Для того же, чтобы въ нужномъ случаѣ вырвать признаніе у подозрѣваемаго или обвиняемаго, въ широкихъ размѣрахъ употреблялась пытка; пыткѣ подвергались по мѣрѣ надобности и другія участвующія въ процессѣ лица. Все производство было письменное и формальное. Инквизиторы имѣли право толкованія всѣхъ церковныхъ и свѣтскихъ законовъ о еретикахъ. Власть инквизитора была безгранична. Кто разъ попалъ въ его руки, тотъ былъ погибшимъ; путемъ ли ловкаго допроса, пытки или лицемѣрнаго участія, у несчастной жертвы вырывали если не признаніе, то нѣсколько противорѣчивыхъ показаній, и все было кончено, еретика вели на смерть; гдѣ не удавалось добыть признанія, тамъ пользовались тайными анонимными свидѣтельствами, доносами, обвиненіями, и результатъ былъ тотъ же — изъ рукъ инквизитора вырваться было нельзя, спасенія не было. И вотъ это то страшное учрежденіе получило съ благословенія римской церкви распространеніе въ Италіи, Арагоніи, южной Франціи, а потомъ въ Англіи и Германіи; оно, словно гигантская неумолимая машина, поглощало въ свои кровавыя нѣдра тысячи человѣческихъ существъ, зажимало ихъ тамъ въ тиски святого процесса, вымучивало доказательства ихъ въ большинствѣ случаевъ несуществующей вины и выбрасывало еще живыми на раскаленные угли костровъ. И это все дѣлалось: «ad majorem Dei et sanctae ecclesiae gloriam», для отмщенія оскорбленій Христа, для искорененія враговъ единой католической церкви. Во истину позорная страница изъ исторіи средневѣковаго христіанства! Но инквизиція водворилась не безъ сопротивленія: римская церковь

считаетъ много святыхъ мучениковъ среди инквизиторовъ, которые были убиты или растерзаны народомъ послѣ того, какъ они приступили къ своимъ «святымъ» обязанностямъ. Такъ своею жизнью заплатилъ за свою неимовѣрную кровожадность, между прочимъ, и Конрадъ Марбургскій, одинъ изъ первыхъ инквизиторовъ Германіи. Нѣкоторые же инквизиторы пріобрѣли неувядаемую славу въ качествѣ истребителей еретиковъ: стоитъ назвать хотя бы имена великаго Ѳомы Торквемады и Дидана Дезы, чтобы въ представленіи читателя возникли образы безчисленныхъ испанскихъ ауто-да-фе. И до сихъ поръ католическій міръ въ своихъ молитвахъ благоговѣйно поминаетъ имена подобныхъ подвижниковъ церкви, обагрившихъ свои руки въ крови тысячи жертвъ; и до сихъ поръ призываетъ онъ въ своихъ молитвахъ мрачныя тѣни этихъ душителей мысли и вѣры!

Но одна инквизиція не могла обезпечить чистоту вѣры безъ дополнительныхъ полицейско-предупредительныхъ мѣропріятій и помощи самого населенія. И вотъ на ряду съ развитіемъ инквизиціи, мы видимъ и увеличеніе различныхъ стѣсняющихъ личность законовъ; такъ чтеніе Евангелія дѣлается привилегіей одного только клира, а населенію предоставляется читать другія болѣе невинныя книги, въ родѣ псалтыря, книгъ богослужебныхъ и т. д., и притомъ только на латинскомъ языкѣ, а не въ переводахъ; запрещаются споры и разговоры «о божественномъ» и церковныхъ вопросахъ; запрещается кому-бы то ни было, кромѣ клира, учительствовать и проповѣдывать безъ разрѣшенія папы. Выдѣляются цѣлые разряды гражданъ въ категорію подозрительныхъ или неблагонадежныхъ и надъ ними устанавливается особый надзоръ со стороны общины и феодальныхъ господъ; исполненіе церковныхъ обрядовъ также ставится подъ наблюденіе мѣстныхъ властей. Наконецъ и свѣтская власть и всѣ міряне призываются къ самому ревностному содѣйствію духовной власти, обязуются казнить осужденныхъ судомъ инквизиціи, конфисковать имущества еретиковъ, однимъ словомъ, стать палачами всѣхъ еретиковъ по приказанію и указанію духовной власти. Даже каждое отдѣльное лицо можетъ безнаказанно убивать еретиковъ, подвергаясь за это лишь легкимъ церковнымъ наказаніямъ. Такъ сама инквизиція не проливала крови, но предавала еретиковъ «съ любовью» свѣтской власти, которая и казнила несчастныхъ подъ страхомъ церковнаго проклятія и вѣчной смерти въ будущемъ вѣкѣ.

И такъ погибли многія тысячи старыхъ и малыхъ, женщинъ и дѣтей невинными жертвами священнаго судилища и церковной полиціи; еще больше погибло за свои убѣжденія, за свою вѣру и свободу совѣсти; ярко пылали костры Торквемады, тѣшилось сердце великаго инквизитора Конрада Марбургскаго, когда умирали на кострахъ и въ пыткахъ злые еретики, враги единаго папы-императора, этого новаго земного бога, взявшаго на откупъ кровь Христову, установившаго престолъ св. Петра на трупахъ еретиковъ, на обугленныхъ костяхъ схизматиковъ; и, если Римъ въ прежнія времена захлебывался въ восторгѣ кровью мучениковъ, то теперь радовался и поучался «добрый» христіанскій народъ, глядя какъ содрагаются въ мукахъ тѣла преступниковъ, возставшихъ противъ святѣйшаго отца, пожелавшихъ служить Богу такъ, какъ ихъ научила ихъ вѣра и совѣсть. Кровавое сѣмя со временемъ созрѣетъ въ «добромъ» народѣ и вспыхнетъ пламенемъ атеизма и революціи. Такова историческая справедливость. Но не только въ видѣ наказанія требовалъ Римъ меча и казни, нѣтъ, это было не менѣе пригодное средство для обращенія иновѣрцевъ и язычниковъ къ Богу, любви и всепрощенія. И хотя въ ученіи римской церкви довольно рано былъ установленъ принципъ, что власти церкви не подлежатъ всѣ, которые стоятъ внѣ ея, а терпимость относительно евреевъ, какъ свидѣтелей истины христіанства, даже основывалась на богословскихъ данныхъ, но дѣйствительность далеко не оправдывала этой теоріи; положеніе евреевъ въ средневѣковомъ государствѣ всегда было прекарное, а крестовые походы и походы для обращенія и крещенія невѣрныхъ никогда не только не вызывали осужденія римской церкви, но, напротивъ, получали съ ея стороны поощреніе и благословеніе. Такъ Карлъ Великій обращалъ въ христіанство славянъ, фризовъ и саксонцевъ, такъ Олавъ Тригвасонъ крестилъ Норвегію, такъ рыцари-монахи просвѣщали Лифляндію, Эстляндію и Пруссію, такъ за Пиринеями обращали въ христіанство мусульманъ и евреевъ. Не говоримъ уже о тѣхъ тысячахъ жизни, которыя унесли съ собой крестовые походы, это удивительное сочетаніе алчности и религіознаго фанатизма, самоотверженія и насильства. Цѣлыя арміи нищихъ, дѣтей, рыцарей, поселянъ, гражданъ надѣвали крестъ и шли убивать и грабить во имя Христа; города сожигались, жители избивались; по разсказу историковъ, въ Іерусалимѣ кровь стояла по колѣна, когда Готфридъ Бульонскій прекратилъ бойню; смерть несли съ со-

бой христіане невѣрнымъ, и религія ислама казалась человѣчнѣе и выше по сравненію съ тѣмъ жестокимъ христіанствомъ, знаменіе котораго несли на щитахъ крестоносцы. Но поразительнѣе всего—это учрежденіе военно-монашескихъ орденовъ, которые Богу-Искупителю, Богу любви, приносили въ даръ не подвиги милосердія, а окровавленныя головы непріятелей, трофеи звѣрства и грѣха; словно не Христу служили они, а Ваалу, словно не почитаніе въ духѣ и истинѣ требовалъ Спаситель, а человѣческой гекатомбы.

Столько насилія, столько муки, столько убійства.... и все это подъ знаменемъ святой церкви, по повелѣнію святѣйшаго отца, намѣстника Бога на землѣ. Не могло сердце человѣческое выдержать такого противорѣчія, и хотя народы запада и были воспитаны и вскормлены католичествомъ, но настало время, когда они отказались отъ него и, довѣрившись слабому человѣческому разуму, стали искать свободы вѣры и свободы религіи. Не сразу далась эта свобода; много насилія предстояло еще пережить народамъ запада, но съ реформаціей дверь была открыта, и первый робкій лучъ религіозной свободы проскользнулъ въ мрачныя стѣны вѣкового католическаго храма [1]).

М. Рейснеръ.

---

[1]) Lorent, La papauté et l'empire, стр. 430 — 472; Hergenröther, в. н. с. стр. 543—616; Geffcken в. н. с. стр. 164—167. Martens, в. н. с. стр. 18—22. Dove—Die Curie und die Grundsätze des modernen Verfassungsrechts über die allgemeinen Rechte der Statsbürger (in Z. f. K. R. VIII B., 1869) стр. 196—219. Maassen в. н. с. стр. 132—135.

О китайскомъ войскѣ въ Маньчжуріи.

Войско безъ чести и безъ сознанія своей связи съ народомъ и своей обязанности передъ отечествомъ—лишь сборище людей, опасныхъ для общества...

Повидимому, именно съ такимъ скопищемъ придется, главнымъ образомъ, имѣть дѣло и нашимъ войскамъ въ Маньчжуріи, но всякое свѣдѣніе о *количественномъ* и *качественномъ* составѣ этихъ китайскихъ войскъ въ области, примыкающей къ нашей границѣ, чрезвычайно цѣнно въ настоящее время.

Вслѣдствіе этого полезно обратить особенное вниманіе на свѣдѣнія П. Ф. Лобзы о регулярныхъ и иррегулярныхъ войскахъ Маньчжуріи, печатаемыя ниже, составленныя авторомъ на основаніи личныхъ наблюденій и свѣдѣній за самое послѣднее время—1897, 1898 г.г., въ Нингутинскомъ фудутунствѣ (области) Гиринской провинціи.

Маньчжуры—завоеватели Китая представляютъ, повидимому, изъ себя и теперь не что иное, какъ *вооруженный народъ*, къ нашему счастію, вооруженный плохо.

Маньчжурскимъ иррегулярнымъ, знаменнымъ войскамъ была придана нѣкоторая организація еще 300 лѣтъ тому назадъ маньчжурскимъ княземъ Нурхади, дѣдомъ перваго императора маньчжурской, Дай-цинской династіи и его сыномъ—Тай-цзу.

Эти войска были раздѣлены на четыре цвѣтныхъ знамени: желтое, бѣлое, синее и красное и впослѣдствіи еще на четыре знамени съ каймами, тѣхъ-же цвѣтовъ, а всего на 8 знаменъ. Въ 1627 году къ этимъ войскамъ было присоединено до 20.000 монголовъ, завоевавшихъ Китай съ маньчжурами и въ 1637 году до 25,000 китайцевъ, перешедшихъ на сторону завоевателей—маньчжуръ. Въ 1685 году даже наши казаки, взятые въ плѣнъ при покореніи Албазина, были приписаны къ самому почетному императорскому желтому знамени съ красной каймой. Всѣ эти войска были объявлены военнымъ сословіемъ на вѣчныя времена и приняты мѣры къ воспрепятствованію ихъ сліянія съ населеніемъ. Насколько сохранилась вся эта организація въ настоящее время и что изъ себя представляютъ знаменныя (иррегулярныя) и регулярныя войска въ Маньчжуріи выясняется помѣщенной ниже замѣткой.

***

Военное дѣло въ Маньчжуріи даже еще и въ настоящее время очень плохо поставлено. Дисциплина, поддерживаемая главнымъ

образомъ бамбуками, чрезвычайно слабая. Произволъ, насилія и грабежи, производимые солдатами надъ населеніемъ, — явленіе нерѣдкое. Жалобы въ этихъ случаяхъ безполезны, такъ какъ всѣмъ извѣстны продажность и лицепріятіе китайской Ѳемиды. Военная выслуга—рѣдкость и производство въ высшіе чины, полученіе званія командира лянзы (отряда, соотвѣтствующаго нашему батальону) и пр. зависятъ почти исключительно отъ подкупа высшихъ начальствующихъ лицъ.

Войска дѣлятся на регулярныя и иррегулярныя. Тѣ и другія состоятъ изъ пѣхоты—„пу—тый" и конницы „ма—тый". Артиллерія особой войсковой части не представляетъ и входитъ въ составъ пѣхоты.

Въ одномъ изъ городовъ Маньчжуріи—Нингутѣ, городѣ съ 15—20 тысячнымъ населеніемъ, имѣется постоянный небольшой отрядъ во 100 чел. На этомъ же отрядѣ лежатъ и полицейскія обязанности, заключающіяся въ наблюденіи за порядкомъ въ городѣ. Отрядъ расквартированъ въ 5 различныхъ частяхъ города.

Кромѣ этого отряда въ Нингутѣ есть еще около трехъ десятковъ солдатъ, обязанныхъ быть при батареѣ. Батарея находится на берегу Муданъ-Дзяна, въ 100—150 саженяхъ отъ фанзы Сонджена.

Батарея состоитъ изъ шести орудій: четырехъ горныхъ четырехдюймовыхъ и двухъ митральезъ стараго образца. На послѣднихъ—англійское фабричное клеймо и 1872 годъ. Орудія стоятъ въ глубинѣ большого двора подъ навѣсомъ. Густой слой пыли и ржавчина краснорѣчиво говорятъ о тщательности ухода за орудіями. Вообще, эта боевая китайская батарея больше похожа на заброшенный, не пользующійся никакимъ вниманіемъ, складъ негодныхъ орудій, чѣмъ на батарею. Тѣмъ больше, что приставленныхъ къ ней солдатъ почти никогда около нея не бываетъ.

Въ регулярныхъ войскахъ служатъ китайцы и маньчжуры. Въ иррегулярныхъ—исключительно маньчжуры.

Маньчжуры кромѣ обязанностей военной службы, въ нѣкоторыхъ раіонахъ Маньчжуріи, имѣютъ еще и другія, именно гоняютъ почту, занимаются земледѣліемъ для поставки провіанта на армію и пр. Въ Нингутинской же области (фудутунствѣ) ихъ служба—исключительно военная.

Въ военную службу маньчжуры поступаютъ 18 лѣтъ и служатъ до 55—60 лѣтъ. Военная служба обязательна для всѣхъ маньчжуръ. Освобождается отъ службы только старшій сынъ, если въ семьѣ нѣсколько сыновей. Наборы среди маньчжуръ производятся разъ въ 4—5 лѣтъ.

Въ рядахъ регулярной арміи служба значительно труднѣе, но ее предпочитаютъ, потому что она лучше оплачивается, чѣмъ въ иррегулярныхъ (знаменныхъ) войскахъ. По общимъ свѣдѣніямъ, число маньчжуръ въ мѣстныхъ регулярныхъ войскахъ составляетъ не меньше трети, а остальныя двѣ трети—китайцы.

Пріемъ китайцевъ въ регулярную армію производится въ теченіе всего года, по мѣрѣ надобности въ солдатахъ; главнымъ

же образомъ передъ смотрами для пополненія отрядовъ до полнаго комплекта. Поступаютъ въ военную службу главнымъ образомъ бѣдняки, обычно—пришельцы изъ Южнаго Китая, не нашедшіе другого подходящаго занятія. Но идутъ и состоятельные люди, именно тѣ, которые не желаютъ продолжать заниматься дѣломъ отца. Получаемое на службѣ жалованье плюсъ возможность благодаря деньгамъ отца сдѣлать надлежащіе подарки „кому надо", и благодаря этому выдвинуться на высшую военную должность,—въ общемъ для такого солдата создаютъ положеніе не хуже, чѣмъ во многихъ другихъ профессіяхъ. Опредѣленнаго срока службы нѣтъ, и солдатъ считается поступившимъ въ военную службу на всю жизнь. Просить объ отставкѣ солдатъ можетъ не раньше какъ черезъ 8—10 лѣтъ послѣ поступленія. И во всякомъ случаѣ получить отставку очень трудно. Охотно отпускаютъ плохого солдата, но хорошаго, и особенно хорошаго стрѣлка, отпускаютъ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

Лянза—основная военная единица. По числу солдатъ она соотвѣтствуетъ нашему батальону, а по значенію полку. Полный комплектъ лянзы—500 человѣкъ, подъ главнымъ начальствомъ командира лянзы. Лянза дѣлится на пять сотенъ. Каждой изъ нихъ командуетъ офицеръ въ чинѣ шаугона (поручика), за исключеніемъ первой сотни, находящейся подъ непосредственной командой самого начальника лянзы.

Такимъ образомъ въ каждой лянзѣ 4 шаугона (поручика). Полусотней командуетъ фушочинъ, средній между нашимъ подпоручикомъ и унтеръ-офицеромъ.

Въ Гиринской провинціи регулярныхъ войскъ, повидимому, очень немного. По общимъ свѣдѣніямъ, въ главномъ городѣ этой провинціи—Гиринѣ—въ распоряженіи дзянь-дзюня (генералъ-губернатора) состоятъ 4 лянзы (2000 чел.) кавалеріи и 13 лянзъ (6500 чел.) пѣхоты. Въ крѣпости Іехо, близъ Нингуты,—1500 чел. пѣхоты и 500 кавалеріи, что составляетъ 4 лянзы. Въ Нингутѣ войскъ совсѣмъ нѣтъ, если не считать сотни конницы, исполняющей, кстати, и обязанности полиціи, да 2—3 десятковъ солдатъ—пѣхотинцевъ, приставленныхъ къ баттареѣ. Въ пограничномъ городѣ Санъ-чи-коу все „войско" состоитъ изъ двадцати пѣхотинцевъ.

Много небольшихъ отрядовъ, по 30—40 человѣкъ каждый, разбросаны по торговымъ трактамъ съ цѣлью обезопасить послѣдніе отъ разбойничьихъ шаекъ хунхузъ.

Жалованье—одинаковое во всѣхъ районахъ Гиринской провинціи, за исключеніемъ самого Гирина, гдѣ жалованье значительно выше. Въ конницѣ жалованье больше, чѣмъ въ пѣхотѣ, такъ какъ, кромѣ обычныхъ расходовъ, необходимъ еще расходъ на содержаніе лошади.

Мѣсячное жалованье солдату въ конницѣ въ Гиринѣ составляетъ 32 дяо (16 р. 70 к. на наши деньги), въ другихъ мѣстахъ, напр. Нингутѣ, Іехо, Санчикоу—20 дяо (11 р.).

Въ пѣхотѣ: въ Гиринѣ—19 дяо (10 р. 45 коп.), въ другихъ мѣстахъ 10 дяо (5 р. 50 к.). Въ пѣхотѣ фушо (подпоручикъ) по-

лучаетъ 27,70 ляо (16 р. 32 к.), шаугонъ (поручикъ)—41 ляо (22 р. 55 к.). При поступленіи на службу, первые два мѣсяца солдатъ не получаетъ жалованья—оно выдается ему позднѣе, обычно къ новому году.

Жалованье доставляется въ лянзу два раза въ годъ, въ февралѣ и въ августѣ. Къ этому времени въ Гиринъ приходятъ отряды для охраны во время пути отправляемаго „царскаго серебра“. Деньги приходятъ въ Нингуту и здѣсь распредѣляются между начальниками лянзъ, а эти послѣдніе каждый мѣсяцъ раздаютъ жалованье солдатамъ. Нѣкоторые раздаютъ сами, другіе поручаютъ раздачу своимъ шаугонамъ.

Въ конницѣ солдатъ долженъ имѣть собственную лошадь. Только въ рѣдкихъ случаяхъ лошадь выдается отъ казны. Въ послѣднемъ случаѣ изъ выдаваемаго солдату жалованья ежемѣсячно дѣлается шаугономъ или начальникомъ лянзы вычетъ для покрытія стоимости лошади. Лошади и оружіе хранятся при казармахъ, а въ Нингутѣ при управленіи фудутуна (начальника области), и выдаются солдатамъ только по распоряженію шаугона, напр. для конвоированія хунхузъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ.

Если у солдата (въ конницѣ) падетъ лошадь, и у него нѣтъ средствъ купить сейчасъ же другую,—ему разрѣшаютъ послужить годъ, два, чтобы скопить денегъ на покупку другой лошади. Если онъ за это время не купитъ себѣ лошади, его переводятъ въ пѣхоту. Жалованье незначительное, но при дешевизнѣ жизненныхъ припасовъ, ограниченныхъ потребностяхъ и, главное, при возможности часто питаться на счетъ населенія,—оно оказывается достаточнымъ. Кромѣ того бюджетъ солдата увеличиваютъ частые походы на хунхузъ, такъ какъ за поимку послѣднихъ выдается особое вознагражденіе. Размѣръ вознагражденія колеблется между 5 и 20 ляо (отъ 2 р. 75 к. до 11 руб.) на солдата. Больше 5 ляо выдается только въ тѣхъ случаяхъ, когда походъ былъ удаченъ и хунхузъ изловлено много.

Установленной формы нѣтъ. Выдаваемая казною верхняя куртка (безъ рукавовъ), обыкновенно синяго цвѣта изъ легкой китайской матеріи, замѣняетъ нашъ мундиръ. На этой курткѣ—на спинѣ и на груди—нашиты буквы, обозначающія названіе войсковой части и лянзы, къ которымъ принадлежитъ солдатъ. Въ другихъ лянзахъ вмѣсто нашивокъ солдатамъ выдаются клеенчатые кружки, съ соотвѣтствующими надписями, которые пришиваются на груди. Во всемъ остальномъ, одѣяніе солдата ничѣмъ не отличается отъ обычнаго китайскаго костюма. Благодаря обычной уловкѣ хунхузъ, которые часто выдаютъ себя за солдатъ, переодѣвшись въ подходящія куртки, бываетъ трудно отличить солдата отъ хунхуза. Настолько трудно, что для того, чтобы дать жителямъ возможность „различать“ ихъ, солдатамъ передъ уходомъ изъ казармъ выдаются (2×3 вершка) дощечки, съ печатью, съ обозначеніемъ имени солдата и его лянзы. Эти значки солдаты носятъ на поясѣ.

Обычный китайскій костюмъ — ватные штаны, ноговицы на ватѣ, подвязываемые обыковенно къ поясу, такая же куртка съ

длиннѣйшими рукавами, спускающимися четверти на двѣ ниже пояса (солдаты послѣднюю одѣваютъ подъ форменную куртку), войлочная шапка съ наушниками, зимой подбитая бѣличьимъ мѣхомъ; обувь какъ у земледѣльцевъ — „улы“ — изъ грубой невыдѣланной бычачьей кожи.

Рукава куртки такъ длинны, что во время воинскихъ упражненій винтовка берется черезъ ватный рукавъ. У офицеровъ одежда немногимъ отличается отъ солдатской по внѣшнему виду. Она теплѣе и дороже и осложняется курткой изъ лосиной кожи, обыкновенно лоснящейся отъ грязи, и кожанымъ фартукомъ съ продольнымъ разрѣзомъ внизу. Этотъ фартукъ предохраняетъ колѣни отъ острыхъ колючекъ кустарника.

Но въ общемъ, въ виду разнообразія солдатскихъ костюмовъ — и по длинѣ, и по цвѣту, и по новизнѣ, и по фасону шапокъ, отряды войска производятъ нецѣльное впечатлѣніе силы, а удручающее—неорганизованной шайки. Это впечатлѣніе усиливается при взглядѣ на „оружіе“ войска. Оружіе выдаетъ казна и, несмотря на это, вооруженіе солдатъ почти также разнообразно, какъ и ихъ костюмы. Въ разныхъ лянзахъ — ружья разныхъ системъ. На пикетахъ по трактамъ солдаты вооружены пистонными англійскими штуцерами временъ севастопольской кампаніи; у другого отряда — манлихеровскія винтовки нѣмецкой фабрики Мозера; всего же чаще встрѣчаются американскіе карабины Винчестера, большого калибра, стараго образца. Ружьемъ безъ штыка ограничивается все вооруженіе солдата. Вооруженіе офицера состоитъ изъ короткаго широкаго меча съ красной рукояткою и такими-же ножнами. Чистятъ ружья только снаружи, внутри-же — ржавчина, грязь. Все свое попеченіе объ оружіи солдатъ сводитъ къ тому, чтобы, вычистивъ его наружную сторону, заткнуть дуло красной тряпочкой такимъ образомъ, что кусочекъ этой тряпочки въ видѣ узкой ленточки около четверти длиной, оставался и держался снаружи, развѣваясь на ходу. Это — украшеніе. Шаугоны сквозь пальцы смотрятъ на такое отношеніе солдатъ къ своему оружію и, повидимому, не придаютъ такому факту большого значенія. Патронныхъ сумокъ у солдатъ нѣтъ, и патроны у нихъ находятся на поясахъ, нанизанные вплотную другъ къ другу. Нѣкоторые солдаты изъ патроновъ, нанизанныхъ тоже вплотную другъ къ другу, дѣлаютъ себѣ второй поясъ, который носятъ черезъ плечо. Шаугоны въ это не вмѣшиваются, предоставляя это доброй волѣ и фантазіи солдатъ.

Дисциплина очень слабая. Часто, прежде чѣмъ исполнить то или другое приказаніе шаугона, солдаты вступаютъ съ нимъ въ споры и пререканія. Поддерживается однако дисциплина довольно суровыми мѣрами. Чаще всего практикуется наказаніе бамбуками (палками); но существуютъ и другія. Такъ, въ крѣпости Іехо уши протыкаютъ толстой иглой, на шею вѣшаютъ черную доску съ обозначеніемъ вины, и отрядъ, подъ предводительствомъ шаугона, водитъ наказаннаго по городу. Иглу изъ ушей не вынимаютъ въ теченіе шести дней. Это наказаніе примѣняется при совершеніи наиболѣе важныхъ проступковъ. По словамъ солдатъ,

бываютъ случаи, что и къ офицерамъ примѣняется это наказаніе съ тою разницей, что иглу въ ушахъ держатъ не болѣе трехъ дней. Въ общемъ въ лянзѣ къ наказаніямъ прибѣгаютъ рѣдко. Еще рѣже къ нимъ прибѣгаютъ на пикетахъ, потому что на пикетахъ, благодаря частымъ походамъ на хунхузъ и опасностямъ, сопряженнымъ съ такими походами,—между шаугономъ и солдатами устанавливаются болѣе близкія отношенія, не допускающія проявленія начальственной власти. Но и въ другое время, отношенія солдатъ и начальниковъ между собой довольно простыя. Бывали такіе случаи: начальникъ китайскаго караула въ пограничномъ городкѣ Санчикоу захотѣлъ похвастать передъ русскимъ техникомъ китайской охраной — отрядомъ, назначеннымъ для охраненія одной изыскательной партіи. Охрана состояла всего изъ 4 солдатъ. Они вошли, по приказу начальника, въ домъ и сдѣлали нѣсколько упражненій съ ружьемъ. Послѣ перваго изъ нихъ, одинъ изъ солдатъ вынулъ трубку, набилъ ее и, подойдя къ командиру, протянулъ руку къ его трубкѣ. Командиръ далъ солдату трубку, солдатъ раскурилъ свою, отдалъ командиру трубку обратно и послѣ того, съ трубкой въ зубахъ, сталъ продолжать упражненія. И командиръ не сдѣлалъ солдату никакого замѣчанія за подобное поведеніе. Другой случай: изъ крѣпости Іехо пріѣхалъ къ русскимъ инженерамъ съ визитомъ генералъ Ванъ-Тунъ-Линъ. За нимъ слѣдовали въ качествѣ конвоя десятка три солдатъ и унтеръ-офицеровъ (ши-джанъ). Генералъ вошелъ въ комнату, за нимъ безъ спроса вошли нѣкоторые изъ солдатъ. Оставшіеся во дворѣ обступили всѣ окна и самымъ безцеремоннымъ образомъ разсматривали, что творится въ комнатѣ.

Солдатъ — мѣткій стрѣлокъ, исполнительный, выносливый и аккуратный—можетъ разсчитывать лѣтъ черезъ 20 выслужиться въ офицеры: лѣтъ черезъ 8 — 10 послѣ поступленія его произведутъ въ званіе фушо (подпоручика) и потомъ черезъ такое же время въ шаугоны (поручики). Но это производство солдата въ фушо возможно лишь при условіи, чтобы солдатъ не курилъ опія. А фушо и шаугонъ могутъ заниматься куреніемъ опія и послѣднее препятствіемъ для ихъ дальнѣйшаго повышенія по службѣ не служитъ. Для солдата, имѣющаго возможность, благодаря богатой роднѣ, дѣлать „кому надо“ подарки,— срокъ производства значительно сокращается.

Офицеръ, давшій взятку высшему начальству скоро можетъ получить званіе командира лянзы. Нѣтъ возможности этого сдѣлать — шаугонъ до конца жизни останется шаугономъ. „Подарокъ“ въ 2—3 тысячи долларовъ (японскихъ, равныхъ примѣрно 2—3 тыс. рублямъ) считается очень хорошимъ подаркомъ. Обычное явленіе — командиръ лянзы — молодой человѣкъ лѣтъ 18, только что поступившій на службу, и подъ его начальствомъ служатъ шаугоны — старики въ 45 - 50 лѣтъ, поступившіе на службу тоже съ 18 лѣтъ.

Получившій благодаря подарку начальствованіе надъ лянзой немедленно приступаетъ ко всѣмъ мѣрамъ и способамъ, могущимъ возвратить ему „убытокъ“. Отсюда—рядъ злоупотребленій. Наи-

болѣе обычны слѣдующіе два пріема для полученія дохода. Два раза въ годъ, въ опредѣленное время производятъ смотръ всѣхъ войскъ особые, спеціально для этого назначаемые, инспектора, посылаемые изъ Гирина. Во время смотра лянзы должны быть и бываютъ въ полномъ комплектѣ. Послѣ смотра командиръ лянзы увольняетъ часть солдатъ, придравшись къ какому нибудь пустяку. На мѣсто уволенныхъ не набирается до слѣдующаго смотра, а жалованье, слѣдуемое уволеннымъ солдатамъ, командиръ беретъ себѣ. Это первый способъ. Второй состоитъ въ томъ, что командиръ половину солдатъ распускаетъ на работы съ тѣмъ, чтобы ко времени смотра они были на мѣстѣ. Заработанныя деньги солдаты берутъ себѣ, а ихъ жалованье опять таки остается въ карманѣ командира.

Часто въ очень печальное положеніе попадаютъ уволенные солдаты. Лучшіе изъ нихъ,—честнѣйшіе принимаются за трудъ, нанимаются на сельскія работы, поступаютъ на службу въ разныя торгово-промышленныя заведенія. Отвыкшіе отъ труда, но еще окончательно не свернувшіе съ прямого пути, они стараются жить на счетъ населенія, не останавливаются передъ угрозами и насиліемъ. Продѣлки свои они стараются совершать подальше отъ центровъ — Нингуты и др. Они ходятъ отъ одного дома къ другому и часто такъ свыкаются съ бродячей жизнью, что уже не возвращаются въ лянзу. Всего ужаснѣе положеніе опіистовъ. Неспособные ни къ какому труду, они бредутъ въ горы и тамъ пополняютъ собой шайки хунхузовъ. Хунхузы принимаютъ этихъ солдатъ чрезвычайно охотно, потому что послѣднимъ хорошо знакомы всѣ пріемы, употребляемые отрядами для преслѣдованія, поимки и уничтоженія хунхузовъ. Кромѣ того при помощи „бѣглецовъ", черезъ „побратимовъ", оставшихся на службѣ, хунхузамъ часто удается узнавать планы и время походовъ на нихъ. Узнавъ, они, конечно, принимаютъ всѣ предосторожности противъ грозящихъ имъ опасностей и легко избѣгаютъ преслѣдованій.

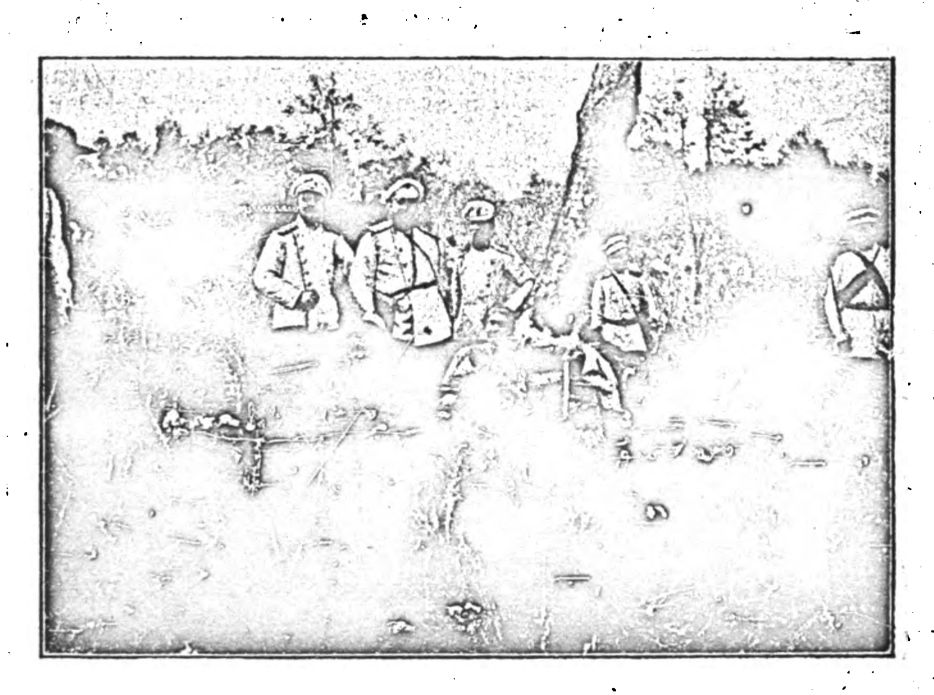
Дѣятельность хунхузскихъ шаекъ зимой обыкновенно прекращается. Всѣ занятія командъ на пикетахъ (изъ 20—30 человѣкъ подъ начальствомъ шаугона и его помощника фушо), разставленныхъ по большимъ трактамъ черезъ 30—40 верстъ и имѣющихъ назначеніемъ охранять селенія по тракту и путниковъ отъ грабежей. въ это время года ограничиваются рѣдкими упражненіями и ученьями во дворѣ казармы. Весной и лѣтомъ до глубокой осени команды отыскиваютъ хунхузовъ въ горахъ. Осенью, съ наступленіемъ холодовъ, когда въ горахъ выпадаетъ снѣгъ и хунхузы или уходятъ на зимовки на окраины или „работаютъ" на большихъ дорогахъ,— солдаты, не уставая, тоже работаютъ на большихъ дорогахъ, стараясь „изловить и представить начальству" возможно больше разбойниковъ.

Выдаваемое за поимку хунхуовъ вознагражденіе увеличиваетъ энергію солдатъ при розыскахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ бываетъ причиной злоупотребленій: желая „заработать", солдаты вмѣсто хунхузовъ забираютъ людей совершенно невинныхъ. И часто, несмотря на всѣ усилія знакомыхъ и родственниковъ, невинно попавшіе долгое время проводятъ въ тюрьмѣ, не зная навѣрно,

выяснится ли ошибка, будутъ ли они освобождены. Но это не все.

Команды, посылаемыя подъ начальствомъ шаугона на розыски разбойничьихъ шаекъ, платятъ за пищу и ночлегъ только вблизи Нингуты. А подальше въ горахъ, въ охотничьихъ фанзахъ, команды считаютъ себя господами положенія и хозяева фанзъ не смѣютъ и заикаться о платѣ...

Истребленіемъ съѣстныхъ припасовъ не ограничиваются бѣдствія охотниковъ. Команда забираетъ всѣ мѣха, какіе найдетъ въ фанзѣ: соболей, бѣлокъ, колонковъ. Болѣе цѣнные — соболя и колонки достаются на долю шаугона, бѣлокъ разбираютъ солдаты.

Хунхузы, пойманные русскимъ отрядомъ.

Жалобы безполезны. Жители говорятъ: „если идти жаловаться, — можетъ быть худо, очень худо".

Дѣло вотъ въ чемъ: розыскивая хунхузовъ, шаугонъ обычно распрашиваетъ мѣстныхъ жителей о разбойникахъ, о мѣстонахожденіи послѣднихъ и пр. При этомъ шаугонъ имѣетъ право прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ, если ему покажется, что жители „запираются"—не хотятъ давать необходимыхъ, но имъ жителямъ извѣстныхъ, свѣдѣній. Наиболѣе употребительныя понудительныя мѣры—битье бамбуками по икрамъ и подвѣшиваніе за пальцы. Подвергнуть того или другого охотника этимъ пыткамъ или удовлетвориться его отвѣтами—вполнѣ зависитъ отъ „усмотрѣнія" шаугона. Отъ его же шаугона „усмотрѣнія" зависитъ обвинить охотника въ принадлежности къ хунхузамъ. Если обви-

неніе и оказывается ложнымъ, — шаугонъ ничѣмъ за это не отвѣчаетъ.

Охотникъ же даже въ случаѣ оправданія платится нѣсколькими мѣсяцами тюремнаго заключенія, и освобождается только послѣ представленія его земляками и знакомыми поручительства и приличнаго, сотни полторы—двѣ дяо (82 р. 50 к. — 110 р.), подарка судьѣ—помощнику фудутуна (начальника области). Принимая во вниманіе могущія произойти послѣдствія, бѣднякъ-звѣроловъ никогда не рѣшается и помыслить о жалобѣ на грабежи командъ. Къ тому же хорошо извѣстно, что случаи выхода изъ тюрьмы людей, попавшихъ туда по обвиненію въ принадлежности къ хунхузамъ, бываютъ чрезвычайно рѣдки..

Такимъ образомъ, произволу командъ, посылаемыхъ въ горы на поимку хунхузовъ, открытъ самый широкій просторъ, а бѣдное населеніе въ лицѣ защитниковъ отечества имѣетъ самыхъ ужасныхъ, самимъ закономъ прикрываемыхъ, притѣснителей и угнетателей.

Кромѣ регулярныхъ войскъ въ Маньчжуріи имѣются еще и такъ называемыя знаменныя или иррегулярныя войска. Они состоятъ исключительно изъ однихъ маньчжуръ. Всѣ маньчжуры, достигшіе 18—70 лѣтняго возраста, обязаны нести службу государству. Служба эта въ разныхъ мѣстностяхъ различна и заключается, напримѣръ, въ обязанности доставлять указы и предписанія Пекинскаго правительства на окраины (почтовая служба), въ обязанности заниматься въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земледѣліемъ и поставкою хлѣба въ войсковыя части, расположенныя въ безлюдныхъ мѣстностяхъ; наконецъ въ отправленіи полицейскихъ обязанностей при ямыни (присутственныя мѣста въ Китаѣ), городской стражи, въ тюрьмахъ, и пр.

Все-же, главнымъ образомъ, маньчжуры назначаются для комплектованія маньчжурскихъ, знаменныхъ войскъ.

Всѣ маньчжурскія войска каждаго военнаго округа дѣлятся на знамена или чи, различаемыя по окраскѣ знамени. Такъ въ Нингутинскомъ военномъ округѣ знаменныя войска дѣлятся на 12 чи, въ другихъ округахъ на 8—9 и 10 чи. Сообразно дѣленію знаменнаго войска на 12 чи, на тоже количество чи дѣлится и все маньчжурское населеніе округа.

Чи, являясь въ строевомъ, отношеніи крупной единицей, само распадается на меньшія группы—на 4 фань-ю по 1116 человѣкъ. Въ каждомъ фань-ю—8 лянзъ (ротъ), состоящихъ изъ 24 взводовъ или тяпынъ, наименьшихъ единицъ, заключающихъ всего по 5—6 солдатъ въ каждой.

Такова военная организація чи. Все мужское населеніе въ Маньчжуріи въ возрастѣ отъ 17 до 60 лѣтъ, за исключеніемъ единственныхъ сыновей въ семьѣ и старшаго сына при нѣсколькихъ братьяхъ,—распредѣлено по соотвѣтствующимъ знаменамъ.

Наборы происходятъ не ежегодно, а обыкновенно разъ въ 4—5 лѣтъ.

Всѣ маньчжуры, состоящіе на службѣ и взятые по набору, живутъ обыкновенно у себя въ селеніяхъ, занимаясь сельскимъ хо-

зяйствомъ или другимъ дѣломъ. Управленіе чи наряжаетъ ихъ время отъ времени на различныя должности—въ тюремную стражу, ямынь и т. под. на срокъ отъ двухъ недѣль до 1½—2 лѣтъ (въ артиллерію).

Кромѣ службы по наряду, всѣ знаменныя войска подлежатъ еще лагернымъ сборамъ, въ январѣ и іюлѣ. Сборы продолжаются въ теченіе мѣсяца. Во время этихъ сборовъ каждое чи посылаетъ 50 человѣкъ, смѣняющихся другими пятидесятью изъ того же чи черезъ два, три дня.

Во время сборовъ производится строевое ученье и упражненія въ стрѣльбѣ. Наряду со стрѣльбой изъ винтовокъ, до сихъ поръ практикуется еще стрѣльба изъ лука, владѣть которымъ обязанъ каждый маньчжуръ. Стрѣлять изъ лука обучаются не только обычнымъ способомъ съ мѣста, но и со скачущей лошади. Лучшіе стрѣлки получаютъ денежныя награды, плохихъ наказываютъ, ставя на колѣни передъ всѣмъ строемъ.

Каждому солдату маньчжуру приходится отбывать сборъ не чаще, какъ одинъ разъ въ полтора года. Тотъ же срокъ можно положить и для отбыванія нарядовъ въ качествѣ стражи. Нужно сказать, что даже и эти 2—3 дня сбора отбываются неаккуратно. Обыкновенно, на ученье изъ пятидесяти является не болѣе десятка, остальные предпочитаютъ ученью и муштровкѣ пріятное far niente въ одной изъ ближайшихъ фанзъ на тепломъ канѣ (лежанкѣ) съ трубкою опія въ губахъ. Только пріѣздъ фудутуна (губернатора) или генерала заставляетъ всѣхъ высланныхъ управленіемъ чи на сборъ покинуть теплый канъ, добрую трубку опія и другія пріятныя вещи для строевого ученья.

Солдаты знаменныхъ войскъ не пользуются отъ казны ни пищей, ни одеждой и не получаютъ казенной лошади, если служатъ въ кавалеріи; все это они должны имѣть свое. Солдатамъ выдается жалованье, причемъ въ кавалеріи оно выше, чѣмъ въ пѣхотѣ (этотъ излишекъ причитается на прокормъ лошади). Вообще же говоря, жалованье не одинаково въ различныхъ частяхъ Маньчжуріи, и вдвое больше у войскъ, находящихся въ качествѣ личнаго конвоя дзян-дзюня (генералъ-губернатора) въ Гиринѣ. Жалованье колеблется отъ 3 до 6 руб. (2—4 лянъ) въ пѣхотѣ и 6—12 руб. (4—7 лянъ) въ кавалеріи въ мѣсяцъ. Начальникъ лянзы (роты) получаетъ до 70 лянъ (нѣсколько больше 100 руб.) въ мѣсяцъ. Помощникомъ его состоитъ шаугонъ (поручикъ). Движеніе по службѣ изъ рядовыхъ въ помощники шаугона, затѣмъ въ шаугоны, командиры лянзъ и т. д. находятся въ прямой зависимости отъ взятокъ. Ихъ берутъ всѣ до военнаго министра включительно и размѣры ихъ отъ двухъ дяо (одного рубля) до тысячъ дяо.

П. Лобза.

На рубежѣ XIX вѣка.

Революція порвала со всѣмъ старымъ міромъ, съ его традиціонными правами и обычаями. Возможно, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она зашла слишкомъ далеко, потому что формы личныхъ сношеній, платье, обычаи домашней жизни—дѣло личнаго вкуса и ни въ коемъ случаѣ не должны подвергаться принужденію. Въ обращеніи, вмѣсто «господинъ», стало обычнымъ—«гражданинъ» и всеобщее «ты». Одежда санкюлотовъ, такъ-называемая, карманьола, камзолъ безъ рукавовъ, широкіе шаровары судёнщиковъ и якобинская шапка стали почти общеупотребительными. Законодательство конвента создало частью очень полезныя, частью же очень интересныя нововведенія. Произвольная система монетнаго счета, мѣръ и вѣса была преобразована, и въ основу ея положена десятичная система. Франкъ сталъ основаніемъ монетной системы, метръ, литръ и граммъ стали основными единицами мѣры и вѣса.

Конвентъ не былъ атеистической корпораціей, но онъ настолько былъ проникнутъ значеніемъ основанія республики, что уничтожилъ христіанское лѣтосчисленіе и замѣнилъ его новымъ, начинавшимся съ учрежденія французской республики. I годъ начинался 22 сентября 1792 г. (христ. лѣт.); съ этимъ днемъ случайно совпало осеннее равноденствіе, точно сама природа хотѣла стать въ гармонію съ новымъ лѣтосчисленіемъ. Это новое лѣтосчисленіе послужило основой для знаменитаго республиканскаго календаря, принятаго конвентомъ 24 октября 1793 года. Депутатъ Роммъ предлагалъ этотъ календарь еще въ началѣ дѣятельности конвента; Фабръ д'Эглантинъ, поэтъ и другъ Дантона, сдѣлалъ въ немъ нѣкоторыя улучшенія. Новый календарь дѣлилъ годъ на 12 мѣсяцевъ по 30 дней въ каждомъ; мѣсяцы назывались по временамъ года, а

именно,—для осени: *Вандемьеръ* (мѣс. сбора винограда), *Брюмэръ* (мѣс. тумановъ), *Фримэръ* (мѣс. морозовъ); для зимы: *Нивозъ* (мѣс. снѣга), *Плювіозъ* (мѣс. дождя), *Вантозъ* (мѣс. вѣтра); для весны: *Жерминаль* (мѣс. произрастанія), *Флореаль* (мѣс. цвѣтенія), *Прэріаль* (мѣс. луговъ); для лѣта: *Мэссидоръ* (мѣс. жатвы), *Тэрмидоръ* (мѣс. зноя), *Фрюктидоръ* (мѣс. плодовъ). Каждый мѣсяцъ распадался на три декады; десятый день каждой декады былъ праздничнымъ днемъ и назывался декади. Оставшіеся же затѣмъ пять—а для високоснаго года шесть—дополнительныхъ дней къ ужасу филистеровъ носили названіе *санкюлотидовъ* и были объявлены днями національныхъ праздниковъ. Первый изъ санкюлотидовъ былъ посвященъ уму, второй—труду, третій—добрымъ дѣламъ, четвертый—наградѣ, пятый—общественному мнѣнію, такъ что всѣ слова, сказанныя въ этотъ день, оставались безнаказанными: каждый могъ располагать въ свою пользу общественное мнѣніе и опровергать всякія клеветы. Шестой санкюлотидъ високоснаго года былъ назначенъ для національнаго праздника.

Для перевода республиканскаго календаря на христіанскій (новаго стиля) можетъ служить слѣдующая таблица:

Съ 1	по 30	вандемьера	—	съ 22	сентября	по 21	октября
» 1	» 30	брюмэра	—	» 22	октября	» 20	ноября
» 1	» 30	фримэра	—	» 21	ноября	» 20	декабря
» 1	» 30	нивоза	—	» 21	декабря	» 19	января
» 1	» 30	плювіоза	—	» 20	января	» 18	февраля
» 1	» 30	вантоза	—	» 19	февраля	» 20	марта
» 1	» 30	жерминаля	—	» 21	марта	» 19	апрѣля
» 1	» 30	флореаля	—	» 20	апрѣля	» 19	мая
» 1	» 30	прэріаля	—	» 20	мая	» 18	іюня
» 1	» 30	мэссидора	—	» 19	іюня	» 18	іюля
» 1	» 30	тэрмидора	—	» 19	іюля	» 17	августа
» 1	» 30	фрюктидора	—	» 18	августа	» 16	сентября
» 1	» 5	санкюлотиды	—	» 17	сентября	» 21	сентября

Этотъ календарь оставался въ силѣ двѣнадцать лѣтъ и лишь въ 1805 г., послѣ того какъ Наполеонъ Бонапартъ сталъ императоромъ французовъ, былъ снова замѣненъ христіанскимъ счисленіемъ.

По поводу этого нововведенія поднялся страшный шумъ; введеніе новаго календаря сочли нападеніемъ на само христіанство. Но конвентъ не имѣлъ этого въ виду: онъ ввелъ республиканскій календарь просто потому, что григоріанскій казался ему устарѣлымъ и одностороннимъ. Духовенство воспользовалось этимъ случаемъ, чтобы прокричать, будто конвентъ—сборище богоотступниковъ, иконоборцевъ и враговъ всякой религіи, и снова расписывать весь переворотъ французскаго строя, какъ результатъ безбожности.

Нападеніе на христіанство произошло, но оно исходило не отъ конвента.

Маратъ, бывшій раньше руководителемъ коммуны, не высказывалъ особенной враждебности ни къ религіямъ, ни къ духовенству. Разъ даже, когда его преслѣдовалъ Лафайетъ, онъ нашелъ убѣжище у одного священника. Въ его «Планѣ уголовнаго законодательства», сочиненіи, вышедшемъ во время революціи новымъ изданіемъ, назначены наказанія за преступленія противъ религіи и для атеиста, распространяющаго свои воззрѣнія, опредѣлено тюремное заключеніе. При этомъ говорится: «Несомнѣнно государству полезно, если его члены вѣрятъ въ Бога, но еще полезнѣе, если они не преслѣдуютъ другъ друга».

Послѣ смерти Марата между его сторонниками одержало верхъ противо-религіозное и матеріалистическое направленіе. Клоотцъ, вдохновлявшійся сочиненіями матеріалистическихъ философовъ, человѣкъ эксцентричный, повидимому, склонилъ сторонниковъ Марата къ атеистическимъ воззрѣніямъ. Онъ называлъ себя «личнымъ врагомъ Іеговы» и принялъ имя Анахарсиса; въ подражаніе ему прокуроръ общины Шометтъ называлъ себя Анаксагоромъ. Шометтъ и Геберъ стали вождями коммуны и вмѣстѣ съ многими радикальными революціонерами образовали партію, которую называли «гебертистами». Къ нимъ близко стоялъ Пашъ и военный министръ Бушотъ. Венсанъ, секретарь военнаго министерства, Ронсенъ, генералъ революціонной партіи, Моморо, извѣстный типографъ родомъ изъ Испаніи и Клоотцъ тоже присоединились къ нимъ.

Геберъ оказывалъ тогда громадное вліяніе на народныя массы посредствомъ своего журнала «Père Duchesne», въ которомъ онъ яро нападалъ на враговъ республики и революціи. Онъ писалъ въ этомъ журналѣ аффектированнымъ, грубымъ языкомъ, чтобы возбуждать народныя страсти. Журналъ его выходилъ въ 80,000 экземпляровъ. Революція подняла Гебера изъ низкаго положенія; за свою нечестность онъ потерялъ мѣсто при театрѣ, о чемъ много кричали его враги. Его революціонныя брошюры доставили ему извѣстность, а ораторскій талантъ и подкупающая наружность создали ему вліяніе въ клубахъ. Онъ женился на одной монахинѣ, оставившей монастырь, по имени Гупиль. Послѣ низверженія жирондистовъ, Геберъ стоялъ за уменьшеніе кровопролитій. Но выступивъ въ защиту атеизма, онъ навлекъ на себя крайнюю

ненавидѣлъ власть имущихъ и былъ осыпанъ массою клеветы, которая еще и теперь повторяется.

Геберъ, Шометтъ и Клоотцъ соединились для того, чтобы выдвинуть противъ церкви простой разумъ или здравый человѣческій смыслъ. Клоотцъ говорилъ въ конвентѣ: «Нѣтъ иного повелителя, кромѣ человѣчества. Природа не падаетъ передъ собой же на колѣни... Граждане, разумъ соединилъ всѣхъ людей въ одно общее представительство».

18 октября общинный совѣтъ постановилъ отмѣнить религіозныя церемоніи; процессіи, хожденія по святымъ мѣстамъ были запрещены; мощи, изображенія святыхъ и т. п. — удалены. Такъ какъ парижане съ одобреніемъ встрѣтили эти мѣры, то Геберъ и Шометтъ рѣшили побудить состоявшаго въ дружбѣ съ ними конституціоннаго парижскаго епископа, Гобеля, сложить съ себя санъ для примѣра другимъ. Гобель съ готовностью согласился на это; 7 ноября 1793 г. онъ явился со своими викаріями въ конвентъ въ сопровожденіи Шометта, сложилъ знаки своего священническаго достоинства и надѣлъ красную шапку. Гобель сказалъ при этомъ: «Я принялъ санъ, возложенный на меня народомъ. Я сталъ епископомъ, когда народъ еще хотѣлъ епископовъ и оставляю этотъ санъ, когда народъ уже не желаетъ епископовъ. Духовенство, подчиненное мнѣ, проникнуто такими же мыслями». Священникъ Вожираръ подтвердилъ это заявленіе и многіе священники сложили съ себя санъ. Другіе же остались священниками; между ними былъ и Грегуаръ, который, при всемъ своемъ республиканствѣ, всегда оставался вѣрующимъ христіаниномъ.

Такая сцена произошла передъ барьеромъ конвента 7-го ноября 1793 года, но тутъ отнюдь не было рѣшено уничтожить христіанство, какъ это легкомысленно утверждали. Поступокъ общиннаго совѣта и Гобеля вызвалъ много подражаній въ департаментахъ. Драгоцѣнности забирались изъ церквей и представлялись въ конвентъ для употребленія ихъ на пользу отечества. Изъ колоколовъ отливались пушки. Приносились кресты, золотыя и серебряныя издѣлія всякаго рода, и люди, сносившіе ихъ, наряжались обыкновенно самымъ причудливымъ образомъ въ ризы, рясы и другія священническія облаченія. Одинъ изъ этихъ людей передразнилъ герцога Христіана Брауншвейгскаго, который взялъ нѣкогда 12 серебряныхъ апостоловъ въ Гальберштадтскомъ соборѣ и послалъ ихъ на монетный дворъ со словами: «идите по всему свѣту и учите всѣ народы!..»

Желавшимъ оставить христіанство дорога была показана и въ этомъ отношеніи уже ничего не оставалось дѣлать, потому что никто не имѣлъ ни права, ни разумнаго основанія насильственно отвращать отъ христіанства и церкви тѣхъ людей, которые хотѣли остаться христіанами и имѣть священниковъ. Дѣло не дошло даже до отдѣленія церкви отъ государства, такъ какъ священники по прежнему оставались государственными чиновниками. Но вожди противурелигіознаго движенія впали въ очень обыкновенную ошибку: они полагали, что послѣ устраненія христіанскаго культа необходимо на его мѣсто ввести иной культъ. Такимъ образомъ, гебертисты пришли къ мысли установить культъ разума, который долженъ былъ совершаться въ каждую декади. Соборъ Парижской Богоматери былъ превращенъ въ храмъ разума; поклоненіе разуму совершалось также и въ другихъ церквахъ. Народъ собирался въ церкви; читались конституція и декларація правъ человѣка или устраивались иныя чтенія и сообщались извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій, играла музыка, пѣлись патріотическія пѣсни. Тутъ стоялъ ящикъ, въ видѣ головы животнаго, называвшійся ртомъ мудрости; въ него опускались анонимныя предложенія, жалобы и совѣты по вопросамъ общественнаго блага. Двѣ трибуны были назначены исключительно для старикокъ и беременныхъ женщинъ.

Вѣтреннымъ парижанамъ понравился этотъ культъ, и они громадными толпами стеклись на первый большой праздникъ разума. Этотъ праздникъ, о которомъ сочинено столько басенъ, самъ по себѣ былъ очень простымъ и невиннымъ торжествомъ. Люди длинной процессіей пошли къ собору Парижской Богоматери. Въ шествіи виднѣлись бюсты Лепеллетье и Марата. Затѣмъ въ процессіи явилась и «богиня разума», изъ чего видно, что новый культъ опять приблизился къ формамъ стараго. Богиня разума сидѣла на сѣдалищѣ античной формы, ее несли четверо мужчинъ. Это была стройная женщина съ очень красивымъ лицомъ и очаровательными формами. Еще и теперь держится клевета, будто это была проститутка; но на самомъ дѣлѣ богиней разума былъ никто иной, какъ извѣстная своею красотою г-жа Моморо, которая къ тому же, говорятъ, сперва очень противилась возложенію на нее этой театральной роли и, наконецъ, взяла ее, только уступая желанію своего мужа. Она была одѣта въ бѣлое платье, на плечи ея былъ живописно накинутъ голубой плащъ, а ея красивая головка была покрыта фригійской шапкой, изъ подъ которой

волнами ниспадали распущенные черные волосы. Около нея была одна актриса, изображавшая богиню свободы. Само собою разумѣется, что этимъ красивымъ женщинамъ не «поклонялись», какъ иные увѣряютъ, а онѣ представляли собою только живыя картины. Увѣренія, будто съ праздниками разума были соединены оргіи,—тоже гнусная клевета. Напротивъ, именно Шометтъ уговаривалъ экзальтированныхъ женщинъ не выходить изъ предѣловъ женственности. 18 ноября толпа фантастически разубранныхъ женщинъ проникла, подъ предводительствомъ нѣкоей Розы Лакомбъ, въ залу коммуны и держала себя здѣсь очень навязчиво. Шометтъ напомнилъ имъ объ ихъ обязанностяхъ, какъ матерей и хозяекъ и, восхваливъ вѣрную и заботливую супругу, закончилъ такими словами: «Мы должны презирать безстыдную женщину,—плевать на ту женщину, которая одѣвается въ мужское платье и отвратительно мѣняетъ красоту, данную ей природою, на пику и красную шапку». Было рѣшено не принимать впредь подобныхъ женскихъ депутацій, не вторгаясь, впрочемъ, какъ сказалъ Шометтъ, въ ихъ права.

Сверхъ того, еще раньше было постановлено, по предложенію Жанъ-Бона Сентъ-Андре, что проститутки изгоняются изъ республики; мѣры этой, конечно невозможно было привести въ исполненіе. При старомъ режимѣ на этихъ несчастныхъ женщинъ и дѣвушекъ даже не смотрѣли, какъ на людей; если онѣ заболѣвали или попадали въ конфликтъ съ полиціей, ихъ просто забирали въ Сальпетріеръ или Бисетръ, гдѣ имъ часто по цѣлымъ годамъ приходилось ждать врача и погибать отъ болѣзней, грязи и лишеній. Національный конвентъ въ 1792 г. вывелъ этихъ несчастныхъ изъ такого ужаснаго положенія и помѣстилъ ихъ въ иныхъ мѣстахъ.

Являясь самой крайней партіей революціи, гебертисты навлекли на себя ненависть сильныхъ людей Горы. Этимъ послѣднимъ, можетъ быть, не нравились и тѣ рѣчи съ соціалистическимъ оттѣнкомъ, которыя иногда произносилъ Шометтъ. Но до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній, по которымъ можно было бы точнѣе судить объ идеяхъ гебертистовъ относительно полнаго преобразованія общества.

Комитетъ благосостоянія уже давно ревниво смотрѣлъ на популярную власть коммуны, которая была всецѣло въ рукахъ гебертистовъ. Революціонные комитеты лишили коммуну значительной части ея власти. Она хотѣла подчинить своему руководству революціонные комитеты Парижа и пригласила ихъ

въ городскую ратушу; но Билло-Вареннъ провелъ въ конвентѣ постановленіе, по которому за созваніе революціонныхъ комитетовъ какимъ-либо учрежденіемъ полагалось очень строгое наказаніе.

Праздники разума, встрѣтившіе такой откликъ среди французскаго народа, тѣмъ болѣе возбудили у Робеспьера и Сенъ-Жюста желаніе выступить противъ атеизма со своей идеей добродѣтели. Это произвело большой расколъ въ партіи и должно было вызвать распаденіе Горы.

Когда это диктаторское правительство боролось съ внѣшними и внутренними врагами, когда массы народа поднимались и устремлялись на границы, когда во всей странѣ происходили аресты, совершались казни и во всѣхъ большихъ городахъ стояли постоянные эшафоты, когда остановилась торговля и сношенія и народъ страдалъ подъ гнетомъ страшныхъ лишеній,—въ самой Горѣ медленно назрѣвали раздоры, которые должны были повлечь за собою уничтоженіе этой столь сильной и энергичной партіи.

Въ Горѣ замѣтно было три направленія: ихъ можно назвать правымъ, среднимъ и лѣвымъ. Главою праваго направленія былъ Дантонъ со своимъ другомъ Камилломъ Демуленомъ, Геро де-Сешелемъ, Филиппо, Шабо, Тюріо, Барра, Фрерономъ, Мерленомъ и др., отчего людей этого направленія называли дантонистами. Эти люди, большею частью воспитанные въ принципахъ Вольтера, были неравнодушны къ радостямъ жизни. Были между ними и люди очень распутные. Самъ Дантонъ, послѣ сильныхъ и бурныхъ напряженій предыдущаго времени, еще не могъ снова воспрянуть къ дѣятельности; кромѣ того, на немъ сильно отозвалось низверженіе жирондистовъ. Послѣ смерти своей первой жены, онъ женился на одной благочестивой женщинѣ, которая имѣла на него очень большое вліяніе, такъ что онъ высказывался противъ атеизма Гебера. Дантона, казалось, утомила революція; система ужаса не нравилась ему. Онъ всей душой желалъ окончанія ея. Его партія стала пользоваться репутаціей умѣренной, что очень опасно въ столь бурныя времена. Строгіе революціонеры стали считать ее безнравственной.

Лѣвая фракція Горы въ лицѣ Марата потеряла своего настоящаго вождя и ея важнѣйшая опора, съ тѣхъ поръ какъ главою ея сталъ Геберъ, была внѣ конвента. Пашъ и Шометтъ,

также какъ Ронсенъ и Моморо, принадлежавшіе къ руководителямъ этой партіи, хотѣли довести революцію до осуществленія крайней демократіи. Въ конвентѣ этой партіи держался Клоотцъ, также какъ и нѣсколько депутатовъ, не обладавшихъ громкими именами; другіе, повидимому, колебались между лѣвой и остальными фракціями Горы. Лѣвая фракція опиралась на общинный совѣтъ и на пролетаріатъ предмѣстіи. Правительство комитета благосостоянія считало ее крайней, ультра-революціонной; на нее нападали за ея атеизмъ и энергическую защиту интересовъ того пролетаріата, который производилъ возстанія. Взгляды ея основывались на принципахъ философіи Дидро и Гольбаха.

Самой сильной фракціей Горы была въ это время средняя, въ рукахъ которой была правительственная власть и главою которой нужно считать Робеспьера. Робеспьеръ со своими сторонниками, Сенъ-Жюстомъ и Кутономъ, благодаря своему вліянію на массы и на конвентъ, господствовалъ надъ всѣми, и постепенно подготовлялась его диктатура. Средняя фракція Горы исповѣдывала идеи Жанъ-Жака Руссо и въ бюро правительства его сочиненія всегда лежали открытыми. Билло-Варепнъ, Колло д'Эбруа и большинство членовъ Горы принадлежали къ этой партіи, потому что, хотя многіе изъ нихъ и сами были склонны къ атеизму, власть коммуны противодѣйствовала ихъ стремленіямъ къ строгому единству и они не могли представить себѣ интересовъ буржуазіи иначе, какъ въ полномъ сліяніи съ интересами пролетаріата.

Робеспьеръ до сихъ поръ принималъ участіе во всѣхъ фазисахъ революціи и ея поступательномъ движеніи; его личность такъ срослась съ революціей, что онъ самъ развивался съ нею. Все увеличивающаяся власть Робеспьера вызвала въ немъ стремленіе преобразовать государство по своимъ вкусамъ, по своимъ личнымъ идеямъ. Его взгляды на государство обнаруживали его слабую сторону и онъ оказался одностороннимъ доктринеромъ. Онъ видѣлъ ошибки, преступленія и пороки, погубившіе старую Францію; передъ его глазами раскрылись неизмѣримыя бѣдствія народа, доставлявшія пищу революціи. Но его ввелъ въ заблужденіе Руссо, философія котораго видѣла причину несчастій въ испорченности людей. У Монтескье онъ нашелъ, что добродѣтель или нравственность есть отличительное свойство республиканскаго государства. При влеченіи Робеспьера къ республикамъ древности, абстрактное понятіе добродѣтели стало его идеаломъ, что вполнѣ

соотвѣтствовало всей его натурѣ, строгости его нравовъ и простотѣ жизни. Онъ хотѣлъ, по его собственнымъ словамъ, ввести въ новомъ государствѣ вмѣсто эгоизма нравственность, вмѣсто чести честность, вмѣсто обычаевъ принципы, вмѣсто произвола долгъ, вмѣсто презрѣнія къ несчастью презрѣніе къ пороку, вмѣсто наглости гордость, вмѣсто тщеславія величіе духа, вмѣсто любви къ золоту любовь къ славѣ, вмѣсто интриги заслугу, вмѣсто остроумія умъ, вмѣсто скуки похотей прелесть счастья, вмѣсто дерзости людей великихъ величіе человѣка. «*Принципъ демократическаго правленія*,—говорилъ онъ,—*есть добродѣтель, а средство ея, когда она переходитъ въ дѣло,—ужасъ*».

Но онъ забывалъ, что добродѣтель или нравственность цѣлаго народа нельзя утвердить въ воздухѣ, также какъ и внушить ее народу ужасомъ, подобно тому какъ устрашающія наказанія уголовныхъ законовъ не могутъ уничтожить преступленій. Добродѣтели нельзя ввести предписаніями; она можетъ процвѣтать только на прочной основѣ матеріальнаго благосостоянія и „земного“ счастья. Увѣковѣченіе бѣдности и нужды увѣковѣчитъ также преступленія и пороки. Робеспьеръ не понялъ связи между революціей и измѣненіями въ области собственности. У народа, который можетъ достаточно питаться, одѣваться какъ слѣдуетъ, жить въ удобныхъ жилищахъ и получать образованіе, соотвѣтствующее времени, добродѣтель и свобода явятся скоро; пороки и преступленія будутъ у него быстро уменьшаться. Но Робеспьеръ не думалъ о томъ, чтобы дать экономическимъ основамъ общества такую организацію, которая бы доставила всему народу возможность жить въ лучшихъ условіяхъ и обезпечила его существованіе. Противъ господствующихъ бѣдствій принимались лишь жалкія, недостаточныя мѣры, а во всемъ остальномъ Робеспьеръ не могъ предложить ничего, кромѣ безсмертія души и вѣры въ Высшее Существо. Голодающій народъ, въ своей преданности республикѣ выносившій всѣ лишенія, увидѣлъ, что его надежды обмануты, и намъ понятно, отчего паденіе Робеспьера совершилось столь быстро, столь внезапно.

Предвѣстія распаденія Горы проявлялись все яснѣе и яснѣе. Уже въ ноябрѣ 1793 года Робеспьеръ напалъ въ клубѣ якобинцевъ на атеизмъ. Онъ сталъ при этомъ на ту обычную, мѣщанскую точку зрѣнія, что, молъ, образованный человѣкъ можетъ обойтись безъ религіи, но для народа она необходима.—„*Атеизмъ*“, говорилъ онъ,—„*аристократиченъ*. Мысль

о великомъ существѣ, которое охраняетъ угнетенную невинность, караетъ торжествующее преступленіе,—въ высшей степени народна. *Еслибы Бога и не было, то его нужно было бы выдумать!*"

Мы увидимъ, что онъ его впослѣдствіи и выдумалъ.

Дантонисты въ это время шли еще рука объ руку съ Робеспьеромъ и Камиллъ Демуленъ издавалъ свой журналъ: „Старый Кордельеръ". Онъ было удалился на нѣкоторое время въ лоно своей семьи, гдѣ его милая супруга, Люсиль Дюплесси, принесшая ему и пламенную любовь и состояніе, разглаживала морщины на его челѣ. Теперь онъ снова выступилъ на сцену. Его журналъ былъ назначенъ спеціально для нападеній на гебертистовъ и въ этихъ предѣлахъ онъ пользовался одобреніемъ Робеспьера. Но Камиллъ Демуленъ пошелъ дальше; онъ нападалъ на гебертистовъ также и за то, что они требовали самыхъ крайнихъ мѣръ противъ враговъ республики. Революціонный трибуналъ въ Парижѣ дѣйствовалъ въ это время со всей энергіей; были казнены генералы-измѣнники и почти ежедневно отправлялись на эшафотъ лица, распространявшія поддѣльные ассигнаты или участвовавшія въ заговорахъ и преступленіяхъ противъ законовъ республики. Такой же ужасъ господствовалъ въ провинціяхъ, и законъ о подозрительныхъ переполнилъ всѣ тюрьмы.

Камиллъ Демуленъ—то-ли по собственному увлеченію, то-ли по внушенію Дантона—скоро сталъ нападать и на революціонное правительство. Гебертистовъ онъ обвинялъ въ соглашеніи съ Питтомъ; теперь онъ сталъ примѣнять къ революціонному правительству и его органамъ безсмертныя слова Тацита о тираніи въ древнемъ Римѣ. Онъ сравнивалъ доносчиковъ съ деляторами [1]) древняго Рима и говорилъ: „Каковы обвинители—таковы и судьи; суды, которые должны бы охранять жизнь, превратились въ бойни, гдѣ то, что называлось смертной казнью и конфискаціей имущества, стало лишь разбоемъ и грабежомъ". Дѣйствіе закона о подозрительныхъ онъ сравнивалъ съ состояніемъ Рима въ царствованіе Нерона: „Люди должны были выражать радость по поводу смерти своихъ друзей, родственниковъ, если они сами не хотѣли подвергнуться смертной казни. Въ царствованіе Нерона многіе шли благодарить боговъ за то, что убили ихъ родственниковъ; они устраивали иллюминаціи. Нужно было, по крайней мѣрѣ, при-

[1]) Delator доносчикъ, предатель. Г. Л.

твориться довольнымъ, веселымъ и спокойнымъ. Все вызывало подозрѣніе тирана. Если гражданинъ пользовался популярностью,—онъ былъ соперникомъ государя, онъ могъ возбудить гражданскую войну. Это подозрительно! Если же вы избѣгали популярности, держались въ сторонѣ,—ваша замкнутая жизнь вызывала вниманіе, надзоръ надъ вами. Подозрительно! Были вы бѣдны,—о, въ такомъ случаѣ надо имѣть за вами усиленный надзоръ! Никто такъ не предпріимчивъ, какъ тотъ, у кого ничего нѣтъ. Подозрительно! Если у васъ былъ мрачный, меланхолическій характеръ или вы небрежно одѣвались,—значитъ, вы всецѣло были поглощены той мыслью, что общественныя дѣла идутъ не такъ-то хорошо. Подозрительно! Кто отличался добродѣтелью, строгими нравами,—это былъ новый Брутъ, желавшій своей бѣдностью уязвить роскошный, разукрашенный дворъ. Подозрительно! Если кто былъ философомъ, ораторомъ или поэтомъ,—ну, еще не доставало, чтобы онъ пріобрѣлъ большую славу, чѣмъ тѣ, которые управляли! Подозрительно! Если вы отличились на войнѣ, то тѣмъ лишь опаснѣе ваши таланты. Съ неспособностью полководца можно было бы еще помириться: если онъ измѣнитъ, то не съумѣетъ выдать непріятелю армію такъ, чтобы ни одинъ человѣкъ не спасся. Но если измѣнитъ заслуженный полководецъ, то уже никто не уйдетъ! Лучше всего совершенно избавиться отъ такихъ людей. По крайности, ихъ нужно немедленно же удалять изъ арміи. Подозрительно! Надо думать, что еще хуже приходилось тому, кто былъ родственникомъ государя: вѣдь, онъ могъ имѣть виды на престолъ! Подозрительно! Такимъ образомъ, нельзя было обладать какимъ бы то ни было качествомъ,—если вы не дѣлали его орудіемъ тираніи,—чтобы не возбудить ревности деспота и не быть обреченнымъ на вѣрную гибель. Преступленіемъ было занимать видное мѣсто или оставлять его. Но величайшимъ изъ всѣхъ преступленій была неподкупность... Людей предавали и убивали кинжалами и рабы и враги. У кого же не было враговъ, того убивалъ другъ, близкій человѣкъ, сынъ. Словомъ, во время этого правленія естественная смерть человѣка знаменитаго или занимающаго хоть какую-нибудь должность стала такой рѣдкостью, что о ней объявляли, какъ о необычайномъ событіи, и историки записывали ее на память грядущимъ вѣкамъ. Во время этого консульства (consulat) былъ лишь одинъ священникъ, умершій естественной смертью, на что смотрѣли, какъ на настоящее чудо".

Эта страшная сатира, соскользнувшая съ блестящаго пера

Камилла Демулена, произвела громадное впечатлѣніе. Демуленъ писалъ смѣло, талантливо, остроумно, но—не благоразумно, потому что реакціонеры съ злобной радостью прислушивались къ этимъ нападкамъ, которые должны были вызвать раздоры въ Горѣ. „Старый Кордельеръ“ читался повсюду и производилъ огромное впечатлѣніе. Камиллъ Демуленъ предложилъ учредить комитетъ помилованій; многіе думали, что уже пришелъ конецъ терроризму, потому что не задолго передъ этимъ и Робеспьеръ предложилъ назначить комитетъ справедливости.

Комитетъ благосостоянія колебался, потому что сила гебертистовъ увеличивалась, по мѣрѣ того, какъ Камиллъ Демуленъ давалъ понять, что его партія хочетъ умиротворенія революціи. Всѣ были согласны въ томъ, что это умиротвореніе должно когда-нибудь наступить, но гебертисты считали систему ужаса необходимой до тѣхъ поръ, пока враги республики достаточно сильны и иностранныя войска стоятъ съ оружіемъ въ рукахъ. Колло д'Эбруа, вернувшійся тѣмъ временемъ изъ Ліона, принялъ сторону гебертистовъ и Робеспьеръ теперь оставилъ Камилла Демулена, который до сихъ поръ передавалъ на его цензуру свой журналъ. Онъ въ клубѣ якобинцевъ порвалъ съ Демуленомъ, своимъ школьнымъ товарищемъ, и предложилъ сжечь его журналъ. Камиллъ отвѣтилъ словами Вольтера: «*сжечь — еще не значитъ опровергнуть!*» Теперь вражда съ Робеспьеромъ была на-лицо, а при тогдашнихъ условіяхъ она могла имѣть только кровавый исходъ.

Гебертисты Рожэнъ и Венсенъ были арестованы по совершенно пустымъ причинамъ; теперь ихъ освободили. Но затѣмъ комитетъ благосостоянія принялъ рѣшеніе относительно своего дальнѣйшаго образа дѣйствій. Рѣшено было устранить дантонистовъ, какъ умѣренныхъ и тормозящихъ дѣло революціи, а гебертистовъ низвергнуть, какъ крайнихъ революціонеровъ, способныхъ скомпромитировать революцію своимъ атеизмомъ.

Люди добродѣтели были неразборчивы въ своихъ средствахъ. Дантонисты и гебертисты были, по ихъ понятіямъ, людьми недобродѣтельными; поэтому ихъ нужно было уничтожить. Сенъ-Жюстъ выступилъ въ конвентѣ съ обвиненіями противъ обѣихъ этихъ фракцій: дантонистовъ онъ обвинялъ въ желаніи превратить республику въ вакханку, а гебертистовъ въ желаніи сдѣлать изъ нея распутницу. «Граждане!— воскликнулъ онъ:—вы хотѣли республики. Если вы вмѣстѣ

съ тѣмъ не хотите тѣхъ вещей, которыя создаютъ ее, то народъ погибнетъ подъ ея развалинами. Нужно наказывать того, кто сожалѣетъ объ арестованныхъ; *нужно наказывать того, кто не хочетъ добродѣтели; нужно наказывать того, кто не хочетъ ужаса!*»

Робеспьеръ тоже обвинялъ умѣренныхъ и крайнихъ революціонеровъ. «При теперешнихъ обстоятельствахъ,—говорилъ онъ,—невозможно управлять по законамъ мирнаго времени; революціонное правительство есть *деспотизмъ свободы, направленный противъ тираніи*». Онъ утверждалъ, что крайніе революціонеры хотятъ распустить конвентъ, чтобы учредить диктатуру. А самъ онъ низвергъ обѣ партіи лишь затѣмъ, чтобы основать свою собственную диктатуру!

Раздались кровавыя угрозы. Камиллъ Демуленъ сказалъ о Сенъ-Жюстѣ: «онъ такъ пустъ, такъ много воображаетъ о себѣ, что носитъ свою голову на плечахъ съ такимъ благовѣніемъ, точно святые дары!» Сенъ-Жюстъ отвѣтилъ на это: «*А Демулена я заставлю нести его голову, какъ святой Діонисій!*» (подъ мышкой).

Изъ двухъ партій, подвергшихся теперь нападенію, сильнѣе были гебертисты, потому что они господствовали въ коммунѣ и имѣли много сторонниковъ въ народѣ. Коммуна, снабжая Парижъ провіантомъ, пріобрѣла большую любовь народа. Зима съ 1793 на 1794 г. была крайне сурова; трудно было достать воду; народъ долженъ былъ таскать себѣ топливо изъ дальнихъ лѣсовъ. Провіанта было мало; передъ хлѣбными лавками женщины еще съ ранняго утра выстраивались длинной цѣпью. Мясо, овощи и стручковые плоды стали рѣдкостью и коммуна могла доставлять парижскому населенію лишь черезъ два дня по одному фунту мяса на человѣка. Но она дѣлала все, что могла; она реквизировала предметы первой необходимости или скупала ихъ и безъ ея дѣятельности голодъ въ эту зиму страшно сократилъ бы парижское населеніе.

Но люди добродѣтели не принимали въ разсчетъ этихъ заслугъ гебертистовъ, когда заговорилъ фанатизмъ партійныхъ возрѣній. Послѣ одной рѣчи Сенъ-Жюста конвентъ далъ самыя широкія полномочія комитету благосостоянія. Сенъ-Жюстъ такъ же, какъ Камиллъ Демуленъ, не упускалъ случая, чтобы не оклеветать гебертистовъ. Утверждали, будто они со-

стоятъ на жалованьи у иностранныхъ державъ и будто имъ поручено крайностями и въ особенности атеизмомъ скомпрометировать республику въ глазахъ Европы и этимъ привести ее къ гибели. Но за этими клеветами скрывалась своего рода классовая борьба, которую тогда можно было лишь чувствовать, для которой еще не было имени. Государственные люди конвента и комитета благосостоянія прекрасно чувствовали, что представители интересовъ пролетаріата, взявъ въ свои руки коммуну, какъ наслѣдіе Марата, и ведя ее съ такой энергіей дальше впередъ,—выходили изъ границъ республики добродѣтели, скроенной по мѣркѣ «почтенныхъ гражданъ». Еще не рѣшились оффиціально отдѣлить интересы трудящагося люда отъ интересовъ состоятельной буржуазіи и поэтому для нападеній на гебертистовъ прибѣгали къ самой грубой клеветѣ.

Гебертисты увидѣли, что имъ грозитъ опасность. Былъ пущенъ также слухъ, будто они хотятъ произвести государственный переворотъ и ввести диктатуру, при которой вся правительственная власть должна быть сосредоточена въ рукахъ одного трибунала, подъ предсѣдательствомъ верховнаго судьи; говорили, будто здѣсь цензоръ долженъ быть обвинителемъ, а генералиссимусъ долженъ руководить борьбой съ внутренними и внѣшними врагами. Утверждали, будто Пашъ имѣетъ быть верховнымъ судьею, а Ронсенъ — генералиссимусомъ. Но эти обвиненія были лишь пустыми зымыслами, и противъ Паша даже не возбуждали обвиненія.

Геберъ говорилъ въ клубѣ новыхъ кордельеровъ, что самые худшіе люди — не воры, а честолюбцы: онъ мѣтилъ въ Робеспьера. Гебертисты завѣсили въ этомъ клубѣ «Права человѣка»; казалось, что они хотятъ подготовиться къ возстанію. Но у нихъ не было плана, а противъ нихъ, сверхъ того, была преобладающая сила. И не такъ-то легко было привести въ движеніе довольно тяжеловѣсный аппаратъ, которымъ можно было бы вызвать возстаніе въ предмѣстьяхъ. Комитетъ былъ сильнѣе и дѣйствовалъ быстрѣе ихъ. Въ ночь 13 марта вожди гебертистовъ были арестованы, а именно: Геберъ, Ронсенъ, Моморо, Венсанъ, Дюкрюкэ и Сомюръ. Къ нимъ еще присоединили: голландскаго банкира и патріота Кокка, у котораго часто собирались гебертисты; затѣмъ, Дефье, Дюбюиссона, Перейра и Проли: три послѣдніе были нѣкогда комиссарами якобинцевъ при Дюмурье, — Проли былъ побочный сынъ извѣстнаго политическаго дѣятеля Каунитца; далѣе была арестована жена казненнаго за свои неудачи въ Вандѣ гене-

рала Гетино и, наконецъ,—Клоотцъ, нѣмецкій дворянинъ, единственный изъ членовъ конвента. Робеспьеръ добился исключенія Клоотца изъ клуба якобинцевъ за то, что онъ получалъ ренту въ 100000 франковъ и интересовался больше счастьемъ Персіи и Мономотапы, чѣмъ счастьемъ Франціи. Бѣдный Клоотцъ столь же искренно мечталъ о своей всемірной республикѣ, какъ и Робеспьеръ о своемъ государствѣ добродѣтели. Черезъ нѣсколько дней были арестованы также Шометтъ, Гобель и Пашъ. Пашъ былъ устраненъ отъ должности мэра, и къ нему отнеслись, какъ къ человѣку подозрительному.

Процессъ гебертистовъ продолжался три дня; обвиняемые, на которыхъ взваливали всевозможныя позорныя обвиненія—такъ, ихъ обвиняли даже въ кражѣ бѣлья—почти совершенно отказались отъ всякихъ средствъ защиты. „Это,—сказалъ Ронсенъ:—*процессъ политическій*. Къ чему вамъ ваши бумаги и всѣ приготовленія къ защитѣ? Вѣдь васъ все равно обвинятъ. Вы болтали, когда нужно было дѣйствовать; такъ покажите теперь, что вы сумѣете мужественно умереть!“

24 марта 1794 года осужденныхъ повезли на казнь. На пути къ эшафоту ихъ осыпали насмѣшками, потому что здѣсь собралось много роялистовъ, чтобы полюбоваться уничтоженіемъ революціонной коммуны. Ронсенъ и Клоотцъ проявили на эшафотѣ большое мужество.

Революціонная армія была распущена. Шометтъ и Гобель были тоже казнены: Шометта обвинили предъ трибуналомъ въ томъ, будто онъ хотѣлъ выморить голодомъ Парижъ, на что онъ отвѣтилъ презрительнымъ молчаніемъ. Коммуна была составлена изъ сторонниковъ Робеспьера.

Такъ остановился Робеспьеръ, послѣ того какъ онъ постоянно шелъ впередъ съ революціей. Здѣсь уже началась реакція въ его вкусѣ.

На гебертистовъ много и сильно клеветали историки; такая судьба постигаетъ всѣхъ, кто держится бѣднаго люда. Между ними, пожалуй, были фанатичные и слишкомъ увлекающіеся люди, но республиканскій патріотизмъ у этой партіи былъ столь же искрененъ, какъ и у другихъ партій. Они пали жертвой классовой ненависти, ограниченной идеи государства добродѣтели и властолюбія людей добродѣтели. Но когда комитетъ благосостоянія парализовалъ коммуну и истребилъ ея вождей, онъ подрубилъ тотъ сукъ, на которомъ онъ самъ держался. Парижское населеніе питало полное довѣріе къ людямъ коммуны, постоянно доставлявшимъ ему средства къ

жизни, когда его лишенія возрастали. Впредь, когда онъ станетъ жаловаться на свою нужду, его будутъ угощать лишь усиленными строгостями противъ враговъ республики. Парижское населеніе не такъ легко отнеслось къ казни гебертистовъ, какъ предполагали въ комитетѣ благосостоянія.

Реакція, начавшаяся паденіемъ гебертистовъ, должна была поглотить и людей добродѣтели и всю Гору.

Едва пали вожди гебертистовъ, какъ комитетъ благосостоянія приготовился истребить и правую фракцію Горы, дантонистовъ. Отправивъ на эшафотъ крайнихъ революціонеровъ, Робеспьеръ боялся, какъ бы не навлечь на себя подозрѣнія въ симпатіяхъ къ умѣреннымъ. Отрубленныя головы умѣренныхъ должны были доказать, что Робеспьеръ не имѣетъ ни малѣйшаго влеченія къ умѣренности.

Дантонъ пробылъ нѣкоторое время у себя на родинѣ въ Арси на Обѣ (Arcis sur Aube) и вернулся съ самыми мрачными предчувствіями. Прибывъ по вызову своихъ друзей въ Парижъ, онъ имѣлъ свиданіе съ Робеспьеромъ. Прежняя дружба этихъ вождей революціи, въ которой посредникомъ между ними былъ Камиллъ Демуленъ, охладѣла и они разстались, не придя къ сближенію. Дантонъ видѣлъ, что надъ нимъ собирается гроза, и ничего не предпринималъ противъ нея. Да и что же ему было дѣлать? Бѣжать? Но какая же страна приняла бы его? Если бы онъ захотѣлъ возвысить свой могучій голосъ въ конвентѣ и предупредить правительство, то еще сомнительно, не выскажется ли конвентъ за Робеспьера и комитетъ благосостоянія? Онъ флегматически отдался на волю судьбы... „Лучше пойти на гильотину, чѣмъ самому гильотинировать!" говорилъ онъ. Онъ замѣчалъ, что жизнь ему надоѣла. И одному другу, который совѣтовалъ ему бѣжать, онъ отвѣтилъ: *„Развѣ можно унести съ собою родину на подошвахъ сапоговъ"*.

Вечеромъ 30 марта 1794 г. одинъ канцелярскій чиновникъ сообщилъ ему, что въ комитетѣ благосостоянія была рѣчь объ его арестѣ. Дантонъ, оглянувшись на свою роль въ революціи, отвѣтилъ: *„Они не осмѣлятся!"*

Однако они осмѣлились.

Ночью, по приказанію всесильнаго комитета благосостоянія, вслѣдствіе доклада Сенъ-Жюста, Дантонъ былъ арестованъ; арестованы также Камиллъ Демуленъ, Геро де-Сешелль,

Лакруа, Филиппо, Вестерманъ и еще нѣкоторые дантонисты. Нѣсколько приверженцевъ Дантона: Шабо, Фабръ д'Эглантинъ, Базиръ и еще четыре человѣка были арестованы за поддѣлку одного декрета изъ корыстолюбія: теперь нарочно соединили этотъ процессъ о поддѣлкѣ съ процессомъ Дантона, и дантонистовъ всѣхъ вмѣстѣ представили передъ трибуналъ. Дантонистовъ такъ же, какъ и гебертистовъ, обвиняли въ томъ, что они подкуплены иностранцами,—съ тою лишь разницею, что гебертисты якобы имѣли намѣреніе погубить республику своими крайностями, а дантонисты будто хотѣли достигнуть того же своею умѣренностью. Противъ Дантона откопали старое обвиненіе, будто онъ былъ подкупленъ дворомъ и участвовалъ въ грабежахъ въ Бельгіи, но ни того, ни другого, по нашему мнѣнію, нельзя доказать несомнѣнными данными.

У Дантона не было опоры въ конвентѣ и въ клубахъ; но когда распространилась вѣсть объ его арестѣ, Парижъ все-таки заволновался. Въ конвентѣ поднялся другъ Дантона, Лежандръ, и потребовалъ, чтобы арестованнаго привели въ конвентъ. Но Робеспьеръ разбилъ Лежандра своимъ краснорѣчіемъ и угрозами, и когда онъ воскликнулъ: *„мы не хотимъ идоловъ!“*, конвентъ отвѣтилъ ему бурными одобреніями. Сенъ-Жюстъ прочелъ ловко составленный докладъ, въ которомъ онъ сгруппировалъ всѣ клеветы на дантонистовъ и изобразилъ ихъ людьми, подкупленными иностранными державами. Конвентъ сдѣлалъ видъ, будто онъ вѣритъ всѣмъ этимъ вещамъ, и депутаты изъ страха передъ силой комитетовъ пожертвовали головами Дантона и его друзей,—чтобы спасти свои собственныя.

Арестованные сидѣли въ заключеніи въ Люксенбургѣ, гдѣ Дантонъ изрекалъ свои сильныя, крылатыя слова, а бѣдный Камиллъ Демуленъ, проживишій чудную идиллію со своей прекрасной, молодой женой, Люсиль Дюплесси, писалъ тѣ незабвенныя письма, которыя принадлежатъ къ самымъ трогательнымъ изліяніямъ, какія когда-либо исторгалъ ужасъ смерти изъ любящаго сердца. Но передъ трибуналомъ Дантонъ и его друзья предстали исполненные мужества и гордости. Они, повидимому, еще имѣли надежду избѣжать эшафота, хватались за всякія процессуальныя формальности и защищались съ большимъ краснорѣчіемъ. Передъ трибуналомъ на допросѣ они давали оригинальные и достопримѣчательные отвѣты. Когда Дантону предложили вопросъ объ его имени, возрастѣ и мѣстѣ жительства, онъ отвѣтилъ: „Я—Дантонъ, — достаточно

извѣстный въ революціи, 35 лѣтъ; мое мѣстопребываніе скоро будетъ въ небытіи,—а имя мое будетъ жить въ Пантеонѣ исторіи!"

Народъ массами сбѣгался, чтобы посмотрѣть на знаменитыхъ вождей революціи передъ трибуналомъ; было неспокойно; народъ проникся участіемъ, когда увидѣлъ, какъ прекрасная, молодая жена Камилла въ отчаяніи блуждала близъ тюрьмы своего супруга. Громовой голосъ Дантона возбуждалъ народъ; онъ заглушалъ колокольчикъ предсѣдателя. Присяжные колебались, а обвиняемые все настойчивѣе и настойчивѣе требовали, чтобы имъ представили ихъ обвинителей и клеветниковъ. Но трибуналъ прекратилъ дебаты подъ тѣмъ предлогомъ, что обвиняемые оскорбили его. Ихъ приговорили къ смертной казни. И вотъ, въ послѣдній разъ послышался страшный голосъ Дантона; онъ пророчески воскликнулъ: „Нами жертвуютъ честолюбію трусливыхъ разбойниковъ,—но они недолго будутъ пользоваться плодами своей преступной побѣды. *Я потащу за собою Робеспьера... Робеспьеръ пойдетъ за мною!*"

Это пророчество должно было исполниться.

Дантонистовъ повезли на казнь 5 апрѣля 1794 г. Они умерли мужественно; Дантонъ потребовалъ, чтобы палачъ показалъ его голову народу, что тотъ и сдѣлалъ.

Такъ кончилъ жизнь Дантонъ, бурная энергія котораго спасла нѣкогда Францію отъ нападенія иностранныхъ державъ и реакціи въ самой странѣ. Это былъ человѣкъ дикихъ вспышекъ, но не систематической жестокости. Съ нимъ умеръ и Камиллъ Демуленъ, блестящій поэтическій талантъ, ѣдкія замѣчанія котораго часто производили свое дѣйствіе даже тамъ, гдѣ онъ этого не хотѣлъ. На позорной колесницѣ онъ вспомнилъ тотъ день, 12 іюля, когда онъ въ Пале-Роялѣ призывалъ народъ къ оружію противъ двора, и онъ съ сердечной болью произнесъ: «такъ вотъ, какова награда первому апостолу свободы»! Бѣдный Камиллъ! Онъ былъ созданъ изъ матеріи, слишкомъ нѣжной для этой революціи, которая и желѣзные колоссы разбивала въ щепки. Эти два друга дѣлали все, чтобы придать жаръ и энергію революціи. Теперь они не во-время потребовали умѣренности—и головы ихъ достались палачу.

Послѣ низверженія гебертистовъ и дантонистовъ, Робеспьеръ сталъ первымъ человѣкомъ въ республикѣ. Не было уже ни одного блестящаго имени, которое можно было бы

противопоставить его имени, и никто такъ не сросся со всѣми великими событіями революціи, какъ онъ, депутатъ изъ Араса. Послѣ того, какъ онъ расчистилъ себѣ дорогу, его диктатура вырабатывалась совершенно сама собою изъ обстоятельствъ того времени. Съ помощью Сенъ-Жюста и Кутона, его друзей, совершенно преданныхъ ему, онъ завладѣлъ комитетомъ благосостоянія, а посредствомъ него и конвентомъ. Внѣ конвента Робеспьеръ старался упрочить свое положеніе тѣмъ, что онъ всѣ выдающіяся должности замѣщалъ своими сторонниками. Революціонный трибуналъ состоялъ все изъ его сторонниковъ. Составъ коммуны былъ измѣненъ. Флеріо сталъ мэромъ, Пэйанъ — національнымъ агентомъ; этотъ послѣдній замѣнилъ прежняго прокурора Шометта. Оба они были безусловно преданы Робеспьеру такъ-же, какъ и начальникъ національной гвардіи Анріо. Революціонная армія была распущена, потому что она состояла преимущественно изъ гебертистовъ. Министерства были уничтожены, а вмѣсто нихъ, для веденія государственныхъ дѣлъ, учреждено двѣнадцать бюро. Въ вѣдѣніи бюро состояли: 1) Полиція и судебное вѣдомство; 2) Народное просвѣщеніе; 3) Земледѣліе и искусства; 4) Торговля и наблюденіе за магазинами; 5) Общественныя сооруженія; 6) Организація общественной помощи; 7) Почта, транспортное дѣло и посольства; 8) Финансы; 9) Организація арміи и управленіе ею; 10) Судоходство и колоніи; 11) Вооруженіе; 12) Внѣшнія дѣла. Такимъ образомъ, отъ министерствъ, которыя, впрочемъ, сохраняли лишь тѣнь самостоятельности, правительственная власть совершенно перешла къ комитету, органами котораго и были двѣнадцать бюро. Клубъ кордельеровъ былъ закрытъ, потому что этимъ надѣялись окончательно парализовать гебертистовъ; оставленъ только клубъ якобинцевъ, какъ признанное и поощряемое правительствомъ народное общество, гдѣ Робеспьеръ попрежнему ежедневно являлся на трибунѣ. Собранія же секцій были прекращены:— мѣра крайне непопулярная, такъ какъ вслѣдствіе нея рабочіе, получавшіе до сихъ поръ по два франка за посѣщеніе секцій, лишились поддержки, столь необходимой въ это время безработицы и голода.

Таково было внѣшнее устройство того аппарата, который долженъ былъ управлять республикой добродѣтели и ужаса. Довольно характерно, что самъ Робеспьеръ взялъ на себя бюро общей полиціи. Сенъ-Жюстъ, такъ сильно выдвинувшійся при низверженіи гебертистовъ и дантонистовъ, сталъ теперь

рядомъ съ Робеспьеромъ во главѣ республики. Этотъ молодой человѣкъ свелъ свои политическіе взгляды и требованія къ формуламъ, которыя онъ хладнокровно проводилъ, не давая никакого мѣста движеніямъ сердца, чувства. Его рѣшительность и фанатизмъ дѣлали его страшнымъ. Онъ носился съ грандіозными планами, отъ которыхъ до насъ сохранилось лишь немногое. Онъ хотѣлъ преобразовать все общество и вернуть его къ естественной простотѣ по идеалу Руссо. Онъ хотѣлъ превратить Францію въ демократическое земледѣльческое государство; для молодежи хотѣлъ онъ ограничить потребленіе мяса. Онъ всегда настаивалъ, что человѣкъ имѣетъ право на хлѣбъ, на существованіе, и 3 мая 1794 г. по его предложенію было постановлено: «Собственность патріотовъ священна и неприкосновенна, имущества же враговъ республики конфискуются въ общую пользу». Постановленіе это выполнялось такъ: нужно было составить списокъ нуждающихся патріотовъ во всѣхъ общинахъ; нуждающіеся должны были получать вспомоществованія изъ кассы республики. Черезъ Баррера, который остался въ комитетѣ благосостоянія и подладился къ тріумвирату Робеспьера, Сенъ-Жюста и Кутона, чтобы впослѣдствіи, съ перемѣной вѣтра, оставить его,—былъ предложенъ декретъ, долженствовавшій уничтожить бѣдность и нищенство. На это смотрѣли слишкомъ легко. Декретъ предписывалъ продажу всѣхъ госпиталей, ихъ имущества и строеній, потому что общественная благотворительность должна была выполняться только республикою. Она должна была дать нуждающемуся извѣстную земельную собственность, доставлять ему работу, если онъ самъ не могъ достать ее, обезпечить ему содержаніе и уходъ, когда онъ заболѣетъ или станетъ неспособнымъ къ труду, и позаботиться о воспитаніи его дѣтей.

Всѣ эти мѣропріятія вынуждались потребностями минуты и могли лишь на очень короткое время закрыть страшно зіяющую и все увеличивающуюся язву народныхъ бѣдствій. Здѣсь тоже люди не вышли изъ рамокъ государственной благотворительности, въ которую включили даже право на трудъ. Экономическія мѣропріятія правительства Сенъ-Жюста и Робеспьера были недостаточны. Ассигнаты снова стали падать въ курсѣ. Въ декабрѣ 1793 г. ихъ курсъ былъ еще $51\frac{1}{2}$. Теперь онъ падалъ быстро и гильотина, казнившая за ажіотажъ и ростовщичество, не могла остановить этого паденія. Съ января 1794 по іюль того же года курсъ ассигнатовъ

понизился съ 40 до 31, а затѣмъ, когда система ужаса вдругъ ослабѣла, онъ сталъ падать еще ниже и быстрѣе.

Комитетъ благосостоянія долженъ былъ выполнять неимовѣрную работу, какую врядъ ли когда-либо выполняло другое правительство. Робеспьеръ, Сенъ-Жюстъ и Кутонъ руководили общей политикой, Барреръ былъ докладчикомъ комитета, Каньонъ управлялъ финансами, Билло-Вареннъ и Колло д'Эбруа завѣдывали сношеніями съ департаментами, а Карно по прежнему руководилъ военнымъ управленіемъ. Оба Пріёра, Жанъ-Бонъ, Сентъ-Андрэ и Роберъ Ленде обыкновенно посылались въ провинціи для производства реквизицій или наказанія бунтовщиковъ. Работы, какъ говорилъ впослѣдствіи Карно, была такая масса, что члены комитета вынуждены были поручать другъ другу расписываться за себя, потому что невозможно было вмѣстѣ обсуждать дѣла: въ одинъ день приходилось рѣшать по шести сотъ дѣлъ. У этихъ правителей едва оставалось время на принятіе пищи и самъ Карно долженъ былъ наскоро обѣдать въ одномъ скверномъ трактирѣ, чтобы сейчасъ же снова приниматься за работу.

Тріумвиратъ, правительственными принципами котораго были добродѣтель и ужасъ, вступилъ на опасный путь. Онъ вращался между революціонными актами и реакціонными выходками. Сила этой диктатуры зависѣла отъ единенія властей, установленнаго популярностью Робеспьера и его вліяніемъ на массы, а также и уничтоженіемъ всѣхъ выдающихся его противниковъ. Но это единеніе могло нарушиться и тогда все искусное сооруженіе диктатуры добродѣтельнаго и неподкупнаго Робеспьера немедленно должно было рухнуть. Если бы комитетъ благосостоянія пересталъ повиноваться тріумвирату или у конвента возникли препирательства съ комитетомъ благосостоянія, то диктатура Робеспьера оказалась бы висящей въ воздухѣ.

Но тріумвиры дѣлали все, чтобы упрочтить свою власть и преклонить даже конвентъ передъ ужасомъ.

Добродѣтель предписывалась государственной властью о ней говорилось во всѣхъ правительственныхъ публикаціяхъ. Старались внушить народу скромность, справедливость, честность, довольство малымъ,—словомъ всю робеспьеровскую серію добродѣтелей. Но эти слова такъ и оставались словами и не могли, какъ декорація, скрыть слабыхъ сторонъ республики добродѣтели. Другой же правительственный принципъ людей добродѣтели,—ужасъ—достигъ во время диктатуры Робеспьера крайнихъ предѣловъ.

Ужасъ въ это время уничтожилъ всѣхъ враговъ комитета благосостоянія внутри Франціи. Возстанія большихъ городовъ, жирондистовъ, Вандеи были подавлены и въ провинціяхъ трибуналы цѣлыми массами казнили враговъ республики. Однако число жертвъ было не такъ велико, какъ обыкновенно говорятъ,—за исключеніемъ немногихъ мѣстностей, гдѣ озлобленіе борьбы разожгло партійныя страсти до бѣлаго каленія. Это было на сѣверѣ въ мѣстности Араса, гдѣ Жозефъ Лебонъ функціонировалъ въ качествѣ комиссара комитета благосостоянія и отправилъ на эшафотъ множество людей. На югѣ, въ Оранжѣ, Мэнье (Maignet) назначилъ трибуналъ, произносившій много обвинительныхъ приговоровъ, между тѣмъ какъ самъ онъ огнемъ и мечомъ разносилъ ужасъ по всей окрестности. Въ Нантѣ поселился Каррье, и когда адскія колонны ходили по Вандеѣ, арестованные, отправляемые ими въ Нантъ, массами обрекались на смерть. Къ этимъ страшнымъ сценамъ примѣшались жестокія, кровавыя издѣвательства; при массовыхъ потопленіяхъ совершавшихся по распоряженію Каррье, связывали, какъ говорили впослѣдствіи члены революціоннаго трибунала, по-парно голыхъ мужчинъ и женщинъ, и бросали ихъ въ воду; пробуравливались также лодки, наполненныя арестованными, и погружались на дно. Это называли республиканскими свадьбами и крестинами. Безъ сомнѣнія, въ свѣдѣніяхъ, дошедшихъ до насъ, есть много преувеличеннаго, но многочисленныя кровавыя остроты, сохранившіяся отъ того времени, свидѣтельствуютъ, что люди тогда свыклись съ ужасомъ и относились къ нему съ чисто-французскимъ легкомысліемъ. Гильотину тогда называли «національнымъ окномъ» или «rasoir national», говорили о «красной литургіи» и о «чиханіи въ мѣшокъ» казненныхъ. Крайности системы ужаса станутъ намъ понятными, если мы вспомнимъ о томъ продолжительномъ страшномъ гнетѣ, который тяготѣлъ на французскомъ народѣ. А сверхъ того, мы увидимъ, что послѣ низверженія Горы, революціонеры должны были вынести столь же кровавыя преслѣдованія, какъ раньше ихъ враги. Это было въ духѣ того времени, взбудораженнаго столь страшными потрясеніями. Нужно, впрочемъ, упомянуть и о томъ, что извѣстный нѣмецкій ученый, Евлогій Шнэйдеръ, введшій систему ужаса въ Эльзасѣ и ставшій обвинителемъ въ страсбургскомъ революціонномъ трибуналѣ, былъ по распоряженію комитета благосостоянія арестованъ Сенъ-Жюстомъ и осужденъ революціоннымъ трибуналомъ за злоупотребленіе властью.

Парижскій революціонный трибуналъ быстро покончилъ съ самыми видными изъ обвиняемыхъ. Взошли на эшафотъ: королева, жирондисты, г-жа Ролланъ, герцогъ Орлеанскій; генералы: Люкнеръ, Кюстинъ, Гушаръ, Богарнэ и Биронъ; затѣмъ Барнавъ, Дюпоръ, Шапелье, Дантонъ, Губеръ, Клоотцъ и принцесса Елизавета. Тутъ дѣятельность трибунала стала превращаться въ безсмысленную бойню; убивали лишь затѣмъ, чтобы убивать. Примѣръ той кухарки, которая сейчасъ же послѣ учрежденія революціоннаго трибунала пошла на эшафотъ за то, что желала возстановленія короля, чтобы ея любовникъ не былъ вынужденъ идти на войну, — примѣръ этотъ можетъ служить типомъ многихъ подобныхъ случаевъ. Когда уже не было знаменитыхъ арестантовъ, стали отправлять на эшафотъ множество бѣдныхъ, неизвѣстныхъ людей, о проступкахъ которыхъ врядъ ли и стоило говорить. Тутъ были ремесленники, крестьяне, прислуга, повара, швеи, прачки и женщины всякаго рода; они умирали за самые ничтожные проступки. Приведемъ изъ всей этой массы нѣсколько примѣровъ.

5 декабря 1793 г. казнена Дюбарри, пресловутая метресса Людовика XV. Она страшно кричала и умерла трусливо, что вполнѣ къ ней и подходить. За нею слѣдовали все менѣе и менѣе извѣстныя жертвы. Одинъ молодой человѣкъ, по имени Грондель, умираетъ за то, что написалъ на ассигнатѣ: «Да здравствуетъ король!» Вмѣстѣ съ нимъ умираетъ 26-тилѣтняя учительница школы для бѣдныхъ. 2 декабря идутъ на эшафотъ два сапожника, яко бы за «плохіе сапоги», которые они поставляли въ армію. За однимъ богатымъ голландскимъ банкиромъ, Ванденивэ, двумя его сыновьями и жирондистскимъ депутатомъ, Ноэлемъ, 9 декабря слѣдуютъ четыре портныхъ, а 12 января падаетъ голова одной 34-хъ-лѣтней проститутки. Между ними идутъ на эшафотъ бывшіе члены магистрата, духовныя лица и военныя; за господами часто слѣдуетъ и ихъ прислуга: такъ, 21 декабря казнена одна 60-ти лѣтняя госпожа со своей служанкой, а также камердинеръ Дюбарри. Среди жертвъ часто встрѣчаются нѣмцы. 24 декабря казнена одна берлинка 41 года, вдова Адамъ; 25 марта—трое рабочихъ изъ Мерцига близъ Трира, по имени Курцъ.

Пестрою толпою падали жертвы; послѣ генерала Бирона умерло три женщины и между ними одна веселая вѣнка, Розалія Альбертъ, околачивавшаяся въ качествѣ проститутки въ Пале-Роялѣ; за маршаломъ Люкнеромъ слѣдуетъ одинъ бѣд-

ный мыловаръ. 7 и 8 января пали головы двухъ женщинъ: одна изъ нихъ, г-жа Лекенжэ изъ Брюсселя, должна была умереть за то, что подписалась на роялическій журналъ. 16 января умерли двѣ женщины, одинъ парикмахеръ и одинъ писецъ, послѣдній изъ нихъ за то, что смѣялся надъ конвентомъ. Въ январѣ гильотинированы четыре молодыхъ женщины. Въ февралѣ на эшафотѣ умираютъ девять женщинъ между ними—двѣ монахини, одна маркиза и одна крестьянка. Въ февралѣ жертвы, кромѣ дворянъ, состоятъ изъ кондитеровъ ветошниковъ, кучеровъ, солдатъ, парикмахеровъ, поденщиковъ и крестьянъ. 2 марта умерли изъ одной и той же деревни—священникъ, мэръ, два крестьянина, мельникъ, кузнецъ и одинъ мастеръ, дѣлавшій деревянную обувь; 6 марта съ генералами Шанселемъ и Дэвеномъ умираетъ одинъ 60-ти-лѣтвій крестьянинъ.

Такая пестрая смѣсь идетъ и дальше. 17 марта гильотинируютъ одну бѣдную служанку, двухъ крестьянъ, и двухъ кавалеровъ ордена Людовика. 21 марта обезглавлена г-жа Шанъ Лорье за то, что она назвала казнь своего мужа дѣломъ тираніи.

Послѣ казни гебертистовъ и дантонистовъ трибуналъ вышелъ изъ всякихъ границъ. Жертвы перемѣшиваются самымъ страннымъ образомъ. Нѣмецкому ученому, Евлогію Шнэйдеру, даютъ въ товарищи помощника одного бакалейщика. 13 апрѣля казнятъ Шометта, Гобеля, а вмѣстѣ съ ними—женъ Гебера и Камилла Демулена. Чудная Люсиль Демуленъ, дѣти которой играли на колѣняхъ Робеспьера, съ античнымъ мужествомъ положила свою кудрявую голову подъ топоръ. 24 апрѣля казнятъ 33 жителей Вердэна за то, что они нѣкогда съ радостью встрѣтили пруссаковъ: кромѣ лицъ, начальствовавшихъ тогда въ городѣ, здѣсь было двѣнадцать женщинъ, одна жена сапожника 70-ти лѣтъ и одна старая дѣва 75-ти лѣтъ; затѣмъ нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ отъ 18 до 22 лѣтъ: эти милыя существа не могли тронуть ни судью, ни палача, но они тронули народъ, проявившій отвращеніе къ такой бойнѣ. 5 мая умерли три молодыхъ модистки; 8 мая—28 генеральныхъ откупщиковъ и между ними знаменитый химикъ, Лавуазье: онъ просилъ отсрочки казни на четыре недѣли чтобы окончить одно важное открытіе, на что президентъ трибунала Кофеналь отвѣтилъ ему: *«намъ не надо ученыхъ!»*

10 мая умерли двѣ монахини 60-ти и одна швея 77 лѣтъ; 28 мая—винодѣлъ, портной съ женою, поденщикъ, опять вино-

дѣлъ и портной, мельникъ, чернорабочій одного извозчика, бочаръ, слуга, швея, опять поденщикъ, рабочій табацкой фабрики, стекольщикъ; 13-го іюня—портной, два стекольщика, торговецъ деревомъ, извозчикъ, живописецъ, мясникъ, садовникъ, типографщикъ и одна 24-лѣтняя прачка изъ Гамбурга, по имени Гармассинъ. Что могла сдѣлать эта бѣдная прачка? Можетъ быть, она содѣйствовала реакціи тѣмъ, что стирала роялистамъ бѣлье.

Съ этихъ поръ дневные списки становятся длинными; число жертвъ доходитъ до 80 въ день. Уже списокъ 16 іюня содержитъ 54 жертвы: между ними 39 рабочихъ и 10 человѣкъ служащихъ.

Но довольно перечней. Списки остаются такими вплоть до низверженія Робеспьера; на пятьдесятъ осужденныхъ всегда приходится около сорока лицъ изъ *бѣдныхъ, трудящихся классовъ*, т. е., изъ народа, по опредѣленію самого же Робеспьера.

Какъ судьи, изъ которыхъ особенно неистовствовалъ президентъ Дюма, такъ и нѣкоторые члены обоихъ комитетовъ, повидимому, старались преувеличеніями системы ужаса доказать свои патріотическія убѣжденія. Они соперничали другъ съ другомъ и это соревнованіе многимъ стоило жизни. Мы упомянемъ лишь одну такую гекатомбу. Нѣкій Лядмираль, бывшій слуга, стрѣлялъ въ Коло д'Эбруа и промахнулся. Народъ проявилъ большое сочувствіе Колло. Робеспьеромъ овладѣла зависть: ему тоже нужно было имѣть покушеніе! Поэтому, когда одна двадцатилѣтняя, очевидно, фанатичная дѣвушка, по имени Сэсиль Рено, дочь владѣльца бумажной фабрики, явилась въ тотъ домъ, гдѣ жилъ Робеспьеръ, и спросила его,—ее задержали. При ней нашли два маленькихъ карманныхъ ножика, и когда она еще сказала «я хотѣла посмотрѣть, какъ выглядитъ тиранъ!»—то покушеніе было готово. На Лядмираля и Сэсиль посмотрѣли, какъ на главъ большого заговора, устроеннаго Питтомъ, и всѣхъ, кто только былъ близокъ къ арестованнымъ, привлекли къ этому дѣлу. Вмѣстѣ съ Сэсилью обвиняли ея отца, братьевъ, ея тетку. Въ это дѣло впутали г-жу Сентъ-Амарандъ, ея дочь, сына, зятя и прежнюю любовницу этого послѣдняго, а также и всѣхъ ихъ слугъ. Тутъ было 61 человѣкъ и среди нихъ—десять женщинъ. Всѣ протесты оказались тщетными и Лядмираля, когда онъ заявлялъ, что не знаетъ всѣхъ этихъ людей, даже не слушали. Эти лица были приговорены къ смертной казни, въ качествѣ членовъ одного и того же заговора, и 17 іюня отправлены на эшафотъ въ красныхъ рубахахъ, какъ

«отцеубійцы». Этотъ необычайный процессъ раздувалъ главнымъ образомъ старый Вадье, такъ какъ онъ зналъ, что Сентъ-Амарантъ содержала игорный домъ, гдѣ, какъ говорили, бывалъ братъ Робеспьера. Онъ хотѣлъ этимъ скомпромптировать Робеспьера.

Тогда даже въ тюрьмахъ открывали заговоры. Къ арестованнымъ сажали шпіоновъ, которые сообщали ихъ дѣйствительныя или вымышленныя слова, за чѣмъ, обыкновенно, слѣдовали казни.

Фукье-Тэнвилль скоро уже не могъ самъ управляться съ дѣлами трибунала; ему пришлось дать помощника, а впослѣдствіи—раздѣлить трибуналъ на секціи. Даже самого Фукье ужасали эти массовыя бойни и однажды ночью проходя по сенскому мосту, онъ сказалъ своему спутнику, что ему кажется, будто въ Сенѣ, вмѣсто воды, течетъ кровь.

Народъ никогда не проявлялъ особенныхъ симпатій къ революціонному трибуналу. Онъ прекрасно понималъ, что эти избіенія, для которыхъ жертвы набирались преимущественно изъ него же, не могли улучшить его положенія. Поэтому за позорными колесницами часто слышались свистки и крики, а жители тѣхъ улицъ, по которымъ слѣдовали печальныя шествія къ эшафоту, закрывали ставни. Теперь правительство распорядилось, чтобы позорныя колесницы направлялись черезъ Сентъ-Антуанское предмѣстіе въ той надеждѣ, что революціонные рабочіе этого предмѣстья станутъ одобрять казни. Но и рабочіе встрѣчали позорныя колесницы выраженіями отвращенія, которыя относились не къ осужденнымъ, и тоже закрывали ставни. Они даже не позволяли своимъ любопытнымъ женамъ смотрѣть на казни.

Среди 2750 жертвъ гильотины въ Парижѣ людей состоятельныхъ, вліятельныхъ и высокопоставленныхъ было 650; остальные 2100 человѣкъ—все люди бѣдные. Такимъ образомъ, бѣдные, трудящіеся классы дали значительно большую часть той крови, которую люди добродѣтели выпустили изъ французскаго народа. Народъ не могъ понять, зачѣмъ это для отраженія союзныхъ европейскихъ державъ нужно проливать кровь бѣдныхъ, безвѣстныхъ рабочихъ, крестьянъ, поденщиковъ, женщинъ, дѣвушекъ, швей и прачекъ. И когда впослѣдствіи, въ трудную минуту, агенты Робеспьера явились въ предмѣстья и призывали народъ явиться на помощь этому человѣку добродѣтели, то имъ здѣсь злобно отвѣтили: *«Мы умираемъ отъ голода, а вы думаете накормить насъ казнями!»*

Между тѣмъ, какъ по улицамъ Парижа ежедневно проѣзжали позорныя колесницы, наполненныя осужденными, диктаторъ Робеспьеръ придумывалъ, какъ бы дать своему государству добродѣтели соотвѣтствующую религіозную основу и онъ, наконецъ, пришелъ къ рѣшенію побудить конвентъ признать бытіе Высшаго Существа и безсмертіе души.

Робеспьеръ, въ сознаніи своего всемогущества, не чувствовалъ, какъ смѣшно требовать рѣшенія такого вопроса большинствомъ голосовъ. 7 мая онъ держалъ въ конвентѣ длинную рѣчь, въ которой между прочимъ говорилъ: «*Невинность на эшафотѣ заставляетъ блѣднѣть тирана въ его тріумфальной колесницѣ; обладала ли бы она этой силой, если бы смерть не уравнивала угнетателя и угнетеннаго?*» Онъ доказывалъ что вѣра въ безсмертіе души увеличитъ мужество и патріотизмъ. Рабски приниженный конвентъ покрылъ эти фразы аплодисментами и никто не осмѣлился сказать, что постановленіе конвента еще не есть доказательство. Такимъ образомъ, рѣшено было декретировать Высшее Существо и декретъ этотъ гласилъ:

«Французскій народъ признаетъ бытіе Высшаго Существа и безсмертіе души. Онъ признаетъ, что достойное служеніе Высшему Существу состоитъ въ исполненіи обязанностей человѣка. Должны быть установлены праздники, чтобы напоминать людямъ идею божества и величіе его бытія. Праздники эти должны получить свои названія отъ славныхъ событій нашей революціи, отъ драгоцѣннѣйшихъ и полезнѣйшихъ для человѣка добродѣтелей, отъ величайшихъ благодѣяній природы. 20 прэріаля должно состояться празднество въ честь Высшаго Существа».

Можно себѣ представить какими насмѣшками втайнѣ осыпали скептическіе французы этотъ декретъ. Но диктаторъ съ добродѣтелью, ужасомъ и Высшимъ Существомъ скоро долженъ былъ замѣтить, что конвентъ лишь для вида аплодировалъ его новой религіи.

8 іюня 1794 г. состоялся праздникъ Высшаго Существа; имъ завѣдывалъ снова живописецъ Давидъ, пламенный приверженецъ Робеспьера. Народа присутствовало на немъ не такъ много, какъ обыкновенно бывало на другихъ національныхъ праздникахъ. Робеспьеръ былъ избранъ на этотъ день президентомъ конвента и онъ держалъ себя совершенно какъ первосвященникъ. Первая часть празднества состоялась въ Тюльерійскомъ саду. Конвентъ помѣстился на возвышеніи въ видѣ амфитеатра, окру-

женный группами народа обоихъ половъ и всѣхъ возрастовъ. Въ рукахъ депутатовъ были небольшіе букеты; головы дѣтей были украшены вѣнками изъ фіалокъ, юношей—изъ миртовъ, мужчинъ—изъ дубовыхъ листьевъ, стариковъ—изъ виноградныхъ гроздей и оливковыхъ вѣтокъ; женщины несли корзинки съ цвѣтами. Заиграла музыка и Робеспьеръ въ синемъ фракѣ—болѣе свѣтлаго цвѣта, чѣмъ у остальныхъ его товарищей—съ напыщеннымъ видомъ, точно тріумфаторъ, произнесъ свою крайне фразистую рѣчь. Затѣмъ, онъ подошелъ къ группѣ аллегорическихъ статуй, сдѣланныхъ изъ картона, которыя должны были изображать раздоръ, атеизмъ и эгоизмъ; ихъ нужно было уничтожить. Новый первосвященникъ зажегъ факеломъ статуи; изъ ихъ пепла должно было подняться изображеніе мудрости. Изображеніе это показалось нѣсколько почернѣвшимъ отъ дыма и, когда кто-то замѣтилъ, что мудрость новаго первосвященника помрачилась, конвентъ засмѣялся. Робеспьеръ произнесъ вторую рѣчь, относившуюся къ этому акту. Затѣмъ, конвентъ направился на Марсово поле, причемъ Робеспьеръ съ сіяющимъ лицомъ шелъ на нѣсколько шаговъ впереди конвента. Это выдѣленіе озлобило членовъ конвента; послышалось слово: тиранъ, а какой-то голосъ даже крикнулъ высокомѣрному, напыщенному диктатору: *«отъ Капитолія до Тарпейской скалы—лишь одинъ шагъ!»* Говорятъ, будто это сказалъ Билло-Варенпъ.

На Марсовомъ полѣ былъ устроенъ холмъ съ деревомъ на вершинѣ его. Процессія расположилась здѣсь и народныя группы пѣли пѣсни въ честь Высшаго Существа. Юноши обнажили мечи и произнесли клятву защищать отечество и республику. Затѣмъ Робеспьеръ держалъ третью рѣчь и закончилъ ее словами: «Сегодня мы предадимся восторгу чистаго умиленія, а *завтра снова будемъ поражать пороки и тирановъ!»*

Празднество кончилось народными увеселеніями. Оно умножило враговъ диктатора, такъ какъ его высокомѣрное поведеніе возмутило многихъ. Отъ него ждали государственнаго переворота; но онъ полагалъ, что время для этого еще не пришло.

Огромныя вооруженія республики были закончены зимой 1793—1794 г., и Карно выставилъ на сѣверѣ и западѣ для отраженія союзниковъ четыре большихъ арміи. Когда внутри Франціи свирѣпствовала кровавая партійная борьба и мечъ ужаса повисъ надъ головами всѣхъ,—полководцамъ удалось приковать побѣду къ знаменамъ республики.

Сѣверной арміей командовалъ Пишегрю,—тогда еще республиканецъ. Пишегрю, бывшій раньше учителемъ въ бріенскомъ военномъ училищѣ, участвовалъ и въ американской войнѣ. Одаренный большими талантами, онъ скоро сталъ генераломъ. Теперь онъ черезъ сѣверную границу, черезъ западную Фландрію двинулся на англо-голландскую армію и 22 мая 1794 г. близъ Турнэ разбилъ ее на голову. Бельгія была снова завоевана, крѣпости ея сдались и Пишегрю вступилъ въ Голландію, гдѣ народъ съ воодушевленіемъ встрѣтилъ его и радостно привѣтствовалъ свое освобожденіе отъ англо-оранскаго ига. Пишегрю, захвативъ, благодаря своему военному искусству, одинъ важный островъ, разъединилъ англо-голландское войско и могъ уже предпринять окончательное завоеваніе Голландіи.

Журданъ, командовавшій самбрской и маасской арміей, при которомъ, въ качествѣ представителя конвента и комитета благоблагосостояніе, находился Сенъ-Жюстъ, долженъ былъ выполнить трудную задачу занятія Самбра, что, послѣ огромныхъ усилій и потерь, ему и удалось. Сенъ-Жюстъ, по внушеніямъ Карно, неутомимо побуждалъ генерала къ энергичнымъ дѣйствіямъ; этотъ молодой депутатъ проявилъ здѣсь много энергіи и храбрости. Главныя силы австрійцевъ находились подъ начальствомъ принца Іосіи Кобургскаго. Враждебныя арміи столкнулись 21 іюня и произошла страшная битва при Флерю,—самая кровавая изъ всѣхъ битвъ этого похода. Позиціи были очень разбросаны и французская боевая линія занимала пространство на десять часовъ пути. Австрійцы сдѣлали нападеніе; они были отброшены съ такой силой, что къ вечеру принцъ Іосія отдалъ приказъ о всеобщемъ отступленіи. Журданъ и Пишегрю вмѣстѣ вошли въ Брюссель и между тѣмъ какъ Пишегрю пошелъ дальше въ глубь Голландіи, Журданъ прогналъ австрійцевъ до Кельна и передалъ весь лѣвый берегъ Рейна въ руки Франціи.

Рейнской арміей командовалъ Мишо, такъ какъ Гошъ по настояніямъ Сенъ-Жюста былъ арестованъ. Пруссаки подъ начальствомъ Мелендорфа и австрійцы подъ начальствомъ Вурмзера стояли въ Пфальцѣ; Англія выдавала большія субсидіи. Мишо сперва, во второй битвѣ при Кайзерляутернѣ 22 мая, былъ отброшенъ Меллендорфомъ и долженъ былъ отступить до Саара. Но здѣсь онъ получилъ подкрѣпленія и съ яростью бросился на своихъ противниковъ. Онъ прорвалъ линіи Вурмзера при Эдесгеймѣ и 15 іюля, въ третьей битвѣ

при Кайзерляутернѣ, разбилъ стараго Мёллендорфа на голову. Пруссаки и австрійцы отступили за Рейнъ и вскорѣ по среднему теченію Рейна весь лѣвый берегъ этой рѣки до самаго Майнца былъ въ рукахъ французовъ. Французы отнеслись довольно строго къ тѣмъ мѣстностямъ, которыя оказывали поддержку союзникамъ; нѣкоторыя изъ нихъ были подвергнуты наказаніямъ.

Въ сѣверной Италіи Келлерманъ побѣдоносно вступилъ въ Пьемонтъ и народъ радостно встрѣчалъ его, какъ освободителя. Въ Пиринеяхъ Карно вручилъ теперь начальствованіе надъ стоявшими тамъ французскими войсками Дюгомье, завоевателю Тулона, и генералу Мюллеру; оба они были дѣльные полководцы. Испанское войско было отброшено Мюллеромъ близъ Серэ (Ceret) и теперь французы перешли Пиринеи. Въ большой четырехдневной (17—20 ноября) битвѣ при Монтэ-Неро Дюгомье разбилъ испанцевъ; онъ самъ, также какъ и предводитель испанцевъ де ля-Уніонъ (de la Union), палъ въ этой битвѣ. Мюллеръ и Монсэ завоевали Навару и прошли до Арагоніи, такъ что Испанія попала въ довольно затруднительное положеніе. Республика вездѣ одерживала побѣды. Но на морѣ ей не везло. Корсика была завоевана англійскимъ адмираломъ Гудомъ съ помощью Паскаля Паоли и близъ Кессана 1 іюня произошло несчастная для французовъ морское стычка. Адмиралъ Вильярэ-Жуайёзъ (Villaret-Joyeuse) отправился изъ Бреста, чтобы дать прикрытіе 200 судамъ, везшимъ хлѣбъ изъ Вестъ-Индіи. Англійскій адмиралъ Говъ (Howe) напалъ на французовъ и послѣ страшной морской битвы,—въ которой особенно отличился своей беззавѣтной храбростью экипажъ пробитаго внизу французскаго судна «Ванжеръ»,—французы должны были прекратить битву. Они потеряли семь кораблей, но суда съ хлѣбомъ благополучно прибыли въ брестскую гавань.

Островъ Гаити снова склонился къ французской республикѣ, послѣ того, какъ Туссэнъ ль'Увертюръ, талантливый негръ, пріобрѣтшій здѣсь большое вліяніе, перешелъ на сторону французовъ. Этимъ испанское владычество въ Гаити было уничтожено. Туссэнъ пришелъ на помощь уже разбитому и окруженному врагами французскому войску на Гаити и освободилъ его; конвентъ произвелъ Туссэна въ генералы. Онъ остался фактическимъ правителемъ и представителемъ республики на островѣ Гаити, ставшемъ къ Франціи въ отношеніе республики-дочери.

Празднество въ честь Высшаго Существа и первосвященническое поведеніе Робеспьера во время этого празднества вызвали большое волненіе умовъ. Революціонеры перешептывались, что Робеспьеръ носится съ реакціонными планами; реакціонеры начали возлагать на него надежды. Онъ получалъ анонимныя письма, то переполненныя угрозами, то побуждавшія его къ государственному перевороту. Боясь упасть въ мнѣніи общества, если ему станутъ приписывать реакціонныя стремленія, онъ сталъ усиливать систему ужаса, чтобы доказать свою ревность къ дѣлу революціи. Этотъ демагогическій поворотъ сказался уже черезъ два дня послѣ праздника въ честь Высшаго Существа. 10 іюня 1794 г. (22 прэріаля II г. респ.) Кутонъ предложилъ конвенту свой страшный законопроектъ относительно преобразованія революціоннаго трибунала. Законъ этотъ лишалъ обвиняемыхъ еще хоть сколько-нибудь защищавшихъ ихъ формальностей, допросъ и защитники отмѣнялись. «Если трибуналъ заявитъ,—говорилось въ этомъ законѣ:—что у него есть фактическія или моральныя доказательства противъ обвиняемаго, то *допросъ свидѣтелей не долженъ имѣть мѣста. Оклеветаннымъ патріотамъ законъ даетъ въ защитники патріотическихъ присяжныхъ; заговорщикамъ же онъ отказываетъ въ защитникахъ»*. Теперь члены конвента могли привлекаться къ суду трибунала простымъ распоряженіемъ комитета, тогда какъ до сихъ поръ для этого нужно было постановленіе конвента. Самъ революціонный трибуналъ былъ раздѣленъ на три секціи; каждая изъ нихъ состояла изъ предсѣдателя, трехъ судей и девяти присяжныхъ.

Даже Фукье-Тэнвилль пришелъ въ ужасъ отъ этого закона и явился въ комитетъ благосостоянія, чтобы сдѣлать свои представленія о немъ. Билло, Колло и Карно направили его къ Робеспьеру, который вѣдалъ это дѣло. Фукье сказалъ Робеспьеру, что такой законъ лишитъ трибуналъ довѣрія народа. Но Робеспьеръ рѣзко отвѣтилъ ему, что *такъ могутъ говорить только аристократы.* Фукье въ смущеніи удалился и эти слова Робеспьера лучше всего доказываютъ, какъ смѣшно и неосновательно то предположеніе, будто онъ хотѣлъ ужасъ подавить ужасомъ.

Въ конвентѣ этотъ законъ вызвалъ всеобщее волненіе и депутатъ Рюанъ (Ruamps) потребовалъ отсрочки, прибавивъ: «если этотъ законъ пройдетъ, то каждому изъ насъ не остается ничего иного, *какъ пустить себѣ пулю въ лобъ!*» Но Робеспьеръ грозно выступилъ противъ предложенія объ отсрочкѣ,

и законъ былъ принятъ. На слѣдующій день конвентъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, обвиненіе своихъ членовъ снова поставить въ зависимость отъ своихъ собственныхъ рѣшеній и сдѣлалъ постановленіе въ этомъ смыслѣ. Но теперь Кутонъ напалъ на партію Горы. Бурдонъ изъ Уазы защищалъ ее. Бурдонъ проявилъ при этомъ мужество, котораго конвентъ не привыкъ обнаруживать, когда дѣло шло объ оппозиціи тріумвирату. Рѣчь Бурдона конвентъ покрылъ аплодисментами. Тогда взошелъ на трибуну Робеспьеръ съ повелительными жестами и произнесъ властнымъ голосомъ противъ Бордона такую грозную рѣчь, что страхъ снова овладѣлъ всѣми. Робеспьеръ держалъ себя совершенно по диктаторски и законъ во второй разъ былъ принятъ безъ всякихъ измѣненій.

Съ этого момента болѣе шестидесяти депутатовъ не рѣшались ночевать въ своихъ жилищахъ изъ опасенія подвергнуться аресту. У Робеспьера вездѣ были шпіоны. Законъ о реорганизаціи революціоннаго трибунала произвелъ свое дѣйствіе: въ 45 дней, въ теченіе которыхъ еще продержалось владычество добродѣтельнаго Робеспьера, на эшафотъ должны были взойти 1,285 человѣкъ. Эти массовыя казни называли fournées, «печами», какъ хлѣбопеки называютъ партіи хлѣба, приготовляемаго ими за одинъ разъ. Эти массовыя бойни волновали населеніе предмѣстій и Робеспьеру при его паденіи пришлось узнать, какой поворотъ совершился въ народѣ, изъ котораго правительство этого человѣка добродѣтели выхватывало большую часть своихъ жертвъ.

Въ конвентѣ и въ комитетахъ вскорѣ тоже образовалась сильная оппозиція противъ Робеспьера. Колло д'Эрбуа, Билло-Вареннъ и Барреръ медленно и осторожно подкапывались подъ основы диктатуры добродѣтельнаго человѣка. Они вошли въ соглашеніе съ членами комитета безопасности, гдѣ Вадье, Амаръ, Вульянъ, Леонардъ Бурдонъ и другіе, бывшіе сторонники Марата и Гебера, питали глубокое отвращеніе къ робеспьеровскому государству добродѣтели и первосвященничеству. Робеспьера старались выставить на посмѣяніе. Сперва нѣкій Мажанти (Magenthies), по соглашенію съ комитетами, представилъ конвенту петицію о томъ, чтобы во время исповѣданія Высшаго Существа всѣ злоупотребляющіе именемъ Бога наказывались смертью. Надъ этимъ много смѣялись, но смѣхъ еще болѣе усилился, когда комитетъ безопасности съ большимъ шумомъ арестовалъ нѣсколькихъ пьяныхъ,—потому, молъ, что въ царствованіе добродѣтели нельзя напиваться до-пьяна.

Тутъ подоспѣло дѣло съ «матерью Тэо». Одна старуха, по имени Катерина Тэо, собрала вокругъ себя кучку фанатиковъ, которымъ она возвѣщала пришествіе Мессія, описывая его такъ, какъ только могло придумать ея разстроенное воображеніе. Среди этихъ тронувшихся людей былъ одинъ прежній картезіанскій монахъ, Донъ-Жерль (Dom-Gerle), засѣдавшій нѣкогда вмѣстѣ съ Робеспьеромъ въ Учредительномъ Собраніи и получившій отъ него самого гражданское свидѣтельство, которое должно было ограждать его отъ дѣйствія закона о подозрительныхъ. Сектанты эти во время одного изъ своихъ собраній были арестованы и между бумагами Тэо нашли одно не отправленное письмо къ Робеспьеру, въ которомъ она называла его своимъ «дорогимъ сыномъ». Имя этой старухи, Тэо (Theot), измѣнили въ *тэосъ* (theos по-гречески Богъ),—изъ выраженія «мать Тэо» сдѣлали слово «*Богоматерь*» и представили дѣло такъ, что Робеспьеръ фигурировалъ въ качествѣ ея «возлюбленнаго сына», что вызвало много смѣха. Эта мессіанская роль прекрасно подходила къ роли первосвященника.

Робеспьеръ пришелъ въ ярость и рѣшилъ избавиться отъ своихъ противниковъ въ комитетахъ. Онъ былъ очень чувствителенъ къ обидамъ и если онъ кого нибудь разъ возненавидѣлъ, то ужъ никогда не забывалъ своей ненависти. Онъ также не могъ перенести и того, что комитетъ два раза отклонялъ предложеніе формально возложить на Робеспьера диктатуру, чего требовалъ для него Сенъ-Жюстъ. Кромѣ того, члены правительства не позволяли передавать революціонному трибуналу всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ намѣчалъ Робеспьеръ. Въ комитетѣ благосостоянія дѣло дошло до бурныхъ сценъ между Робеспьеромъ, страшнымъ Сенъ-Жюстомъ, хитрымъ Кутономъ съ одной стороны, и Билло, Колло, Баррeромъ и Карно—съ другой. Самому же Карно, который просто по натурѣ не могъ лицемѣрить, Сенъ-Жюстъ грозилъ смертью.

Наконецъ, Робеспьеръ оставилъ комитетъ благосостоянія,—но не потому, чтобы онъ былъ противникомъ крайностей системы ужаса. Его друзья: Сенъ-Жюстъ и Кутонъ заботились о томъ, чтобы исшедшій отъ него законъ 22 преріаля оставался и дѣйствовалъ во всей силѣ. Самъ же Робеспьеръ придумывалъ, какъ бы отомстить своимъ врагамъ. Комитеты старались нѣсколько ослабить терроризмъ и постановили, что въ тѣхъ населенныхъ пунктахъ, которыя имѣютъ менѣе 1,200 жителей, всѣ арестованные и подозрительные должны быть освобождены, если они поденщики, сельскіе рабочіе, крестьяне или ремесленники.

Подъ арестомъ должны были остаться только лица, обвиняемыя въ государственной измѣнѣ. Пойти дальше комитеты на этотъ разъ не рѣшились.

Теперь Робеспьеръ началъ произносить у безусловно преданныхъ ему якобинцевъ обвинительныя рѣчи противъ своихъ враговъ въ комитетахъ и конвентѣ. Онъ не задумался снова опутать своихъ противниковъ сѣтью демагогической клеветы; онъ утверждалъ въ клубѣ якобинцевъ, будто въ конвентѣ и въ комитетахъ существуетъ заговоръ противъ республики, оплачиваемый Англіей. „Раньше,—говорилъ онъ:—англійскіе наемники нападали на общія мѣропріятія комитета благосостоянія; теперь же они обратились противъ отдѣльныхъ патріотическихъ членовъ его, чтобы этимъ уничтожить единство и силу правительства“. Онъ окружилъ своихъ противниковъ шпіонами и самъ выходилъ только въ сопровожденіи вооруженнаго конвоя.

Комитетъ благосостоянія два раза приглашалъ Робеспьера явиться въ его засѣданіе и дать указанія относительно того заговора, о которомъ онъ безпрестанно говоритъ въ клубѣ якобинцевъ. Но Робеспьеръ не являлся: онъ рѣшилъ выступить съ обвиненіемъ противъ своихъ противниковъ въ самомъ конвентѣ.

8 тэрмидора II г. республ. (26 іюля 1794 г.) онъ явился въ конвентъ и держалъ здѣсь длинную, довольно туманную рѣчь, переполненную избитыми фразами о добродѣтели. Онъ говорилъ, что положеніе дѣлъ—самое отчаянное во всѣхъ отношеніяхъ. По обыкновенію, онъ увѣрялъ, что онъ не диктаторъ и не тиранъ. Онъ нападалъ на комитеты и партіи въ конвентѣ, Шамбона обозвалъ негодяемъ. Но смыслъ всей этой длинной, темной рѣчи сталъ яснымъ изъ слѣдующихъ словъ: „Каковы же средства противъ этихъ золъ? *Нужно наказать измѣнниковъ, обвинить комитетъ безопасности, очистить комитетъ благосостоянія*, подчинить первый второму, основать единство правительства подъ властью верховнаго единства конвента и такимъ образомъ подавить національной властью всѣ партійные раздоры и на ихъ развалинахъ создать царство добродѣтели и свободы“.

Молча прослушалъ конвентъ эту рѣчь и сперва было даже постановилъ напечатать ее и разослать по общинамъ и арміямъ. Казалось, Робеспьеръ побѣдилъ. Но вотъ, поднялся старикъ Вадье и заговорилъ противъ Робеспьера; это придало храбрости и необузданному Шамбону; онъ вспыхнулъ.

„Пора,—воскликнулъ онъ:—пора сказать всю правду. Одинъ-единственный человѣкъ парализовалъ до сихъ поръ волю цѣлаго конвента и человѣкъ этотъ—Робеспьеръ!“ Тутъ-то и обрушились на Робеспьера со всѣхъ сторонъ; постановленіе о напечатаніи его рѣчи было отмѣнено. Робеспьеръ удалился, исполненный ярости. Но онъ показалъ, что онъ не былъ человѣкомъ дѣла, такъ какъ онъ въ этотъ вечеръ пошелъ въ клубъ якобинцевъ и терялъ драгоцѣнное время на повтореніе здѣсь длинной, мистической рѣчи, произнесенной имъ въ конвентѣ. Въ заключеніе,—какъ онъ всегда дѣлалъ, когда хотѣлъ взволновать своихъ слушателей,—онъ изобразилъ себя мученикомъ, описалъ свое пораженіе въ конвентѣ и сказалъ: *„Я готовъ спокойно выпить чашу Сократа!*—„Робеспьеръ!—воскликнулъ живописецъ Давидъ:—*я выпью ее съ тобою!*“ Однако Давидъ предпочелъ не пить чаши Сократа.

Якобинцы привѣтствовали рѣчь Робеспьера выраженіями крайняго восторга, и Билло и Колло, также присутствовавшіе здѣсь, должны были бѣжать, чтобы ихъ не поколотили. Тріумвиры постановили напасть въ слѣдующемъ засѣданіи конвента на своихъ противниковъ и потребовать ихъ ареста и обвиненія. Сенъ-Жюстъ взялся составить и произнести обвинительную рѣчь.

Противники Робеспьера: комитеты, Гора и другія партіи проявили въ ночь съ 8 на 9 термидора необычайную энергію. Изъ рѣчи Робеспьера было ясно, въ чемъ дѣло. Всѣ партіи почувствовали себя въ опасности. Начались переговоры; дантонисты, Талльянъ, Мерленъ. Баррасъ, Фреронъ сговаривались съ остатками жирондистовъ, подъ предводительствомъ Буасси д'Англа, и долиною, подъ главенствомъ Дюранъ-Мэльяна; но всѣ они сносились съ Горою и комитетами. Пріемы Робеспьера были всѣмъ извѣстны: *„очищеніе комитетовъ, наказаніе заговорщиковъ“*—это означало казнь всѣхъ враждебныхъ ему членовъ комитетовъ и вождей партій. Такимъ образомъ, весь конвентъ соединился противъ Робеспьера, съ которымъ остались только Сенъ-Жюстъ, Кутонъ, Леба и Робеспьеръ-младшій.

Въ 11 часовъ утра 9 термидора II года республики (27 іюля 1791 г.) было открыто то засѣданіе конвента, которое должно было превратиться въ столь величественную и богатую послѣдствіями сцену. Если бы Робеспьеръ двинулся теперь на конвентъ во главѣ вооруженной силы, то онъ бы, вѣроятно, вышелъ побѣдителемъ. Но онъ былъ ораторъ и поэтому хотѣлъ побѣдить своихъ враговъ рѣчами. И силамъ,

соединившимся противъ Робеспьера, не трудно было управиться съ его ораторскимъ искусствомъ.

Глубокая тишина господствовала въ залѣ конвента бывшей уже свидѣтельницей столь многихъ бурныхъ сценъ,— когда Сенъ-Жюстъ взошелъ на трибуну, чтобы прочесть свой обвинительный докладъ, который онъ обѣщалъ-было показать своимъ товарищамъ по комитету благосостоянія, но не показалъ. Онъ началъ:

„Я не принадлежу ни къ какому комплоту; я буду бороться со всѣми ими. Обстоятельства сложились такъ, что, можетъ быть, эта трибуна станетъ Тарпейской скалой для того, кто скажетъ вамъ, что члены правительства оставили путь мудрости“.

Талльянъ,—у котораго страданія любимой имъ женщины, томившейся теперь въ тюрьмѣ и ожидавшей казни, вызвали мужество отчаянія,—поднимается и прерываетъ Сенъ-Жюста такими словами: „Ни одинъ добрый гражданинъ не можетъ удержаться отъ слезъ при видѣ тѣхъ несчастій, на которыя обречено теперь общественное благосостояніе. Повсюду царятъ раздоры. И сегодня снова хотятъ сцѣпиться, чтобы ввергнуть республику въ пропасть. Я требую, чтобы завѣса была совершенно разорвана!“

„Это необходимо! Она будетъ разорвана!“ раздается со всѣхъ сторонъ и залъ трижды оглашается шумными одобреніями. Сенъ-Жюстъ стоитъ, какъ громомъ пораженный; Билло-Вареннъ устремляется на трибуну и съ жаромъ нападаетъ на тріумвировъ. „Въ клубѣ якобинцевъ“,—восклицаетъ онъ:— „грозили уничтожить конвентъ и онъ погибнетъ, если онъ окажется слабымъ!“ Раздаются одобренія и Робеспьеръ спѣшитъ на трибуну, чтобы опровергнуть Билло. Но ему уже нельзя говорить; лишь только онъ раскрылъ ротъ, со всѣхъ сторонъ поднялись громовые крики: *„долой тирана!“* Билло остается на трибунѣ; Робеспьеръ начинаетъ говорить, но сейчасъ же съ Горы, съ Долины, съ правой раздается: „долой тирана!“ и голосъ его исчезаетъ среди страшнаго шума и гама. Онъ обращается къ Горѣ, къ Долинѣ,—напрасно: онъ уже не будетъ говорить. Охрипшій отъ страшнаго напряженія, съ пѣной у рта, съ раскраснѣвшимся лицомъ, Робеспьеръ напрягаетъ послѣднія усилія и кричитъ: *„въ послѣдній разъ,—президентъ разбойниковъ, дашь ли ты мнѣ слово?!»* Кто слышалъ этотъ голосъ, тотъ навѣрное не могъ забыть его всю жизнь. Президентъ, дантонистъ Тюріо, звонитъ и, когда Робеспьеръ, совершенно выбившійся изъ силъ,

случаѣ, намъ остается только умереть!» — «Да, именно такъ!» отвѣчаетъ Робеспьеръ.

Изъ 48 секцій 18 высказалось за конвентъ и 13 за Робеспьера. Остальныя держали себя нерѣшительно и Сентъ-Антуанское предмѣстье не хотѣло бороться ни за кого и рѣшило защищать только республику. Рабочіе ставили республику выше «Неподкупнаго». Такъ какъ Робеспьеръ въ бездѣйствіи сидѣлъ въ ратушѣ, не являлся къ народу и даже не давалъ о себѣ никакихъ извѣстій, то большинство секцій перешло къ конвенту, лишь только коммисары его появились среди нихъ. Вооруженные люди, собравшіеся на площади Гревэ, стали расходиться, потому что они не получали никакихъ распоряженій и не знали, что имъ дѣлать. Былъ часъ ночи, когда Барра, начальникъ вооруженныхъ силъ конвента, двинулся со своими колоннами на ратушу. Здѣсь ожидали сильнаго сопротивленія. Люди, посланные конвентомъ, шли впередъ, вмѣшивались въ толпу; читалась прокламація конвента, объявлявшая возставшихъ внѣ закона. Услыхавъ эту прокламацію, толпа разсѣевалась: такъ великъ былъ страхъ передъ силою конвента. Анріо вышелъ изъ ратуши, сошелъ внизъ, увидѣлъ, что его пушкари оставили его, и бѣгомъ вернулся назадъ. Ратушу окружили и прежніе гебертисты принимали въ этомъ очень дѣятельное участіе. Когда толпа ворвалась въ ратушу, она не встрѣтила и слѣда противодѣйствія; лишь вверху, въ большой залѣ совѣта раздалось два выстрѣла.

Паническій страхъ объялъ возставшихъ. Леба застрѣлился. Котонъ дрожащею рукою нѣсколько разъ вонзаетъ въ себя кинжалъ и падаетъ подъ столъ. Робеспьеръ-младшій бросается изъ окна и переламываетъ себѣ ногу. Коффеналь съ яростью схватываетъ жалкаго Анріо и со словами: «вотъ тебѣ награда за твою трусость!» выбрасываетъ его за окно, гдѣ тотъ падаетъ на кучу сора. Робеспьеръ сидитъ съ пистолетомъ въ рукѣ и съ раздробленной нижней челюстью — и нельзя сказать съ достовѣрностью, самъ ли онъ выстрѣлилъ въ себя, или кто нибудь другой ранилъ его. Лишь одинъ Сенъ-Жюстъ сохраняетъ полное спокойствіе.

Леонаръ Бурдонъ арестуетъ заговорщиковъ и Барра доставляетъ ихъ въ конвентъ. Передъ дверью зала засѣданій Барра спрашиваетъ, ввести ли арестованныхъ въ залъ. Тюріо патетически отвѣчаетъ: вносить въ конвентъ тѣло человѣка, покрытаго всѣми преступленіями, — это значило бы омрачать славу этого прекраснаго дня. Для него и его товарищей — мѣсто на площади Революціи».

Робеспьера отнесли въ залъ комитета безопасности, гдѣ онъ два часа долженъ былъ ждать врача. Онъ лежалъ на столѣ, подъ головой у него была связка актовъ. Враги его тѣснились вокругъ него и ему приходилось выслушивать самыя жесткія издѣвательства. Онъ не отвѣчалъ ни на одинъ вопросъ и не произнесъ ни одного слова.

Арестованныхъ доставили въ Консьержери. Такъ какъ они были объявлены внѣ закона, то революціонный трибуналъ долженъ былъ только удостовѣрить ихъ личности, что и было сдѣлано утромъ 10 термидора (28 іюля 1794 г.).

Послѣ обѣда 10 термидора Робеспьеръ и еще двадцать человѣкъ отправлены на смертную казнь. Робеспьеръ, братъ его, Сенъ-Жюстъ, Кутонъ и Анріо помѣщались на одной колесницѣ, на другой колесницѣ везли тѣло Леба. Осужденные имѣли ужасный видъ. Блѣдное лицо Робеспьера было завязано повязкою; Анріо былъ въ одной лишь рубахѣ. Сенъ-Жюстъ спокойно, точно въ глубокой задумчивости, смотрѣлъ на толпу, тѣснившуюся вокругъ колесницъ. Жандармы указывали обнаженными саблями на Робеспьера. Среди его товарищей были: Дюма, президентъ революціоннаго трибунала, Флеріо, Пэйанъ и тотъ сапожникъ, Симонъ, которому было поручено воспитаніе прежняго наслѣдника престола.

Необозримыя толпы народа переполняли улицы, черезъ которыя должно было прослѣдовать шествіе; онѣ шумно, необузданно выражали свою радость. Видно было, что люди добродѣтели стали ненавистными народу. Родственники лицъ, казненныхъ раньше, проталкивались къ осужденнымъ и осыпали ихъ дикими издѣвательствами. Въ окнахъ показывались безстыдно обнаженныя женщины; пороки, загнанные ужасомъ внутрь домовъ, почуяли перемѣну вѣтра и осмѣлились снова выступить открыто. Передъ домомъ, въ которомъ жилъ Робеспьеръ, плясали толпы бѣснующихся женщинъ; онѣ притащили сосудъ съ бычачьей кровью и обрызгали ею стѣны этого дома.

На площади Революціи палачъ сорвалъ съ Робеспьера повязку: Робеспьеръ издалъ страшный крикъ, разнесшійся по всей площади. Когда его голова покатилась, — толпа захлопала въ ладоши и долго аплодировала.

Черезъ день отправлено на эшафотъ семьдесятъ членовъ возставшей коммуны, а на слѣдующій день—еще двѣнадцать сторонниковъ Робеспьера. Каффеналь, которому удалось скрыться, былъ арестованъ черезъ нѣсколько дней и тоже казненъ. Партію Робеспьера хотѣли совершенно истребить.

еле держится на ногахъ, качается, точно пьяный, — другъ Дантона Гарнье изъ Обы кричитъ ему: *«Несчастный, кровь Дантона душитъ тебя!»* Робеспьеръ падаетъ и Талльянъ, размахивая кинжаломъ, требуетъ ареста Анріо, о которомъ пришло извѣстіе, что онъ на улицахъ призываетъ народъ двинуться на конвентъ. Конвентъ рѣшаетъ арестовать начальника національной гвардіи, а вслѣдъ за этимъ и Робеспьера. Громы одобрительныхъ возгласовъ сопровождаютъ это постановленіе. Рѣшено арестовать также Кутона и Сенъ-Жюста. Робеспьеръ младшій съ гордостью заявляетъ: «Я такъ же виновенъ, какъ и мой братъ, я раздѣляю его добродѣтели и хочу раздѣлить его участь». Леба же говоритъ: «я не хочу нести того позора, будто я голосовалъ за арестъ Робеспьера; я требую и моего ареста». Конвентъ велитъ арестовать и ихъ. Арестованныхъ уводятъ. Робеспьеръ восклицаетъ: *«Республика погибла,—разбойники побѣдили!»* Пристава едва осмѣливаются наложить руки на людей, бывшихъ еще только-что столь сильными и такъ внезапно низвергнутыхъ со своей высоты.

Анріо, начальникъ національной гвардіи, могъ бы быть въ этотъ моментъ очень опаснымъ для конвента, если бы онъ двинулся на него со своими батальонами. Но этотъ странный генералъ, еще наканунѣ въ клубѣ якобинцевъ среди самой энергичной казарменной брани клявшійся разнести своими пушками конвентъ въ прахъ и пепелъ, теперь, въ такой критическій моментъ, былъ совершенно пьянъ. Онъ хотѣлъ собрать передъ ратушей жандармерію, но Мерленъ изъ Тіонвилля велѣлъ его же жандармамъ арестовать его и связаннымъ доставить въ комитетъ безопасности.

Коммуна тѣмъ временемъ собралась въ ратушѣ и съ нею были самые энергичные изъ сторонниковъ Робеспьера. Она приняла рѣшительныя мѣры. Она издала воззваніе къ парижскому населенію, приглашавшее его стать на сторону Робеспьера, Сенъ-Жюста и Кутона, велѣла тюремному начальству не принимать никого въ тюрьмы и никого не выпускать изъ нихъ безъ спеціальнаго приказанія муниципальной полиціи; она велѣла ударить набатъ, запереть ворота и созвать вооруженныя секціи. Она объявила постановленія конвента не имѣющими никакого значенія. Было собрано немного солдатъ и нѣсколько орудій; энергичный Коффеналъ пробрался въ Тюлльери и освободилъ Анріо.

Конвентъ въ 7 часовъ снова собрался; Колло д'Эрбуа былъ предсѣдателемъ. Теперь Анріо двинулся со своими ору-

діями на конвентъ. Собраніе тѣмъ временемъ назначило депутата Барра начальникомъ всѣхъ вооруженныхъ силъ и приказало ему призвать къ оружію преданныя конвенту секціи. Но Анріо уже приближался и конвенту, казалось, оставалось только на выборъ или пасть подъ выстрѣлами Анріо, или идти на гильотину. Когда послышался глухой грохотъ приближающихся пушекъ, президентъ Колло воскликнулъ: «*Граждане! настало намъ время умереть на нашемъ посту!*» Онъ надѣлъ шляпу... «*Умремъ!*» воскликнули депутаты: безвыходность ихъ положенія придала имъ мужество отчаянія. Но Анріо не могъ заставить своихъ пушкарей стрѣлять въ конвентъ и вынужденъ былъ вернуться назадъ. Конвентъ объявилъ Анріо *внѣ закона*, а когда тѣмъ временемъ пришло извѣстіе о возстаніи коммуны и объ освобожденіи Робеспьера, то онъ объявилъ такъ же внѣ закона: мэра Флэріо, національнаго агента Пэйана, президентовъ революціоннаго трибунала Коффепаля и Дюма, обоихъ Робеспьеровъ, Сенъ-Жюста, Кутона и Леба.

Дѣйствіе этого постановленія можно было бы совершенно парировать, если бы Робеспьеръ былъ человѣкомъ дѣла. Но человѣкъ добродѣтели не зналъ въ этотъ критическій моментъ, что ему предпринять. Его нужно было насильно освободить изъ тюрьмы и тащить въ ратушу къ его друзьямъ, организовавшимъ для него возстаніе, чтобы избавить его отъ смерти. Коммуна клялась жить и умереть съ Робеспьеромъ и постановила, что члены ея не будутъ признавать никакихъ иныхъ властей, кромѣ нея самой. Конвентъ доженъ былъ посмотрѣть на это, какъ на государственную измѣну. Робеспьеръ испугался, когда узналъ, что онъ объявленъ внѣ закона; онъ разсчитывалъ на процессъ передъ трибуналомъ и надѣялся на свое оправданіе. И теперь онъ сидѣлъ неподвижно, предоставляя дѣламъ идти своимъ порядкомъ. Онъ уже совершенно вошелъ въ свою роль мученика, когда на площадь стекалось множество вооруженныхъ людей, чтобы бороться за него. Его товарищи съ отчаяніемъ старались побудить его къ дѣятельности. Но напрасно. Составили прокламацію къ народу и арміи. Робеспьеръ беретъ перо. «*Отъ чьего имени*»? спрашиваетъ онъ. «Отъ имени конвента!» отвѣчаетъ Кутонъ. Робеспьеръ опускаетъ руку; уже объявленный государственнымъ измѣнникомъ, онъ не рѣшается ничего предпринимать противъ власти конвента. «Народъ воленъ защитить или оставить насъ», говоритъ онъ. Столь энергичный въ другое время, Сенъ-Жюстъ, сраженный пассивностью своего учителя, говоритъ: «въ такомъ

Такъ палъ Максимиліанъ Робеспьеръ, около четырехъ мѣсяцевъ державшій диктатуру въ своихъ рукахъ. Его государственная идея была столь же ограничена, какъ и его правленіе жестоко. Онъ палъ жертвою своего идеала государства добродѣтели, но боролся онъ со своими врагами коварствомъ и жестокостью. Онъ забылъ, что абстрактныя идеи философіи лишь тогда можно провести въ жизнь, когда въ самой жизни есть для этого соотвѣтствующая матеріальная почва.

Партіи, вступившія въ борьбу 9 тэрмидора, слишкомъ увлеклись пыломъ и страстями распри для того, чтобы взвѣсить возможный исходъ этой борьбы. Ненависть къ Робеспьеру заставила Гору вступить въ союзъ съ другими партіями, чтобы самой спастись отъ эшафота. Гора думала, что, низвергнувъ Робеспьера, она уничтожила лишь его диктатуру. Но она одержала побѣду больше для своихъ союзниковъ, чѣмъ для самой себя. Эта партія немедленно же должна была убѣдиться, что она низвергла и демократію. Потому что, лишь только открылись шлюзы реакціи,—она снесла всѣ плотины и поглотила Гору.

Прозорливое слово Робеспьера: «*республика погибла, — разбойники побѣдили!*» должно было исполниться. Среди побѣдителей девятаго тэрмидора, раздѣлившихъ теперь власть между собою,—было достаточно разбойниковъ.

Народъ, раньше такъ дорожившій Робеспьеромъ, спокойно допустилъ его паденіе, потому что Робеспьеръ давалъ ему слишкомъ много казней и слишкомъ мало хлѣба. Ничего иного не предложили народу и побѣдители девятаго тэрмидора.

ЗА ВСЕМІРНОЕ ВЛАДЫЧЕСТВО.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

(*Продолженіе* [1]).

XXVIII.

Судно, прибывшее изъ-за Гирканскаго моря съ индійскимъ товаромъ, въ тотъ же день было разгружено владѣльцемъ его и гребцами массагетами и тотчасъ же отправилось въ обратный путь, а на-утро купцы-армяне, хозяева товаровъ привели изъ сосѣдняго кочевья небольшой караванъ верблюдовъ съ ихъ вожаками-аорсами.

Верблюдовъ скоро навьючили товарами, и караванъ двинулся въ путь вслѣдъ за римскими легіонами, слѣдуя въ обозѣ римлянъ. Впереди римскаго войска ѣхалъ на верблюдѣ одинъ изъ аорсовъ въ качествѣ вожака въ безбрежной степи.

Ауфидій, какъ человѣкъ старый и немощный, находился въ обозѣ и возсѣдалъ на арбѣ съ огромнѣйшими колесами, влекомой верблюдомъ, хотя въ прочія арбы обоза римлянъ были впряжены буйволы, вмѣстѣ съ арбами взятые въ Колхидѣ.

Любознательный учитель Помпея тотчасъ же разговорился съ армянскими купцами, слѣдовавшими около его арбы на верблюдахъ.

— Мнѣ разсказывалъ другъ Помпея, Лукуллъ, въ прошлые года воевавшій съ вашимъ царемъ, Тиграномъ и съ Митридатомъ, царемъ понтійскимъ, что въ Арменіи водятся такіе же львы, какъ въ Ливіи и Нумидіи, а также и барсы, которыхъ армяне, будто-бы, ловятъ посредствомъ овецъ и козъ.. Какъ же это можно льва поймать овцою и козою?—недоумѣвалъ онъ.

Купцы разсмѣялись.

---

[1]) См. іюльскую книгу.

— Не поймать, господинъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ.—У насъ такъ поступаютъ съ львами и барсами. Есть въ Арменіи одна высокая гора, изъ скалы которой вытекаетъ ручей, а съ водой выходятъ изъ отверстія скалы иногда и рыбы, длиною въ локоть и больше, а то и меньше. Внизу скалы высѣченъ изъ камня обширный водоемъ, четырехугольный, длиною около полустадіи. Рыбы, падающія въ водоемъ, бываютъ большею частью полуживыя, а то и совсѣмъ сонныя, цвѣтомъ черныя и безобразныя. Такъ охотники на львовъ и барсовъ, зная, что эти рыбы страшно ядовиты и быстро убиваютъ того, кто попробуетъ ихъ мяса, вытаскиваютъ ихъ изъ водоема, сушатъ на солнцѣ, потомъ рубятъ на мелкіе куски и толкутъ въ ступахъ. Но, чтобъ не умереть, вдыхая пыль отъ этой толченой рыбы, охотники накрѣпко завязываютъ себѣ ротъ и носъ. Потомъ, когда отъ истолченной рыбы получится мука, охотники берутъ овцу или козу, разрѣзываютъ имъ животъ настолько, чтобъ просунуть въ разрѣзъ руку и осторожно наполнятъ отверстіе ядовитой рыбьей мукой, а потомъ и кладутъ въ извѣстномъ мѣстѣ эти приманки, зная, гдѣ обыкновенно ходятъ на водопой или на добычу львы или барсы. Звѣри эти жадно набрасываются на отравленную приманку и, пожравъ ее, очень быстро околѣваютъ. Тогда охотники снимаютъ съ нихъ шкуру, выдѣлываютъ ее и продаютъ.

Ауфидій только качалъ головою отъ удивленія.

— Ну, это только львовъ, барсовъ и волковъ добываютъ такимъ способомъ,—сказалъ другой купецъ,—а кабановъ, медвѣдей, оленей, дикихъ ословъ и дикихъ козъ, которыхъ у насъ, въ Арменіи, тоже множество, добываютъ иначе. Эти животныя очень любятъ мучное тѣсто, особенно же смѣшанное съ винными ягодами. Такъ охотники и разбрасываютъ это тѣсто въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водятся эти животныя и звѣри. И вотъ получаются новыя шкуры для продажи.

— Удивительная страна, эта Арменія,—качалъ головою Ауфидій:—сколько звѣрей!—А кромѣ ядовитой рыбы есть у васъ и хорошая?

— Еще бы! Въ горныхъ рѣчкахъ и въ обширномъ горномъ озерѣ Лихнитисъ (нынѣ Tokra) водятся превкусныя «пеструшки», которыхъ римляне называютъ «foria». А въ Гирканскомъ морѣ столько рыбы, что на весь свѣтъ хватило бы ея. Особенно славятся огромныя рыбы, называемыя «остроносыми» [1]). Ихъ величина бываетъ до 8-ми локтей, и мясо ихъ

[1]) Вѣроятно, рѣчь идетъ объ осетрахъ и бѣлугахъ.

превкусное. Живущіе у моря Каспія подданные нашего царя отличные рыболовы. На продажу «остроносыхъ» они приготовляютъ особымъ способомъ—солятъ и сушатъ, потомъ нагружаютъ ими цѣлые тюки и караванами верблюдовъ развозятъ ихъ по Арменіи, Месопотаміи и до самой Экбатаны. Изъ рыбьяго жира Каспіи приготовляютъ мазь, чистую, какъ слеза, и намазываютъ сю свои тѣла. Внутренности «остроносыхъ» они потрошатъ, потомъ варятъ, и изъ этого получается великолѣпный клей. Клей этотъ чрезвычайно прочно скрѣпляетъ все, что клеятъ имъ. Онъ пристаетъ до того крѣпко, что если взять какой-либо предметъ, имъ склеенный, и держать въ водѣ хоть 10 дней, то все же клей не распустится и не отстанетъ. Рабочіе пользуются имъ при выдѣлкѣ изъ слоновой кости разныхъ очень хорошихъ вещей [1]).

— Я знаю этотъ клей,—сказалъ Ауфидій:—онъ и до Рима доходитъ.

Между тѣмъ легіоны мѣрно подвигались впередъ въ виду безмолвно глядѣвшихъ на нихъ слѣва причудливыхъ и грозныхъ великановъ съ снѣжными шапками на головахъ—великановъ, которые съ самаго появленія своего на свѣтъ, съ самаго сотворенія невѣдомой силой земли, поддерживающей ихъ, не видали въ разстилавшихся у ихъ подножія равнинахъ такихъ стройныхъ рядовъ невѣдомыхъ воиновъ, не слышали такого бряцанія оружія, не видѣли этихъ блестящихъ шлемовъ и панцырей... Что это?... Кто эти люди?—откуда?...

— Судя по тому, что писалъ когда-то эллинскій полководецъ Ксенофонтъ въ своемъ «Anabasis»,—снова заговорилъ Ауфидій,—въ Арменіи и простые, сельскіе жители живутъ въ полномъ изобиліи. Вездѣ, куда онъ ни приходилъ съ своими воинами, армяне, простые армяне угощали его и его воиновъ въ изобиліи бараниной, козлятиной, свининой, телятиной, курами, пшеничнымъ и ячменнымъ хлѣбомъ. А если кто-нибудь хотѣлъ пить за здоровье другого, то его тащили къ глиняному кувшину, изъ котораго тотъ и долженъ былъ, нагнувшись, «тянуть по-бычачьи», какъ выражается Ксенофонтъ [2])

— О, насчетъ всякой живности и питья, то у насъ этого вдоволь,—замѣтили купцы.

— Такъ, такъ,—качалъ головою, по привычкѣ, Ауфидій.—А вотъ они живутъ въ подземельяхъ—Ксенофонтъ въ томъ же

---

[1]) Эліанъ,—„*De natura animalium*“. XVII, 31—32.
[2]) Anabasis, IV, 5.

«Anabasis»'ѣ говоритъ, что жилища ихъ находятся подъ землей и входятъ въ нихъ, точно въ отверстіе колодцевъ, внутри же эти жилища просторныя. Тамъ же у нихъ и домашній скотъ— быки, бараны, козы, куры, свиньи, только для нихъ прорытъ пологій входъ, и тамъ же и сѣно для скота... Воображаю, какой тамъ воздухъ и какая чистота!

— Да это только зимой, господинъ.

— А между тѣмъ въ этихъ подземельяхъ—пропасть вина въ огромныхъ глиняныхъ кувшинахъ, а на поверхности вина плаваютъ зерна ячменя въ уровень съ краями кувшиновъ, и тамъ же навалены дудочки изъ камыша:—кто захочетъ напиться вина, тотъ беретъ въ ротъ дудочку и потягиваетъ черезъ нее винцо.

— Такъ, такъ, господинъ.

— А что это у васъ тамъ за камень, о которомъ говоритъ эллинскій писатель Эвдоксъ,—что этимъ камнемъ рѣжутъ и буравятъ печати?

— Это, господинъ, драгоцѣнный камень для перстней и печатей [1]).

Любознательность Ауфидія и этимъ не была удовлетворена. Посмотрѣвъ на своихъ собесѣдниковъ, онъ замѣтилъ:

— Да вѣдь вы одѣты не по-армянски. Одежда армянъ походитъ на ѳессалійскую—я на нее насмотрѣлся: длинные хитоны, опоясанные вокругъ груди, и верхній коротенькій плащъ [2]).

— Вѣрно, господинъ; но мы въ одеждѣ странствующихъ въ Индіи купцовъ.

— Еще я замѣтилъ, что армяне хорошо ѣздятъ на лошадяхъ и превосходные стрѣлки [3]).

— Точно, господинъ:—съ дѣтства мечутъ стрѣлы въ птицу и звѣря.

А легіоны все двигались мѣрнымъ шагомъ. Было тихо кругомъ. Надъ легіонами кругами плавали въ воздухѣ орлы. Ихъ поражало это невиданное движеніе массъ.

Откуда-то, со степи, доносилось монотонное, заунывное пѣніе.

Ауфидій внимательно прислушивался къ странному пѣнію. Ему все нужно было знать.

---

[1]) *Εὐδῶξος* fragm 9.—*Περίωδος*—Коммен. Евстафія къ Діонисію Періегету, 634. Не бирюза ли это?

[2]) Страбонъ, XI, 12.

[3]) Claudius Claudianus, VIII, 530.

— Кто же это поетъ?—спросилъ онъ.

— Народъ утіи тутъ недалеко кочуютъ, такъ они поютъ.

Старикъ видимо скучалъ отъ однообразія пути и потому постоянно болталъ.

— Я завидую вашимъ волосамъ, — говорилъ онъ. — У армянъ нѣтъ совсѣмъ лысыхъ, и у насъ то и дѣло видишь голые черепа [1]).

— Такъ судили боги: — ваши — вамъ, наши — намъ. А кто же смертный можетъ вѣдать волю безсмертныхъ боговъ?

— Справедливо судите, — согласился Ауфидій:—кто постигнетъ волю безсмертныхъ!

Въ это время завыли трубы—сигналъ роздыха.

XXIX.

Много дней нужно было употребить войску Помпея для перехода отъ устьевъ Алонтаса—нынѣшняго Терека, къ устьямъ Гипаниса—нынѣшней Кубани. Много нужно было имѣть энергіи и выносливости, чтобы одолѣть эту безконечную пустыню на протяженіи не одной тысячи верстъ и найти пропитаніе среди безлюдныхъ степей, гдѣ только колыхалась степнымъ вѣтеркомъ отъ вѣка никѣмъ не тронутая трава, да около рѣкъ шептались непролазные камыши, своею могучею растительностію не уступавшіе исполинскимъ тростникамъ Нила, и гдѣ только птицы, да орлы горъ Кавказа оживляли безмолвную, величавую въ своемъ безмолвіи природу.

Но то были римляне, — удивительный въ исторіи всего міра народъ, для котораго на всемъ земномъ шарѣ не было ничего невозможнаго. Эти безмолвныя, безбрежныя степи, эти лѣса прибрежныхъ камышей давали легіонамъ Помпея и пріютъ и пропитаніе:—дрохвы и другія птицы степей, дикіе кабаны камышовыхъ зарослей, степныя газели, дикія козы, сайгаки— все это предоставляло для продовольствія римскаго войска образцовое интендантство самой природы.

По вечерамъ, послѣ дневныхъ переходовъ подъ знойнымъ солнцемъ пустыни, зажигались сотни костровъ сначала на берегахъ Алонтаса и нынѣшней Малки, потомъ на берегахъ Гипаниса, и въ походныхъ котлахъ закипали варева съ обильнымъ приваркомъ изъ мяса газелей и козъ, а на громадныхъ желѣзныхъ вертелахъ шипѣли туши жирныхъ кабановъ и сай-

[1]) Claudius Claudianus. «De consulatu Stilichonis», XXI.

гаковъ, въ то время когда, по-легіонно, хоры воиновъ оглашали воздухъ пустыни пѣснями далекой родины — пѣснями самнитянъ и вольсковъ, древними пѣснями этрусковъ, и къ мелодіи этихъ пѣсенъ прислушивалась краснорѣчивая въ своемъ величавомъ безмолвіи пустыня.

— Чѣмъ наши пиры бѣднѣе пировъ Лукулла?— говорилъ Помпей, нацѣживая изъ бурдюка въ чашу Ауфидія вино погребовъ Тиграна изъ Артаксаты. — Не достаетъ только гетеръ.

— Но намъ невидимо прислуживаетъ сынъ Троса, богоравный, златовласый Ганимедъ, виночерпій боговъ, — мечтательно возражалъ старый Ауфидій. — Я чувствую вѣяніе его крыльевъ въ этомъ дыханіи вѣтерка пустыни, слышу плесканіе Наядъ въ тихомъ журчаніи рѣчной воды.

— Неисправимый мечтатель! — улыбается Помпей, прислушиваясь къ пѣснямъ старой Этруріи. — Что-то теперь подѣлываетъ Крассъ, Лукуллъ, Цицеронъ, Катилина и молодой Цезарь, съ которыми я передъ отъѣздомъ на Востокъ въ послѣдній разъ пировалъ у Лукулла въ виду дымящагося Везувія?

— Готовятъ невидимый доселѣ Римомъ тріумфъ побѣдителю Митридата, борцу за всемірное владычество, — промолвилъ Квинтъ Теофанъ, обгладывая кость молодого, жирнаго сайгака.

— О, Митридатъ! — проговорилъ Помпей: — я благодаренъ ему за то, что онъ далъ мнѣ возможность побродить по невиданнымъ странамъ Востока, возлежать вотъ здѣсь у костра...

— Дымъ котораго, какъ оиміамъ куреній, возносится къ престолу божества, — торжественно и молитвенно возгласилъ Ауфидій.

— Выпьемъ же за здоровье Митридата, царя Понта и Босфора!—предложилъ Помпей.

— И плѣнника въ тріумфальномъ шествіи Помпея!—дополнилъ Квинтъ Теофанъ.

Трапезующіе выпили.

— Съ какимъ удивленіемъ смотритъ теперь съ высокаго темнаго неба безсмертная дочь Гиперіона и Тейи, младшая сестра лучезарнаго Геліоса, видя насъ въ пустыняхъ Скиѳіи, куда не достигалъ и Александръ, сынъ Филиппа, — восторженно произнесъ Ауфидій, указывая на тихо плывущую по небу луну.

— О, да! — сколько десятковъ разъ кроткая Селена мѣняла свой ликъ съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили державный Римъ! — вторилъ Ауфидію Эмилій Самнитъ, слѣпо вѣровавшій, что Селена, дѣйствительно, взираетъ съ неба на костры римлянъ въ пустыняхъ Скиѳіи.

— Да, не одну и не двѣ сотни разъ и лучезарный Геліосъ погружался на покой въ волны далекой Атлантиды, — подтвердилъ Ауфидія и старый Корвусъ, невольно вспоминая безлунныя ночи во время похода подъ Нуманцію съ Сципіономъ и молодыми тогда Маріемъ и Югуртою.

Вспомнивъ это, старикъ задумался надъ участью смертныхъ въ загробномъ мірѣ.

— Гдѣ-то теперь нетлѣнныя души моихъ бывшихъ начальниковъ — Сципіона и Марія? — вздохнулъ онъ со старческою грустью.

— Въ Аидѣ онѣ, откуда уже нѣтъ возврата черезъ огненный Флегетонъ и мутныя волны Леты, — сказалъ авторитетно Ауфидій.

— А прахъ Сципіона покоится со слезами плакальщицъ въ урнѣ, въ фамильномъ колюмбаріѣ Сципіоновъ; прахъ же Марія развѣянъ по вѣтру Суллою, и только частица его великой души осталась на развалинахъ Кароагена, гдѣ эта великая душа такъ много выстрадала, — съ глубокимъ чувствомъ проговорилъ Помпей.

— Выпьемъ же за душу — за кровавую память Марія! — предложилъ Квинтъ Теофанъ и коснулся своею чашей чаши Помпея.

Пѣсни смолкли. Послѣ утомительнаго дневного перехода и послѣ сытнаго ужина воины давно спали, и слышалось только однообразное стрекотаніе цикадъ пустыни.

— Говорятъ — мертвая пустыня, безъ городовъ и людей, мертвая ночь, молчаніе ночи, — разсуждалъ самъ съ собой Ауфидій. — А этотъ говоръ цикадъ — это Дріады своими голосами оживляютъ молчаніе ночи... мнѣ слышатся тысячи голосовъ, и эти голоса, — голоса невидимыхъ боговъ, которые сливаются съ природою, съ этою ночью... Ночь говоритъ, молчаніе ночи говоритъ моей душѣ... Кроткая Селена! — тебѣ эти гимны цикадъ, гимны ночи... Это земля дышетъ могучими легкими...

— Святой ребенокъ! — положилъ ему руку на плечо Помпей: — видятъ боги, что я завидую тебѣ, я, съ моими заботами... Тебѣ — вся вселенная, мнѣ — Римъ и его слава, его

міровое владычество, чтобы senatus populusque romanus твердо увѣренно могли воскликнуть urbi et orbi: — нашъ orbis terrarum, нашъ міръ, нашъ Египетъ, наша Галлія, наша Сирія и Іудея — все наше подъ солнцемъ!

— Но ты прислушайся къ говору ночи, — перебилъ его Ауфидій. — Развѣ ты не слышишь, что Дріады голосомъ цикадъ говорятъ: «все покорно Риму, даже хабарены»...

— Кто такіе хабарены? — спросилъ удивленный Помпей.

— Хабарены — χαβαρηνοί — это каннибалы, которые, если вѣрить Эвдоксу, пожираютъ сырыми груди плѣнныхъ женщинъ, а для дѣтей этихъ женщинъ устраиваютъ пиршества [1]).

Въ это время къ Помпею подошли армянскіе купцы.

— Мы должны предупредить тебя, господинъ, что завтра мы вступимъ въ земли, населенныя сарматами, — почтительно сказалъ одинъ изъ нихъ: — это кочующее племя сираковъ, которые хотя не знаютъ еще употребленія желѣза, но все-таки довольно опасные наѣздники. Мы заручались обыкновенно ихъ расположеніемъ тѣмъ, что давали ихъ царю и другимъ вождямъ подарки — нѣсколько кусковъ индійскихъ тканей для ихъ женъ, и они насъ не трогали. Хотя они для твоихъ непобѣдимыхъ воиновъ и не опасны, но все же осторожность съ варварами никогда не бываетъ лишнею.

— Благодарю васъ за предупрежденіе, — сказалъ Помпей. — Но что это за народъ? — Какое ихъ вооруженіе, если они не знаютъ употребленія желѣза?

— За неимѣніемъ желѣза, господинъ, сираки дѣлаютъ изъ костей очень острые наконечники для своихъ копій, а лукъ и стрѣлы — изъ очень твердаго дерева, а острія къ стрѣламъ вытачиваютъ тоже изъ костей.

— Но въ чемъ они особенно большіе мастера, это — въ изготовленіи латъ или панцырей, — сказалъ другой купецъ. — Они — замѣчательные наѣздники, и у нихъ большіе табуны лошадей, мясомъ которыхъ они питаются и лошадей же приносятъ въ жертву своимъ богамъ, сохраняя только копыта. Копыта эти они собираютъ, и, вычиститъ и отполировавъ лучшія изъ нихъ, дѣлаютъ изъ копытъ нѣчто вродѣ змѣиной чешуи или зеленой сосновой шишки, потомъ прокалываютъ ихъ острымъ костянымъ шиломъ и сшиваютъ сухими лошадиными или воловьими жилами, и потомъ употребляютъ ихъ въ качествѣ панцырей. Панцыри эти очень красивы

---

[1]) *Ευδώξης.* **Fragmentum 12.**

и такъ крѣпки, что не уступаютъ ни римскимъ, ни греческимъ и нисколько не портятся, когда въ битвѣ въ нихъ попадаютъ стрѣлы или метательное копье. Этихъ варваровъ много въ войскѣ Митридата.

— Интересно видѣть этихъ варваровъ, не знающихъ употребленія желѣза—сказалъ Помпей.

— И взять нѣкоторыхъ въ плѣнъ, чтобы украсить ими твой тріумфъ въ Римѣ,—добавилъ Квинтъ Теофанъ.

Луна поднялась уже очень высоко, и весь станъ римлянъ погрузился въ сонъ подъ неумолчное, монотонное и убаюкивающее стрекотаніе цикадъ.

Слышно было только, какъ верблюды аорсовъ пережовывали свою жвачку да въ прибрежныхъ камышахъ Гипаниса глухо стонала птица выпь.

XXX.

О Фанагоріи—нынѣ Тамань—куда Помпей слѣдовалъ съ своими легіонами, сохранились интересныя свѣдѣнія у греческихъ и римскихъ писателей.

Арріанъ Никомидійскій говоритъ, что города Фанагора *Φαναγορα* и Гермонасса, сосѣдній съ Фанагорой городъ — обѣ колоніи іонянъ, которыхъ привели туда Фанагоръ Гермоонъ (отсюда *Ἑρμῶνασσα*)и отъ нихъ эти города получили свое названіе. Другой же Арріанъ, авторъ книги «Periclus», утверждаетъ, что Фанагорія *Φαιναγόρεια* была основана Фэнагоромъ, который бѣжалъ отъ надменности персовъ. Гермонасса же получила свое названіе отъ Гермонассы, жены какого-то жителя Митилены, Семандра, который уговорилъ нѣсколькихъ эолійцевъ выселиться туда и умеръ во время основанія города, жена же его послѣ этого овладѣла городомъ и дала ему свое имя [1]).

Гекатей, жившій около 550 лѣтъ до Р. X., говоритъ, какъ и Арріанъ Никомидійскій, что Фанагорія лежитъ на островѣ Фанагорѣ и что въ этомъ городѣ находится Апатуронъ—храмъ Афродиты у Ааптурской бухты [2]).

У Страбона читаемъ, что Фанагорія очень значительный городъ и около него—Апатуронъ (*Απάτουρον*)—храмъ Афро-

[1]) *Ἀρριαν. Νικωμηδ*;—Müller, Fragm. hist. graec. III. *Εὐσταθ.*, 212.
[2]) Гекатей fragmenta 164, 165.—У Скилокса Каріандтскаго — *Φαναγόρου πόλις* (*Σκύλ καριανδ.*, § 72).

диты. Городъ лежитъ на полуостровѣ, а не на островѣ, какъ у Гекатея [1]).

Плиній, описывая берега Босфора, тоже указываетъ мѣстность Фанагоріи, а объ Апатурѣ съ храмомъ Афродиты говоритъ, что это—«почти заброшенный городъ» [2]).

У Аммиана Марцеллина сказано, что на азіятской сторонѣ Пантикапейскаго пролива (Panticapes angustiae) лежатъ острова Фанагоръ и Гермонасса (insula Phanagorus et Hermonassa) обстроенные греками [3]).

Этотъ-же писатель, говоря о Фанагоріи, поясняетъ, что вокругъ Меотійскаго моря живетъ множество народовъ, отличающихся разнообразіемъ языковъ и внутренняго строя: jaxamatae, jazyges, roxolani, halani, melanchlenae, gelanes, agathyrsi и maeotae.

Вотъ на землѣ этихъ меотовъ, на правомъ берегу рѣки Гипаписъ, не далеко отъ впаденія ея въ море ниже Фанагоріи, черезъ нѣсколько недѣль послѣ роздыха легіоновъ Помпея, описаннаго въ предыдущей главѣ, въ густомъ лѣсу, примыкавшемъ къ берегамъ Гипаписа, слышенъ былъ дружный стукъ топоровъ.

Это легіоны Помпея строили себѣ плоты, на которыхъ имъ предстояло осаждать Фанагорію. Работа подвигалась быстро. По мѣрѣ изготовленія плотовъ, они спускались на рѣку и сплетенными изъ молодого гибкаго лозняка канатами придерживались у берега. Другіе воины строили осадныя лѣстницы, выстругивали весла, шесты и рули.

Помпею было извѣстно, что Митридатъ съ своимъ флотомъ и союзниками отплылъ къ Синопу—своей южной столицѣ, будучи введенъ въ обманъ распущенными Сервиліемъ чрезъ албанцевъ слухами, будто-бы Помпей и его легіоны вторглись въ Понтійское царство.

— Пока онъ узнаетъ свою ошибку и будетъ поспѣшать сюда, мы успѣемъ взять на копіе и Фанагорію и Пантикапею,—говорилъ Помпей своимъ приближеннымъ.

— Мнѣ говорили греки, посѣщавшіе по торговымъ дѣламъ Фанагорію, что въ этомъ городѣ есть прекрасный храмъ Афродиты,—сказалъ на это Ауфидій—такъ если боги помогутъ намъ взять Фанагорію, мы должны будемъ принести благодарственныя жертвы этому божеству.

---

[1]) Страбонъ, XI, 2. 8.
[2]) Plinii «Historia naturalis», VI. 5, 6.
[3]) Ammianus Marcellinus, 30.

— Не мѣшаетъ передъ выступленіемъ принести жертвы также сыну Юпитера и Юноны—Марсу вмѣстѣ съ Беллоною,— добавилъ Эмилій Самнитъ.

Скоро, однако, плоты были изготовлены для всѣхъ легіоновъ, и своеобразная флотилія, вытянувшись вдоль Гипаниса, понесла римское войско къ морю.

Хотя плоты медленно двигались, выйдя въ море, однако черезъ нѣсколько дней Помпей обложилъ Фанагорію, въ которой почти совсѣмъ не было войска, и потому, когда римляне по приставленнымъ къ стѣнамъ, осаднымъ лѣстницамъ взошли на вершину стѣнъ и словно кольцомъ охватили городъ, фанагорійцы, народъ исключительно торговый, потребовали отъ городскихъ властей покорности Помпею. Ворота Фанагоріи раскрылись и архонтъ города, сопровождаемый другими властями, вынесъ на золотомъ блюдѣ ключи акрополя, гдѣ хранились сокровища Митридата.

— Фанагорія, эллинская колонія, много вѣковъ была свободнымъ городомъ,—сказалъ архонтъ.—Оружіе Митридата лишило ее этой, драгоцѣнной для всѣхъ смертныхъ, свободы. Теперь же безсмертнымъ богамъ угодно было вырвать нашъ городъ оружіемъ великаго Помпея изъ рукъ Митридата, и Фанагорія съ радостью отдается подъ эгиду державнаго Рима.

— Senatus populusque romanus—сенатъ и народъ римскій предоставили мнѣ право брать подъ эгиду Юпитера Капитолійскаго всѣ страны, города и народы, какіе только добудетъ мечъ державнаго Рима, — сказалъ Помпей, принимая ключи акрополя Фанагоріи.—Я оставлю неприкосновенными частныя имущества и богатства вашего города, а то, что принадлежало Митридату, какъ автократу Фанагоріи, должно принадлежать Риму, автократу всего міра [1]).

Архонтъ и власти города почтительно поклонились, обрадованные великодушіемъ побѣдителя.

— Фортуна—богиня счастія и несчастія—сняла на этотъ разъ повязку съ своихъ божественныхъ очей,—сказалъ архонтъ по-римски: она дала возможность достойному мужу, своему любимцу Помпею—Pompejo suo—добыть въ Азіи довольно и почестей, какъ царю царей, и славы, какъ непобѣдимому вождю Рима [2]).

Отправившись вмѣстѣ съ архонтомъ и другими властями

---

[1]) Аппіанъ.—«Proemium», 113.
[2]) Flori «Bellum mithridaticum», XXXVIII, 66, 2.

города, въ сопровожденіи квесторовъ и легатовъ, въ акрополь Фанагоріи, въ величественный дворецъ Митридата, Помпей приказалъ собрать всѣ сокровища понтійскаго царя—золото, серебро, золотые и серебряные сосуды, дорогую утварь и драгоцѣнные камни и снести все на свой плотъ, какъ собственность казны—аурарія [1]).

Между тѣмъ архонтъ распорядился почтить побѣдителей пиршествомъ отъ города.

Помпея, квесторовъ и легатовъ архонтъ угощалъ во дворцѣ Митридата, а прочіе римскіе воины съ своими центуріонами приняли предложенную обильную трапезу на городской площади. Надъ трапезующими возвышались легіонные орлы.

— Эвое Бахусъ, сынъ Зевса и Семелы!—раздавались на площади голоса пирующихъ.

— Эвое Семела, дочь Кадма и Гармоніи!—подхватывали другіе.

— Эвое Помпей, императоръ, мечъ державнаго Рима!

— Надо угостить и варваровъ-сарматовъ, взятыхъ нами въ заложники,—сказалъ одинъ центуріонъ III-го легіона:—они намъ будутъ полезны на обратномъ пути черезъ пустыню, потому что у насъ уже не будетъ тамъ проводниковъ аорсовъ съ ихъ верблюдами.

— Угостить, угостить!—раздались голоса.

Рѣчь шла о тѣхъ сарматахъ, черезъ страну которыхъ проходили легіоны, слѣдуя къ Фанагоріи, и у которыхъ такіе оригинальные панцыри изъ конскихъ копытъ, описываемые Павзаніемъ Періегетомъ [2]).

Скоро къ пирующимъ приведены были и сарматы въ ихъ красивыхъ панцыряхъ, съ луками и колчанами за плечами и неразлучными арканами изъ волосъ конскихъ хвостовъ.

Сарматы держали себя гордо, какъ дѣти царской крови.

Въ это время къ пирующимъ воинамъ вышелъ изъ акрополя Помпей съ квесторами и легатами.

— Эвое императоръ-побѣдитель!—восторженно встрѣтили его воины.

— На щиты!—на щиты непобѣдимаго!—подхватили другіе.

Сложивъ щиты и образовавъ изъ нихъ родъ площадки, воины преклонились передъ Помпеемъ, который и вступилъ на щиты, опираясь на древко легіоннаго орла. Другіе воины,

---

[1]) *Παυζὰν. Περχγ. I*, 21, 5.

[2]) «Помпей» Плутарха, гл. XXXVI.

подхвативъ площадку изъ щитовъ своими копьями, высоко подняли стоявшаго на ней полководца.

— Да здравствуетъ дорифоросъ («дорпносимый»—копьеносимый) царь царей!—воскликнулъ архонтъ.

Всѣ легіоны ударили копьями въ щиты. Точно волна пробѣжала по площади.

— Эвое дорифоросъ!—эвое царь царей!

Когда возгласы смолкли, Помпей обратился къ легіонамъ: «Римляне!—ваши подвиги достойно оцѣнятъ сенатъ и народъ римскій!—А теперь—на Пантикапею, на Митридата!—за всемірное владычество!»

И его на щитахъ вынесли изъ города.

XXXI.

Пантикапея была такъ же легко взята Помпеемъ, какъ и Фанагорія.

Но здѣсь, когда римляне, по повелѣнію своего вождя, выносили изъ дворца Митридата всѣ сокровища, Помпея особенно заинтересовала богатая библіотека понтійскаго царя.

Гдѣ-же однако былъ тотъ, въ сѣверныхъ резиденціяхъ котораго такъ безцеремонно хозяйничали теперь римляне?

Обманутый коварнымъ Помпеемъ, ложно извѣстившимъ Митридата, будто римскій флотъ ночью ускользнулъ изъ устьевъ Фазиса, и направился громить южную столицу Понта и опустошать владѣнія Митридата, послѣдній бросился спасать и то и другое, пылая гнѣвомъ на свою мнимую оплошность.

Но прибывъ къ Синопу, онъ, къ вящей ярости своей, не нашелъ тамъ ни римскаго флота, ни римлянъ. Тогда онъ рѣшилъ выместить свою обиду на измѣнившемъ ему царѣ Арменіи. Высадившись въ Синопѣ, Митридатъ, чтобы обойти квартировавшіе въ Малой Арменіи римскіе когорты съ квесторомъ Афроніемъ, двинулся съ войскомъ черезъ Галатію и Каппадокію прямо къ южной столицѣ Арменіи—Тиграноцертѣ.

Какъ ни труденъ былъ этотъ переходъ, однако воины его съ боевыми колесницами и конныя амазонки съ Клеопатрою во главѣ преодолѣли всѣ трудности.

Скоро Клеопатра увидѣла знакомыя мѣста, черезъ которыя войска ея отца возвращались послѣ битвы съ хвастливымъ Лукулломъ.

— Тамъ, — обратилась она къ отцу, указывая концомъ копья на югъ,—я отмстила мою херонейскую рану.

— Да, я тогда видѣла, проѣзжая мимо, что твое копье, какъ веретено, торчало изъ глаза у убитаго тобою римскаго легата,—сказала молоденькая любимица Клеопатры, амазонка Ирена, дочь виночерпія Мосхина.

Оруженосецъ Митридата, великанъ скиѳъ Яръ, правя колесницей своего царя, громко, добродушно разсмѣялся.

— Теперь, царевна, тебѣ можно ужъ и замужъ выйти,— сказалъ онъ.

— Почему-же это такъ, Яръ?—удивилась Клеопатра.

— А какъ-же царевна! — отвѣчалъ скиѳъ.— У амазонокъ такой законъ: — до тѣхъ поръ амазонка не можетъ выйти замужъ, пока она не убьетъ хоть одного врага [1]).

— Я хоть и сто ихъ убью, а все-таки не выйду ни за кого! — гордо воскликнула Клеопатра. — Я хочу сама быть госпожей, а не рабыней.

Митридатъ весело разсмѣялся.

— Какая гордая у меня дочка,—сказалъ онъ. — Такъ я отдамъ тебя замужъ за царя тибиреновъ:—у нихъ такой обычай, что когда жена родитъ дитя, то мужъ ложится въ постель, повязываетъ голову по-женски и стонетъ, а жена должна ухаживать за нимъ, какъ за родильницей и устраивать для него купанья, назначенныя послѣ родовъ [2]).

— Какая гадость, отецъ!—презрительно пожала плечами Клеопатра.—Готовить кушанья!—И не стыдно говорить тебѣ это, отецъ!

Между тѣмъ вѣсть о движеніи Митридата къ Тиграноцертѣ давно долетѣла до этого города. Тигранъ понялъ, что тесть идетъ наказать его за подчиненіе Арменіи Помпею. Сопротивленіе такому грозному врагу, какъ Митридатъ—немыслимо. Оставалось одно — униженно умолять этого страшнаго соперника Рима о помилованіи.

Помилованіе. — Неужели-же грозный тесть не сжалится надъ ни въ чемъ неповинною Калліопою, своею дочерью, и надъ ея дѣтьми, своими внучатами?... Калліопа должна выплакать у отца это помилованіе.

Надо рѣшиться на все... Надо испить чашу униженія... Подобно щенку, падающему на землю передъ большою соба-

---

[1]) Геродотъ, IV, 114.

[2]) Тибирены — τιβαζηνοί — у Нимфодора Сиракузскаго (Νυμφόδωρος Συρακ. fragm. 15) и Аполлонія Родосскаго (Argonautica, II, 970).

кой, придется царю Великой и Малой Арменіи повергнуться въ прахъ предъ грознымъ царемъ Понта... Но только не передъ своимъ народомъ... это былъ-бы позоръ... Арменія отвернулась-бы отъ своего царя и, по вѣковѣчному обычаю Востока, побила-бы своего повелителя камнями...

И Тигранъ, взявъ жену и самаго маленькаго, грудного сына, Митридатика, выѣхалъ на пароконной колесницѣ изъ Тиграноцерты навстрѣчу грозному гостю, захвативъ тайно для себя и для жены нищенскія рубища.

Они выѣхали изъ города безъ возницы и, отъѣхавъ нѣсколько стадій, свернули въ лѣсъ, гдѣ, привязавъ къ стволу дерева коней, сняли съ себя царскія одѣянія, сандаліи и головныя украшенія, и облеклись въ рубища.

Повѣсивъ на шею свой мечь — знакъ того, что виновный отдастъ свою голову на отсѣченіе, Тигранъ и Каллiопа съ младенцемъ на рукахъ, босые, пошли навстрѣчу приближавшемуся съ войскомъ Митридату.

Издали увидѣвъ гигантскую фигуру понтійскаго царя на колесницѣ, вооруженной косами, Тигранъ повергся ницъ на землю, а Каллiопа упала на колѣни, поднявъ надъ собою плачущаго Митридатика.

— Боги, безсмертные боги, и великій, грозный отецъ, сжальтесь надъ ребенкомъ, въ жилахъ котораго течетъ кровь дочери Понта!—громко вопила Каллiопа при приближеніи отца.

Тигранъ лежалъ безъ движенія, словно мертвый.

Митридатъ сошелъ съ колесницы, приблизился къ Тиграну и поставилъ правую ногу на голову распростертаго царя Арменіи.

— Пощади, отецъ, пощади ради Каллiопы и твоего внука!— бросилась на шею отцу Клеопатра.

— Прощаю... Встань!—сказалъ Митридатъ.

Примиреніе совершилось.

XXXII.

Уже въ Тиграноцертѣ къ Митридату пришло извѣстіе, что его любимыя сѣверныя резиденціи покорены и ограблены Помпеемъ. Тамъ же онъ узналъ, что его могущественный противникъ съ добычею возвращается черезъ пустыни Сарматіи къ Гирканскому морю, къ своему флоту, чтобъ переправивъ его по-суху въ Понтъ Эвксинскій, вторгнуться въ Синопъ и опустошить все понтійское царство.

Эти извѣстія привели его въ такую ярость, что онъ тотчасъ-же приказалъ Тиграну предупредить царя гирканов,

своего сосѣда, чтобы онъ, въ союзѣ съ Митридатомъ, напалъ на Помпея, когда онъ, возвращаясь Гирканскимъ моремъ, высадится у устьевъ рѣки Кира—нынѣ Куры [1]).

Войско Митридата, отправившееся отъ сѣверныхъ границъ Гирканіи къ устьями Кира было, можно сказать, безчисленное. Впереди выступали гирканы въ качествѣ развѣдчиковъ съ своими умными псами, которые, вполнѣ сознавая свои служебныя обязанности, бѣжали далеко впередъ войска, нюхая воздухъ и заглядывая въ каждый кустикъ, въ каждую норку.

По обоимъ флангамъ ѣхали амазонки, любуясь развѣдочною службою собакъ, которыя скоро освоились съ женскою кавалеріей, понимая, что это — союзники гирканов, ихъ хозяевъ.

Не легокъ, однако, былъ этотъ путь для войска Митридата. Много пришлось употребить времени, чтобы одолѣть безконечное пространство отъ Тиграноцерты сначала до границъ Гирканіи, а оттуда, черезъ степи и горы, до устьевъ Кира.

— Съ такимъ войскомъ, отецъ, какое у тебя теперь, можно покорить весь міръ, — сказалъ Тигранъ, обозрѣвая съ одного возвышенія несмѣтныя полчища, двигавшіяся вдоль западнаго берега Гирканскаго моря.

— Мнѣ это и обѣщали боги устами дельфійскаго оракула,—возразилъ Митридатъ.

— Но прежде надо раздавить голову міровой змѣи,—сказалъ Гай Постумъ:—змѣю убиваютъ только въ голову.

— Это Римъ, благородный Гай?—спросилъ Тигранъ.

— Да,—я знаю его могущество... Западъ онъ уже весь покорилъ вплоть до Геркулесовыхъ столбовъ и Атлантиды, а теперь глядитъ на Востокъ... Если Митридатъ не раздавитъ головы змѣи, то она проглотитъ, какъ удавъ кролика, Парѳію. Сирію, Іудею и Египетъ.

— Подавится... Ее ждетъ не кроликъ, а левъ,—показалъ глазами Тигранъ на Митридата.

Въ это время среди гирканов произошло какое то движеніе.

[1]) О гирканахъ мы находимъ свѣдѣнія: 1) у Помпонія Мела („De situ orbis libri", III, гл. I, 2); 2) у Плинія („Historia naturalis", VI, 15, 1); 3) у Іосифа Флавія („Іудейскія древности". II, 16, 4); 4) у Діонисія Періегета („Orbis descriptio", 679); 5) у Вибія Секвестра (Vibii Saquestri „De fluminibus, fontibus, lacubus, memoribus, paludibus, montibus, gentibus", etc. 15, 1); 6) у Эліана („De natura animalium", VII, 35), который говоритъ, что „вмѣстѣ съ гирканами обыкновенно отправлялись на войну также и ихъ собаки, и были тамъ для нихъ хорошими союзниками и помощниками".

— Что тамъ? — спросилъ Митридатъ своего оруженосца, сына Яра. — Возьми коня и скачи къ передовымъ рядамъ.

Яръ скоро воротился на взмыленномъ конѣ.

Всѣ собаки убѣжали далеко впередъ, — сказалъ онъ. — Гирканы говорятъ, что онѣ учуяли непріятеля.

Глаза Митридата сверкнули и радостью и гнѣвомъ.

— Боги посылаютъ, кажется, змѣю на льва, — сказалъ Тигранъ, глядя на Постума.

Клеопатра подскакала къ отцу вся возбужденная.

— Гирканы говорятъ, что непріятель близко, — проговорила она.

— Тѣмъ лучше, — отвѣчалъ Митридатъ. — Но только ты не рискуй, какъ у Херонеи.

— Нѣтъ, отецъ! — гордо возразила дѣвушка: — я — какъ при Эдессѣ!

Въ это время къ гирканскому царю подскакалъ одинъ изъ его вождей, и сталъ что-то торопливо говорить.

— Что говоритъ онъ? — спросилъ Митридатъ: — я только этого языка не понимаю, — обратился онъ къ Тиграну, — а тебѣ онъ знакомъ.

— Собаки воротились, отецъ, — говоритъ онъ, — но не лаяли... Онѣ, повидимому, чутьемъ угадали, что непріятель былъ тамъ недавно, и оставилъ въ воздухѣ свойственный римлянамъ запахъ, — отвѣчалъ Тигранъ.

— Такъ мы нагонимъ его! — увѣренно проговорилъ Митридатъ.

Дѣйствительно, когда войско прибыло къ устьямъ Кира, то Митридатъ личнымъ осмотромъ мѣстности удостовѣрился, что войско Помпея очень недавно покинуло свой станъ на берегу Гирканскаго моря. Вездѣ валялись рыбьи кости и шелуха. Видны слѣды недавнихъ костровъ. Вдоль праваго берега Кира ясно обозначались отпечатки ногъ, оставленныя воинами, очевидно тянувшими свои суда вверхъ по рѣкѣ бурлацкою лямкой. Брошены были нѣкоторые старые, лопнувшіе бурдюки, въ которыхъ хранилась прѣсная вода во время морского переѣзда.

Поэтому, послѣ достаточнаго роздыха, Митридатъ двинулъ свое многочисленное войско вверхъ по правому берегу Кира въ погоню за Помпеемъ.

Но Сервилій, наученный опытомъ, устроилъ особое приспособленіе для волока судовъ по-суху. Тамъ, гдѣ уже нельзя было далѣе тянуть корабли по водѣ и гдѣ приходилось одо-

лѣвать горныя мѣстности, онъ приказалъ воинамъ придѣлать къ днищамъ кораблей вертящіяся катушки, которыя очень облегчали передвиженіе флота по сушѣ.

Съ каждымъ днемъ Митридату казалось, что вотъ-вотъ онъ настигнетъ врага. Но Помпей не давался ему въ руки.

Когда-же войско Митридата достигло Колхиды, то тамъ поразили его три извѣстія: первое—что Помпей, достигнувъ устья Фазиса, былъ встрѣченъ Аристархомъ, поставленнымъ имъ-же царемъ надъ колхами, который передалъ ему трехъ плѣнныхъ вождей иберовъ и дѣтей ихъ царя Артока, а также двухъ плѣнныхъ вождей албанцевъ, которыхъ Аристархъ держалъ въ плѣну до возвращенія Помпея съ Гирканскаго моря,—что отъ устьевъ Фазиса Помпей вытребовалъ къ себѣ изъ Артаксаты квестора Афранія съ его когортами, а также съ Тиграномъ Артаксою и его молоденькою женою, бывшею амазонкою, равно съ другими плѣнными амазонками и со всѣми добытыми имъ въ первыхъ двухъ походахъ сокровищами;—второе—что Помпей отплылъ съ своимъ флотомъ къ Синопу, гдѣ тоже захватилъ всѣ дворцовыя сокровища Митридата и двухъ его сыновей, царевичей Махара и Клеоника и, по повелѣнію сената, поспѣшилъ черезъ Пропонтиду и Геллеспонтъ въ Эгейское море, чтобы плыть въ Сирію;—и третье—что весь Босфоръ Кимерійскій, подъ предводительствомъ Кастора, архонта Фанагоріи, возсталъ поголовно и свергъ съ себя иго Митридата [1]).

Понятно, какъ эти извѣстія должны были потрясти гордую душу богатыря-честолюбца, задавшагося вырвать у судьбы всемірное владычество. Но злой рокъ судилъ ему пока иное...

— Пока!—думалъ и самъ онъ.—А Дельфы?—оракулъ... Пифія... Га!—гнусный торгашъ Фанагоріи—Квесторъ—и ты тоже!.. Такъ я-же потушу прежде пожаръ въ Босфорѣ, залью кровью бунтовщиковъ весь Босфоръ, Тавриду... Кровью обмою мраморный храмъ Ифигеніи... Затоплю моремъ дерзкую Фанагорію, и это море будетъ—кровь фанагорійцевъ... Островомъ станетъ полуостровъ Фанагоръ... По крови будутъ плавать торгашескіе корабли ихъ... Судьба, рокъ, фатумъ, фортуна... О, ты, съ повязкою на глазахъ богиня!—Я дамъ тебѣ такую пощечину, что повязка слетитъ съ твоихъ глазъ, и ты будешь видѣть, слѣпая, кому расточать свои милости... Выбирай—Помпей, или Митридатъ!.. Элизій, или Оркъ, Тартаръ!..

---

[1]) Аппіанъ.—«Proemium», 108.

Онъ былъ страшенъ... Ни Клеопатра, ни скиѳъ Яръ, ни Гай Постумъ, ни виночерпій Мосхинъ, ни даже старый Фокіонъ не смѣли подступить къ нему.

Вытребовать тотчасъ сюда навмарха Артоса съ моимъ флотомъ!—сказалъ онъ виночерпію.—Немедленно!.. Пусть гонецъ загонитъ цѣлый табунъ лошадей, только-бъ флотъ мой былъ черезъ два дня здѣсь!

Понтійскій флотъ стоялъ въ это время въ гавани Керазунта, откуда Лукуллъ вывезъ въ Италію первыя вишни.

— Заливъ кровью Босфоръ, Тавриду, я по окрашенному кровью Понту направлю мой „плавающій городъ" на Римъ,—продолжалъ думать обезумѣвшій отъ ярости царь Понта и Босфора.—А разгромивъ гнѣздо орловъ-стервятниковъ съ Капитоліемъ и храмами боговъ, я и въ Сиріи отыщу Помпея... Ты мнѣ полностію заплатишь за все...—грозилъ онъ куда-то кулакомъ.

Флотъ прибылъ въ назначенный день.

Одаривъ золотомъ царя гирканцевъ и его войско и простившись съ Тиграномъ, царемъ Арменіи, Митридатъ посадилъ свое войско на корабли, и отплылъ въ Босфоръ Киммерійскій.

Мы-же послѣдуемъ за Помпеемъ.

Д. Мордовцевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Первые шаги.

Изъ воспоминаній писательницы.

(1872—1892 гг.).

Изъ обезпеченной, даже богатой, жизни я перешла къ положенію пролетарія. Когда пароходъ „Путникъ" отходилъ отъ пристани города С., я чувствовала себя безмѣрно счастливой. Передо мною была свобода и полное право распоряжаться собою. Тягостныя объясненія, слезы, сознаніе причиняемаго горя — все было позади. Мнѣ принадлежало настоящее и будущее, но надо было укрѣпить его за собою. „Женская самостоятельность заключается въ умѣньѣ заработать кусокъ хлѣба", повторяла я и, ничего неумѣющая, ѣхала въ Петербургъ, вѣря только въ свои силы.

Около тридцати лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; многое измѣнилось, даже переродилось, но тяжелый путь борьбы, которымъ приходилось женщинѣ нашего времени достигать чего бы то ни было, — довольно интересенъ, мнѣ кажется. Не называя настоящихъ фамилій и именъ тѣхъ лицъ, съ которыми меня сталкивала судьба, не указывая редакцій, въ которыхъ я работала, не касаясь ни біографіи своей, ни интимной стороны жизни, буду говорить о томъ рабочемъ пути, по которому пришлось мнѣ идти много лѣтъ.

Ни знакомыхъ, ни друзей, никого не было у меня въ Петербургѣ. Родные, — но съ ними я не могла встрѣчаться въ силу особыхъ условій. Въ карманѣ у меня было рублей пятьдесятъ, а въ чемоданѣ три серебрянныя ложки и списокъ существующихъ редакцій. Я рѣшилась побывать во всѣхъ и найти работу. Ближайшею оказалась редакція историческаго журнала.

— Работы? Но у меня нѣтъ никакой работы, отвѣчалъ редакторъ на мои просьбы.—Да что вы умѣете дѣлать?

Проклятый вопросъ!.. И много, много прошло времени, прежде чѣмъ я имѣла возможность отвѣчать на него не краснѣя.

— Мнѣ нужно... я хочу... я постараюсь... бормотала я, пока редакторъ пристально глядѣлъ на меня, стараясь опредѣлить кто стоитъ передъ нимъ. Его проницательный взглядъ смущалъ меня.

— Извините, еще тише добавила я и хотѣла уйти. Но редакторъ удержалъ меня. Задавая короткіе вопросы, онъ узналъ все, что его интересовало. Помолчавъ, онъ сказалъ:

— Такъ, такъ, обычная исторія: разлука съ мужемъ, поиски работы, и потомъ... Горекъ рабочій хлѣбъ и радостно примиреніе супруговъ!

— Этого быть не можетъ!

Редакторъ опять замолчалъ, а потомъ быстро спросилъ:

— Зрѣніе у васъ хорошее? А почеркъ?

Почеркомъ я имѣла право похвастаться, зрѣніемъ тоже и могла разбирать самыя неясныя рукописи. Но редакторъ словамъ не повѣрилъ. По его приказанію я написала нѣсколько фразъ, потомъ рядъ цифръ и видимо угодила.

Редакторъ улыбнулся. Онъ досталъ большой листъ толстой бумаги и показалъ, что надо дѣлать. Работа была очень странная. Внизу первой страницы нужно было написать косымъ почеркомъ и синими чернилами: „изданіе такого-то“, потомъ пронумеровать всѣ четыре страницы красными чернилами. Плата полагалась по полторы копейки съ экземпляра; исполнить работу слѣдовало возможно скорѣе.

— Желаете взяться? Если хорошо и, главное, аккуратно сдѣлаете, я буду давать вамъ... Да, да, у меня есть работа! Языки знаете? Отлично...

И редакторъ принесъ цѣлую груду старинныхъ документовъ. Тутъ были подлинныя письма Екатерины Великой, Павла и другихъ историческихъ личностей. Нѣкоторые изъ документовъ нужно было переписать только для типографіи, другіе и перевести и переписать. Плата назначалась громадная: по рублю за страницу, но я только потомъ поняла, что каждое слово приходилось разсматривать въ лупу и по цѣлому часу разбирать какую нибудь фразу.

Часъ спустя я уѣзжала изъ редакціи съ громадной корзиной, въ которой находилось тысячу листовъ изданія „Собраніе автографовъ“ и давала „честное слово“ доставить работу черезъ недѣлю.

Это былъ мой первый трудъ, первый заработокъ и всю жизнь, я относилась съ глубокою благодарностью къ человѣку такъ довѣрчиво отнесшемуся къ невѣдомой просительницѣ. Доставила я работу раньше срока, получила 15 руб. и, дорогое для меня, вполнѣ заслуженное, спасибо.

Съ этого дня редакторъ очень часто давалъ мнѣ различную переписку старинныхъ документовъ, писемъ и много лѣтъ спустя, когда я занималась болѣе серьезнымъ трудомъ, меня розыскивали съ его карточкой люди, нуждавшіеся въ „толковой переписчицѣ“.

Далъ мнѣ редакторъ какъ-то сдѣлать переводъ книги „Письма Леди Рондо“, но я сдѣлала его удивительно плохо и послѣ того долго стыдилась идти къ редактору. Увидавъ на дѣлѣ, что переводить вовсе не такъ легко, какъ мнѣ казалось, я стала искать другихъ занятій.

Случайно въ одной семьѣ мнѣ сказали, что редакторъ

спеціально-юридическаго органа ищетъ конторщицу-секретаря. На слѣдующее утро я была уже тамъ.

— Вы знаете конторское дѣло? очень сурово спросилъ меня редакторъ, оглядывая съ головы до ногъ. — Корректуры можете читать?

Ни того, ни другого я не знала..

— Ничего, пріучитесь, продолжалъ онъ повелительнымъ тономъ.—Тридцать рублей жалованья, занятія отъ 10 до 4, праздники свободны. Кромѣ Рождества, конечно. Подписка... Много работы. Экспедицію вы тоже не знаете? Удивительно, хотятъ работать и ничего не знаютъ. Что же согласны вы?

— Да, согласна, конечно согласна! Когда начать можно?

— Сегодня, сейчасъ... У меня двѣ недѣли какъ нѣтъ конторщика.

Я начала снимать шляпку и вдругъ услыхала насмѣшливое восклицаніе:

— Короткіе волосы! Нѣтъ, нѣтъ, нельзя! Мнѣ очень жаль. Кажется вы могли бы привыкнуть къ работѣ, но я.. Нигилистокъ не люблю!

Шутитъ или серьезно говоритъ? недоумѣвала я, но оказалось, что вопросъ поставленъ совершенно серьезно. Надежда получить мѣсто съ опредѣленнымъ жалованьемъ изчезала, тогда какъ даже тридцать рублей въ мѣсяцъ являлись спасеніемъ.

— Я могу другую прическу.. Я сдѣлаю такъ, что будетъ не видно,. пробормотала я.

Редакторъ засмѣялся.

— Пожалуйста.. Только вступайте сегодня же, а то у меня есть другіе кандидаты.

Попросивъ редактора подождать моего возвращенія до часа, я помчалась домой, на Выборгскую, заняла у квартирной хозяйки три, четыре рубля, купила шиньонъ и, съ невѣроятными усиліями, множествомъ шпилекъ, приколола его къ затылку.

Преобразившись, я отправилась опять въ городъ, на Казанскую площадь, въ редакцію, гдѣ на мою жертву, увы, не обратили никакого вниманія. Короткіе волосы, туго, до боли, скрученные, представляли основаніе, на которомъ держался модный шиньонъ и, помню, у меня нѣсколько дней болѣла голова.

Нетерпѣливый, раздражительный и весьма грубый съ подчиненными, редакторъ объяснилъ всѣ мои обязанности и я записывала, что и когда надо было дѣлать. Пріемъ подписки, объявленій, веденіе кассовыхъ книгъ, разсчеты съ сотрудниками, выдача гонорара, переписка, продажа книгъ и т. д. все возлагалось на конторщицу-секретаря. Обиліе разнообразныхъ обязанностей буквально подавляло меня тѣмъ болѣе, что спрашивать редактора я боялась. Каждый вопросъ являлся въ его глазахъ показателемъ безтолковости и отвѣчая, онъ всегда подчеркивалъ:

— Какъ я вамъ уже говорилъ...

Первые два-три мѣсяца мнѣ было очень трудно. Тридцати рублей на жизнь не хватало. У меня былъ ребенокъ, кормилица и мы жили на Выборгской, занимая небольшую комнату съ платою

9 рублей въ мѣсяцъ. Жалованье кормилицѣ 6 руб., обѣдъ для нея 9 р.: затѣмъ чай, булки, прачка, освѣщеніе, — вотъ и всѣ 30 рублей.

Эти первые три мѣсяца я ни разу не обѣдала. Когда кормилицѣ подавали обѣдъ, я уходила въ колбасную, брала три горячія сосиски, кусокъ хлѣба и тутъ же, возлѣ прилавка, съ жадностью молодости съѣдала свою порцію. Возвращаясь къ себѣ, я дѣлала видъ, что отлично пообѣдала въ кухмистерской и даже разсказывала кормилицѣ о воображаемыхъ кушаньяхъ. Вечеромъ съ тою же молодою алчностью, я пила чай съ чернымъ хлѣбомъ, опять таки дерзко увѣряя, что ненавижу булки... Но если Груша (кормилица) не доѣдала своей булки, то, каюсь, я пожирала ее ночью... Послѣдній мѣсяцъ Груша догадалась, что я ее обманываю и начала платить мнѣ тѣмъ же. Съ наивнымъ видомъ она говорила, что ей надоѣлъ бѣлый хлѣбъ и заставляла меня брать ея булку въ редакцію гдѣ я страшно голодала... Съ Выборгской къ Казанскому Собору и обратно, прогулка немалая, тѣмъ болѣе что только изрѣдка я могла доставить себѣ роскошь, проѣхаться въ Щапинскомъ дилижансѣ и то на дешевыхъ мѣстахъ, т. е. рядомъ съ кучеромъ. Редакторъ сердился, если заставалъ меня съ кускомъ булки, или за стаканомъ чая и сейчасъ придирался или требовалъ какой нибудь справки, вовсе ему ненужной. Слуга при конторѣ, Александръ, хорошо знавшій своего господина, всегда начиналъ ему дерзить и, такимъ образомъ, отвлекалъ его вниманіе.

Въ маѣ я вступила въ контору, а въ концѣ іюля я рѣшилась заговорить о прибавкѣ жалованья.

Вопросъ былъ очень серьезный. Редакторъ, крайне разсчетливый, даже скупой, тратилъ сотни рублей на свои удовольствія, но заставлялъ сберегать каждый клочекъ бумаги. Отъ всякаго письма, полученнаго въ конторѣ и редакціи нужно было отрывать чистые полулисты, накладывать редакціонный штемпель и превращать въ бланкъ для письма. Если сотрудникъ просилъ прибавить построчную плату,—ему отказывали отъ работы; прислугу усчитывали и притѣсняли изъ за каждаго гроша, словомъ, просить прибавки жалованья значило рисковать потерей мѣста... Но такая смѣлость была необходима. Дрожа, краснѣя и блѣднѣя, я начала говорить о своемъ дѣлѣ. Редакторъ поглядѣлъ на меня съ удивленіемъ, но потомъ взялъ карандашъ и написалъ:

— Съ 1 августа сорокъ рублей!

Въ отвѣтъ на мою благодарность, онъ спросилъ:

— Развѣ вы нуждаетесь?

Услыхавъ, что у меня ничего нѣтъ кромѣ получаемаго жалованья и, главное, нѣтъ никакой посторонней работы, онъ рѣзко замѣтилъ:

— Надо было сказать.. Была бы голова и руки, а работа всегда найдется!

Въ тотъ же день онъ позвалъ меня въ свой грязный, заваленный книгами кабинетъ, и далъ работу на домъ. Редакторъ составлялъ систематическій сводъ кассаціонныхъ рѣшеній, очень серьезный

трудъ; отъ меня-же требовалась чисто механическая, но аккуратная помощь. Прочитывая какое нибудь сенатское рѣшеніе, редакторъ составлялъ тезисъ, а какъ доказательство приведеннаго имъ положенія, нужно было найти и подклеить подъ тезисомъ самое рѣшеніе, сокративъ его.

— Вотъ, сказалъ онъ, объяснивъ технику работы,— съумѣете? Цѣна—полторы копейки съ тезиса. Если вы дѣйствительно по вечерамъ дома, то можете приработать рублей 30—40.

Я не вѣрила своимъ ушамъ. Еще 30 рублей, кромѣ 40 рублеваго жалованья! Значитъ можно и обѣдать, и ѣздить въ Щапинскомъ дилижансѣ, и въ театръ пойти, и въ библіотеку записаться! Восторгу моему не было предѣловъ. Захвативъ груду листовъ кассаціонныхъ рѣшеній и тезисы, написанные невѣроятно дурнымъ почеркомъ, я помчалась домой.

На орудія труда т. е. на клей и бумагу редакторъ выдалъ мнѣ три рубля и впервые за нѣсколько мѣсяцевъ я ѣхала на дрожкахъ!

Съ этого дня мое матеріальное положеніе измѣнилось. Работою редакторъ былъ доволенъ, а за аккуратность и быстроту даже похвалой удостоилъ, говоря, что вообще у барынь манера набрать побольше работы, ничего не дѣлать и жаловаться на усталость. „Переутомленія“ тогда еще не знали.

Прослужила я въ этой конторѣ около двухъ лѣтъ и жалованье мое, медлительно возростая, достигло до 60 руб. Теперь я могла приличнѣе одѣваться, бывать по субботамъ въ Михайловскомъ театрѣ, восхищаться Делапортъ, обожать Паска, слушать Патти и Альбани.

Въ одинъ печальный день, однако, я проснулась въ жару, съ болью въ горлѣ.

Инстинктъ подсказывалъ, что у меня нѣчто серьезное. Быстро одѣвшись и захвативъ ключъ отъ кассы и оконченную наканунѣ работу, я поѣхала въ редакцію. Въ кабинетѣ редактора кто-то былъ, но я не могла ожидать.

Смѣло вошла я въ кабинетъ и, подавая ключъ и работу, сказала, что серьезно захворала и вѣроятно нѣсколько дней не приду въ контору. Со стороны подчиненной все это было дерзостью и редакторъ сурово сверкнулъ глазами.

— Вы могли подождать, а не входить безъ доклада... Касса въ наличности?

— Все... въ порядкѣ...

Редакторъ принялъ кассу, росписался, и съ пятью рублями въ карманѣ, дрожа въ лихорадкѣ я доѣхала домой. Вечеромъ у меня была высокая температура, а на утро одинъ изъ сосѣдей, студентъ медикъ, привелъ ко мнѣ своего кумира профессора В. А. М—на.

У меня оказалась скарлатина съ осложненіями и недѣль шесть я была опасно больна. Своимъ спасеніемъ я была всецѣло обязана В. А. М. Не взирая на неудобную обстановку въ меблированной комнатѣ, мнѣ дѣлали холодныя ванны, а молодежь, медики и студентки, ухаживали за мною какъ за родною.

Сына съ няней перевезли въ другую квартиру и, поправляясь, я могла видѣть ихъ, какъ они гуляли мимо моихъ оконъ.

Мѣсто въ конторѣ редакціи я, конечно, потеряла, но черезъ три-четыре мѣсяца, редакторъ разстался съ моимъ замѣстителемъ и опять пригласилъ меня.

Теперь я была смѣлѣе, сознавала, что *умѣю работать* и уже не трепетала, если редакторъ заставалъ меня за стаканомъ чая. Такъ прошло еще года два и хотя мнѣ начинало надоѣдать положеніе конторщицы, но ничего иного я не умѣла дѣлать и не знала способна ли даже на какую либо другую работу.

Въ это время зарождалось знаменитое Овсянниковское дѣло. Редакторъ, въ качествѣ удивительно знающаго юриста, придумалъ какой-то доводъ, въ силу котораго Овсянникова освободили изъ подъ ареста.

За свой совѣтъ редакторъ получилъ 50,000 руб., но тутъ начались для него серьезныя непріятности и онъ рѣшился продать газету.

Вмѣстѣ съ книгами и документами, относящимися къ газетѣ, перешла къ новымъ редакторамъ и я. Еще промчался годъ, газета опять видоизмѣнилась и, въ одинъ печальный день,—была запрещена.

Безъ занятій, безъ средствъ, съ тремя дѣтьми на рукахъ, я приходила въ отчаянье. Маленькія деньги, которыя у меня остались отъ продажи за безцѣнокъ имѣнія, ради хлопотъ по разводу, изсякли. Я успѣла впрочемъ, купить немного мебели и устроила комнаты на особыхъ условіяхъ. Была такъ сказать „нейтральная“, столовая, гдѣ жильцы обѣдали, читали газеты, играли въ шахматы и т. д. Принимались жильцы на полный пансіонъ, съ обѣдомъ и завтракомъ, и когда комнаты были заняты, концы съ концами сводились.

Въ то же время я работала въ брошюровочной, купленной однимъ изъ знакомыхъ врачей, но она давала убытокъ и ее продали. Ужасъ нужды начиналъ томить меня. Потребности семьи возростали съ каждымъ днемъ, а денегъ не было. Ни денегъ ни работы...

Проклятое неумѣнье опять вставало предо мною. Я брала переписку, шила бѣлье для магазиновъ, дѣлала игрушки на продажу, раскрашивала какую-то игру по заказу, словомъ, не отказывалась ни отъ какой работы, но все это были гроши, жалкіе гроши.

Нужно было придумать что нибудь, изобрѣсти ренту, не имѣя капитала. Дѣти росли, хворали, стремились на воздухъ, нуждались въ обуви, въ молокѣ, въ сытной пищѣ, и сознавая свое безсилье, я все чаще подумывала: нельзя ли исчезнуть съ лица земли, что-бы покончить всѣ счеты?

И вдругъ, совершенно неожиданный внѣшній толчекъ. Въ одномъ изъ толстыхъ журналовъ я увидала повѣсть, написанную моею знакомой.

„Если она можетъ, то почему же я не могу попробовать?“ явилась мысль.

Еще въ дѣтствѣ, живя въ деревнѣ, я писала стихи, надъ которыми всѣ домашніе смѣялись и дразнили меня, называя графиней Ростопчиной. Въ годы ранней юности я даже написала было повѣсть, но мать взяла ее и стала читать при гостяхъ. Обидный смѣхъ деревенскихъ обывателей остановилъ меня отъ дальнѣйшихъ попытокъ.

Страстная любительница чтенія, я никогда не смѣла себѣ даже представить, что могу писать. Мнѣ казалось, что быть писателемъ нѣчто настолько трудное, отвѣтственное и высокое, что надо родиться исключительнымъ человѣкомъ и всю жизнь готовиться къ такой дѣятельности. Въ то время еще жили и писали Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій и другіе наши великіе писатели и смѣлость моей знакомой поразила меня.

Я достала книгу журнала и съ громаднымъ интересомъ прочла повѣсть.

„Да, *такъ* написать я тоже могу, но развѣ такія вещи принимаютъ?“ думалось мнѣ. За послѣднее время я не читала новыхъ журналовъ, но перечитывала классиковъ и самоучкой занималась англійскимъ языкомъ. Теперь я стала читать новые журналы и дерзкая мысль попробовать счастья становилась все возможнѣе, все соблазнительнѣе.

Сумма пережитаго и видѣннаго давала множество сюжетовъ и вотъ, скрывая отъ всѣхъ свой замыселъ, я начала писать.

Цѣлыя ночи до бѣлаго дня я писала повѣсть, конечно, изъ своей жизни, произведеніе, въ которомъ главною героинею являлась я сама. Эта повѣсть была нѣчто ужасное, но мнѣ лично она нравилась.

Переписавъ свое твореніе, я снесла его въ редакцію толстаго журнала и мучительно ждала отвѣта.

Каждый вечеръ, засыпая, я мечтала о несбыточной удачѣ, но просыпаясь, и не видя письма, котораго такъ горячо и нетерпѣливо ожидала, падала духомъ. Каждый звонокъ заставлялъ меня вздрагивать, блѣднѣть отъ страха и надежды. Наконецъ, письмо было получено. Меня приглашали зайти въ редакцію въ одинъ изъ пріемныхъ дней.

Я отправлюсь завтра же, рѣшила я, боясь думать о томъ, что будетъ, что можетъ быть.

Высокій, могучій, съ сумрачно сдвинутыми бровями, симпатичнѣйшій писатель сурово взглянулъ на меня, вынулъ изъ ящика мою объемистую рукопись и, возвращая мнѣ, ее сказалъ:

— Возьмите. Не подходитъ...

— Но отчего-же? вырвался у меня наивный до глупости вопросъ.

Редакторъ готовъ былъ разсердиться, пожалуй, даже сказать рѣзкость, но вдругъ его настроеніе измѣнилось.

— Первая попытка? Да, это видно, заговорилъ онъ опять.— „Отчего не годится“? а вотъ отчего. Это у васъ не повѣсть, а матеріалъ для романа, для нѣсколькихъ романовъ!.. Главный недостатокъ: отсутствіе дѣйствія, а второе... Вы слишкомъ хорошій

историкъ, смѣясь добавилъ онъ.—Все что было, все сообщаете; все что говорилось даже записываете... Такъ нельзя.

Я стояла смущенная, подавленная.

Редактору очевидно стало жаль меня и онъ заключилъ:

— Вы не огорчайтесь, всѣмъ бываетъ не легко начинать, а вы вотъ что сдѣлайте... Тутъ у васъ одна глава есть, про разводъ. Поработайте надъ нею, сдѣлайте отдѣльнымъ очеркомъ и принесите... Я посмотрю.

Я поклонилась и быстро вышла.

Очутившись на улицѣ я чувствовала себя пристыженной и глубоко несчастной. Мнѣ казалось, что всѣ угадываютъ, даже знаютъ навѣрное о пережитомъ мною срамѣ и насмѣшливо смотрятъ на „даму съ рукописью".

Стыдно и горько было мнѣ, до слезъ больно, но словъ, что въ моей повѣсти „нѣтъ дѣйствія"—я совершенно не понимала... На совѣтъ выдѣлить одинъ эпизодъ и обработать его,—я не обратила особеннаго вниманія, думая, что редакторъ просто пожалѣлъ меня и хотѣлъ утѣшить.

Говорятъ, что получившій отказъ отъ любимой дѣвушки, въ отвѣтъ на предложеніе руки и сердца, чувствуетъ себя пристыженнымъ, но такъ же, если не сильнѣе, страдаетъ человѣкъ, получивъ обратно свою первую рукопись.

Со временемъ, даже неудачникъ привыкнетъ къ подобнымъ ударамъ судьбы, а счастливецъ пойметъ, что непринятая въ одной редакціи повѣсть, можетъ понравиться въ другой, но когда у новичка нѣтъ ни увѣренности, ни поддержки, когда проиграно первое сраженіе, данное самому себѣ, своимъ способностямъ,—тяжело ему, даже при наличности такого добраго отношенія какое проявилъ ко мнѣ могучій писатель земли русской.......

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ.

Матеріальное положеніе значительно ухудшилось. Все, что можно было заложить или продать,—было исчерпано. Я брала переписку, писала „по заказу" ученическія сочиненія, доставляя лѣнивымъ или неспособнымъ ученикамъ желанныя тройки, но съ мрачнымъ ужасомъ смотрѣла впередъ.

Что же дѣлать? Какъ выбиться на дорогу, какъ примѣнить свою энергію и жажду труда?

О своей попыткѣ сдѣлаться писательницей, я никому не говорила. Только побѣда могла бы извинить мою смѣлость—но я потерпѣла пораженіе и, конечно была бы обречена выслушивать только язвительно дружескія сожалѣнія.

Обращаться къ протекціи я не хотѣла и какъ то лѣтомъ, пересматривая рукопись злосчастнаго произведенія, брошеннаго въ ящикъ стола, вспомнила слова великаго писателя.

„Это у васъ не повѣсть, а матеріалъ для нѣсколькихъ романовъ!" сказалъ онъ, а потомъ даже указалъ на одну изъ главъ, заинтересовавшихъ его свѣжестью и, главное, непосредственностью вынесеннаго впечатлѣнія.

„Попробовать развѣ? Рискнуть еще разъ.. Авось..."

И опять, скрывая отъ всѣхъ свою мечту, я начала передѣ-

лывать одну главу изъ повѣсти. Написана она была очень быстро, подъ горячимъ порывомъ, переписана, и, въ началѣ августа 1878 г., узнавъ день и часъ пріема въ редакціи однаго изъ лучшихъ толстыхъ журналовъ, я рѣшилась отвезти свою повѣсть. Наканунѣ я была какъ въ лихорадкѣ, представляя себѣ посѣщеніе редакціи и объясненіе съ редакторомъ чѣмъ то крайне ужаснымъ.

Мнѣ казалось, что редакторъ сейчасъ же угадаетъ во мнѣ новичка, что онъ отнесется сурово, пожалуй жестко, и, краснѣя отъ страха, я вспомнила какіе отвѣты помѣщаются иногда въ почтовыхъ ящикахъ иллюстрированныхъ изданій.

Маленькій сынъ, очень развитой восьмилѣтній ребенокъ, видя мое волненіе и спѣшную работу, спрашивалъ, что я дѣлаю. Я отвѣчала уклончиво, но наканунѣ рѣшительнаго дня, ощущая жгучую потребность прочитать свою повѣсть хотя кому нибудь,— предложила сыну послушать.

Воображая, что я буду читать занимательную сказку, мальчуганъ радостно согласился, заперъ двери передъ лицами опечаленныхъ младшихъ братьевъ, и усѣлся въ глубокое кресло.

Я начала читать, волнуясь и увлекаясь, но черезъ десять минутъ прекратила чтеніе: мой первый и единственный слушатель сладко и крѣпко спалъ...

На слѣдующее утро я отправилась въ редакцію, находившуюся на другомъ концѣ города.

Благодаря овладѣвшему мною нетерпѣнію, я вышла слишкомъ рано и долго, долго ходила по набережной, ожидая когда наступитъ минута пріема. Наконецъ, пробило два. Довольно смѣло прошла я мимо швейцара, снисходительно, не безъ презрѣнія смотрѣвшаго на „даму съ рукописью“,—этотъ жестокій бичъ для всѣхъ редакцій,—и очутилась въ пріемной.

Здѣсь было нѣсколько темновато, но когда растворялись двери редакторскаго кабинета и самъ онъ, провожая посѣтителя, появлялся въ пріемной, снопъ яркихъ лучей солнца освѣщалъ его лицо, строгое, но очень симпатичное.

Постоянные сотрудники, писатели, съ именами и только съ фамиліями, знакомые и служащіе,—всѣ проходили въ кабинетъ, а мы, новички, случайные посѣтители, сидѣли въ пріемной молча, но всѣ одинаково тревожно настроенные.

Одинъ изъ присутствующихъ, худощавый господинъ въ очкахъ, получилъ свою рукопись обратно и очень долго, дрожащими руками заворачивалъ ее въ бумагу.

Ему сказали, что его произведеніе „неудобно“ и хотя такое опредѣленіе казалось мнѣ не понятнымъ, писатель горько усмѣхнулся и вымолвилъ:

— Да, я такъ и думалъ! Боятся!

Публика приходила и уходила. Одни справлялись о чемъ то, другіе передавали толстые пакеты, говорили: „заказная работа“, и исчезали.

— Вамъ вѣрно справиться нужно? спросилъ меня секретарь недовольнымъ тономъ.—Такъ пожалуйста.

— Нѣтъ у меня тоже.. рукопись..

— Отъ кого?

Называть свою фамилію мнѣ не хотѣлось. Смущенная, я пробормотала что то, но въ это мгновенье подошелъ самъ редакторъ.

— Рукопись? Позвольте... Маленькая вещь? Хорошо. Оставьте, отрывисто сказалъ онъ и, взявъ рукопись, передалъ ее секретарю.— Запишите адресъ. Ваша фамилія?

— Мнѣ не хотѣлось бы.. Лучше псевдонимъ.

Редакторъ пожалъ плечами, какъ бы говоря, что не извѣстно еще пригодится ли вещь и я торопливо назвала свою фамилію, сказала адресъ.

— За отвѣтомъ зайдите, ну... мѣсяца черезъ три. Такъ, въ началѣ ноября..

Замѣтивъ мое удивленіе, онъ добавилъ:

— У насъ рукописей такая масса...

Вернулась я домой совершенно разочарованная. Страшнаго ничего на пріемѣ не было, но и утѣшительнаго не оказывалось. Ждать три мѣсяца, долгихъ три мѣсяца! Помню, возвратившись, я заперлась въ комнатѣ и стала перечитывать свою рукопись по черновику, стараясь представить себѣ, ка́къ будетъ читать ее редакторъ, что онъ подумаетъ, ка́къ отнесется.

Теперь мнѣ особенно ясно представлялась вся дерзость моего поступка и неизбѣжность послѣдствія.

„Въ такой журналъ отдать свою первую вещь, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись! Да я можетъ быть тамъ ошибокъ грамматическихъ надѣлала, запятыя поставила не на мѣстѣ, въ неокончательныхъ наклоненіяхъ наврала!“ терзалась я цѣлый день.

На душѣ было тяжело, точно я совершила дурной проступокъ.

На слѣдующее утро, вмѣстѣ съ газетами, мнѣ подали письмо. Почеркъ незнакомый. Я лѣниво разорвала конвертъ и чуть не крикнула отъ радости.

На бумагѣ, со штемпелемъ редакціи, стояли драгоцѣнныя строки:

„Вчера, возвращаясь на дачу, я прочиталъ Вашу повѣсть. Она мнѣ очень понравилась. Будетъ помѣщена въ декабрьской или январьской книгѣ. Зайдите поговорить объ условіяхъ. Придется перемѣнить заглавіе и смягчить кое что въ цензурномъ отношеніи“.

Только новичекъ, впервые получающій такое письмо, можетъ понять овладѣвшее мною чувство радости, счастья и благодарности по отношенію къ редактору. Вмѣсто трехъ мѣсяцевъ, одни сутки, вмѣсто страха,—блаженство.

Когда первыя впечатлѣнія нѣсколько улеглись, я хотѣла написать къ редактору, что-бы поблагодарить его,—и не рѣшалась, хотѣла подѣлиться своею удивительною удачей,—но возлѣ меня были очень милыя, любящія, но ничего непонимающія еще существа.

Старушка-няня, которую я вздумала было посвятить въ свою радость, живала прежде у „пишущихъ“ господъ и потому прежде всего освѣдомилась: сколько же я получу денегъ и когда?

Вопросъ имѣлъ серьезное практическое значеніе: она уже два мѣсяца не получала жалованья, а дѣтямъ нужна была новая обувь, платья и т. д., но меня все таки рѣзанулъ ея вопросъ...

Въ слѣдующую среду я уже значительно смѣлѣе направилась въ редакцію.

Секретарь, такой же хмурый, сообщилъ, что моя рукопись принята и редакторъ желаетъ меня видѣть. Когда посѣтитель, бывшій въ кабинетѣ, вышелъ, секретарь сказалъ мнѣ:

— Идите... можно.

Редакторъ холодно и спокойно поздоровался со мною, подвинулъ кресло и отрывисто спросилъ меня:

— Ваша первая вещь? Изъ своей жизни, конечно? Да, видно, что все это пережитое, ласково добавилъ онъ, перелистывая мою рукопись.

Услыхавъ утвердительный отвѣтъ, онъ заключилъ:

— Да, тяжелыя положенія бываютъ...

Пока редакторъ перелистывалъ рукопись, я замѣтила, что на поляхъ сдѣланы отмѣтки карандашемъ.

„Такъ и есть“! подумала я. „На этой страницѣ слово „подвергнуться“, я написала безъ мягкаго знака, а тамъ дальше „копейки“ черезъ „ять“...

Мнѣ вспомнились всѣ спорные вопросы русскаго правописанія, всѣ запятыя и многоточія, быть можетъ слишкомъ щедро разсыпанныя женскою рукою и я стыдилась, краснѣла, ожидая вполнѣ заслуженнаго упрека.

Но редакторъ очевидно привыкъ къ писательской вольности въ сферѣ русской грамматики и обратилъ вниманіе на другое.

— Названіе не совсѣмъ удобно, сказалъ онъ.—Оно кричитъ и раньше времени объясняетъ сущность повѣсти. Затѣмъ, такая то и такая то подробности не цензурны. Возможное въ жизни, невозможно въ печати. А тутъ у васъ еще духовный судъ. Вы позволите исправить?

Позволю-ли я! Каждое слово или совѣтъ этого человѣка, такъ снисходительно относившагося къ новичку, казались мнѣ откровеніемъ и когда редакторъ упомянулъ о размѣрѣ гонорара, сказавъ небрежнымъ тономъ, что у нихъ платятъ 80 руб. за листъ,— я готова была отказаться отъ платы, такъ велико было счастье сознанія, что моя повѣсть удостоена пріема въ лучшій журналъ, что она будетъ напечатана въ январьской книгѣ!

Прощаясь, редакторъ спросилъ не нужно-ли мнѣ денегъ авансомъ.

— Вамъ придется получить рублей 250, заключилъ онъ любезно.—Не стѣсняйтесь...

Деньги были очень нужны, но у меня не хватило мужества сказать правду и даже потомъ мнѣ все казалось, что дефекты костюма и перчатки не первой свѣжести вызвали съ его стороны это любезное предложеніе.

Ничего! Въ виду предстоящей получки я нашла кредитъ и первыя деньги за литературный трудъ, доставленныя 31-го декабря 1878 г., вмѣстѣ съ книгой журнала на домъ, были истрачены еще авансомъ на животрепещущія нужды семьи.

Таковъ былъ мой дебютъ, удивительно счастливый, благодаря человѣчному отношенію уважаемаго редактора, но работать постоянно въ этомъ журналѣ мнѣ, къ сожалѣнію, не привелось.

Захватила необходимость спѣшнаго труда, некогда было обрабатывать свои произведенія и количество часто замѣняло качество написаннаго...

***

Вспоминая годы кипучей работы ради необходимости, работы спѣшной, заказной, подъ гнетомъ страха, заботы, обезпечивающей существованіе четверыхъ дѣтей,—останавливаюсь опять—таки на отдѣльныхъ эпизодахъ женской писательской жизни.

Послѣ первой напечатанной повѣсти мною овладѣлъ еще большій страхъ. Хотѣлось написать что нибудь хорошее, но ничего не удавалось. Между тѣмъ, кое гдѣ въ газетахъ похвалили слогъ моей повѣсти, и ко мнѣ явился издатель-книгопродавецъ, предлагая взять на себя переводы нѣсколькихъ учебниковъ, романовъ и даже медицинскихъ книгъ.

Полистная плата была крайне мала, но работы было много, гонораръ уплачивался аккуратно и почти весь годъ я занималась исключительно переводами.

Между тѣмъ, страстное желаніе писать что либо *свое* становилось все сильнѣе. Урывками, отдыхая отъ обязательной, заказной работы, я написала небольшую повѣсть. Она была принята и помѣщена въ другомъ ежемѣсячномъ журналѣ, но увидавъ ее въ печати, я какъ то особенно ясно поняла всѣ недостатки ея, поняла, что значитъ „отсутствіе дѣйствія“, преобладаніе сюжета надъ характеристиками и т. д., но все таки не знала *какъ* надо работать.

Совѣтниковъ у меня не было, критика на меня не обращала вниманія, но я горячо любила литературу и мнѣ хотѣлось работать, быть чѣмъ нибудь.

Съ цѣлью овладѣть техникой письма и конструкціей романа я начала перечитывать нашихъ классиковъ, вникая въ самое мастерство изображенія, въ планы повѣстей и романовъ, въ умѣнье захватить вниманіе читателя. Въ то же время я старалась всматриваться въ сущность характеровъ людей и, съ цѣлью упражненія, опредѣляла того или другаго изъ числа знакомыхъ, изъ лицъ случайно встрѣченныхъ и записывала такія характеристики.

Впослѣдствіи всѣ эти подготовительныя работы мнѣ пригодились, особенно для драматическихъ произведеній.

Когда переводныя работы были окончены, одинъ издатель предложилъ мнѣ дѣлать описаніе къ картинамъ, помѣщаемымъ въ журналѣ.

Ничтожная, дешево оплачиваемая *заказная* работа,—стоила мнѣ громадныхъ усилій. Чтобы написать 150—200 строкъ, я тратила 9—11 часовъ времени т. е. буквально всю ночь до утра и каждый вторникъ отправляла „описанія“, вмѣстѣ съ отказомъ отъ работы. Но издатель смѣялся, исправлялъ кое что и печаталъ, находя, что „лучше и не надо“!..

Черезъ мѣсяцъ—та же работа исполнялась мною въ два—три часа и казалась легкой. Дѣло въ томъ, что я *привыкла писать по заказу*, то о новой картинѣ, то о научномъ открытіи, то о машинѣ Эдиссона...

Послѣ такой школы я сдѣлалась смѣлѣе и въ одинъ прекрасный день, когда въ Петербургѣ создавалась новая газета,—явилась просить работы.

— Что вы умѣете дѣлать? довольно грубо спросилъ меня редакторъ, которому масса просителей не давали покоя.—А, знаете языки! Хорошо! А по русски то писать умѣете? Дипломъ, говорите, есть... Ахъ, знаю я эти дипломы!..

Въ пріемной было человѣкъ двадцать алчущихъ работы, но редакторъ никого почти не зналъ и всѣмъ отвѣчалъ одно и то же:

— На пробу пожалуйте... Завтра къ 12 часамъ. Только вотъ что: бумагу и перья захватите, а то... Вчера не хватило...

Всѣ просившіе работы получали записочки съ нумеромъ. Помню, мой оказался 45, и я аккуратно явилась на завтра, что бы показать свое „умѣнье“.

Народу было множество, все новички, такіе же какъ я, ничего общаго съ литературой и журналистикой неимѣющіе. Они услыхали, что въ такой то редакціи есть работа,—и хлынули съ просьбами. Надо добавить, что тутъ же были конторщицы, кассирши, корректоры, даже разсыльные, приглашенные всѣ въ одинъ и тотъ же день.

Насъ, „пишущихъ“, отозвали въ большую залу и предложили работать“.

— Что же намъ дѣлать? спрашивали всѣ.

Редакторъ, впервые бравшійся за сложное газетное дѣло, и самъ ничего не зналъ.

Онъ писалъ недурные фельетонные романы, обладалъ нѣкоторою извѣстностью и, совершенно случайно познакомившись съ богатымъ человѣкомъ, желавшимъ обѣлить себя въ виду громкаго предстоящаго процесса, попалъ въ положеніе наемнаго редактора.

Все это, конечно, мы узнали много позднѣе, а пока трепетали, зная, что изъ сорока человѣкъ алчущихъ работы, приняты могутъ быть только шестеро.

Разсѣвшись за столами и возлѣ оконъ, мы принялись писать. Одни брали газетную статью и излагали ее in extenso, другіе сочиняли свое. Я рѣшительно терялась, совершенно незнакомая съ газетною работой. На мое счастье въ залу вошелъ г. С. и принесъ нѣсколько нумеровъ Фигаро. Въ качествѣ завѣдующаго иностранною политикой, онъ явился выбирать помощницу. Нумера французской газеты были розданы четверымъ дамамъ, но мужчины начали негодовать и мы братски раздѣлили, т. е. разорвали нумера. Помню, мнѣ досталась красивая, но очень крикливая передовая статья по какому то политическому вопросу. Въ чемъ дѣло—я не знала, такъ какъ политикой тогда не интересовалась, но красивыя фразы увлекли меня. Въ комнатѣ было душно

и жарко. Всѣ курили, болтали, смѣялись и двигали стульями. Склонившись надъ роялемъ, стояла и писала красивая дама съ черными глазами, довольно извѣстная въ то время писательница, г-жа Х—ва. Она пригласила меня помѣститься возлѣ нея и мы стали писать. Она составляла передовую по тремъ русскимъ газетамъ,—я передѣлывала французскую статью.

Окончивъ работу, мы положили, каждая, свои листы въ особые конверты, указали свои фамильи, адреса и ушли.

— Кончили? А, хорошо... Значитъ вы скоро работаете, одобрительно замѣтилъ намъ редакторъ.

— Понравилось что скоро работаемъ!—произнесла Х.—Но вѣдь здѣсь жалованье. Спѣшить невыгодно. Я поторопилась потому, что голова разболится отъ этой тѣсноты. Нагнали сколько людей! Все талантовъ по дешевой цѣнѣ ищутъ! заключила она съ горечью.

До Пушкинской мы шли вмѣстѣ. Новая знакомая разсказывала мнѣ что редакторъ обратился было къ „настоящимъ“ писателямъ, но тѣ назначили такой гонораръ, что издатель испугался. Привлечь массу нуждающихся и выбирать изъ нихъ наиболѣе достойныхъ, было мыслью самого издателя. Онъ хотѣлъ даже объявить конкурсъ, чтобы найти фельетониста, но редакторъ самъ взялся писать воскресники.

Х. уже не разъ работала въ газетахъ. Она знала всѣхъ и все и я слушала ея разсказы съ живымъ интересомъ. Она мнѣ объяснила, между прочимъ, что завтра вечеромъ намъ пришлютъ отвѣтъ, удостоены-ли мы пріема, сказала, что жалованье назначено всѣмъ одинаковое 75 р. въ мѣсяцъ, а платить будутъ понедѣльно 18 р. 75 к. каждый вторникъ.

Получать опредѣленное жалованье въ 75 р., казалось мнѣ большимъ счастьемъ. Эта сумма обезпечивала квартиру, содержаніе няни, дрова, отчасти столъ. Для остального можно было приработывать переводами и жить безъ нужды, урывая свободное время для своей любимой работы. Но получить приглашеніе я не надѣялась. Статья передѣлана была мною неудачно. Многихъ словъ я не знала совсѣмъ, другія забыла и, кромѣ того была крайне взволнована. Боясь обрадовать семью несбыточною надеждой я ничего не говорила дома о своемъ экзаменѣ, но все-таки предавалась сладостнымъ мечтамъ.

На третій день утромъ, когда я потеряла уже всякую надежду, явился разсыльный и подалъ мнѣ офиціальную повѣстку за № 16, съ просьбою росписаться въ полученіи пакета. Дѣловымъ тономъ сообщалъ мнѣ секретарь, что я, такая то, принята въ редакцію по иностранному отдѣлу, съ жалованьемъ по 75 р. въ мѣсяцъ. „Явиться“, предлагали къ 11 ч. на молебствіе въ новое помѣщеніе редакціи, потомъ на завтракъ, этажемъ выше, а затѣмъ приступить къ работѣ подъ наблюденіемъ г. С., „Вашего непосредственнаго начальника“, стояло въ повѣсткѣ.

Казенная, вѣрнѣе служебная жилка издателя сказывалась во всей организаціи дѣла и, съ теченіемъ времени, намъ было даже предложено вставать, когда входитъ „самъ“, обязательно завтра-

кать, когда самъ вздумаетъ угостить сотрудниковъ и т. д. Но все это обнаружилось значительно позже и повлекло за собою борьбу, расколъ, возмущеніе и тому подобныя случайности писательской жизни.

Придя въ назначенный часъ, прямо на работу, я застала изъ прежнихъ, бывшихъ на экзаменѣ, только г-жу X., да г. С. „моего начальника“. Послѣдній добродушно посмѣялся надъ моею статьей, назвавъ ее „дамской политикой“, но затѣмъ отнесся вполнѣ дѣловито и поручилъ мнѣ составить корреспонденцію изъ Марокко по двумъ—тремъ иностраннымъ газетамъ. Моя знакомая, X., сидѣла за составленіемъ передовыхъ; нѣсколько сотрудниковъ стригли хронику, составляли театральный, провинціальный и другіе отдѣлы, а редакторъ, запершись въ кабинетѣ, дописывалъ фельетонъ.

На завтра вышелъ первый нумеръ новой газеты, не заслужившей ни особеннаго вниманія, ни долговѣчности.

Первое время всѣ сотрудники жили дружно, но затѣмъ распались на два лагеря и начались интриги. Главною причиной былъ предстоявшій издателю весьма неблаговидный процессъ, по поводу котораго желающимъ предлагали высказываться, съ поощреніемъ въ видѣ построчной платы. Изъ своихъ сотрудниковъ никто не хотѣлъ писать, но тогда явились случайные люди, приносившіе неудобныя по тону статьи. Редакторъ не желалъ помѣщать ихъ; издатель сердился, негодовалъ и даже громко заявилъ, что и газета то основана для этой цѣли. Произошло объясненіе. Редакторъ обратился къ сотрудникамъ, спрашивая ихъ мнѣнія. Одни — высказались, другіе—промолчали, а затѣмъ первые вынуждены были уйти. Семидесятипятирублевое жалованье исчезло какъ дымъ и приходилось вновь искать работы.

Писать свое, задуманное и близкое, нѣтъ возможности, когда нужно думать о хлѣбѣ насущномъ, о маленькихъ дорогихъ существахъ, нуждающихся во многомъ. Каждый звонокъ напоминаетъ о возможномъ вторженіи мясника, булочника, дворника и т. п. лицъ имѣющихъ могучую власть надъ трудящимся человѣкомъ. Заказной работы не было, получекъ за сдѣланные переводы не имѣлось, а жить нужно. Благодаря шестимѣсячной работѣ въ редакціи у меня появились знакомые и вотъ черезъ нихъ нашелся переводъ. Шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ за тридцать фельетоновъ по триста строкъ. Таково было предложеніе и я радостно схватилась за него.

Болѣе трехъ лѣтъ я исполняла эту работу, переводя самые крикливые романы съ иностран. языковъ, но въ то же время имѣла свободные часы для занятія тѣмъ, что мнѣ доставляло удовольствіе. Я писала повѣсти и романы, находя пріютъ для нихъ въ толстыхъ и иллюстрированныхъ журналахъ. Ходить по редакціямъ мнѣ казалось неловкимъ. Являться просительницей, съ рекомендательною карточкою,—тоже, и я дѣйствовала иначе. Написавъ что либо, повѣсть или романъ, я отсылала свою работу въ редакцію и, получивъ отвѣта приходила, чтобы переговорить объ условіяхъ. Торговаться, запрашивать и потомъ усту-

пать,—мнѣ казалось неловкимъ и вѣроятно потому какъ то постоянно выходило, что мнѣ платили дешевле чѣмъ другимъ. Встрѣчаясь, товарищи по перу говорили, что я „продешевила“, что я порчу цѣны и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ, тоже люди средняго дарованія сердились на меня, но я не умѣла, не могла торговаться. Они забывали, что самое положеніе семейнаго человѣка заставляло меня быть нетребовательной.

По поводу вопроса о матеріальномъ положеніи пишущихъ, я хочу разсказать нѣсколько фактовъ. Теперь, за послѣднее десятилѣтіе, гонорары повысились и г.г. издатели и редакторы сравнительно очень рѣдко не уплачиваютъ слѣдуемаго за напечатанныя рукописи, но въ прошломъ подобныя случайности были весьма часты. Особенно тяжело было имѣть дѣло съ провинціальными газетами.

Такъ въ одной, напримѣръ, печатался мой романъ. Рукопись посылалась аккуратно, на 5—6 фельетоновъ, а гонораръ задерживался по мѣсяцамъ. Помню, къ лѣту долгъ за редакціей достигъ до 400 р. Въ ожиданіи „чека“, весь кредитъ исчерпанъ и довѣріе г.г. лавочниковъ подорвано. Въ «чекъ» перестаютъ вѣрить даже домашніе и всѣ вокругъ смотрятъ съ ироніей. На телеграммы и письма—никакого отвѣта, но газета выходитъ аккуратно и романъ печатается. Случайно, на улицѣ, встрѣчаю сотрудника иногородной газеты. Онъ останавливаетъ моего извозчика и спрашиваетъ меня:—Получили гонораръ? Услыхавъ, что гонораръ мною тоже не полученъ, сотрудникъ говоритъ:—Мнѣ должны около 700 рублей. Не знаю что и дѣлать!

Потолковавъ, мы рѣшаемся прекратить высылку матеріаловъ. Я прекращаю доставку оригинала и получаю телеграмму: „перерывами губите романъ“. Отвѣчаю: «невысылкою денегъ губите меня». Пока между нами происходилъ такой обмѣнъ депешъ, сотрудникъ успѣлъ получить половину гонорара и сталъ высылать очередныя статьи, а содержаніе нашего телеграфнаго переговора напечатано въ одной газетѣ. Вслѣдъ за появленіемъ замѣтки, деньги были высланы, но сотрудничество мое прекратилось.

Происходили и другіе курьезы. Такъ мнѣ случилось, вмѣсто гонорара, получить... десять индюшекъ по два рубля за штуку, два—три пуда сквернаго масла, а разъ даже гимназическое пальто... Первыя получки объяснялись очень просто: у редактора было имѣніе, но не оказывалось наличныхъ денегъ и онъ упросилъ наиболѣе сговорчивыхъ сотрудниковъ взять провизіей... Надоѣли намъ тогда эти индюшки до невозможности! По поводу гимназическаго пальто случилось слѣдующее: мнѣ нужно было получить что то рублей 15—20 изъ редакціи газеты, но редакторъ проигрался или поистратился и сидѣлъ хмурый. Вообще онъ имѣлъ дурную привычку, уплачивая гонораръ, вынимать скомканныя депозитки изъ всѣхъ кармановъ и выдавать деньги съ большою неохотой.—Не могу дать гонораръ! Нѣтъ денегъ! рѣшительно отвѣчалъ редакторъ какъ мнѣ, такъ и другимъ просителямъ.

Но мнѣ были крайне нужны деньги и я настаивала. Послѣ-

...залъ вопросъ: зачѣмъ?—Пальто надо сыну, отвѣчаю —А, пальто! ...тя, принеси сюда пальто... Оказалось, что сынъ редактора, ...дѣлецъ новаго пальто, переходитъ въ другую гимназію и ему ...жна новая форма. И вотъ, вмѣсто денегъ я привезла домой ...ень хорошее, въ сущности, и дешево проданное мнѣ пальто...

Въ другихъ редакціяхъ, когда средства были маловаты или ...рысть не въ мѣру сильна, практиковался особый способъ сок...щенія суммы платежа. За повѣсть въ столько то листовъ, ...ложимъ, слѣдовало 200 рублей. Редакторъ раздѣлялъ сумму ...листно, а затѣмъ, присяжный счетчикъ его конторы съ экви...брпстической ловкостью доказывалъ, что въ рукописи не пять ...истовъ, а только три... Смущенный авторъ получалъ всего ...20—150 р., а когда повѣсть была напечатана и оказывалось ...ъ ней 5—6 листовъ, редакторъ увѣрялъ, что онъ «широко на...ечаталъ», «вставилъ новые шпоны» и т. д., а въ дѣйствитель...ости выгадывалъ и на полистной платѣ, и на количествѣ и, ...ало того, на продажѣ отдѣльными изданіями, которыхъ ему ...икто не разрѣшалъ...

— У меня, сотня оттисковъ осталась. Хотѣлъ я пустить ихъ подъ новою обложкой, да вотъ, не знаю....

Но вмѣсто сотни оттисковъ оказывался цѣлый заводъ, т. е. новое изданіе въ 2,000 экз. Находились даже такіе ловкіе редактора изъ издателей, конечно, которые, получивъ за дешевую плату повѣсть или романъ, давали автору подписать какое-то туманное условіе, гласившее, что авторъ „навсегда“ продалъ свое произведеніе..... „Не придавая значенія ничтожной запискѣ, о которой самъ редакторъ говорилъ, что она только „для порядка“ и „для конторы“,—авторы наивно исполняли просьбу любезнаго редактора и лишались своихъ правъ.....

И такое рабство длилось много лѣтъ.

Все мною говоренное относится къ прошлому, давно минувшему и возвратиться оно не можетъ. Многіе изъ такихъ „издавателей“ исчезли, а писатели, даже изъ молодыхъ, успѣваютъ во время запастись частною или казенною службою и не рѣшаются существовать только на средства, добываемыя беллетристикой или поэзіей. Люди нашего времени были первыми пролетаріями, облюбовавшими литературный трудъ и вообразившими, что можно жить, оставаясь членомъ свободнаго сословія и, главное, не принадлежа ни къ какой партіи..... Наши предки, отцы и старшіе братья, имѣли свои состоянія или наслѣдственныя имѣнья, но мы, родившіеся еще при крѣпостномъ правѣ, только помнили о „выкупныхъ“, а каждый израсходованный рубль зарабатывали собственными трудами.

Не имѣя рѣшительно никакой опредѣленной получки, я работала, не преувеличивая нисколько, по 15—16 часовъ въ сутки Дѣти уходили въ гимназію и только тогда я ложилась спать. Случались цѣлыя недѣли, что я не выходила на улицу и торопливо, страницу за страницей, писала романъ или повѣсть, а, едва окончивъ его, везла въ редакцію, продавала, мгновенно расплачивалась съ поставщиками, которые очень интересовались

вопросомъ о моей получкѣ, а на завтра снова начинала „творить", должать и мечтать о моментѣ полученія денегъ.

И такъ шли годы... Случалось, налетитъ острый недугъ на почвѣ переутомленія и выбьетъ изъ скромной, но все-таки привычной колеи и опять нѣсколько мѣсяцевъ приходится бѣдствовать и нуждаться, берясь кромѣ оригинальной работы за переводную и диктуя переводы стенографисткѣ, даже двумъ, т. е. одной утромъ, другой вечеромъ. Работы, къ счастью, скажу, у меня всегда было много и ни одна изъ оригинальныхъ вещей не оставалась на рукахъ. Среди множества печальныхъ эпизодовъ бывали и пріятные, но послѣднихъ случалось больше къ концу жизни, т. е. къ тому времени, котораго я еще не рѣшаюсь касаться.

Помню такой курьезный случай. Написала я романъ въ семь листовъ и предложила одному „издавателю", который относился ко мнѣ съ большою похвалою. Подсчитавъ количество листовъ и рѣшивъ, что тамъ не семь, а пять, онъ предложилъ мнѣ что то 200 рублей. Деньги были крайне нужны, но все-таки я возмутилась подобною оцѣнкою. Перечитавъ ночью романъ и выправивъ его, я работала надъ нимъ до утра, а часовъ въ 9, занявъ у прислуги тридцать копеекъ, поѣхала въ редакцію одного изъ новыхъ журналовъ.

Редакторъ оказался очень любезнымъ и воспитаннымъ человѣкомъ. Онъ высказалъ мнѣ нѣсколько добрыхъ замѣчаній, а затѣмъ, даже не читая романа, заявилъ, что мое имя ручается за интересъ и литературность произведенія, и что онъ съ удовольствіемъ принимаетъ мой трудъ.

Отношеніе было настолько исключительнымъ, а я такъ привыкла къ неудачамъ, что и здѣсь ожидала чего-нибудь непріятнаго въ родѣ отсрочки въ уплатѣ гонорара, съ цѣлью выторговать нѣсколько десятковъ рублей.... Ничего подобнаго!

— Сколько здѣсь листовъ? спрашиваетъ редакторъ.

— Около семи, осторожно отвѣчала я.

— Мнѣ кажется побольше будетъ. Но все равно. Позволите вручить вамъ пока 700 руб., а остальные по напечатаніи.

Я такъ обрадовалась и смутилась, что покраснѣла. Редакторъ совершенно иначе истолковалъ мое волненіе и, извиняясь сталъ объяснять, что за произведенія больше 2—3 листовъ, онъ всѣмъ платитъ по сто рублей. Въ доказательство онъ раскрылъ передо мною книгу сотрудниковъ, говоря, что таковъ его принципъ:

— Если вещь принимается въ журналъ, значитъ она достойна помѣщенія, а если достойна, то гонораръ долженъ быть одинаковъ и для новичка и для извѣстнаго писателя. Вы уже пишете.....

Редакторъ вполнѣ вѣрно назвалъ число лѣтъ и вспомнилъ двѣ три послѣднія мои повѣсти, имъ прочитанныя. Мнѣ было удивительно пріятно такое отношеніе, доказывавшее, что мой собесѣдникъ слѣдитъ за журналистикой и, разговаривая съ писателемъ, понимаетъ его душевное состояніе, считаетъ долгомъ быть редакторомъ, а не купцомъ.

Вмѣсто денегъ редакторъ далъ мнѣ чекъ на 700 рублей, которые можно было сейчасъ-же получить въ конторѣ.

Я очутилась на улицѣ, съ крупнымъ чекомъ, но безъ копейки денегъ.... Шелъ проливной дождь; я была безъ калошъ и безъ зонтика.... Положеніе не изъ пріятныхъ. Ничего, думаю, возьму извозчика и потомъ вышлю ему деньги изъ конторы. Сказано, сдѣлано. Ѣду на Невскій, вхожу въ контору и предъявляю чекъ.

Кассиръ, оказывается, ушелъ въ государственный банкъ, но черезъ часъ возвратится. Выдача денегъ по чекамъ такой-то редакціи, любезно пояснили мнѣ, производится отъ 2 до 4-хъ часовъ, а теперь еще нѣтъ 12.

Попросить въ незнакомой конторѣ сорокъ копеекъ для расплаты съ извочикомъ,—было невозможно и я вышла изъ магазина, сѣла на мокрую пролетку и, впродолженіи безконечныхъ, казалось мнѣ, двухъ часовъ, каталась по Невскому взадъ и впередъ....

Семьсотъ рублей въ карманѣ и нѣтъ трехъ двугривенныхъ, чтобы заплатить извозчику! Дома,—ихъ тоже нѣтъ, и взять негдѣ, а въ конторѣ.... Что если тамъ встрѣтится какое нибудь осложненіе, если не выполнена какая нибудь ничтожная формальность? Мнѣ мерещились самые непріятныя осложненія, благодаря невозможности разсчитаться съ извозчикомъ и какъ-же я была рада, когда, аккуратнѣйшимъ образомъ получивъ деньги, я могла щедро вознаградить моего возницу!

Кто-то изъ репортеровъ случайно видѣлъ, что я получаю крупныя суммы, видѣлъ, позавидовалъ и разсказалъ своимъ знакомымъ. Слухи дошли до той редакціи, гдѣ я чаще всего помѣщала свои работы, и цѣна на нихъ вдругъ, совершенно для меня неожиданно поднялась.

Издатель понялъ, что покорная и терпѣливая сотрудница можетъ исчезнуть и перемѣнилъ тактику. Мнѣ стали очень охотно давать авансы и закрѣпощать обѣщаніями, упомянутыми въ новогоднихъ объявленіяхъ, а когда я задолжала около тысячи рублей, то, съ цѣлью регулировать счеты у меня купили за безцѣнокъ право изданія 18—20 оригинальныхъ произведеній, что-то 150—200 печатныхъ листовъ,—и я была довольна..... Мнѣ мечталось, что эти вещи будутъ дѣйствительно изданы....

Такъ или иначе, но всѣ эти прижимки съ цѣлью дешевой покупки, это объявленія передъ новымъ годомъ,—все доказывало, что у меня составляется маленькая извѣстность, но увы, если она и создавалась, если я все чаще и чаще выслушивала лестныя похвалы и жестокіе вопросы: „что вы теперь пишете"—то жить было все такъ же трудно. Все также приходилось работать по пятнадцати часовъ въ сутки, никогда не ложиться раньше 5—6 часовъ утра, продавать свой трудъ чуть не за гроши и, въ добавокъ, скрывать печальную правду.

Талантъ даетъ золото; нѣтъ золота, значитъ нѣтъ таланта и люди не имѣютъ мужества сознаться, что чисто матеріальныя и семейныя положенія заставляютъ ихъ подчиняться давленію корыстолюбивыхъ собственниковъ изданій. Возрастали потребности;

дороже и сложнѣе становилась жизнь и, волей-неволей я стала писать подъ разными псевдонимами, такъ-какъ иначе мои кредиторы (все тѣже домовладѣльцы и лавочники) могли наложить арестъ на гонораръ.

Два раза у меня продавали все мое имущество, продали мою дорогую съ большими лишеніями составленную библіотеку, и я больше не заводила такой роскоши, стараясь сокращать свои потребности. Подобные погромы, какъ опись и продажа имущества, повторяю, являлись послѣдствіемъ болѣзни. Для человѣка, живущаго исключительно литературнымъ заработкомъ и неимѣющаго ничего опредѣленнаго, болѣзнь—это полное разорѣніе. Одинъ годъ, я хорошо помню его,—вся семья моя и я, мы такъ часто болѣли, благодаря квартирѣ, что къ веснѣ я была должна въ аптекѣ болѣе 400 рублей! Кромѣ этого долга явился другой за квартиру, въ лавки, прислугѣ, словомъ получилось нѣчто ужасное и если я снова выбилась изъ тисковъ и опять встала на ноги, то благодаря литератуному фонду. Мнѣ удалось отвезти семью въ деревню, а самой, въ качествѣ корресподента, поѣхать на выставку въ Екатеринбургъ.

Роль корресподента оказалась не по мнѣ. Вмѣсто статей о выставкѣ я писала о путевыхъ впечатлѣніяхъ и буквально ничего не понимала въ экспонатахъ. Впрочемъ, скоро оказалось, что редакція, кромѣ меня послала еще одного сотрудника и онъ исполнилъ эту миссію. Въ гостинницѣ въ Екатеринбургѣ, отъ тоски и одиночества, я вздумала писать пьесу, драму, которая черезъ два года и была поставлена въ Москвѣ на сценѣ театра Горевой. Впрочемъ, о періодѣ увлеченія сценой и наконецъ, о главномъ, о любви къ публицистической дѣятельности, скажу потомъ.

И такъ не взирая на маленькую извѣстность, мнѣ было все также трудно существовать· У меня не сохранилось записей за то время, но помню, я зарабатывала тысячи двѣ въ годъ и крайне неравномѣрно. Одинъ мѣсяцъ получишь триста, другой 25—40 руб., а третій—ничего, потому что пишешь и торопишься окончить большую повѣсть. Бывали годы, когда мои записки и повѣсти печатались одновременно въ трехъ-четырехъ изданіяхъ, а рождественскіе разсказы въ пяти-шести газетахъ. Товарищи воображали, что я получаю гонораръ со всѣхъ сторонъ, но это было просто совпаденіе. Проданы были эти вещи лѣтомъ или осенью, но печатались только одновременно.

Случались и такіе курьезы. За два дня до Рождества получается письмо отъ редакціи: „Выручайте“, молъ, „разсказъ задержанъ цензурой; пришлите разсказъ завтра утромъ во что бы то ни стало“. Въ добавленіе посланный сообщаетъ, что разсказъ долженъ имѣть опредѣленное число строкъ, т. е. 320 или 330, небольше, такъ какъ имѣетъ помѣститься между рисунками и другими статьями.

Стыдно сознаваться, но я пишу только правду и потому должна сказать, что принимала и исполняла такіе „заказы“. Работала я всегда легко и быстро и умѣла заставить себя писать, какъ бы не было тяжело на душѣ.

Помню еще курьезъ. Въ одну изъ редакцій я сдала первую половину обѣщаннаго романа, и получила приличный авансъ, равнявшійся половинѣ гонорара и переѣхала на дачу. Здѣсь, окончивъ романъ, везу остальную рукопись, но встрѣчаю какое то смущеніе со стороны редактора. Послѣ нѣсколькихъ фразъ оказывается, что у редактора нѣтъ „свободныхъ“ денегъ. Заплатить сейчасъ онъ не можетъ, а вотъ въ декабрѣ... Я прошу, настаиваю, говорю что мнѣ нельзя домой возвращаться безъ денегъ.— Хорошо, говоритъ редакторъ очевидно разсердившись, — такъ я вамъ скажу правду: не нравится мнѣ ваше произведеніе. Я человѣкъ откровенный. Не нравится и кончено!..

— Позвольте мнѣ его обратно, говорю я, но съ ужасомъ соображаю, что должна его не только получить обратно, но *выкупить*, уплатить что то 250 р., а у меня какъ водится, ничего, кромѣ рубля на дорогу домой на дачу.

Къ чести редактора должна сказать, что онъ не поставилъ этого вопроса, даже не взялъ съ меня росписки и расплатилась я съ нимъ два года спустя, но курьезъ заключался не въ томъ. Рукопись моя оказалась въ шкафу, а ключь редакторъ забылъ на дачѣ. Пришлось послать за слесаремъ, а пока редакторъ старался занимать меня разговоромъ и объяснять почему мой романъ ему не нравился.

— Вы сами его читали? спрашиваю, такъ какъ сюжетъ о которомъ говорилъ редакторъ, совершенно другой.

— Конечно самъ! Въ такихъ вопросахъ я довѣряю только себѣ.— У васъ тамъ героиня живетъ въ коммунѣ, у васъ...

Вижу что не читалъ редакторъ, но... не возражаю.

Получивъ рукопись обратно, приложивъ къ ней вторую половину, иду въ самомъ мрачномъ настроеніи духа, буквально не зная, что дѣлать съ моимъ романомъ, да и съ собою тоже. Кредиторы ждутъ денегъ, прислуга недовольна задержкой жалованья, дѣтскія ноги требуютъ новой обуви... На дачномъ просторѣ и аппетитъ лучше и движенія свободнѣе, а выростить дѣтвору здоровой и крѣпкой, знать что они ни въ чемъ не нуждаются, моя завѣтная мечта.

Но какъ же вернуться домой?. По печальному выраженію лица и дѣти, и прислуга, и кредиторы,—всѣ поймутъ мою неудачу. Первые сердцемъ пожалѣютъ маму, но тѣ, другіе, передъ которыми я виновата, какъ неисправная плательщица, что они скажутъ! Я стану извиняться, просить, чтобы подождали, но развѣ я могу назначить срокъ? чего же ждать?

Тяжелое было положеніе. Сердце сжалось, слезы на глазахъ. Чувствую, не могу удержаться, расплачусь. Позвала извозчика, сѣла и, къ счастью вижу впереди похоронную процессію. Я приказала извозчику ѣхать вслѣдъ за нею и могла уже плакать не стѣсняясь. Такихъ горькихъ и тихихъ слезъ безсильнаго отчаянья я до тѣхъ поръ не проливала... Прохожіе глядѣли на меня, думали что я хороню дорогого и близкаго человѣка и, быть можетъ сожалѣли меня. То горе, которое я тогда испытывала,—не разскажешь, да не каждый и пойметъ его.

Когда нервная вспышка улеглась, я вспомнила, что есть редакція, гдѣ меня просили доставить повѣсть или разсказъ, и поѣхала туда. Встрѣтили любезно, какъ желаннаго сотрудника, взяли рукопись и обѣщали отвѣтить черезъ недѣлю. Въ передней редакторъ остановилъ меня.

— Простите, но, можетъ быть, вы дорогая... Мы не можемъ платить много...

— Я предоставляю назначить гонораръ вамъ самимъ, только...

— Авансъ, если вещь будетъ принята? Да? Вы это хотѣли сказать? подхватилъ редакторъ.—Мы платимъ 7—8 копеекъ, заключилъ онъ, колеблясь.

„Семь—восемь копеекъ за строку! повторяла я мысленно, не смѣя вѣрить такому счастью. Это слишкомъ что то хорошо! Вѣрно не понравится мой романъ!“

Въ той редакціи, изъ которой я должна была взять рукопись, платили вообще три—четыре копейки, тутъ—восемь копеекъ, а въ романѣ листовъ шестнадцать.

Возвращалась я домой въ какомъ то особенномъ настроеніи. Недѣля сроку, а затѣмъ... Или я съ честью выйду изъ всѣхъ затрудненій, или... Второе „или“ было такъ ужасно, такъ томило своимъ мракомъ, что страшно было думать объ немъ. Такъ, или иначе но это былъ единственный исходъ. Помню, я очень спокойно говорила всѣмъ, что романъ проданъ, но деньги дадутъ черезъ недѣлю и значительно большую сумму, чѣмъ я разсчитывала. Я щедро обѣщала удовлетворить всѣ потребности семьи, сдѣлать подарки и т. д., поминутно сознавая *то возможное*, что висѣло надо мною....

Такъ прошло дня два. Помню вечеромъ, я сидѣла за воротами дачи и услыхала что посыльный называетъ мою фамилію. Въ рукахъ у него большой пакетъ.

„Моя рукопись! Обратно!“ пронеслось въ головѣ. Я встала, почти шатаясь и крѣпко крѣпко держа руку сына, точно онъ могъ поддержать меня.

— Росписаться потрудитесь, суровымъ тономъ произнесъ разсыльный. — Тутъ рукопись и деньги...

„Рукопись и деньги“? Я ничего не понимаю. Разсыльный подумалъ, что онъ ошибся, „передалъ пакетъ не той“, кому слѣдовало и переспросилъ мою фамилію. Ему отвѣчалъ хоръ дѣтскихъ голосовъ, а я, счастливая, торжествующая, читала письмо редактора. Романъ понравился, былъ принятъ и даже сданъ уже въ наборъ. Мнѣ прислали авансомъ 200 рублей и корректурный оттискъ первыхъ двухъ-трехъ главъ, сообщая, что гонораръ уплачивается по субботамъ, что авансъ будетъ вычитаться по немногу еженедѣльно.

Гроза миновала благополучно. Все уладилось, вошло въ колею. Я расплатилась съ долгами и опять начала... должать, и писать новый романъ.... Съ этого времени, благодаря еженедѣльной получкѣ гонорара, у меня явилась возможность заняться попыткой написать драматическое произведеніе. До сихъ поръ каждая только что оконченная вещь, повѣсть или романъ

сбывались съ лихорадочною торопливостью, но пьесу нельзя было продать. Оконченная, она требовала затратъ на переписку въ трехъ экземплярахъ, на марки для внесенія въ цензуру, въ литературно-театральный комитетъ, но я страстно любила театръ и всѣ герои моей драмы стояли предо мною и требовали, чтобы я занялась ими.

Если моимъ дальнѣйшимъ воспоминаніямъ суждено будетъ увидѣть свѣтъ, я разскажу свое вступленіе на стезю драматургіи, а затѣмъ и первые шаги на самомъ дорогомъ для меня—публицистическомъ поприщѣ.

К. В. Н.

Непризнанный король.

Къ числу событій великой французской революціи, сомнительныхъ въ своей исторической достовѣрности и служащихъ понынѣ предметомъ спора, относится эпизодъ смерти Людовика XVII въ Тамплѣ 8-го Іюня 1795 года [1]).

---

[1]) Читателю, интересующемуся этимъ загадочнымъ событіемъ, рекомендуемъ прочесть тѣ сочиненія, въ которыхъ смерть Людовика XVII въ Тамплѣ представляется несомнѣнною, а также тѣ, которыя высказываютъ предположеніе о спасеніи дофина и идентичности его съ Наундорфомъ.

Къ числу первыхъ относятся:

Vie du jeune Louis XVII par A. Antoine. Paris 1815.

Louis XVII par Simien—Despreaux. Paris 1817.

Memoires historiques sur Louis XVII par. M. Eckard, ancien avocat. Paris H. Nicolle. 1817.

Louis XVII, son enfance, sa prison et sa mort par B. Chantelauze. Paris 1834.

Louis XVII, sa vie, son agonie, sa mort par A. Beauches. Paris 1852.

Louis XVII par Alfred Begis. Paris. 1896.

Louis XVII sa vie, son martyr par P. A. Changeur. Paris. 1898.

Къ числу вторыхъ:

La Légitimité, revue historique, organe de la survivance du Roi — martyr. 1883. 1884, 1885, 1886, 1895, 1896, 1897, 1898 и 1899.

Bulletin de la Société d'Etudes sur la question Louis XVII. 1893.

Un crime politique, etude historique sur Louis XVII par Otto Friedrichs. Bruxeles. 1884.

La survivance du Roi-martyr par un ami de la vérité. Toulouse. (Безъ обозначенія года).

Le cabinet noir par le comte d'Hérisson. Paris 1887.

Autour d'une Revolution (1788—1799). Paris 1888.

Le dernier Roi Légitime de France par Henry Provins 2 vol. Paris. 1889.

La branche ainée des Bourbons devant la Justice par le comte M. Gruau de la Barre. Haarlem 1871.

Réplique a l'Univers ou Louis XVII vengé des impostures de P. Veuillot par B. Daymonaz. Paris 1885.

Louis XVII, enigme historique par Paul Ginisty et Charles Samson. Paris 1895.

Le Petit Moniteur de Rome №№ 1—18. 1898.

Louis XVII par Henry Provins. 1897.

Louis XVII, plaidoirie de Jules Favre. 1891.

Fleur de Lys par Osmond. 1897.

Le véritable duc de Normandie.

Le dernier des fils de Louis XVI par A. Morel de Saint-Didier.

La voix d'un proscrit. Paris 1839—1840.

Intrigues dévoilées, ou Louis XVII, dernier roi legitime de France par Gruau de la Barre. Rotterdam 1840—1848.

En politique point de justice, его-же. Bréda. 1831.

Non. Louis XVII n'est pas mort au Temple, его-же. Leipzig. 1858, и др.

Настоящій очеркъ имѣетъ цѣлью изложить жизнь и похожденія одной загадочной личности, появившейся въ 1810 году въ Берлинѣ, подъ именемъ Карла-Вильгельма Наундорфа.

Этотъ „Наундорфъ" именовалъ себя также „Людовикомъ XVII", спасшимся „дофиномъ", и изъ всѣхъ претендентовъ [2]) на имя Людовика XVII едва-ли не одинъ онъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, какъ по тѣмъ особеннымъ жизненнымъ условіямъ, среди которыхъ ему приходилось вращаться, такъ и потому, что онъ одинъ, кромѣ наружности, поразительно схожей съ типомъ Бурбоновъ и которую передалъ своимъ дѣтямъ, имѣлъ память о прошедшемъ такую, какой могъ обладать лишь истинный дофинъ. Наундорфъ былъ убѣжденъ въ своемъ царственномъ происхожденіи и это убѣжденіе передалъ своему потомству, добивался всѣми средствами суда (одно это обстоятельство говоритъ въ его пользу), въ противоположность остальнымъ претендентамъ, которые были изобличены въ своемъ самозванствѣ и понесли заслуженную кару.

За отсутствіемъ подлинныхъ документовъ, могущихъ убѣдить насъ въ идентичности Наундорфа съ Людовикомъ XVII, споръ однако остается открытымъ, хотя за послѣднее время, благодаря трудамъ Отто Фридрихса, Анри Провенъ и цѣлой группы писателей, сотрудничающихъ въ издаваемомъ съ 1883 года журналѣ „La Légitimité", удалось добыть много новыхъ данныхъ о жизни этого претендента.

Особенное вниманіе обращаетъ на себя то положеніе, которое заняла въ этомъ вопросѣ сестра Людовика XVII герцогиня Ангулемская. Одного слова было достаточно съ ея стороны

---

[2]) Изъ претендентовъ извѣстны: a) Герваго (Hervagault, Leon—Marie), сынъ портного изъ Сенъ-Ло (о немъ см. интересный этюдъ въ Revue de la Revolution française, отъ 14 августа 1899. Un faux dauphin L. M. Hervagault par Gustave Laurent.

b) Louis XVII en Champagne par H. Herelle. Paris. 1878.

c) Матюренъ Брюно. (Mathurin Bruneau), сапожникъ изъ Везенъ (Vesins) (о немъ см. Histoire de deux faux dauphins par. A. Bonchamps. Paris 1818.

d) Ришмонъ (baron de Richemont), въ сущности Геберъ, родился въ Руанѣ, мелкій чиновникъ префектуры этого города, послѣдовательно принималъ имена Жіованни, принца Густава, Генриха де-Транстамаре и др. Изъ числа сочиненій, защищающихъ его права, замѣчательно по силѣ изложенія Suvigny „La restauration, convaincue d'hypocrisie etc". Memoires d'un contemporain. Paris 1843. Revélation sur l'existence de Louis XVII par. Labrelide Fonteine. Скончался въ 1853 г. въ Глезѣ. (Gleize, pres Villefrance Rhône). Въ актѣ о смерти названъ Monsieur Louis-Charles de France, natif de Versailles.

e) Meves Augustus, живой портретъ Карла X, скончался 9 мая 1859 года въ Англіи, оставивъ потомство. О немъ: a) Loyis XVII 1867 в) The Authentic Historical Memoires of Louis-Charles, prince Royal, dauphin of France.

f) Williams Eleazar, миссіонеръ въ Америкѣ. Источники: The lost Prince. Acts tending to prouve the identity of Louis the seventheen of France, ond the Rev. Eleazar Williams, by John H. Hanson. London 1854.

чтобы распутать этотъ гордіевъ узелъ и согласиться на свиданіе, котораго такъ тщетно добивался человѣкъ, упорно называвшій ее своею сестрою; при чемъ ей удалось-бы безъ усилій изобличить Наундорфа при свиданіи въ самозванствѣ, а между тѣмъ въ этомъ свиданіи она постоянно отказывала.

* *
*

Время пребыванія Наундорфа въ Германіи (1810—1833 г.) представляется наиболѣе неизслѣдованнымъ. Однако за послѣднее время Отто Фридрихсу удалось въ этомъ отношеніи сдѣлать многое. Такъ имъ найдены новые документы о Наундорфѣ и часть офиціальной переписки о немъ, проливающей совершенно новый свѣтъ на отношенія прусскаго правительства къ Наундорфу.

Новыя данныя о Наундорфѣ представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Въ концѣ 1810 года появляется въ Берлинѣ загадочный господинъ [3]) съ паспортомъ на имя Карла-Вильгельма Наун-

---

[3]) Время заключенія въ Тамплѣ, эпизодъ спасенія дофина и похожденій его въ Европѣ описаны Наундорфомъ въ Abrégé des infortunes du dauphin. Londres. 1836 и въ le récit de Brandenbourg (см. Légitimité за 1895 г.). Вотъ въ общихъ чертахъ этотъ разсказъ, полный самыхъ романическихъ приключеній:

Спасенный изъ Тампля, благодаря стараніямъ Жозефины Богарне, Гоша, Пишегрю, Фротте и леди Аткинсъ, дофинъ, подъ надзоромъ одной нѣмки, графа Монморенъ и маркиза де-Брижъ (de Briges) провелъ нѣкоторое время въ Вандеѣ. Но его присутствіе въ лагерѣ усилило лишь разладъ между генералами, такъ какъ, въ виду возобновленія войны съ республиканскими войсками, они затруднялись провозгласить его королемъ, тѣмъ болѣе, что это провозглашеніе дало-бы возможность республиканскому правительству принять мѣры къ его вторичному заключенію.

Оставивъ Вандею, дофинъ со своими покровителями спасается бѣгствомъ въ Австрію, но внезапно на полпути они измѣняютъ свое рѣшеніе и изъ Тріеста направляются въ Италію. Есть основаніе предполагать, что Пій VI зналъ о пребываніи дофина въ своихъ владѣніяхъ. Въ Италіи женщина, на попеченіи которой онъ находился, выходитъ замужъ за часовщика, говорящаго также по-нѣмецки. Въ 1796 году, въ виду вторженія французской арміи въ папскія владѣнія, дофинъ бѣжитъ со своими покровителями въ Англію, но на пути корабль, на которомъ онъ путешествуетъ, взятъ французами въ плѣнъ и несчастный принцъ раскрываетъ свое инкогнито. Его заключаютъ въ тюрьму, при чемъ ему обезображиваютъ лицо для уничтоженія сходства съ родителями. Въ 1803 году принцъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, выходитъ изъ тюрьмы, при чемъ одинъ Монморенъ, оставшійся въ живыхъ, отправляется съ нимъ въ Германію къ герцогу Энгіенскому. Арестованный одновременно со своимъ кузеномъ, дофинъ опять посаженъ въ венсенскую тюрьму, гдѣ просидѣлъ до 1809 года. Въ этомъ году онъ опять въ Германіи. Монморенъ возлѣ него, но ненадолго, такъ какъ въ одной стычкѣ его убиваютъ. На этотъ разъ уже одинъ принцъ блуждаетъ по Германіи до того счастливаго дня, когда, благодаря случаю, онъ встрѣтился съ нѣкіимъ гусаромъ Фридрихомъ, который въ свою очередь исчезаетъ, оставивъ ему нѣсколько золотыхъ монетъ. Наконецъ его настигаетъ въ пути другое лицо (по всей вѣроятности тайный агентъ полиціи), которое вручаетъ ему паспортъ на имя Наундорфа и помогаетъ проникнуть въ Берлинъ въ концѣ 1810 года.

дорфа [4]) изъ Веймара [5]), вовсе негармонирующимъ съ его внѣшностью. Такъ на видъ ему можно было дать не болѣе 25 лѣтъ, а въ паспортѣ значилось 43 года. Равнымъ образомъ и наружныя примѣты, указанныя въ этомъ документѣ, не согласовались съ его наружностью: у Наундорфа были голубые глаза, а показаны черные и т. д.

Наундорфъ, по устному сообщенію лицъ его знавшихъ, жилъ очень замкнуто и существовалъ лишь благодаря занятію часовымъ ремесломъ. Проживъ спокойно до 1811 года, онъ въ этомъ году, вслѣдствіе-ли распространившихся слуховъ о его происхожденіи, или по какимъ либо другимъ причинамъ, внезапно приглашается въ полицейское управленіе, гдѣ его поручаютъ Лекоку. Будущій глава берлинской полиціи (съ 24 апрѣля 1812 года до конца 1821 г.), Павелъ-Людовикъ Лекокъ, по происхожденію французъ, занималъ въ то время мѣсто совѣтника-докладчика по секретнымъ дѣламъ въ мин. иностр. дѣлъ. Ему неоднократно поручалось веденіе важныхъ государственныхъ дѣлъ и онъ всегда оправдывалъ на дѣлѣ, оказываемое ему довѣріе [6]). Въ дѣлѣ Наундорфа онъ выказалъ замѣчательную ловкость и повелъ его отъ начала до конца опытною рукою.

Карлъ-Вильгельмъ Наундорфъ.

Убѣдившись, что представленный ему паспортъ не имѣетъ

---

[4]) Существуетъ нѣсколько мѣстностей въ Германіи съ именемъ Наундорфъ, напримѣръ: Наундорфъ—округа Мерзебургъ, Наундорфъ въ Саксоніи, Наундорфъ—округа Апольда, Наундорфъ—округа Веймара и наконецъ Наундорфъ—округа Гота.

[5]) Происхожденіе Наундорфа изъ Веймара опровергается офиціальнымъ сообщеніемъ городского совѣта г. Веймара отъ 17 декабря 1824 г., на имя магистрата г. Бранденбурга, въ коемъ сказано, что по тщательномъ изслѣдованіи во всѣхъ метрическихъ книгахъ церквей страны нигдѣ не упоминается имя Наундорфа и что, по сообщенію членовъ самыхъ старѣйшихъ фамилій, никто въ этой мѣстности не носилъ имя Наундорфа. Равнымъ образомъ не доказано происхожденіе его изъ Потсдама, Нейштадтъ-Эбервальда или Шпандау (см. статью Отто Фридрихса въ Bulletin de la Société d'etudes sur la Question Louis XVII (juin 1893).

[6]) Отзывъ о его дѣятельности помѣщенъ въ Allgemeine Preussische Staats—Zeitung отъ 1 мая 1824 года.

никакого отношенія къ тому лицу, которое его предъявило, Лекокъ осыпалъ Наундорфа вопросами. Послѣдній объявилъ ему о своемъ происхожденіи и, какъ доказательство, представилъ, будто-бы, подлинные документы за подписью и печатью короля Людовика XVI и Маріи Антуанеты. Лекокъ наружно выказалъ большое сочувствіе къ странному претенденту и не обнаружилъ никакого удивленія по поводу его объясненій. Но затѣмъ, указавъ своему собесѣднику, что пребываніе въ Берлинѣ небезопасно для него, такъ какъ агенты наполеоновской полиціи могутъ донести о немъ французскому правительству и лишить свободы, заявилъ, что бумаги о его происхожденіи онъ оставляетъ у себя, а ему предложилъ поселиться въ городѣ Шпандау, гдѣ обѣщалъ устроить принятіе его въ число гражданъ этого города подъ именемъ Наундорфа.

Людовикъ XVII.

Законъ 10 ноября 1808 года категорически требовалъ отъ каждаго лица, желающаго получить право гражданства въ городахъ Пруссіи, представленія метрическаго свидѣтельства о рожденіи и удостовѣренія о происхожденіи отъ прусскихъ подданныхъ. Утвержденіе въ правахъ гражданства всецѣло зависитъ отъ мѣстныхъ властей и правительственная власть, обыкновенно, не вмѣшивалась въ это дѣло.

Между тѣмъ Лекокъ, не имѣя возможности удовлетворить такому категорическому требованію закона, но желая уничтожить всѣ подозрѣнія, которыя неминуемо должны были возникнуть относительно лица, носящаго имя Наундорфа, прошлое котораго, до появленія его въ Берлинѣ и Шпандау, какъ-бы не существовало, нарушилъ этотъ законъ, пославъ мѣстнымъ властямъ слѣдующій сертификатъ:

«Симъ мы удостовѣряемъ, что Карлъ-Вильгельмъ Наундорфъ, часовщикъ, во время своего пребыванія въ этомъ го-

родѣ, всегда велъ себя безукоризненно и что вообще не имѣется на его счетъ какихъ-либо неблагопріятныхъ свѣдѣній. Берлинъ; 2 ноября, 1812 года.

Президентъ берлинской полиціи Лекокъ».

По мнѣнію историковъ, доказывающихъ тожественность Наундорфа съ Людовикомъ XVII, выдача Лекокомъ этого сертификата, на основаніи котораго Наундорфъ и былъ принятъ въ число гражданъ гор. Шпандау, обусловливалась тѣмъ обстоятельствомъ, что Лекоку претендентъ былъ вполнѣ извѣстенъ. Являлась настоятельная необходимость удовлетвориться однимъ этимъ документомъ безъ всякихъ другихъ, требуемыхъ въ данномъ случаѣ закономъ для того, чтобы замаскировать ложнымъ именемъ и нелегально ту личность, которая по политическимъ соображеніямъ не могла открыто носить принадлежавшее ей имя.

Наундорфъ былъ принятъ въ число гражданъ г. Шпандау, при чемъ ему выдали слѣдующее свидѣтельство:

«Магистратъ прусскаго королевскаго города Шпандау удостовѣряетъ, что часовщикъ Карлъ-Вильгельмъ Наундорфъ, по предъявленіи надлежащихъ свѣдѣній, принятъ въ число гражданъ гор. Шпандау. Настоящій подлинный документъ выданъ ему съ приложеніемъ печати. Гор. Шпандау 8-го Декабря 1812 г.»

Такою постановкою вопроса о Наундорфѣ прусское правительство, по мнѣнію историковъ, доказывающихъ идентичность Наундорфа съ Людовикомъ XVII, могло по дальнѣйшему ходу этого дѣла принять два рѣшенія: или признать его ради нѣкоторыхъ государственныхъ соображеній самозванцемъ, или, въ противномъ случаѣ, воспользоваться тѣми документами, которые такъ наивно довѣрилъ Лекоку Наундорфъ, какъ доказательствомъ истиннаго происхожденія Наундорфа. Претенденту стала понятна ловушка, въ которую онъ попалъ только въ тотъ день, когда, желая ради дѣтей добиться признанія своихъ правъ, онъ потребовалъ означенные документы у Лекока. Попытка его, конечно, не увѣнчалась успѣхомъ.

Дѣйствительно-ли существовали документы, о которыхъ идетъ рѣчь [7])? Косвеннымъ доказательствомъ ихъ существо-

---

[7]) Графъ д'Эриссонъ въ своемъ сочиненіи Le cabinet noir (стр. 43) пишетъ: „Берлинскій дворъ имѣетъ безъ сомнѣнія въ своемъ распоряженіи неоспоримыя доказательства спасенія дофина. Въ небольшой шкатулкѣ, отобранной у Людовика XVIII во время его отъѣзда изъ Митавы, находятся всѣ добытыя доказательства о существованіи этого несчастнаго ребенка, который уже тогда былъ взрослымъ".

Кромѣ того, у насъ есть заявленіе Викторьена Сарду, который сообщаетъ слѣдующее: „Физическое состояніе дофина по выходѣ его изъ Тампля было на столько

ванія служитъ оффиціальная переписка по этому поводу, хранящаяся въ секретномъ архивѣ гор. Берлина.

Наундорфъ неоднократно требовалъ возврата документовъ, которые онъ вручилъ Лекоку, но всѣ его просьбы, адресованныя или Лекоку или принцу Гарденбергу, оставались безъ отвѣта. Въ 1833 году Наундорфъ изъ Берна обратился къ прусскому наслѣдному принцу со слѣдующимъ, находящимся въ секретномъ берлинскомъ архивѣ, письмомъ:

«Для того, чтобы добиться своего признанія, мнѣ необходимо, прежде всего, получить тѣ документы, которые я вынужденъ былъ, по распоряженію принца Гарденберга, вручить президенту полиціи Лекоку. Это два подлинныхъ письма моихъ родителей, снабженныхъ печатью, которою отецъ мой пользовался въ Тамплѣ.

Я прошу ваше высочество приказать розыскать эти документы».

По приказу принца предприняли, но безуспѣшно, розыскъ этихъ бумагъ въ полиціи. Однако, нѣсколько лѣтъ спустя, претендентъ послалъ адвоката Ксавье Лапрада съ порученіемъ изслѣдовать на мѣстѣ жизнь его въ Берлинѣ, Шпандау, Бранденбургѣ и Кроссенѣ. Лапраду было поручено въ особенности добиться полученія документовъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Онъ по этому поводу объяснялся съ г. де-Роховъ, тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и полиціи, при чемъ послѣдній заявилъ, что домогательства Наундорфа неосновательны, выдача имъ документовъ Лекоку — сущая выдумка и никакихъ свиданій съ Лекокомъ въ то время у него не было. Таково было оффиціальное разъясненіе прусскаго правительства. Но, къ несчастью для Рохова, въ то время, когда онъ свидѣтельствовалъ не въ пользу Наундорфа, втайнѣ онъ писалъ слѣдующую (дѣйствительно существующую) бумагу Герлаху, начальнику полиціи въ 1836 году.

«. . . . . означенный Лапрадъ заявляетъ, между прочимъ, что Наундорфъ категорически утверждаетъ о выдачѣ имъ, въ бытность свою здѣсь въ 1811 году, бывшему президенту полиціи, Лекоку, подлинныхъ документовъ о своемъ происхожденіи. Такъ какъ изъ имѣющихся въ моемъ мини-

---

плохо, что препятствовало всѣмъ проектамъ его спасителей. Роялисты въ интересахъ самого дѣла должны были предпочесть больному ребенку, конецъ котораго казался близокъ, регента дѣятельнаго и здороваго. Было рѣшено признать оффиціально смерть дофина въ Тамплѣ и предоставить ему возможность спокойно угаснуть въ безопасномъ мѣстѣ въ Германіи, гдѣ его присутствіе въ теченіе пяти лѣтъ подтверждается документами, которые будутъ опубликованы въ свое время“.

стерствѣ свѣдѣній видно, что дѣйствительно въ то время происходили переговоры по означенному дѣлу между Наундорфомъ и президентомъ полиціи, то, желая ознакомиться съ содержаніемъ этихъ бумагъ, я прошу ваше превосходительство немедленно представить ихъ мнѣ».

На этотъ приказъ послѣдовалъ отвѣтъ Герлаха, который приложилъ также и копію своего письма, отправленнаго 3 года тому назадъ наслѣдному принцу со слѣдующимъ мнѣніемъ:

«Если авторъ этого письма (т. е. Наундорфъ) удостовѣряетъ, что по приказу покойнаго канцлера, принца Гарденберга, онъ вручилъ подлинные документы президенту полиціи Лекоку, остается предположить, что послѣдній не оставилъ ихъ у себя, а передалъ государственному канцлеру».

Сапожникъ Симонъ.
(которому дофинъ былъ отданъ на воспитаніе).

Весьма вѣроятно, что и канцлеръ ихъ положилъ въ болѣе безопасное мѣсто, такъ какъ вопросъ шелъ о государственной тайнѣ.

Такимъ образомъ документы, врученные Лекоку, не нашлись.

Слѣдуетъ-ли изъ этого, что Наундорфъ лгалъ? Напротивъ, изъ письма де-Рохова видно, что переговоры по этому поводу шли, результатомъ же этихъ переговоровъ явился сертификатъ, наоснованіи котораго Наундорфъ нелегально попалъ въ число гражданъ гор. Шпандау. Заявленіе же Рохова о томъ, что никакихъ переговоровъ по поводу документовъ между Наундорфомъ и Лекокомъ не происходило, едва-ли не идетъ въ разрѣзъ съ цитированнымъ выше письмомъ г. Герлаха.

Наундорфъ съумѣлъ своимъ поведеніемъ заслужить уваженіе своихъ согражданъ. Онъ въ особенности сблизился съ нѣкіимъ Прейсомъ и съ Даберковымъ, бывшимъ съ 1815 по 1821 годъ бургомистромъ гор. Шпандау. Прейсъ вскорѣ замѣтилъ, что судя по разговору, Наундорфъ по происхожденію не пруссакъ. Онъ безъ удивленія узналъ, что послѣдній родился во Франціи и поддерживаетъ сношенія со многими французами, жившими въ то время въ Шпандау. Предполагая въ

существованія Наундорфа какую-то тайну, онъ имѣлъ съ нимъ объясненіе, при чемъ Наундорфъ объявилъ ему, что онъ много услышитъ о немъ. (Рапортъ бургомистра Фросіера (Froehuer), секретн. государствен. архивъ).

«Онъ жилъ, говоритъ Прейсъ, весьма замкнуто, но былъ добръ и любезенъ со всѣми, состояніе же его духа было всегда подавленное. Однимъ словомъ всѣ, знавшіе Наундорфа въ то время, отзывались о немъ съ похвалою, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ, указывая на его благородство въ обращеніи и манерахъ, объясняли это тѣмъ обстоятельствомъ, что, повидимому, по происхожденію Наундорфъ—не то лицо, имя котораго онъ носитъ».

Наундорфъ былъ болѣе откровененъ въ своихъ бесѣдахъ съ барономъ Дювивье де-Томбебефъ (Duvivier de-Tombeboeuf), которому открылъ свое происхожденіе.

Въ 1818 году, находясь все еще въ Шпандау, онъ познакомился съ дѣвицею Іоанною Эйнертъ, замѣчательной по красотѣ, на которой вскорѣ и женился [8]). Бракосочетаніе состоялось въ его домѣ по протестантскому обряду, при чемъ, опять въ обходъ закона, Наундорфъ не предъявилъ требуемаго въ данномъ случаѣ метрическаго свидѣтельства о рожденіи. Здѣсь также на себя обращаетъ вниманіе странная снисходительность прусскаго правительства по отношенію къ Наундорфу. Еще разъ Наундорфъ былъ освобожденъ отъ обязанности представить доказательство о своемъ прошломъ; другими словами — онъ не представилъ доказательствъ о своемъ происхожденіи, какъ Наундорфъ.

Въ 1822 году бургомистръ Даберковъ, съ которымъ Наундорфъ такъ сблизился во время пребыванія въ Шпандау, переѣхалъ на жительство въ Бранденбургъ. За нимъ послѣдовалъ и Наундорфъ. Когда отъ него потребовали подлинные документы, муниципалитетъ гор. Шпандау аттестовалъ его «какъ честнаго человѣка и хорошаго часовщика» (архивъ гор. Шпандау).

Репутація о его порядочности настолько прочно установилась, что позднѣе, въ 1836 году, когда министръ де-Ро-

[8]) Отъ брака съ Іоанною Эйнертъ Наундорфъ имѣлъ 5 сыновей: Карлъ-Эдуардъ (скончался въ 1866 году), Карлъ (нынѣшній претендентъ по праву преемства Charles XI, скончался 26 ноября 1899 г.), Карлъ-Эдмонъ (у него сыновья: Августъ, Карлъ, Людовикъ), Адельбертъ (у него сыновья: Людовикъ, Генрихъ, Фердинандъ и Эммануэль, сконч. въ 1878 году), и 3 дочери: Амели, Марія-Антуанета и Марія-Терезія.

Всѣ его дѣти отличались необыкновеннымъ сходствомъ съ Бурбонами. Такъ Амели—живой портретъ Маріи-Антуанеты, Адельбертъ—типъ Людовика XVIII, Людовикъ-Карлъ—типъ Людовика XVI и т. д.

ховъ, неособенно расположенный къ претенденту, просилъ тогдашняго бургомистра Фроейера дать ему характеристику претендента, Фроейеръ отвѣтилъ слѣдующее:

«Относительно Наундорфа приходится свидѣтельствовать о его безукоризненномъ поведеніи во время пребыванія его въ этомъ городѣ. Въ особенности нужно отмѣтить, что онъ не совершилъ никакого проступка, противнаго общественному порядку. Наоборотъ, все его поведеніе было полно достоинства и благородства».

Въ Бранденбургѣ, въ маѣ 1822 года, послѣдовало принятіе Наундорфа въ число гражданъ также безъ всякаго затрудненія. 6 лѣтъ спустя, тотъ-же фактъ повторяется и въ третьемъ городѣ Кроссенѣ. Мы видимъ, какъ послѣдовательно въ этихъ трехъ городахъ проживаетъ человѣкъ, пользующійся всѣми правами гражданства, прошлое котораго какъ-бы совсѣмъ не существовало до его появленія въ Берлинѣ.

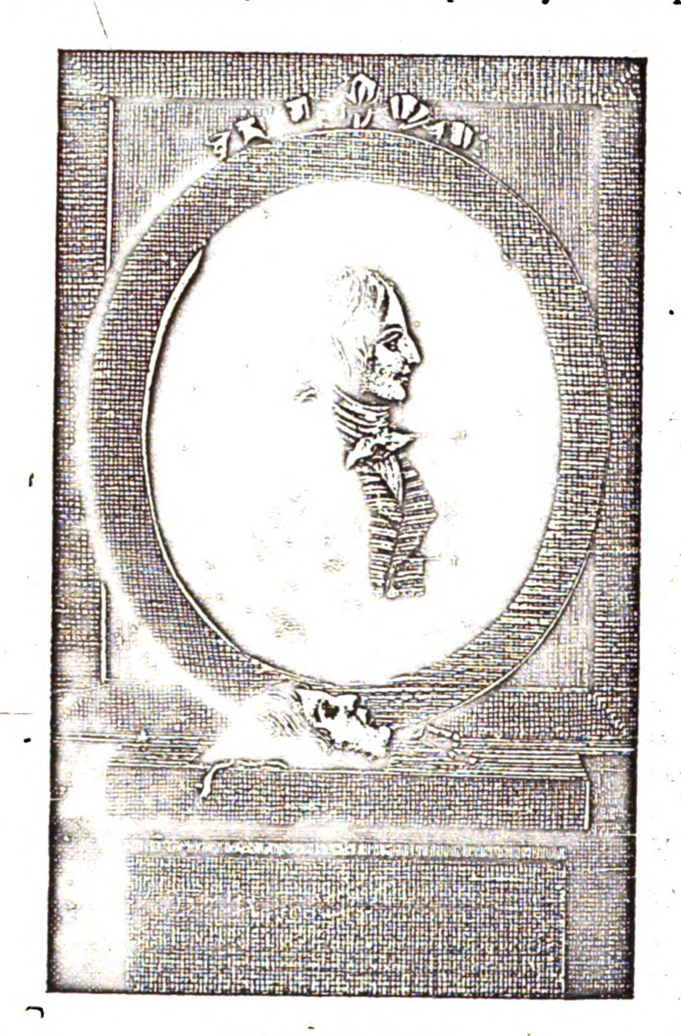
Пользуясь уваженіемъ всѣхъ, Наундорфъ полагалъ, что онъ въ Браденбургѣ укроется отъ преслѣдованій судьбы и займется воспитаніемъ своихъ дѣтей. Но, къ несчастію, онъ забылъ о своихъ заявленіяхъ Лекоку и министру Гарденбергу; онъ забылъ, что писалъ Людовику XVII и другимъ членамъ дома Бурбоновъ; забылъ, что, благодаря этимъ поступкамъ, онъ становился лицомъ, отъ котораго желательно отдѣлаться. Понемногу распространяемые на его счетъ слухи настолько портятъ его репутацію, что въ январѣ 1824 года одинъ изъ его друзей, профессоръ Рейхеновъ публично протестуетъ противъ обвиненія Наундорфа въ совершеніи преступленія, отъ котораго послѣдній самъ потерпѣлъ. У него украли почти все его имущество, заключавшееся въ часахъ и деньгахъ, и тѣмъ лишили средствъ къ существованію. Два мѣсяца спустя, возникаетъ новое обвиненіе Наундорфа въ сожженіи бранденбургскаго театра, находящагося вблизи того дома, гдѣ онъ жилъ.

Однако, въ берлинскомъ архивѣ хранится документъ съ резолюціей суда, по которой Наундорфъ, по обвиненію его въ поджогѣ, былъ вполнѣ оправданъ.

Когда же попытка враговъ Наундорфа не удалась въ этомъ отношеніи, послѣдовало обвиненіе его въ фабрикаціи фальшивыхъ монетъ.

На этотъ разъ дѣло было серьезнѣе. Его съумѣли такъ опутать при допросѣ, что онъ долженъ былъ отбыть наказаніе, но не за то преступленіе, въ которомъ его обвиняли.

По сентенціи суда онъ былъ заключенъ въ тюрьму на три года, но не за фабрикацію фальшивой монеты, а за то, какъ сказано въ резолюціи суда, что во время судебнаго разбира-

Псевдо-дофинъ Герваго.

тельства онъ настойчиво заявлялъ о своемъ царственномъ происхожденіи.

Любопытно сопоставить отзывъ о немъ судьи Шульца, который въ своемъ докладѣ заявилъ, что Наундорфъ производилъ впечатлѣніе лица порочнаго, наглаго, весьма хитраго, съ мнѣніемъ знаменитаго въ то время юрисконсульта въ Германіи, служившаго въ то время въ бранденбургскомъ судѣ, доктора Ренне.

Послѣдній утверждалъ, что Наундорфъ имѣетъ типъ Бур-

боновъ и импонировалъ своимъ внѣшнимъ видомъ и обращеніемъ. Онъ производилъ благопріятное на всѣхъ впечатлѣніе и никоимъ образомъ нельзя было сказать о немъ, что онъ обыкновенный авантюристъ.

Во время пребыванія въ бранденбургской тюрьмѣ, Наундорфъ, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, сдѣлался другомъ смотрителя тюрьмы, барона Секендорфа, который позднѣе не отказалъ ему въ выдачѣ удостовѣренія, въ томъ что онъ вполнѣ нравственный и честный человѣкъ.

Спустя три года по выходѣ изъ тюрьмы, Наундорфъ долженъ былъ оставить Бранденбургъ и ему предложили поселиться въ Кроссенѣ. И тутъ онъ нашелъ защитника, въ лицѣ нотаріуса и синдика города, Пезольда, который принялъ къ сердцу горячо его дѣло и отдалъ ему даже часть своего состоянія, чтобы помочь находившейся въ полной нищетѣ семьѣ Наундорфа. Этотъ Пезольдъ скончался внезапно и таинственнымъ образомъ 16 марта 1832 года, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда добился полученія всѣхъ бумагъ, касающихся бранденбургскаго процесса, съ цѣлью его пересмотра.

Передъ смертью онъ однако успѣлъ войти въ переписку съ нѣкіимъ Альбуисомъ.

Потерявъ такъ трагически своего лучшаго друга и защитника и не надѣясь на правосудіе, Наундорфъ уѣхалъ во Францію съ цѣлью розыскать старыхъ слугъ королевскаго двора и добиться своего признанія, какъ сына Людовика XVI и Маріи-Антуанеты.

* *
*

Самый интересный періодъ жизни Наундорфа—это его пребываніе во Франціи (1833—1896).

Въ числѣ лицъ, вѣрившихъ въ спасеніе дофина, былъ нѣкто Альбуисъ (Albouys). Онъ долго состоялъ слѣдственнымъ судьею въ г. Кагорѣ; въ 1830 году онъ подалъ въ отставку и жилъ въ деревнѣ, окруженный многочисленною семьею.

Случайно вниманіе его было привлечено замѣткой въ «Constitutionnel» о Наундорфѣ. Удивленный этимъ сообщеніемъ, онъ пишетъ Пезольду. И вотъ между ними завязывается цѣлая переписка. Послѣдствіемъ этой переписки была поѣздка Наундорфа въ Парижъ: но ранѣе Наундорфъ сообщилъ Альбуису, что, въ виду противодѣйствія его семьи, онъ является самолично, чтобы отыскать лицъ, которыя знали его отца и мать, и этимъ путемъ убѣдить всѣхъ въ законности своихъ притязаній.

Наундорфъ, по прибытіи въ Парижъ, поселился у M. Albouys

и, благодаря исключительно счастливому стеченію обстоятельствъ, познакомился съ г. Жоффруа (Geoffroy), архиваріусомъ-палеографомъ. Брикопъ, книгопродавецъ, который видѣлъ ранѣе Наундорфа у Альбуиса, познакомилъ Жоффруа съ претендентомъ.

Жоффруа не замедлилъ отправиться на свиданіе.

«Вечеромъ я видѣлъ M. Charles (какъ его звали), пишетъ Жоффруа. Въ рѣчи его слышался акцентъ иностранца. Сходство чертъ лица съ типомъ Бурбоновъ изумительное».

Матюренъ Брюно.

«Послѣ пяти дней, пишетъ далѣе Жоффруа, я уже забылъ объ этомъ свиданіи. Но 14-го я былъ по одному дѣлу у де-Сенъ-Илеръ, весьма почтенной особы, нѣкогда приближенной M-me Victoire, тетки Людовика XVI. Эта дама, какъ и ея мужъ, бывшій слуга Людовика XVI, выслушали съ удивленіемъ и вниманіемъ мой разсказъ о прусскомъ часовщикѣ. При этомъ г-жа де-Сенъ-Илеръ замѣтила, что она знаетъ г-жу де-Рамбо, бывшую кормилицу дофина, которая, по ея мнѣнію, не откажется свидѣться съ Наундорфомъ.

17 августа состоялось свиданіе Наундорфа съ г-жею Рамбо.

Въ началѣ разговора г-жа Рамбо не объяснила Наундорфу, кто она, но сообщила, что была въ молодыхъ лѣтахъ въ числѣ приближенныхъ королевы и маленькаго дофина.

— Очень юною..... не г-жа Рамбо-ли вы? Ахъ!..... Я очень радъ!

Это имя, произнесенное Наундорфомъ, въ сущности еще ничего не доказывало.

Затѣмъ г-жа Рамбо предложила ему нѣсколько вопросовъ о воспитательницѣ дофина, г-жѣ де-Турзель, объ ея обращеніи и проч., относительно аббата Davoux,—его наставника. На всѣ эти вопросы Наундорфъ или отвѣчалъ удовлетворительно, или говорилъ, что забылъ. Напримѣръ, относительно аббата Davoux онъ сказалъ, что отлично помнитъ, какъ наступилъ ему на лѣстницѣ на мантію, что вызвало паденіе послѣдняго.

Когда ему показали портретъ Маріи-Антуанеты, принесенный г-жею Рамбо, онъ заплакалъ.

Г-жа Рамбо сдержанно наблюдала за нимъ. «Я сохранила платье дофина, какъ воспоминанье: быть можетъ вы вспомните при какихъ обстоятельствахъ вы его надѣвали въ Тюльери».

Какъ только ему было показано платье, онъ воскликнулъ:

— О, я его отлично узнаю. Это было не въ Тюльери, а въ Версалѣ, на одномъ праздникѣ; съ тѣхъ поръ я его не надѣвалъ, такъ какъ оно было узко.

Тутъ г-жа Рамбо, не будучи въ состояніи сдержать волненія, упала на колѣни и воскликнула: «только одинъ мой принцъ можетъ сказать мнѣ это!»

Сжимая его руки, она зарыдала. Престарѣлая г-жа Рамбо 15 декабря 1834 года подписала заявленіе о признаніи Наундорфа Людовикомъ XVII.

Приводимъ это заявленіе цѣликомъ:

«Въ случаѣ моей смерти до признанія принца, сына Людовика XVI и Маріи-Антуанеты, объявляю клятвенно передъ Богомъ и людьми, что 17 августа 1833 года я нашла герцога нормандійскаго, при которомъ состояла со дня его рожденія до 10 августа 1792 года, и, такъ какъ моей обязанностью было дать знать объ этомъ герцогинѣ Ангулемской, я написала письмо, копію котораго прилагаю.

Особыя примѣты, замѣченныя мною во время его дѣтства, давали мнѣ возможность найти его повсюду.

Принцъ имѣлъ въ дѣтствѣ шею короткую и покрытую морщинами. Я всегда утверждала, что если я когда либо вновь

его найду, то эта особенность будетъ служить неопровержимымъ доказательствомъ для меня его идентичности. Въ виду его тучности шея его увеличилась, но осталась, какъ была раньше, подвижною. Голова большая, лобъ широкій и открытый, глаза голубые, брови приподнятыя, волосы бѣлокурые, завивающіеся ротъ такой-же, какъ у королевы, съ ямочкою на подбородкѣ

Псевдо-дофинъ Ришмонъ.

грудь его приподнятая. Я нашла нѣсколько знаковъ, тогда еще не ясно обозначавшихся, и одинъ на правой груди.

. . . .

Принцу была привита оспа въ Сенъ-Клу, когда ему было 2 года и 4 мѣсяца, въ присутствіи королевы и докторовъ Жубертона, Брюнье и Лустонно. Прививка была сдѣлана во время сна, между 10 и 11 часами вечера съ цѣлью предупредить возможность появленія конвульсій отъ раздраженія. Будучи свидѣтельницею оспопрививанія, я утверждаю сегодня, что я нашла тѣ-же знаки, которымъ дали форму треугольника (triangle).

Наконецъ, я сохранила на память голубое платье принца, которое онъ надѣвалъ только разъ. Я ему показала это платье, при чемъ, желая убѣдиться, не ошибется-ли онъ, сказала, что онъ носилъ его въ Парижѣ.

«Нѣтъ, я его надѣвалъ въ Версалѣ въ такое-то время», отвѣтилъ онъ.

Мы обмѣнялись еще нѣкоторыми воспоминаніями, которыя одни могутъ служить для меня несомнѣннымъ доказательствомъ, что принцъ — сирота Тампля.

Вдова Рамбо».

За признаніемъ г-жи Рамбо послѣдовали признанія г. и г-жи Марко-де-Сенъ-Илеръ. Кузина-же Альбунса, г-жа Generès, немедленно отправилась въ Кроссенъ съ цѣлью помочь семьѣ претендента, матеріальное положеніе которой очень его озабочивало.

Въ своемъ заявленіи г-жа Марко-де-Сенъ-Илеръ сообщаетъ, что принцъ вспомнилъ мельчайшія подробности семейной жизни, всю меблировку комнатъ королевы—его матери, однимъ словомъ, такія подробности, которыя могли быть лишь извѣстны лицамъ, близко стоящимъ къ королевской фамиліи.

Герцогинѣ Ангулемской г-жа Марко-де-Сенъ-Илеръ писала, что извиняется за настоящее письмо, но что Богъ, ея совѣсть и спасеніе ея души налагаютъ на нее обязанность увѣдомить герцогиню о существованіи ея несчастнаго брата.

«Смѣю увѣрить ваше королевское высочество, что такъ-же твердо увѣрена въ существованіи этого несчастнаго принца, какъ вѣрю въ Бога и въ Спасителя міра».

Съ такою-же силою написано и заявленіе г. Марко-де-Сенъ-Илеръ.

Въ то время жилъ въ Парижѣ г. де-Жоли, послѣдній министръ юстиціи Людовика XVI, который, какъ истый сынъ XVIII столѣтія, весьма скептически относился ко всему сверхъестественному и чудесному. И ему пришлось тоже испытать очарованіе Наундорфа, который, между прочимъ, много сообщилъ ему подробностей о 10 августѣ 1792 года.

Г. Ксавье Лапрадъ сообщилъ, что когда Карлъ Верньe, бывшій прокуроръ короля, навѣстилъ г. Жоли за нѣсколько дней до его смерти, то послѣдній ему сказалъ: «Я знаю, что скоро предстану предъ лицомъ Всевышняго, и я не хочу обманывать ни себя, ни другихъ, но я вторично клянусь, что Наундорфъ — сынъ моего несчастнаго короля и, что я дѣйствительно нашелъ дофина».

Упомянутый Ксавье Лапрадъ, адвокатъ въ Ніорѣ, легитимистъ, былъ убѣжденъ въ смерти дофина и не скрывалъ своей преданности герцогу бордосскому [9]). Тѣмъ не менѣе, желая

[9]) Внукъ Карла X, носившій въ изгнаніи титулъ графа Шамборъ.

узнать правду, онъ отправился въ Парижъ для свиданія, причемъ также пришелъ къ убѣжденію въ тождественности Наундорфа съ Людовикомъ XVII.

Не довѣряя своимъ личнымъ впечатлѣніямъ, онъ захотѣлъ провѣрить сообщенія Наундорфа на мѣстѣ и посѣтилъ, по просьбѣ послѣдняго, съ этою цѣлью Шпандау, Бранденбургъ и Кроссенъ, собирая повсюду самыя точныя свѣдѣнія о прошломъ претендента.

Наконецъ, онъ добился свиданія въ Берлинѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Его письмо, отъ 17 января 1836 г., ярко характеризуетъ оффиціальное положеніе вопроса о Людовикѣ XVII въ высшихъ сферахъ Берлина.

Вотъ, между прочимъ, что онъ сообщаетъ [10]):

«Когда я вступилъ въ разговоръ по данному вопросу съ г. де-Роховъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Пруссіи, онъ перебилъ меня словами: «напрасно вы распространяетесь по сему вопросу; всѣ отлично знають, какого мнѣнія слѣдуетъ держаться въ данномъ случаѣ и я такъ-же, какъ и вы, вѣрю, что дофинъ не умеръ въ Тамплѣ».

За симъ онъ меня спросилъ, что я дѣлаю по вопросу объ идентичности, признаваясь прежде всего, что претендентъ по происхожденію не пруссакъ, что всѣ попытки для открытія его истиннаго происхожденія не дали до сихъ поръ никакого удовлетворительнаго результата.

Въ теченіе 4-хъ лѣтъ, онъ, въ виду настояній графа де-Ларошжакеленъ, занимается этимъ дѣломъ, и оно ему болѣе и болѣе представляется неразрѣшимою загадкою. Послѣ того, какъ я ему сообщилъ о сходствѣ принца съ Бурбонами, о признаніи его гг. де-Жоли, Рамбо, Марко-де-Сенъ-Илеръ, онъ повторилъ: «это тайна»!

По порученію короля министръ сказалъ, что «Его Величество не увѣренъ, дѣйствительно-ли Наундорфъ сынъ Людовика XVI, что онъ не особенно этому вѣритъ, такъ какъ узналъ о претензіяхъ претендента только въ 1829 году по прошенію, посланному ему изъ Кроссена.

Его Величество отрицаетъ всякую солидарность съ дѣйствіями лицъ, преслѣдовавшихъ дофина, и не имѣетъ никакого отношенія къ интригамъ, имѣвшимъ цѣлью погубить дофина».

---

[10]) См. „En politique point de justice" par Gruau de la Barre, témoignage de Xavier Laprade.

Я отвѣтилъ министру, что принцъ всю отвѣтственность этого преступленія возлагаетъ на Людовика XVIII и министра Гарденберга, что принцъ будетъ очень счастливъ знать мнѣніе его величества и убѣдиться въ полномъ незнаніи короля о тѣхъ преслѣдованіяхъ, которымъ онъ подвергался въ его владѣніяхъ съ 1818 года.

Далѣе министръ сказалъ: «претендентъ весьма ошибочно полагаетъ, что бумаги, которыхъ онъ домогается, находятся въ частномъ кабинетѣ короля. Король ихъ не имѣетъ, и даже если бы онѣ тамъ находились, это ровно ничего бы не доказывало. Развѣ не можетъ случиться, что этотъ человѣкъ дѣйствительно зналъ дофина и, завязавъ ловко съ нимъ дружбу, убилъ его съ цѣлью овладѣть этими бумагами?»

Эти неосторожныя слова убѣдили меня въ томъ, что министръ отлично зналъ содержаніе этихъ бумагъ и имѣлъ ихъ, или въ подлинникѣ или въ копіи.

На это я возразилъ, что невозможно безъ доказательствъ вмѣнить претенденту это преступленіе, такъ какъ представляется невѣроятнымъ, чтобы человѣкъ, котораго всѣ признавали честнымъ, добродѣтельнымъ, благороднымъ, могъ-бы начать свою дѣятельность убійствомъ съ цѣлью овладѣть бумагами безполезными и даже опасными, такъ какъ при этомъ предположеніи, онѣ сдѣлались-бы уликой его преступленія.

Министръ на этомъ не настаивалъ. Я ему показалъ весьма схожій портретъ принца и спросилъ его:—похожъ-ли онъ на убійцу или вора? Тотъ отвѣтилъ: «да, это лицо честнаго человѣка и это дѣлаетъ еще болѣе запутаннымъ настоящее дѣло».

Провожая меня до дверей кабинета, онъ сказалъ: «Впрочемъ я не хотѣлъ-бы утверждать, что этотъ человѣкъ не дофинъ, но я выражусь передъ вами откровенно: *я не желалъ-бы его признанія дофиномъ, такъ какъ это признаніе будетъ позоромъ для всѣхъ коронованныхъ особъ Европы*».

Г. де-Роховъ, между прочимъ, заявилъ мнѣ, что слова' приписанныя герцогиней Ангулемской прусскому королю, совершенно невѣрны; правда, герцогиня очень много разспрашивала короля и онъ, очевидно, говорилъ о судебномъ рѣшеніи Бранденбурга, но онъ никогда не говорилъ, что принцъ сумасшедшій.

Въ числѣ лицъ, посвятившихъ всю свою жизнь и средства дѣлу Наундорфа, нужно упомянуть о графѣ Грюо-де ля-Барръ. По профессіи—адвокатъ, онъ слышалъ о дѣлѣ Наундорфа.

Хотя онъ и не вѣрилъ въ существованіе дофина, но, заинтересовавшись дѣломъ, явился въ Парижъ, увидѣлъ принца и убѣдился въ справедливости его притязаній, какъ и другіе.

Ликвидировавъ свои дѣла, онъ съ 1834 года всецѣло посвятилъ себя этому дѣлу, былъ другомъ и защитникомъ претендента и покровителемъ его дѣтей до конца своей жизни.

Послѣ признанія Наундорфа главными слугами Людовика XVI и Маріи-Антуанеты образовалась вокругъ него группа вѣрныхъ друзей, которые помогали ему совѣтами и деньгами.

Для защиты его интересовъ адвокатъ Бурбонъ-Лебланъ

Псевдо-дофинъ Элеазаръ Виліамсъ.

основалъ газету подъ названіемъ «La Justice». Въ числѣ сотрудниковъ былъ нѣкто Томасъ, по убѣжденіямъ роялистъ, подосланный противною партіею съ цѣлью слѣдить за претендентомъ.

Въ октябрѣ 1835 года этотъ Томасъ открыто заявлялъ, что имъ получены точныя свѣдѣнія отъ прусскаго посольства о томъ, что лицо, именующееся герцогомъ Нормандійскимъ, никто иной, какъ Наундорфъ,—сынъ здравствующаго по нынѣ прусскаго часовщика. На основаніи этого свѣдѣнія онъ возбудилъ процессъ противъ Наундорфа. Не будучи въ состояніи представить на судѣ доказательства справедливости своего заявленія, Томасъ проигралъ процессъ.

Совѣтники Наундорфа находили необходимымъ выяснить, чѣмъ вызывается упорное молчаніе герцогини Ангулемской по вопросу о признаніи принца.

Графу Морель-де-Сенъ-Дидье, принадлежавшему къ старинной дворянской фамиліи, была поручена эта миссія. Онъ долженъ былъ добиться у герцогини согласія на свиданіе съ претендентомъ. Два раза ѣздилъ графъ Морель въ Прагу: 1 января 1834 года и въ сентябрѣ того-же года.

Г. Морель оставилъ весьма обстоятельное донесеніе объ этихъ двухъ свиданіяхъ [11]).

«Я былъ приглашенъ, говоритъ графъ Морель, въ залу, гдѣ возлѣ ея королевскаго высочества находился маркизъ-де-Вибре (Vibraye). Принцесса приняла меня весьма вѣжливо и даже удостоила сдѣлать нѣсколько шаговъ мнѣ навстрѣчу.

— Здравствуйте, г. Морель, сказала принцесса, вотъ одинъ изъ старыхъ нашихъ слугъ г. де-Вибре, я была-бы очень довольна присутствіемъ его при нашей бесѣдѣ.

— Ваше высочество облегчаете мнѣ этимъ мою задачу, отвѣтилъ я съ почтеніемъ и съ удовольствіемъ.

Ея высочество, разрѣшивъ намъ сѣсть, тотчасъ перешла къ вопросу, о которомъ шла рѣчь. Первыя ея слова произвели на меня впечатлѣніе внезапно появившейся головы Медузы.

«И такъ, г. Морель-де-Сенъ-Дидье, вы просите свиданья, но я уже отвѣтила положительнымъ отказомъ; этотъ отказъ письменно былъ сообщенъ 16 декабря».

Я былъ ошеломленъ этими словами, такъ какъ моя миссія становилась излишнею, но, собравшись съ духомъ, я сказалъ:

— Заявленіе вашего королевскаго высочества меня ужасаетъ и разбиваетъ мое сердце. Возможно-ли, чтобы ваше высочество со свойственною опытностью рѣшились на такое безповоротное и скорое рѣшеніе. Тѣмъ болѣе, что ваше высочество не ознакомились ни съ однимъ оффиціальнымъ документомъ и не слышали ничего о подробностяхъ этого дѣла, которыя неизбѣжно должны были-бы убѣдить ваше высочество пріостановить этотъ преждевременный отказъ.

«Но что вы хотите, г. Морель, отвѣтила принцесса, мой отказъ посланъ, я не могу измѣнить своего рѣшенія, все это очень трудно».

Я умолялъ ея высочество меня выслушать, заявивъ, что

---

[11]) Le dernier fils de Louis XVI. Commissaire du Prince en 1834, auprès de Son A. R. Madame Duchesse d'Angoulême. Paris 1836.

привезъ весьма важныя бумаги, ознакомившись съ которыми, она согласится на свиданіе. Ея высочество, казалось мнѣ, своимъ молчаніемъ предоставляла мнѣ право продолжать мою рѣчь и я поспѣшилъ воспользоваться этой любезностью.

Я счелъ долгомъ заявить ея королевскому высочеству, что мнѣ извѣстна ея переписка съ герцогиней де-Монморенси; что ея высочество слѣдовательно увѣдомлена о томъ, что происходитъ въ Парижѣ.

Герцогиня отвѣтила, что ей дѣйствительно сообщаютъ свѣдѣнія о претендентѣ.

Выслушавъ подробные доводы въ пользу претендента, ея высочество сказала: Я была-бы очень счастлива найти своего брата, но къ несчастью—онъ умеръ; Я могла-бы добавить, что онъ скончался, такъ сказать, на моихъ глазахъ: ребенокъ, который находился подъ моей комнатой въ Тамплѣ и котораго я считала своимъ братомъ, скончался тамъ... *Быть можетъ, произошла замѣна одного лица другимъ, но это мнѣ неизвѣстно.*

Я отвѣтилъ, что въ дѣйствительности такъ и было.

«Мысль о спасеніи дофина многими во Франціи признавалась за истину. Было неизвѣстно,—остался-ли дофинъ въ живыхъ».

На эти слова ея высочество промолчала.

Я сообщилъ принцессѣ о признаніи принца Мартиномъ Галлардонъ [12]).

— «Что-же касается Мартина, прервала она,—я совсѣмъ въ это не вѣрю».

Маркизъ де-Вибре, который во время нашего разговора молчалъ, просилъ позволенія сдѣлать вопросъ.

— Увѣряютъ, сказалъ онъ, что Мартинъ призналъ нѣсколькихъ Людовиковъ XVII.

— Нѣтъ, воскликнулъ я рѣзко, все это безусловно ложно. Только претендентъ, находящійся въ данное время въ Парижѣ, былъ признанъ Мартиномъ за Людовика XVII.

— На какія-же средства онъ существуетъ, спросилъ маркизъ.

— «Онъ живетъ помощью своихъ друзей», отвѣтила принцесса съ нѣкоторымъ волненіемъ въ голосѣ.

Мнѣ крайне было важно заставить прочесть въ моемъ присутствіи мои сообщенія. Я выразилъ это желаніе, основы-

---

[12]) Мартинъ Галлардонъ, ясновидящій, призналъ Наундорфа Людовикомъ XVII. О немъ см. сочиненіе Paul Marin. Martin de Gallardon. Paris. 1892

ваясь на порученіи выѣхать изъ Праги въ Парижъ въ возможно скоромъ времени.

После нѣсколькихъ минутъ размышленія герцогиня сказала: ну, я согласна еще разъ переговорить объ этомъ дѣлѣ. Уже поздно. Но я вамъ обѣщаю прочитать со вниманіемъ все то, что вы мнѣ принесли. Затѣмъ вы получите мой отвѣтъ на требуемое претендентомъ свиданіе. Но это дѣло слишкомъ серьезно, чтобы оно могло быть разсмотрѣно раньше недѣли. Совершите маленькое путешествіе, осмотрите окрестности. По возвращеніи вашемъ я васъ приму.

— Если-же вамъ по приказанію немедленно нужно ѣхать, то отвѣта я дать не могу».

На этомъ окончилась перваяауденція.

Нѣсколько дней спустя г. Морель-де-Сенъ-Дидье былъ затребованъ герцогиней. Послѣдняя его приняла въ присутствіи г. де-Вибре.

— Я внимательно прочла все, что вы мнѣ вручили, сказала она, но ничего не нашла такого, что могло-бы меня заставить рѣшиться на свиданіе. Письмо г-жи де-Рамбо обратило мое вниманіе, такъ какъ я помню, что она дѣйствительно была кормилицей моего брата. Но все это не имѣетъ никакого значенія въ моихъ глазахъ.

Ея высочество, говоритъ гр. Морель, обѣщала мнѣ собрать новыя свѣдѣнія. Вотъ все, чего я могъ добиться, и когда я откланивался, она сказала:

— Я очень рада была увидѣть васъ здѣсь и познакомиться съ вами.

Слова эти я могъ истолковать въ томъ смыслѣ, что ея высочество не выражала неудовольствія на возложенную на меня миссію, а также на то, какъ она была выполнена.

Свиданіе это произошло 28-го января.

Въ сентябрѣ 1834 года М. де-Сенъ-Дидье снова появился въ Прагѣ, но положеніе, занятое герцогинею въ этомъ дѣлѣ, было совсѣмъ другое. Она рѣзко отказала въ свиданіи Наундорфу, называя его интриганомъ.

В. Серебрениковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Медвѣжій островъ.

Историческій разсказъ.

I.

Іюньскимъ утромъ 1614 года внизъ по быстрому и извилистому Яику скользила узкая, долбленая, плоскодонная лодочка, сидящая на глубинѣ почти въ уровень съ водой. Въ этомъ утломъ суденышкѣ сидѣлъ широкоплечій, черноусый казакъ. Было жарко. Одинокій гребецъ снялъ свой алый польскій кунтушъ, видимо, доставшійся ему на „дуванѣ"—раздѣлѣ добычи—послѣ какой-нибудь битвы. Рукава грязной, порванной сорочки были высоко засучены, и до-черна загорѣлыя богатырскія руки, какъ перышко, вертѣли тяжелое, широкое весло. Лодка летѣла, оставляя пѣнистый слѣдъ...

По обоимъ берегамъ тянулись пустынные, зеркально-блестящіе затоны, гдѣ лишь изрѣдка виднѣлись верши и горлицы, наставленныя рыболовами. Сакмы — узкія, потайныя тропинки, проложенныя таспарами и воровскими казацкими людьми, коегдѣ змѣились къ водѣ сквозь прибрежный тростникъ и цѣпкій, сплошной кустарникъ.

Гребецъ откинулъ длинный, густой чубъ, отеръ потный лобъ и, закрывъ глаза отъ солнца широкой ладонью, сталъ вглядываться въ даль, сердито ворча:

— Съ утра гребу, а все не видать московцевъ... Не назадъ-ли повернули?.. Ужели понапрасну трудился?..

И онъ, въ сердцахъ, такъ хватилъ весломъ по водѣ, что брызги цѣлымъ столбомъ поднялись, и засверкали вокругъ.

— Такъ нѣтъ-же, допеку я васъ, атаманы-обидчики! Кто Гришку Елизарова изобидѣлъ,—тяжела тому отместка будетъ... Дай срокъ, Ивашка Заруцкій! Дай срокъ, Тренька Усъ!...

Но тутъ вдругъ оборвались гнѣвныя мысли казака, и смѣнились иными думками, тихими, свѣтлыми... Словно-бы легъ онъ въ тѣни свѣжей, подъ древомъ густымъ, словно-бы услышалъ чьи-то рѣчи сладкія, медовыя, приманныя... Зазвенѣлъ звонкій смѣхъ русалочій, засверкали очи жгучія, повлекли его силой приворотной.

— Ишь, не отстаетъ! — молвилъ онъ, тряхнувъ чубомъ. — Должно, вправду, она вѣдунья-кудесница?... Кажись, далеко отселѣ,

а мнится—тутъ, возлѣ сидитъ... И красота-жъ она писанная! Въ жизнь такой не видывалъ... Эхъ, не по зубамъ кусокъ, Гришка! Чу, на Москвѣ царицей сидѣла... И теперь-то рукой не достанешь... А пригожа!..

Могучую грудь казацкую, что гора-горой высоко вздымалась, шевельнулъ вздохъ глубокій...

— Да чего-жъ это я?!.. кручиниться пошелъ, словно дѣвица красная! Чай, скоро слезы горькія лить почну?.. Исполать тебѣ, яицкій казачина, Гришка Елизаровъ!.. Вотъ ежели-бы глянули на тебя, мурзы-побратимы, да казаки-товарищи!.. Были-бы крылья у сокола,—а залетѣть, куда хочешь, можно. Аль Ивашка Заруцкій удалѣй меня? Аль мало на Яикѣ людей вольныхъ? Пожди, свѣтъ Марина Юрьевна,—вызволю тебя отъ Заруцкаго, вызволю и отъ московцевъ лукавыхъ... А тамъ, любушка, мало-ль мѣстъ, да угодій привольныхъ...

И опять рванулъ молодой казакъ впередъ свою лодочку однимъ ударомъ весла тяжелаго. Плескалась по затонамъ рыба въ игрѣ утренней; въ зеленыхъ зарosляхъ шорохъ слышался: то, зайка сѣрый, или кумушка-лиса, или самъ волкъ, степной разбойникъ, пробирались на водопой. Шумными стаями взлетали изъ тростниковъ дикіе гуси и утки...

До полуденъ плылъ Гришка Елизаровъ внизъ по Яику. Наконецъ, моченьки не стало: изнемогъ, мокрый сталъ, хоть выжми, въ глазахъ потемнѣло. Выбралъ онъ тѣнистый затонъ, лодку вытащилъ, половчѣй на мягкой травѣ улегся, и вынулъ свой запасъ путевой—сухія лепешки просяныя и рыбу вяленую. Нашлась и уемистая тыква, выдолбленая, съ зеленымъ виномъ.

Разгрызая крѣпкими зубами сухую пищу, и запивая ее виномъ забористымъ, не переставалъ казакъ думать свои думки неотвязныя...

— „Какъ я сынишку-то ея со струга на берегъ перенесъ—словно рублемъ, подарила меня взоромъ привѣтнымъ Марина Юрьевна... „Спасибо, добрый молодецъ“, — молвила. Надо-жъ тутъ было Ивашкѣ Заруцкому ввязаться... Какъ зарычалъ-то,—ровно медвѣдь... „Прочь, холопъ!“ — кричитъ... Охъ, Ивашка, Ивашка, и самъ-то ты не больно высокаго рода — нашъ братъ: казакъ-станичникъ... Что добра-то награбилъ у московцевъ, да съ Трубецкимъ-бояриномъ въ товарищахъ былъ—это пустое! Нонѣ, братъ-Ивашка, воры-разбойники въ чести... Тушинскій-то, почитай, совсѣмъ на Москвѣ сѣсть норовилъ; лишь за малымъ дѣло стояло... Не тѣ холопы, что саблей живутъ, а тѣ, что передъ боярами, да князьями на карачкахъ ползаютъ... А и тебѣ, Ивашка, праздникъ миновалъ, изъѣздился конь, осѣкся... Вотъ Марина Юрьевна—иное дѣло: измытарилась она по всякимъ невзгодамъ да напастямъ, а все орлицей глядитъ... И пригожа, чаровница, словно солнце красное!..

Зажмурился казакъ, и вновь мелькнулъ передъ нимъ образъ, сверженной царицы московской, супруги Лжедмитрія.

Горячимъ покровомъ лежалъ надъ рѣкой и зарослями палящій жаръ полуденный. Казалось, самъ неутомимый, быстрый Яикъ не

такъ ужь звонко журчалъ своими холодными струйками; то и дѣло пѣнистые гребешки взбѣгали па отлогій, покрытый шелковой травой берегъ, и разсыпались по его душистому ковру, словно желая отдохнуть. Синее небо и зеленая степь въ безмолвномъ изнеможеніи лежали другъ противъ друга. Хорошъ былъ этотъ обильный звѣремъ и птицей, цвѣтущій, мало-вѣдомый людямъ, пустынный, загадочный край. Онъ дремалъ, затаивъ въ нѣдрахъ своихъ богатства, неподвижный, но полный силъ, какъ богатырь Илья Муромецъ, сиднемъ сидѣвшій въ селѣ своемъ.

Не любовался молодой казакъ степью знакомой, не до того ему было. Утомясь за утро, хотѣлъ онъ отдохнуть, выспаться на славу въ свѣжей тѣни, на травѣ мягкой. Вытянулся онъ всѣмъ своимъ тѣломъ могучимъ, подъ голову кунтушъ подложилъ; только-бы глаза закрыть да захрапѣть... Да не тутъ-то было: снова зажгла ему сердце обида недавняя. Вспомнилъ онъ, какъ, на вчерашнемъ ночлегѣ атаманы бѣглой шайки казацкой Ивашка Заруцкій да Треня Усъ отвели его отъ костровъ въ сторону.

— Уходи, Гришка, по добру-по-здорову, пока мы тебѣ башку не ссѣкли!—грозно молвилъ рыжій Тренька-атаманъ.

— Видалъ это?—добавилъ Ивашка, вынимая изъ-за кушака пистоль нѣмецкую, ударную.

— Чѣмъ я вамъ, атаманы, не полюбился?—спросилъ Елизаровъ, не робѣючи.—Не переметчикъ я, казакъ вѣрный...

— Очи высоко подымаешь!—хмуро отвѣтилъ Ивашка Заруцкій, и кремень на пистолѣ оправилъ.

— Уходи, Гришка! Бери вонъ челнокъ, — захрипѣлъ еще гнѣвливѣе Тренька Усъ.

Что-жъ было дѣлать?.. Вскочилъ Гришка въ долбленку, весломъ ударилъ, и понесся внизъ по Яику, проклинаючи атамановъ-своевольцевъ. А Тренька ему вдогонку крикнулъ:

— Встрѣтишь московцевъ—кланяйся отъ насъ прежде, чѣмъ тебя на сукъ вздернутъ!..

Ладно, ладно, атаманы!.. Вотъ онъ, Гришка, самъ къ московцамъ плыветъ; подождемъ, кому бѣда будетъ!..

Среди мыслей буйныхъ, да гнѣвныхъ непримѣтно налетѣлъ на очи казака усталаго сонъ желанный. Подъ легкое шуршаніе листвы зеленой, подъ звонкую, неугомонную пѣсенку струекъ рѣчныхъ, крѣпко и сладко заснулъ Гришка Елизаровъ. Ровно дышетъ могучая грудь, сильныя, загорѣлыя руки по свѣжей, мягкой травѣ раскинуты, чубъ густой, черный, двѣ пяди земли занялъ, разбившись по стеблямъ сочнымъ и цвѣтикамъ душистымъ...

Проспалъ усталый казакъ чуть не до самаго вечера и, когда глаза протеръ да оглядѣлся,—самъ на себя разсердился...

— Эка я какой лежебока! Можетъ, московцы-то давнымъ давно къ верху проплыли, а я—то, дурень, проспалъ-пролежалъ ихъ!..

Затеребилъ Гришка свой чубъ со злости, и не зналъ, что и дѣлать теперь,—назадъ-ли плыть, впередъ-ли двинуться...

Солнце уже близко къ закату было. Легкія облачка вечер-

няго тумана лѣпились уже кое-гдѣ въ сырыхъ уголкахъ заводей и затоновъ. Замолкали въ чащѣ пичужки, готовясь къ отдыху ночному. Блѣдный мѣсяцъ боязливо взглянулъ откуда—то изъ—за необозримой дали степной.

Гришка Елизаровъ столкнулъ въ воду челнокъ, собралъ свой нехитрый скарбъ, и хотѣлъ ужъ пуститься въ путь—дорогу, да вдругъ замеръ на мѣстѣ... До него донесся горькій дымокъ: вѣрно, гдѣ—нибудь вблизи костеръ разведенъ былъ.

— Что за притча? Ужли московцы?—пробормоталъ казакъ. Тихохонько поплылъ онъ внизъ, едва шевеля весломъ. Вотъ слѣва огонекъ сверкнулъ, говоръ людской послышался...

— Они! Взаправду они! Ишь, копья стрѣлецкія блестятъ.. Еще ближе, безъ шума и плеска, подплылъ челнокъ. На прибрежной, открытой полянкѣ трещали, и дымились костры; надъ огнемъ были котлы привѣшены, гдѣ какая-то снѣдь для ратныхъ московскихъ людей варилась. Зоркимъ глазомъ сразу разглядѣлъ Гришка, что въ дружинѣ царской стрѣльцовъ-то немного было. Тамъ мѣшались и нижегородскіе ратники, и астраханцы, и балаханцы, и лаишевцы...

— Ишь, со всего Поволжья людей нагнали, — проворчалъ Гришка, пытаясь сосчитать воиновъ.—За пять сотъ будетъ...

Тутъ съ умысломъ плеснулъ онъ весломъ погромче. Сразу услышали московцы,—переполошились.

— Казаки!—зычно крикнулъ сторожевой стрѣлецъ.

Мигомъ схватились ратники за пищали и копья. Двое набольшихъ—головы стрѣлецкія—впередъ вышли.

— Другъ, аль недругъ?—громко спросилъ одинъ.—Отзовись, не то палить велю!..

Подогналъ Гришка челнокъ, на берегъ выскочилъ.

— Съ вѣстями добрыми, братцы. Вы—царскіе, что-ль?

— По указу царя Михаила Ѳеодоровича и думы боярской, наряжены мы промышлять силою ратною вора-атамана Ивашку Заруцкаго, да злодѣйку Марину Мнишкову,—ясно и громко вымолвилъ передній голова стрѣлецкій, Гордѣй Пальчиковъ.— Ты кто?..

— Изъ воровъ тоже, надо-быть,—проворчалъ другой голова, Севастьянъ Онучинъ.

— Ну, а я къ вамъ—о тѣхъ ворахъ съ вѣстями, бойко сказалъ Гришка, подходя къ московцамъ.—Я отъ ихъ воровства отсталъ, хочу нынѣ вашу руку тянуть... Мыслю, меня воевода астраханскій наградитъ за услугу великую...

II.

Мало кто зналъ, даже изъ казаковъ и рыболововъ яицкихъ, про Медвѣжій островъ. Словно звѣриное логовище, въ чащѣ лѣсной, въ заросляхъ непроходимыхъ ютился онъ, купаясь въ быстрыхъ струяхъ степной рѣки. Зато хорошо знакомъ онъ былъ медвѣдямъ, вепрямъ, рысямъ, волкамъ, барсукамъ и многимъ другимъ нелюдимамъ мохнатымъ. Тамъ было имъ приволье:

духомъ человѣческимъ и не пахло, а мелкой живности, да дикихъ ягодъ и плодовъ вдосталь встрѣчалось. Весь островъ лѣсомъ поросъ, поросли лѣсомъ и оба берега сосѣдніе; двумя дугами сверкали и пѣнились рукава Яика, осѣненные густой, нависшей зеленью.

Пробившійся сквозь этотъ живой зеленый навѣсъ солнечный лучъ, возвѣстившій раннее утро, скользнулъ сперва по чернымъ, угрюмымъ стволамъ деревьевъ, потомъ по застывшему, остановившемуся песчаному оползню, и наконецъ упалъ на отлогій зеленый выступъ острова. Среди пестрыхъ цвѣтовъ и высокихъ травъ что-то запестрѣло, забѣлѣло, засверкало... На помощь къ первому лучу спѣшно скользнулъ второй: что-де такое здѣсь на знакомомъ берегу безлюдномъ проявилось?..

На кучѣ сухихъ листьевъ и хвои спалъ, закрывшись отъ утренней свѣжести суконной теплой однорядкой, невѣдомый воинъ; рядомъ съ нимъ сабля въ ножнахъ богатыхъ лежала. Ближе къ рѣкѣ, на сучкѣ рослаго, крѣпкаго вяза колыхалась легонько небольшая колыбелька, сплетенная изъ тонкаго, гибкаго лазняка. У колыбельки сидѣла женщина въ необычномъ нарядѣ. Въ узорчатые сапожки сафьянные, съ подковками серебряными, уходили широкіе шаровары казацкіе, мѣстами порванные, запыленные въ пути дальнемъ. Серебряный, кольчатый поясъ, съ прицѣпленнымъ на немъ узкимъ и длиннымъ кинжаломъ, охватывалъ тонкій станъ женщины. Изъ подъ маленькой собольей шапочки съ золотымъ перомъ вырывались густые черные волосы и падали на красную польскую безрукавку, расшитую узорами.

На смугломъ и худощавомъ лицѣ невѣдомой путницы сверкали силой и твердой волей темные глаза; непреклонно, почти гнѣвно были сжаты узковатыя, но алыя губы. Мелкія морщины застыли вокругъ этихъ губъ и на лбу путницы. Видно было, что горе-злосчастье было ея давнимъ знакомцемъ.

Легкій утренній вѣтеръ прошумѣлъ въ заросляхъ. Женщина встрепенулась, оглянулась кругомъ и горько усмѣхнулась. Съ устъ ея невольно сорвалась отрывочная польская рѣчь:

— Дочь воеводы сандомірскаго... Царица московская Марина!..

Невелико-же царство мое!.. Какая-то трущоба лѣсная...

Гнѣвнымъ, сверкающимъ взоромъ окинула она дикій островъ дикой рѣки, быструю воду и густую зелень.

— Вотъ, въ нищенской колыбели спитъ мой сынъ, наслѣдникъ вѣнца моего царскаго... Вонъ тамъ—мой стражъ, мой повелитель, атаманъ разбойничій. О, матерь Божія, о томъ-ли грезила я въ своемъ дворцѣ самборскомъ!.. Отецъ, сестры, братья, помните-ли вы вашу несчастную Марину!?..

Опять вспыхнули гнѣвнымъ румянцемъ смуглыя щеки панны Мнишховны... Но вотъ заплакало и заворочалось дитя въ колыбелькѣ. Начала бывшая царица московская утѣшать и укачивать сына, а межъ тѣмъ, какъ вспорхнувшія птицы, далеко унеслись ея растревоженныя думы, улетѣли къ былому, свѣтлому времени...

....Голубѣетъ широкій, привольно текущій Днѣстръ. На высо-

комъ берегу сіяютъ вышки костела самборскаго и палаца воеводскаго, гдѣ живетъ панъ Юрій Мнишекъ со своей семьей—съ панной Софіей—второй супругой, съ сыновьями и дочерьми, изъ которыхъ Марину, какъ первую красавицу, знаетъ и славитъ вся рѣчь Посполитая. Празднество готовится въ палацѣ воеводскомъ: сотни возковъ и колымагъ съѣзжаются къ воротамъ, гдѣ красуется гербъ Мнишковъ—пучекъ перьевъ пестрыхъ. Наряжается красавица Марина, помышляя о невѣдомомъ витязѣ, что зоветъ себя русскимъ царевичемъ Дмитріемъ; грезится ей престолъ московскій, и кружится отъ гордыхъ помысловъ голова славолюбивой панны... Шепчется Марина съ любимой сестрой замужней—Урсулой, княгиней Вишневецкой...

Богатый, пышный пиръ даетъ воевода Юрій Мнишекъ, не простого гостя честитъ онъ, а царевича московскаго...

Съ деревянныхъ, рѣзныхъ хоръ гремятъ трубы, струны звенятъ. Золото, серебро и хрусталь искрятся на столѣ; нюренбергская и генуэзская посуда плѣняетъ взоръ прихотливой красотой. Вина, меды и настойки рѣкой льются; слышится французская и нѣмецкая рѣчь побывавшихъ въ чужихъ земляхъ щеголей-пановъ. Словно ясное солнце, ослѣпляетъ нарядомъ и красотой Марина. Видитъ она чье-то смуглое, живое лицо съ большой бородавкой на щекѣ, съ быстрыми, огненными очами. Слышитъ она тихій, нѣжный шепотъ, и невольно сердце ея, что до той поры для всѣхъ холодно было, рвется къ этому, смѣлому, загадочному витязю. Но она не выдастъ своего чувства, она помучитъ Дмитрія, заставитъ его совершить чудесный, беспримѣрный подвигъ—и тогда... тогда...

— Ахъ,—вздохнула панна Мнишковна, качая колыбельку сына.—Я, кажется, любила его... Онъ и теперь, какъ живой, стоитъ предо мной.. Да, кажется, любила...

Подстать свѣтлымъ воспоминаніямъ сверженной царицы—новые, яркіе лучи подымающагося солнца посыпались сквозь густой навѣсъ зелени, задрожали огненными точками на быстринѣ рѣки, протянулись свѣтящимися нитями въ темной чащѣ. Дикій островъ, дикая рѣка празднично расцвѣтились, разукрасились...

Спящій на травѣ казакъ шумно перевернулся, что-то пробормоталъ во снѣ и опять захрапѣлъ... Марина бросила въ его сторону недобрый взглядъ...

...Да, она ждала того, перваго, загадочнаго Дмитрія, хотя дольше всего ее прельщало блестящее будущее—власть, пышность, царскій вѣнецъ... Ото всего этого кружилась голова... Какими смѣшными и непонятными казались дочери воеводы сандомірскаго—эти длинноволосые, бородатые московиты, которые пріѣхали послами въ Польшу за невѣстой своего царя! Какой потѣшный былъ этотъ дьякъ, замѣнявшій особу московскаго царя Дмитрія при свадебномъ обрядѣ въ Краковѣ... Этотъ дьякъ... кажется, Власьевъ... да, Афанасій Власьевъ—чинился, пугалъ чопорностью веселую польскую знать, не смѣлъ ѣсть за обѣдомъ изъ раболѣпія передъ своей новой царицей...

А дальше... дальше!. Пріѣздъ въ Москву, громъ колоколовъ, неисчислимое войско, море толпы народной... Коронованіе, торжества; праздники... пиры... Чей непріязненный, лукавый взоръ смущалъ ее изрѣдка въ эти радостные дни? Словно говорилъ этотъ холодный взглядъ: „недолго просидишь ты на престолѣ кремлевскомъ, польская плясунья!.. О, Василій Шуйскій, Василій Шуйскій! Если-бы знать заранѣе!..

Рѣдкія морщины появились на лбу самборской красавицы. Она подходила въ воспоминаніяхъ къ самому страшному времени. Блѣднѣя и дрожа, она опять переживала ужасы!.. ...Грозное, кровавое утро!.. Оглушительный звонъ кремлевскихъ колоколовъ, ревъ черни, заставляющій дребезжать стекла въ окнахъ царицыной опочивальни.. Сквозь запертую дверь слышится крикъ Дмитрія: „Спасайся!", затѣмъ—убійства, кровь, проклятія... Ее схватываютъ, заключаютъ, издѣваются надъ ней, мучаютъ...

Марина невольно тряхнула головой, чтобы изгнать изъ ума эти мучительныя картины. Вѣтерокъ, несущій рѣчную свѣжесть словно съ умысломъ, мягко обвѣялъ ея разгоряченное лицо; пахучая, пушистая вѣтка молодого деревца съ ласкою коснулась ея волосъ, солнечный лучъ горячо позолотилъ ея смуглую щеку. Кратко зашелестѣла-зашептала высокая, сочная трава, какъ будто утѣшая настрадавшуюся красавицу.

Сынъ Марины опять заплакалъ въ своей колыбелькѣ. Мать поспѣшно нагнулась къ нему, взяла его на руки, укутала потеплѣе, приласкала, успокоила. Трехлѣтній, пухлый, здоровый мальчуганъ быстро забылъ про слезы; скоро послышался его звонкій смѣхъ, звонкій веселый лепетъ... онъ принялся играть блестящимъ поясомъ, охватывающимъ станъ матери, вертѣлъ въ своихъ крошечныхъ рученкахъ сверкающіе ножны богатаго кинжала.

— Бѣдный мой Ясь! Что-то ждетъ тебя?—въ приливѣ внезапнаго, нахлынувшаго горя простонала Марина.

Маленькій Янъ продолжалъ беззаботно болтать, мѣшая русскія и польскія слова. Онъ не былъ похожъ на мать, черты его личика, уже замѣтно опредѣлившіеся, были проще, грубѣе, расплывчатѣе. Марина долго, долго смотрѣла на сына... ...Да, маленькій Янъ похожъ на того, второго... тушинскаго... О, какой это былъ извергъ! А вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ былъ робокъ и слабодушенъ!.. Когда гетманъ Рожинскій и тушинскіе паны склонились на сторону короля Сигизмунда, онъ постыдно скрылся изъ лагеря, бросилъ ее, чуть не самъ опять явился въ Калугу умолять калужанъ о помощи... Она верхомъ, въ одеждѣ польскаго воина, сквозь тысячи опасностей пробралась къ нему, ободрила его... но надолго-ли!?..

Долго-бы перебирала Марина въ памяти прошлые горькіе темные дни, но въ это время въ чащѣ затрещали сухіе сучья, зазвенѣла чья-то сабля. Спавшій въ сторонѣ воинъ тотчасъ-же проснулся, и протянулъ руку къ своему оружію.

— Небось, свои!—раздался чей-то грубый, хриплый отъ горилки голосъ.—Экъ вы запрятались, совсѣмъ не найти было...

А все негоже здѣсь сидѣть: съ берега-то, гляньте-ка, все видать... Эй, Заруцкій, Ивашка? Слышь, что говорю? Негоже здѣсь, на юру-то... Подошедшій былъ толстый, „матерой“ казакъ съ сильной просѣдью, краснолицый, длинноусый... За кушакомъ у него виднѣлся атаманскій чеканъ съ насѣчкой. Даже не кивнувши головой Маринѣ, степной витязь развалисто опустился на траву рядомъ съ Иваномъ Заруцкимъ.

— Ишь, проснулся царевичъ-то!—съ глумливой усмѣшкой кивнулъ онъ на присмирѣвшаго около матери ребенка. Ни слова не сказала Марина, только гнѣвно повела очами на казака пересмѣшника.

— Брось, Треня!—угрюмо и сердито молвилъ Заруцкій.— Всѣхъ то тебѣ зацѣплять любо!. Кажись, мы тебѣ не перечимъ. Недобрымъ смѣхомъ залился атаманъ яицкій, Треня Усъ.

— Экое ты словцо молвилъ!.. Поглядѣлъ-бы я, какъ вы перечить бы стали... Охъ, хитеръ ты и занозистъ, Ивашка, а все теперь изъ моей воли не выйти... Правда-ли?..

— Бахвалился одинъ такой,—пробормоталъ неполнымъ голосомъ Заруцкій и словно-бы невзначай до сабли дотронулся. Атаманъ Треня только усы разгладилъ, привольно развалился на шелковой травкѣ, и еще пуще глумиться сталъ...

— У меня то, братъ Ивашка, шесть сотенъ молодцовъ-казаковъ вѣрныхъ. Только свистну, али бровью поведу, всѣ за мной лавой пойдутъ. Опричь того, по всѣмъ ямамъ да урочищамъ яицкимъ други—пріятели сидятъ; ежели кличъ кликну,—немалая рать будетъ... А у тебя то, Ивашка, лишь баба да дитя несмышленое, да сабля съ пистолью... Не велика твоя сила да богачество, атаманишко!..

Сжечь хотѣла Марина Юрьевна глумливаго казака взорами гнѣвными, чуть не заспорила съ пересмѣшникомъ, да сдержалась, только сапожкомъ подкованнымъ о землю топнула. Сынъ боязливо прижимался къ ней. Но Заруцкому не въ моготу больше терпѣть было. Побагровѣло лицо его, порывисто вскочилъ онъ съ земли...

— Чѣмъ похваляешься, Треня?!. У меня подъ Москвой шесть десятковъ тысячъ было казаковъ-то, да не чета твоимъ оборванцамъ,—доброконныхъ, исправныхъ... Къ кому со всей Руси выборные люди шли?.. Кто Прокофья Ляпунова избилъ? Кого князь-бояринъ Трубецкой другомъ, товарищемъ звалъ? Про тебя лишь степные станички знаютъ, а со мной самъ король Сигизмундъ послами обсылался.. Да и тебя то съ голытьбой твоей не я-ль въ Астрахань привелъ? Не я-ль васъ жалованьемъ богатымъ дарилъ?... Кто васъ добычей знатной надѣлилъ?.. И на меня-жъ ты теперь зубы точишь, словно волкъ голодный!..

— Эй, Иванъ,—перебилъ его грозно атаманъ,—слыхалъ я, что больно кусаются волки-то наши степные!..

И тоже поднялся Треня Усъ съ земли... Оба уже за сабли держались и другъ-за-другомъ зорко примѣчали, кто первый начнетъ...

— Не боюсь я зубовъ волчьихъ,—молвилъ спѣсиво Заруцкій,— не медвѣдь, небось: не сломишь сразу...

— Эхъ, ты, сабля моя вѣрная,—на распѣвъ приговаривалъ Треня,—пооблѣнилась ты, позаржавѣла... Время тебѣ и погулять малость...

Еще по шагу впередъ сдѣлали гнѣвные атаманы...

— Вотъ-то молодцы разумные!—заговорила бойкой русской рѣчью Марина Юрьевна, ступивши ближе къ нимъ.—Самая пора теперь на сабляхъ биться, удаль показывать... Московцы еще, должно, не очень близко: помѣхой не будутъ. Атаманы сами себя побьютъ, казаковъ разгонятъ... Сыграйте воеводамъ на руку!..

Остановились враги, сабли оставили, хотя все еще не перестали гнѣвными взорами мѣняться. А Марина, посмѣиваючись, еще пуще ихъ корить начала.

— Экіе вы, атаманы, на гнѣвъ да на бой скорые!.. А поразмыслить, умомъ раскинуть, да бѣду избыть, на то васъ не станетъ... Не великъ во мнѣ разумъ женскій—а все-жъ вижу, что лишь въ дружествѣ да согласіи добро для насъ будетъ...Кажись, все мы порѣшили, все обтолковали; до сей поры какъ—никакъ неволи Московской ушли... Схоронились мы въ мѣстѣ укромномъ, только бы коней поболѣе достать, да на Волгу къ Самарѣ перетащиться—а тамъ, сами-жъ говорили, много къ намъ вольницы привалитъ... Сами-жъ хотѣли еще съ воеводами царскими потягаться!?. Анъ, нѣтъ, ссору завели, за сабли взялись, другъ друга замѣстъ московцевъ рубить хотите! Негоже и неразумно чините, атаманы!..

Исподлобья поглядывалъ атаманъ Треня на красавицу, ловилъ ея рѣчи степенныя, переливчатыя, подмѣчалъ взоры ея огневые, сильные. Дивно казалось старому степному станичнику: баба де, а какъ говоритъ разумно; не наслушаешься... За всю свою жизнь буйную, ни въ городахъ низовыхъ, ни въ хуторахъ казачьихъ не встрѣчалъ онъ такихъ... Поглаживалъ онъ свой усъ висячій да только въ ладъ ея рѣчи разумной посапывалъ...

— „Ишь, все до словечушка—правда истинная!—думалъ онъ, чуя, что улегся его гнѣвъ бурный.—Хитра-же ты и сладкорѣчива, женка польская!.. Знать, недаромъ на Москвѣ въ царицахъ сидѣла, да и послѣ сколько лѣтъ всю Русь мутила... Ей бы атаманомъ быть да станичниковъ на бой вести!!..

Иванъ Заруцкій тоже притихъ: понялъ онъ, что сдуру гнѣваться началъ, что одному противу шести сотъ не идти...

— И вправду, Тренюшка бросимъ споры, да попреки. Ничего въ нихъ хорошаго нѣтъ! Лучше помыслимъ сообща, какъ бы намъ, удалымъ соколамъ, снова на просторѣ погулять...

— Быть по твоему,—отвѣтилъ, наконецъ, поразмысливъ, Треня Усъ.—Чуръ, одинъ лишь уговоръ:болѣ вамъ отъ меня не хорониться, отъ стану нашего не уходить... Не то еще что лихое надумаете промежъ себя... Сынка то своего, Марина Юрьевна, ты мнѣ отдай; казаки мои за нимъ доглядятъ, и крѣпче будетъ: безъ него то, чай, не сбѣжишь...

Поблѣднѣла замѣтно Марина; тоскливо взглянула она на своего мальчика, перевела глаза на Заруцкаго. Тотъ стоялъ, не

смущаясь, и слегка ей головой кивалъ: соглашайся де пока, а тамъ видно будетъ...

— Что-жъ,—тихо вымолвила она.—Бери его, да не пугай больно, а то малъ онъ и неразуменъ. Дай-ка я его сама въ станъ сведу...

Повеселѣлъ совсѣмъ отъ этихъ словъ Треня Усъ, рукой тяжелой по плечу ударилъ, и крикнулъ:

— Разумница Марина Юрьевна, не чета инымъ бабамъ, что лишь выть, да причитать привычны... Идемъ въ станъ.

Взобрались они на откосъ песчаный, сквозь густую чащу колючую продираться стали. Марина несла сына на рукахъ; онъ лепеталъ что то, ловилъ рученками листья и вѣтки, осыпавшіе идущихъ холодными, крупными каплями утренней росы. Еще больнѣе сжималось сердце панны Мнишковны при этомъ лепетѣ веселомъ... Вспомнилось ей, какъ буйныя ватаги калужанъ, послѣ того какъ былъ убитъ второй самозванецъ, встрѣчали ее съ новорожденнымъ сыномъ громкими кликами: „многія лѣта царевичу Ивану Дмитріевичу!..“

Только три года тому минуло—а какіе злые дни настали!..

III.

Средя островного лѣса была просторная поляна вырублена и расчищена. На той полянѣ сложила шайка казачья острожекъ-крѣпостцу. Острый, свѣже-вырубленный частоколъ четырьмя стѣнами шелъ; крѣпко связаны были колья толстые зелеными, гибкими вѣтвями, кое-гдѣ въ загородѣ казаки прорубили отдушины невеликія для пальбы пищальной. По угламъ острожка стояли вышки изъ толстыхъ короткихъ обрубковъ, крестъ-на крестъ сложенныхъ. Хоть на-скоро, да крѣпко была сколочена крѣпостца путевая. И ратныхъ людей тамъ не мало было...

Издалека слышалось, какъ трещали, и шипѣли отъ сырости утренней въ острожкѣ костры, какъ гудѣла говоромъ, хохотомъ и криками разноплеменная толпа станичниковъ, сидѣвшихъ и бродившихъ у огней. Виднѣлись шалаши, плетеные изъ сучьевъ, обложенные кучами сухихъ листьевъ и травы. Всякій скарбъ путевой, всякая рухлядь награбленная цѣлыми грудами валялась по становищу. Сайдаки—колчаны со стрѣлами и съ луками-рушницы, пищали, сабли, топоры, сѣкиры, копья, рогатины мѣшались, брошенные безаботными казаками на землю, Струги—большія лодки казачьи, вытащенныя изъ рѣки, лежали тутъ-же вверхъ днищами словно ожидая, когда ихъ засмолятъ и зачинятъ...

Неширокимъ проходомъ вошелъ Треня Усъ съ Заруцкимъ и Мариной въ станъ. Казацкая вольница едва шапки ломала передъ атаманомъ, а на его товарищей никто и не глянулъ. Всѣ были своимъ дѣломъ заняты, одни крупу съ саломъ въ котелкахъ варили, другіе спозаранку уже успѣли зелена винца хлебнуть...

Кажись, въ этомъ буйномъ, оборваномъ сбродѣ не было ватаги одноплеменной, одна на другую похожей. Тамъ сидѣли терскіе казаки; тамъ—смуглые, юркіе донцы; тамъ—чубатые, лѣнивые

— Эхъ, ты, сабля моя вѣрная,—на распѣвъ приговаривалъ Треня,—пообдѣнилась ты, позаржавѣла... Время тебѣ и погулять малость...

Еще по шагу впередъ сдѣлали гнѣвные атаманы...

— Вотъ-то молодцы разумные!—заговорила бойкой русской рѣчью Марина Юрьевна, ступивши ближе къ нимъ.—Самая пора теперь на сабляхъ биться, удаль показывать... Московцы еще, должно, не очень близко: помѣхой не будутъ. Атаманы сами себя побьютъ, казаковъ разгонятъ... Сыграйте воеводамъ на руку!..

Остановились враги, сабли оставили, хотя все еще не перестали гнѣвными взорами мѣняться. А Марина, посмѣиваючись, еще пуще ихъ корить начала.

— Экіе вы, атаманы, на гнѣвъ да на бой скорые!.. А поразмыслить, умомъ раскинуть, да бѣду избыть, на то васъ не станетъ... Не великъ во мнѣ разумъ женскій—а все-жъ вижу, что лишь въ дружествѣ да согласіи добро для насъ будетъ...Кажись, все мы порѣшили, все обтолковали; до сей поры какъ—никакъ неволи Московской ушли... Схоронились мы въ мѣстѣ укромномъ, только бы коней поболѣе достать, да на Волгу къ Самарѣ перетащиться—а тамъ, сами-жъ говорили, много къ намъ вольницы привалитъ... Сами-жъ хотѣли еще съ воеводами царскими потягаться!?. Анъ, нѣтъ, ссору завели, за сабли взялись, другъ друга замѣстъ московцевъ рубить хотите! Негоже и неразумно чините, атаманы!..

Исподлобья поглядывалъ атаманъ Треня на красавицу, ловилъ ея рѣчи степенныя, переливчатыя, подмѣчалъ взоры ея огневые, сильные. Дивно казалось старому степному станичнику: баба де, а какъ говоритъ разумно; не наслушаешься... За всю свою жизнь буйную, ни въ городахъ низовыхъ, ни въ хуторахъ казачьихъ не встрѣчалъ онъ такихъ... Поглаживалъ онъ свой усъ висячій да только въ ладъ ея рѣчи разумной посапывалъ...

— „Ишь, все до словечушка—правда истинная!—думалъ онъ, чуя, что улегся его гнѣвъ бурный.—Хитра-же ты и сладкорѣчива, женка польская!.. Знать, недаромъ на Москвѣ въ царицахъ сидѣла, да и послѣ сколько лѣтъ всю Русь мутила... Ей бы атаманомъ быть да станичниковъ на бой вести!!..

Иванъ Заруцкій тоже притихъ: понялъ онъ, что сдуру гнѣваться началъ, что одному противу шести сотъ не идти...

— И вправду, Тренюшка бросимъ споры, да попреки. Ничего въ нихъ хорошаго нѣтъ! Лучше помыслимъ сообща, какъ бы намъ, удалымъ соколамъ, снова на просторѣ погулять...

— Быть по твоему,—отвѣтилъ, наконецъ, поразмысливъ, Треня Усъ.—Чуръ, одинъ лишь уговоръ: болѣ вамъ отъ меня не хорониться, отъ стану нашего не уходить... Не то еще что лихое надумаете промежъ себя... Сынка то своего, Марина Юрьевна, ты мнѣ отдай; казаки мои за нимъ доглядятъ, и крѣпче будетъ: безъ него то, чай, не сбѣжишь...

Поблѣднѣла замѣтно Марина; тоскливо взглянула она на своего мальчика, перевела глаза на Заруцкаго. Тотъ стоялъ, не

смущаясь, и слегка ей головой кивалъ: соглашайся де пока, а тамъ видно будетъ...

— Что-жъ,—тихо вымолвила она.—Бери его, да не пугай больно, а то малъ онъ и неразуменъ. Дай-ка я его сама въ станъ сведу...

Повеселѣлъ совсѣмъ отъ этихъ словъ Треня Усъ, рукой тяжелой по плечу ударилъ, и крикнулъ:

— Разумница Марина Юрьевна, не чета инымъ бабамъ, что лишь выть, да причитать привычны... Идемъ въ станъ.

Взобрались они на откосъ песчаный, сквозь густую чащу колючую продираться стали. Марина несла сына на рукахъ; онъ лепеталъ что то, ловилъ рученками листья и вѣтки, осыпавшіе идущихъ холодными, крупными каплями утренней росы. Еще больнѣе сжималось сердце панны Мнишковны при этомъ лепетѣ веселомъ... Вспомнилось ей, какъ буйныя ватаги калужанъ, послѣ того какъ былъ убитъ второй самозванецъ, встрѣчали ее съ новорожденнымъ сыномъ громкими кликами: „многія лѣта царевичу Ивану Дмитріевичу!..“

Только три года тому минуло—а какіе злые дни настали!..

III.

Среди островного лѣса была просторная поляна вырублена и расчищена. На той полянѣ сложила шайка казачья острожекъ-крѣпостцу. Острый, свѣже-вырубленный частоколъ четырьмя стѣнами шелъ; крѣпко связаны были колья толстые зелеными, гибкими вѣтвями, кое-гдѣ въ загородѣ казаки прорубили отдушины невеликія для пальбы пищальной. По угламъ острожка стояли вышки изъ толстыхъ короткихъ обрубковъ, крестъ-на крестъ сложенныхъ. Хоть на-скоро, да крѣпко была сколочена крѣпостца путевая. И ратныхъ людей тамъ не мало было...

Издалека слышалось, какъ трещали, и шипѣли отъ сырости утренней въ острожкѣ костры, какъ гудѣла говоромъ, хохотомъ и криками разноплеменная толпа станичниковъ, сидѣвшихъ и бродившихъ у огней. Виднѣлись шалаши, плетеные изъ сучьевъ, обложенные кучами сухихъ листьевъ и травы. Всякій скарбъ путевой, всякая рухлядь награбленная цѣлыми грудами валялась по становищу. Сайдаки—колчаны со стрѣлами и съ луками-рушницы, пищали, сабли, топоры, сѣкиры, копья, рогатины мѣшались, брошенные безаботными казаками на землю, Струги—большія лодки казачьи, вытащенныя изъ рѣки, лежали тутъ-же вверхъ днищами словно ожидая, когда ихъ засмолятъ и зачинятъ...

Неширокимъ проходомъ вошелъ Треня Усъ съ Заруцкимъ и Мариной въ станъ. Казацкая вольница едва шапки ломала передъ атаманомъ, а на его товарищей никто и не глянулъ. Всѣ были своимъ дѣломъ заняты, одни крупу съ саломъ въ котелкахъ варили, другіе спозаранку уже успѣли зелена винца хлебнуть...

Кажись, въ этомъ буйномъ, оборваномъ сбродѣ не было ватаги одноплеменной, одна на другую похожей. Тамъ сидѣли терскіе казаки; тамъ—смуглые, юркіе донцы; тамъ—чубатые, лѣнивые

черкесы—выходцы изъ Малой Руси; тамъ сѣверскіе люди; тамъ—длинноусые угры, лохматые литовцы. Звучала тягучая, плавная великорусская рѣчь, горохомъ сыпалась польская скороговорка, раздавался гортанный ногайскій, татарскій, черемисскій говоръ. Пестрѣла всяческая одежда—отъ бараньяго, татарскаго кожуха, до расшитаго, нарядного польскаго доломана. Отовсюду стекалась эта голытьба на разбойничій Яикъ.

— Гей, атаманъ, куда? Здѣсь привалпвайся—винца хлебни! закричалъ Тренѣ русоволосый крѣпкій донецъ сидѣвшій у яркаго костра, и потрясъ въ рукѣ полную, глиняную баклагу.

Отстань, Верзига,—некогда!—отозвался Треня.

— Иди, атаманъ!—поддержалъ донца сѣдой, краснолицый чернецъ въ грязной, рваной скуфейкѣ.—Дѣло подождетъ...

Звала разбойничья шайка того бродячаго чернеца отцемъ Николаемъ; никому невѣдомо было, изъ какой онъ обители, кѣмъ постриженъ, да и самъ чернецъ объ этомъ помалкивалъ. Много такихъ, какъ онъ, самозванныхъ монаховъ бродило въ смутное время по широкой Руси-матушкѣ. Съ грѣхомъ пополамъ, путаясь, правилъ онъ кое-какія требы, ежели приходилось; да не богомольна была голытьба казачья—не часто своего чернеца принуждала. За то бражничалъ, и буйствовалъ чернецъ Николай вволю.

Остановился атаманъ Треня, поглядѣлъ на Верзигу да на чернеца, и головой покачалъ...

— Хорошъ-же ты есаулъ выходишь, Верзига!—попрекнулъ онъ донца.—Едва лишь ободняло, а ты ужъ за чаркой... чѣмъ-бы за казаками глядѣть, сторожевыхъ поставить—тебѣ лишь гулять охота!.. И кого въ товарищи взялъ!..

Есаулъ бойко на ноги всталъ...

— Что-жъ, я отъ дѣла не отлыниваю, атаманъ. Мигомъ все справлю. Да ты что—московцевъ остерегаешься?.. Такъ то пустое: еще когда, когда воеводы про нашъ станъ провѣдаютъ... И отобьемся мы во всякую пору!

— Не прежніе теперь воеводы... Чай знаешь—на Москвѣ царь есть, а по царскому слову головы да воеводы медлить не станутъ... Въ Астрахани-то, небось, какъ насъ прижали!.. Подтянулъ поясъ есаулъ Верзига, къ казачьимъ кострамъ пошелъ; чернецъ ни слова не молвилъ: атамана боялся.

Дальше, къ шалашамъ, повелъ Треня Заруцкаго да Марину съ сыномъ. У одного шалаша ходилъ сторожевой казакъ съ саблей на-голо.

— Здѣсь твои атаманы, ногайцы сидятъ,—молвилъ атаманъ Заруцкому.—Рядкомъ съ ними вы посидите..

И вправду изъ шалаша выглянули два скуластыхъ татарскихъ лица; но при видѣ Заруцкаго татары заворчали, и заплевались. То были сыновья князя ногайскаго—мурзы Иштерекъ и Джанъ-Арсланъ, которыхъ Иванъ Заруцкій, когда еще Астраханью владѣлъ, взялъ въ атаманы заложники отъ орды нагайской.

— Вотъ хоромы—чисто, княжескія!—съ усмѣшкой сказалъ Треня Усъ, вводя Заруцкаго и Марину въ большой полутемный

шалашъ.—Коли захочешь, Марина Юрьевна, на свѣтъ Божій глянуть, выйди, пройдись... Только чуръ, сына съ собою не брать! На то я стражу поставлю.

Повернулся атаманъ, и вышелъ; новые узники слышали, какъ онъ кликнулъ двухъ казаковъ и наказалъ имъ строго-на-строго ни на шагъ не отходить... Потомъ стихли голоса; лишь отъ костровъ доносились буйный гулъ и дикія пѣсни, да проскальзывалъ межъ нихъ звонкій плескъ недалекой рѣки.

— Сгибли мы!—глухо сказалъ Иванъ Заруцкій, безсильно опускаясь на постилку изъ сухихъ листьевъ.—Провелъ меня Тренька-лукавецъ... Теперь того и гляди—самъ насъ головой москвицамъ выдастъ... Эхъ, конецъ гульбѣ удалой пришелъ...

— А что-жъ, мы такъ свои головы ему и подставимъ, какъ баранъ подъ ножомъ татарскимъ?—молвила насмѣшливо Марина Юрьевна.—Ужели-жъ мы и умомъ не раскинемъ, что-бы ту напасть избыть?.. Бывало ты, атаманъ славный, на вымыслы да увертки тароватъ выходилъ.

— Увернешься тутъ!—злобно засмѣялся Заруцкій.—Кабы я одинъ былъ, а то самъ третей съ жонкой слабой да несмышлёнышемъ малолѣтнимъ... Угораздило же меня съ тобою спознаться на погибель свою!..

— Я тебѣ, атаманъ, не помѣха... А народъ вольный не къ Заруцкому-атаману, а царицѣ Маринѣ да царевичу Ивану подъ стягъ шелъ... Покинь насъ, коли хочешь... Мнѣ твоя помога не нужна; сама выбьюсь...

Гордо сверкнула очами Марина Юрьевна, и сына къ груди крѣпко-крѣпко прижала. Опять хрипло и злобно засмѣялся Заруцкій.

— Кого-жъ ты теперь своей красой чародѣйской прельстить-затуманить норовишь?.. Станичниковъ, что-ль?..

— Про то мнѣ вѣдомо!—коротко отвѣтила Марина.

Оба замолчали... Въ полутемномъ шалашѣ только слышался веселый лепетъ и смѣхъ ребенка. Снаружи сабли сторожевыхъ казаковъ позвякивали; со стороны плѣнныхъ мурзъ доносилась тягучая, жалобная татарская пѣсня. Казачій станъ невдалекѣ все шумѣлъ и буйствовалъ...

Замерла-задумалась Марина. Крѣпко стиснула она свои тонкія властныя уста, по высокому лбу частыя, глубокія морщины пошли.

Неужели конецъ-плѣнъ и муки въ жестокой Москвѣ?!. О, бояре злы на нее, они не дадутъ ей пощады!.. А король, а родные-отецъ, братья? Что они могутъ сдѣлать! Нѣтъ, надо спасаться самой... но какъ, съ кѣмъ, куда?.. Гдѣ тотъ молодой казакъ, который за послѣдніе дни не спускалъ съ нея глазъ? Онъ бы пригодился теперь... Куда онъ пропалъ? Не убили-ли его атаманы?..

Отрывисто и бурно мѣшались безсвязныя мысли въ ея разгоряченной головѣ. Она и не примѣтила, что въ станѣ казаковъ зазвучали отчаянные крики, что гдѣ-то невдалекѣ, съ рѣки громыхнули два-три пищальные выстрѣла...

— Что тамъ стряслось?—промолвилъ, приподымаясь Заруцкій. Раздались еще выстрѣлы; вопли слились въ оглушительный гулъ.

Должно, атаманы повздорили... Эхъ если-бы перерубились межъ собой!.. Съ казаками-то я поладилъ-бы.

Марина, не слушая Заруцкаго, подбѣжала къ выходу и выглянула изъ шалаша. Словно судный день насталъ въ острогѣ разбойничьемъ. Видно было, какъ металась и бросалась изъ стороны въ сторону пестрая, разноплеменная толпа станичниковъ. Сверкали сабли, стволы пищальные; въ смятеніи и въ ужасѣ ревомъ ревѣла обезумѣвшая вольница...

Казаки, что у шалашей на-сторожѣ стояли, тоже, изумясь, вглядывались въ шумѣвшій стакъ.

— Семенко, да никакъ московцы нагрянули!—крикнулъ товарищу одинъ изъ нихъ,—надо развѣдать...

И забывъ объ узникахъ, оба молодца со всѣхъ ногъ побѣжали къ толпѣ, звеня саблями.

— Московцы?—пролепеталъ сзади Марины, дрожа отъ наплыва страха, Иванъ Заруцкій,

Марина обернулась, оттолкнула его, и бросилась къ сыну,

— Скорѣй! скорѣй!—твердила она, подымая ребенка, и закутывая его полою одежды.—Бѣжать!

Прежде чѣмъ атаманъ опомнился, она проскользнула въ выходъ, стремглавъ обогнула шалашъ и скрылась.

— Да что-жъ я то?!.—крикнулъ Заруцкій.—Самая пора голову спасать...

Онъ тоже выбѣжалъ изъ шалаша, повернулъ за него и мигомъ былъ ужъ у плетеной стѣны острога. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ колья были ниже, алѣлъ яркій лоскутъ...

— Ишь ты, какъ она присноровилась черезъ изгородь перебраться, да еще съ мальчепкомъ?..—На бѣгу подивился Маринѣ атаманъ и самъ съ налету перевалившись черезъ изгородь, поспѣшилъ въ самую чащу густого, темнаго лѣса...

Но не тяжелому, неповоротливому, пожилому атаману было догнать быстро мчавшуюся Марину. Она задыхаясь, летѣла сквозь частые, колючіе кусты, по грудамъ сухого, хрустящаго хвороста, по болотистымъ, вязкимъ полянкамъ. Судорожно стиснутыми руками она закрывала лицо сына отъ протягивавшихся навстрѣчу бѣглянкѣ, цѣпкихъ вѣтвей. Онѣ впивались ей въ одежду, вырывая цѣлые клочки дорогой ткани, онѣ сбили съ ея головы соболью шапочку, разметали ея густые, черные волосы. Островной лѣсъ полонъ былъ глухихъ, жуткихъ звуковъ; словно вѣковыя деревья вели межъ собой тайную, угрюмую бесѣду, словно ворчали и гнѣвались на кого-то... Сзади, со стороны стана, все еще долетали вопли, гремѣли изрѣдка выстрѣлы... И тогда еще отчаяннѣе, еще поспѣшнѣе задыхающаяся, исцарапанная женщина рвалась впередъ въ глухія, темныя лѣсныя трущобы...

Наконецъ, какъ будто затихли тревожные отзвуки; вокругъ Марины лишь плылъ и рѣялъ безостановочный лѣсной шорохъ, и шелестъ... Ей ужъ мочи не было бѣжать попрежнему. Боязливо оглядѣвшись, она положила сына на мягкій, желтоватый мохъ, и сѣла рядомъ, тяжело и глубоко дыша.

Никто не узналъ-бы въ этой истерзанной, обезумѣвшей бѣг-

лянкѣ съ дикими остановившимися глазами—самборскую розу; сендомірскую лилію, какъ въ оно время, въ счастливые дни называли красавицу Марину влюбленные, нарядные паны въ родной Польшѣ.

Сынъ Марины, испуганно молчавшій во время дикаго, стремительнаго бѣгства, вдругъ громко и жалобно заплакалъ, мать, въ смертельномъ ужасѣ, бросилась къ нему...

— Молчи, мой Ясь! Молчи, дорогой... Молчи,—казакъ придетъ...

Но ребенокъ не унимался, и заслышавъ о казакѣ, закричалъ еще пронзительнѣй, прижавъ къ глазамъ маленькіе кулачки. Плачъ его громко и отчаянно разливался по шепчущей, смутно рокочущей лѣсной чащѣ...

— Матерь Божія!—въ отчаяніи застонала Марина.—Вдругъ кто нибудь услышитъ... Насъ найдутъ!..

Она порывисто прижала сына къ груди, заглушая его рыданія и вопли и оглядываясь кругомъ съ блѣднымъ, помертвѣвшимъ лицомъ...

И правда—гдѣ-то невдалекѣ затрещали сухія вѣтви... Звѣрь-ли то пробирался къ рѣкѣ, врагъ-ли прокрадывался къ беззащитной бѣглянкѣ?.. Марина замерла, прислушиваясь; у нея не хватало уже силъ встать, спрятаться гдѣ-нибудь. Приближающійся трескъ острой болью отдавался въ ея сжавшемся сердцѣ. Явственно послышались шаги, но не со стороны разбойничьяго стана.

Загремѣла сабля, показалась красноверхая казачья шапка. Изъ чащи выбѣжалъ молодой казакъ. Не сразу узнала въ немъ Марина недавняго знакомца—Гришку Елизарова. Словно обороняясь отъ удара, протянула она впередъ руки, и крикнула:

Не тронь!..

— Что ты, Марина Юрьевна? Аль не признала? Холопъ твой вѣрный Гришка Елизаровъ челомъ бьетъ,—вели службу сослужить, вели за тебя сложить буйную голову...

Насилу опомнилась бѣглянка; отъ удачи неожиданной радостно блеснули глаза ея...

— Теперь признала тебя, добрый молодецъ. Въ пору ты пришелъ... Помоги мнѣ съ дитятею малолѣтнимъ—крѣпкое тебѣ спасибо скажу, и не обдѣлю наградой щедрой...

Не изъ корысти я, Марина Юрьевна... началъ было казакъ, да осѣкся, рѣчь оборвалъ...

Сквозь черно-бурый загаръ его будто алый румянецъ проступилъ. Зоркимъ взглядомъ окинула Гришку бѣглянка, и мигомъ смекнула, что въ его душѣ молодой, въ сердцѣ горячемъ творилось. Смогла еще она подарить его улыбкою привѣтной отъ которой пуще затрепетало сердце молодца.

Инъ, быть по твоему,—молвила она.—Не холопомъ ты мнѣ будешь, а другомъ вѣрнымъ. Раскинь-же умомъ, молодецъ, какъ намъ отъ неволи злой, отъ смерти лютой убѣжать? Чай, московцы казаковъ одолѣли?..

— Словно-бы такъ... Пальбы-то не слыхать ужъ... Надобно, Марина Юрьевна, до поры до времени схорониться; чай, сейчасъ по лѣсу поиски пойдутъ...

Повелъ казакъ бѣглянку въ самую гущу лѣсную, высмотрѣлъ

мѣстечко укромное за старымъ дупломъ корявымъ натаскалъ сучьевъ сухихъ, ломья всякаго, моху, и такъ закрылъ заложилъ, что со стороны ничего непримѣтно было. Самъ же Гришка опасливо къ стану казачьему пошелъ—поразвѣдать, что-де тамъ творится...

Укрыла Марина ребенка потеплѣе, затихъ онъ, задремалъ. Отдохнула совсѣмъ и сама бѣглянка, въ душѣ надежда, словно звѣздочка свѣтлая, затеплилась. Можетъ, бѣда мимо пройдетъ; можетъ, еще удастся съ тѣмъ казакомъ-молодцемъ до Польши родимой добраться... А тамъ опять помогутъ ей войнолюбивые паны... Что еще впереди будетъ—невѣдомо... Тогда тоже не гадали...

Вдругъ вздрогнула Марина: затрещалъ хворостъ... Не одинъ, а два иль три человѣка по-лѣсу бѣжали. Затаила она дыханье...

— Треня! А, Треня?..—услышала она чей-то знакомый, грубый голосъ.—Не найти намъ Маринку съ сынишкомъ...

— Что-жъ будетъ?—отвѣчалъ атаманъ Усъ.—Вѣдь вздернутъ насъ московцы, не жалѣючи... Бѣда, Верзига!..

— Полно пустое городить, атаманъ... Ужъ ли мы живыми въ руки московцамъ дадимся?... Чай, рѣка подъ-бокомъ: нырнулъ, поплылъ, а тамъ ищи по зарослямъ! Тамъ, въ стану, стрѣльцамъ казаковъ-то хватитъ...

— И то правда! Исполать тебѣ, есаулище... Ну, разомъ валяй, не мѣшкаючи!.. И куда то чародѣйка ляшская запропала?!...

Кончилась спѣшная бесѣда разбойничья. Словно вепри дикіе, ломая кусты и деревья, бросились атаманъ съ есауломъ въ сторону, къ рѣкѣ...

Вся затрепетала Марина въ своемъ убѣжищѣ укромномъ... Значитъ, ищутъ ея казаки; чтобы отъ петли спастись, хотятъ ее московцамъ выдать!... А гдѣ-же тотъ казакъ молодой? Почему не идетъ? Вдругъ ее найдутъ, схватятъ... Мятерь Божія!... Бѣглянка шептала слова латинскихъ молитвъ, давала обѣтъ за обѣтомъ Іисусу Христу, Богоматери, святымъ...

Между тѣмъ островной лѣсъ словно ожилъ: изъ края въ край разлилась громкая перекличка грубыхъ, хриплыхъ голосовъ.

Несмотря на смертельную тревогу, Марина вспомнила такіе-же крики въ родномъ самборскомъ лѣсу, когда хлопы-загонщики гнали стаи дичи на пановъ и паненокъ въ блестящихъ охотничьихъ нарядахъ... Но воспоминаніе мгновенно улетѣло... Ужасъ все росъ и росъ...

То по-двое и по-трое, то цѣлыми толпами разсыпалась казацкая вольница по-лѣсу съ гикомъ, съ ауканьемъ. Каждое дупло, каждый кустикъ обшаривали станичники и громко гнѣвались, что не находили бѣглянки...

Вотъ ужъ ясно слышны стали ихъ крики и проклятія...

— Ищите, братцы-казаченьки, ищите!... Стрѣльцы-то треклятые мало времени ждать посулили. Мигомъ нагрянутъ...

— Сыщемъ-ли? Вишь, вѣдунья она, Маринка-то... Съ Москвы-то, изъ палатъ царскихъ-сказываютъ—совой обернулась, да улетѣла... Только и видѣли ее...

— И то правда, боязно искать-то ее... Глаза отведетъ...

— Не робѣй, казаченьки. Обшаривайте кусты—найдемъ!...

Въ самыхъ ближайшихъ зарosляхъ затрещали подъ тяжелыми шагами кусты и хворостъ. Сквозь густыя вѣтви, закрывавшія бѣглянку, видно уже было поблескиваніе сабель и рогатинъ въ рукахъ буйныхъ станичниковъ. Иногда до Марины даже доносилось ихъ шумное, поспѣшное дыханіе.

Марина уже не молилась, не шептала; она вся помертвѣла, похоладѣла отъ ужаса... Какъ разъ въ это время гулъ грубыхъ голосовъ разбудилъ дремавшаго ребенка. Онъ зашевелился, и слабо пискнулъ... Мать торопливо зажала ему ротъ, но онъ вскрикнулъ еще и еще...

„Конецъ!“ — подумала Марина...

Вдругъ сзади послышались новые, буйные, веселые крики; зазвенѣли сабли о сабли... Что это?!...

— Братцы! Ивашка Заруцкій здѣсь! Лови его!...

— Держи его, держи! На помогу, казаки!..

Вся толпа хлынула на эти крики... Маринѣ послышался голосъ атамана Заруцкаго, бѣшеный, сдавленный, хриплый... Но онъ черезъ мигъ оборвался на жалобномъ воплѣ... Одна толпа казачья ревѣла гулко и радостно:

— Вяжи! вяжи! Попался, злодѣй!...

А буйная ватага стала отходить все дальше и дальше. „Матерь Божья, ужели мы спасены!“ — прошептала, сама не вѣря себѣ, Марина, и слегка приподнялась—взглянуть—уходятъ-ли казаки. Ребенокъ, сдерживавшій до тѣхъ поръ, испуганныя рыданія, схватился за мать, и пронзительно заплакалъ; Марина не успѣла заглушить его крикъ...

— Кто тутъ? Куда забрались?...

Отставшій отъ толпы дюжій, сѣдоусый казакъ бросился со всѣхъ ногъ къ дупლу на крикъ. Онъ отшвырнулъ ногой наваленныя вѣтки—и самъ диву дался: вонъ гдѣ схоронилась чародѣйка ляшская съ сыномъ своимъ!...

— Поспѣшайте, казаченьки! Нашелъ Маринку-то... И дѣтище съ ней... Держи ихъ, братцы!...

Черной, гульливой ватагою привалила на зовъ яицкая вольница. Сотни грязныхъ, сильныхъ рукъ потянулись къ бѣглянкѣ. Радуясь удачѣ, начали казаки шутить-смѣяться...

— Ладно хорониться, Марина Юрьевна!

— Тебя давно ужъ головы стрѣлецкіе ждутъ-поджидаютъ...

— Сбирайся въ путь-дорогу дальнюю!...

Не чуяла и не слышала дочь воеводы сендомірскаго, какъ схватили ее, словно клещами, дюжія руки казацкія, какъ тонкіе ремни сыромятные впились въ ея холеное тѣло, какъ повлекли ее станичники съ хохотомъ, да прибаутками черезъ колючую чащу...

Очнулась бѣглянка уже на островномъ берегу отлогомъ, куда вытащены были струги стрѣлецкіе. Рать московская въ строю стояла — впереди молодцы съ огненнымъ боемъ, съ пищалями да мушкетами, назади — съ копьями да бердышами. Въ сторонѣ весело шумѣли станичники яицкіе. Понуривъ голову, подъ крѣпкой

стражей, стоялъ атаманъ Заруцкій, рядомъ — чернецъ Николай, туго связанный.

Его тоже взяли: что-де за монахъ разбойничій?...

Старшій голова Гордѣй Пальчиковъ сумрачно оглядѣлъ взятыхъ кромѣшниковъ и промолвилъ зычнымъ голосомъ:

— Пойманы вы, Ивашка Заруцкій, да Марина дочь Мнишкова, по указу царя-государя Михаила Өеодоровича и думы боярской. И вамъ теперь супротивства не чинить подъ карой великой!...

Оглянулась Марина на сына своего. Бородатый стрѣлецъ несъ его къ стругамъ. Ни слезинки не выронила она, и пошла за своими стражами угрюмыми...

IV.

Цѣлый годъ пролетѣлъ надъ дикимъ, пустыннымъ Яикомъ...

Въ забытомъ, глухомъ краю все оставалось по старому. Такъ-же журчали по зарослямъ и тростникамъ быстропѣнныя, холодныя струйки, такъ-же цѣлыми стаями выпархивали съ тихихъ заводей дикія птицы; такъ-же шумѣлъ и гудѣлъ темно-зеленый, сумрачный лѣсъ. Развѣ только прибавилось на отлогихъ мѣстами берегахъ съ пятокъ новыхъ рыбачьихъ избенокъ.

Неподалеку отъ Медвѣжьяго острова тоже стояла такая избенка, видно, всего мѣсяца два, какъ срубленная. Возлѣ, на пескѣ береговомъ лежали два челнока большихъ; на кольяхъ были сѣти, багры и всякая снасть развѣшаны—все, безъ чего добрый рыбакъ, какъ безъ рукъ...

Та изба была Гришки Елизарова. Привалило ему счастье-удача: многимъ онъ поживился въ разметанномъ московцами стану разбойничьемъ, и съ той добычи богатѣть пошелъ...

Подъ вечеръ сидѣлъ Гришка на бережку близь избы своей съ новымъ батракомъ-подручнымъ, что нанялся къ нему лишь позавчера. Два дня ужъ рыбачилъ казакъ съ новымъ товарищемъ, и все на него искоса поглядывалъ; думалось ему: что-де за лицо такое знакомое? гдѣ я молодца видалъ?...

Трещалъ костеръ, кипѣло въ котлѣ варево рыбное...

— А что, Михейко,—молвилъ Гришка,—сдается мнѣ, славно-бы я тебя не впервой вижу?...

— Да и я, кажись, встрѣчалъ тебя,—отозвался батракъ.

— Гдѣ-жъ-бы это? Доселѣ-то по какимъ мѣстамъ ты пробавлялся? Рыбачилъ тоже, аль какъ по иному?...

— А доселѣ былъ я на службѣ царской, въ стрѣльцахъ астраханскихъ, — малость спѣсиво отвѣтилъ Михейко. — Да за вину нѣкую опалился на меня голова, наровилъ батогами избить. Я умомъ раскинулъ, плюнулъ, да на вольную волюшку сбѣжалъ.

— Стой!—закричалъ вдругъ Гришка.—Да никакъ ты въ той рати былъ, что острогъ разбойничій на острову Медвѣжьемъ добывала? Вотъ гдѣ видалъ-то я тебя...

— Мало того, что съ головами Пальчиковымъ да Онучинымъ подъ тѣмъ острогомъ былъ, а и послѣ того злодѣевъ-кромѣшниковъ до самой Москвы съ другими стрѣльцами везъ...

— До Москвы? — спросилъ Гришка, встрепенувшись. — И вѣдомо тебѣ, что съ ними сталось?

— Все вѣдомо,—буркнулъ былой стрѣлецъ.—Никого изъ тѣхъ злодѣевъ теперь на бѣломъ свѣтѣ нѣтъ...

— Исказнили, чтоль? — глухо сказалъ Гришка. — И Заруцкаго, и Марину Юрьевну?...

— Юрьевной зоветъ! — съ усмѣшкою молвилъ Михейко. — Злодѣйка, да чародѣйка Маринка — вотъ она кто!... Везли-то ихъ до Москвы головы Баимъ Голчинъ да Михайло Соловцовъ...

И былъ имъ отъ боярина-воеводы князя Одоевскаго такой непреложный наказъ данъ...

Откашлялся Михейко, пріосанился, и сталъ на память, какъ по грамотѣ писаной, истово читать:

— „Михайлѣ да Баиму везти Маринку съ сыномъ и Ивашка Заруцкаго съ великимъ береженьемъ, скованныхъ, и станомъ ставиться осторожливо, чтобы на нихъ воровскіе люди не пришли. А буде на нихъ придутъ откуда воровскіе люди, а имъ будутъ они не подъ силу — и Михайлѣ и Баиму тогда Маринку съ сынишкомъ и Ивашка Заруцкаго побити до смерти, чтобъ ихъ воры живыхъ не отбили“... Всѣмъ намъ тотъ наказъ по многу разъ читывали, — добавилъ Михейко.

— Что-жъ, безъ помѣхи довезли? — спросилъ Гришка.

— Безъ помѣхи... Въ селахъ да городахъ дюже много народу православнаго навстрѣчу сбиралось. Каковы-де тѣ воры-злодѣи, что столько лѣтъ Русь мутили?... Дивились на нихъ не мало... Разгонять надо было... Ивашка Заруцкій, словно звѣрь дикій, во весь-то путь зубами щелкалъ, гнѣвался...

А та... Марина-то? Небось, кручинилась, жалобилась, да слезы лила?... Чай, немилостиво обходились съ ней головы-то? Словно робѣючи, спросилъ про Марину Гришка...

— Нѣтъ, не жалобилась... Во всю дорогу ни словечушка не промолвила. Сидитъ-себѣ въ возкѣ бѣлымъ-бѣлая, словно снѣгъ; что велятъ-дѣлаетъ. Только сынишку съ рукъ не спускала, все лелѣяла... Въ томъ ей головы не перечили...

А что-жъ на Москвѣ? — снова спросилъ Гришка товарища, видя, что умолкъ тотъ.

— На Москвѣ-то ихъ живо порѣшили... Ивашку Заруцкаго на полѣ, что за Серпуховскими воротами, на-колъ посадили... Сынишка Маринкина, чтобы впредь землѣ соблазну не было, тоже казнили...

— А ее?...

— Злодѣйку-Маринку въ монастырь посадили, за стражу крѣпкую. Тамъ она, черезъ мѣсяцъ али два,—толковали—померла...

— Померла? — глухо вымолвилъ Гришка...

Журчали струйки быстраго Яика, шумѣли заросли камышевыя; костеръ на бережку гулко потрескивалъ. Темнѣло. Свѣтлыя звѣздочки замигали на небѣ. Надъ лѣсомъ красное зарево мѣсяца разлилось...

— Ахъ, Марина Юрьевна!—прошепталъ Гришка Елизаровъ.— Горькая твоя долюшка! Хотѣлъ я тебя вызволить, да, видно, ужъ такъ тебѣ на роду написано было...

Вл. Лебедевъ.

Къ характеристикѣ Н. А. Полевого.

Среди бумагъ А. А. Краевскаго, хранящихся въ императорской публичной библіотекѣ, есть цѣлый рядъ писемъ Николая Алексѣевича Полевого, съигравшаго очень видную роль въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Что-бы тамъ ни говорили современные ему критики и его недоброжелатели, но Полевой безусловно свѣтлое и отрадное явленіе въ исторіи нашей культуры. Нападавшій на него при жизни Бѣлинскій въ теплой и горячей статьѣ воздалъ ему должное послѣ его смерти. Чернышевскій окончательно реабилитировалъ его въ своихъ „Очеркахъ гоголевскаго періода“ и, если дурная слава о Полевомъ продолжаетъ еще существовать до сихъ поръ, то лишь потому, что все дурное очень живуче. Печатаемыя нами письма представляютъ несомнѣнное значеніе для характеристики Полевого, къ сожалѣнію никѣмъ еще спеціально не сдѣланной. Правда, ничего особенно новаго, никакихъ новыхъ фактовъ для біографіи Полевого въ нихъ нѣтъ. Но они даютъ цѣлый рядъ штриховъ, при помощи которыхъ можно ярче оттѣнить нѣкоторыя блѣдныя черты въ литературномъ портретѣ Полевого и, благодаря имъ, въ характеристикѣ этого литератора мученика останется меньше спорныхъ пунктовъ. Письма эти, относящіяся ко времени съ 1828—1845 годы, охватываютъ собой два совершенно противуположныхъ періода въ жизни Полевого. Въ первыхъ письмахъ передъ нами энергичный, стоящій во главѣ культурнаго движенія, врагъ классицизма, издатель лучшаго журнала „Моск. Телегр“. Въ послѣднихъ—вы видите уже передъ собой человѣка больного, выбитаго изъ колеи, попавшаго въ батраки къ Краевскому. И, тѣмъ не менѣе, онъ изо всѣхъ силъ работаетъ, хлопочетъ въ цензурѣ, весь поглощенъ дорогимъ для него журнальнымъ дѣломъ и, съ чисто юношеской искренностью, негодуетъ на „отвратительное лицемѣрство просвѣщеніемъ“...

Если вы развернете „Записки“ Кс. Полевого, именно тѣ страницы, на которыхъ напечатаны подлинныя письма Н. А. Полевого,—вы еще болѣе удивитесь энергіи этого журналиста. 1845 г., конецъ этого года, былъ ужасной, жестокой агоніей. Физическія и нравственныя страданія, пережитыя Полевымъ за это время, не поддаются описанію. И тѣмъ не менѣе онъ ни на минуту не переставалъ работать, не покидалъ мысли о журнальной дѣятель-

ности. „Умру въ бою“, говорилъ онъ, „и дѣлай люди, что имъ угодно“. Это была не фраза. Полевой, дѣйствительно, всю свою жизнь боролся, бился, честно работалъ. Тѣнь, наброшенная на его дѣятельность недоброжелателями—современниками, все болѣе и болѣе разсѣевается, и, быть можетъ, скоро уже совершенно исчезнетъ. Пора бы ужъ дать всестороннюю характеристику Н. А. Полевого. Извлекаемыя нами письма лишній разъ напомнятъ объ этомъ крупномъ пробѣлѣ.

В. Г. Анастасевичу.

Москва
29 Ноября 1827 г.

Милостивый Государь
Василій Григорьевичъ!

Вручитель сего письма, почтенный другъ мой, и извѣстный Вамъ Малевскій [1]), да будетъ оправдателемъ моимъ въ томъ, что я до сихъ поръ, съ самаго отъѣзда моего изъ Петербурга, не писалъ къ вамъ и не засвидѣтельствовалъ письменно того чувства глубокаго почтенія, какое внушило мнѣ личное знакомство съ Вами. Не причтите этого, М. Г—дарь, изъ вѣтренности или забывчивости. На меня по пріѣздѣ обрушилась такая куча заботъ и трудовъ и, между прочимъ, и досадъ, что истинно я не находилъ ни времени, ни духу посвятить себя бесѣдѣ съ Вами, ибо не хотѣлъ предстать къ Вамъ недовольный собою или другими. Надѣюсь, что вы простите меня и не почтя молчаніе мое виною, продолжите лестное для меня благорасположеніе ваше.

Въ надеждѣ на сіе, осмѣливаюсь препроводить къ Вамъ признакъ новаго рожденія литературнаго чада моего и просить васъ къ нему продолжить вниманіе ваше. Мнѣ совѣстно также и предъ Его Превосходительствомъ, барономъ Густавомъ Андреевичемъ [2]), но что дѣлать? Признаюсь, что меня сильно оскорбила и опечалила петербургская моя поѣздка. Могъ я ожидать отказа, но не такого отзыва, какой получилъ. Признаться-ли во всемъ? Дорогой я такъ хандрилъ, что рѣшился было совсѣмъ бросить всѣ мои литературныя занятія, но видъ семейства отогрѣлъ меня, а уединеніе примирило опять со всѣмъ окружающимъ. Могу сказать, что теперь съ усиленными напряженіями налегъ я на мои труды. Готовлю многое. Одно изъ главныхъ, конечно, обязанность моя передъ публикою, съ новаго года, принимаемая еще *съ барышкомъ* (курсивъ Полевого), какъ говаривалъ Козицкій [3]). Но и другихъ занятій у меня не мало. На сихъ дняхъ, думаю, кончу эти статьи для трудовъ Общества нашего, которыя будутъ началомъ изслѣдованій моихъ о Несторовой лѣтописи. Первая статья о времени

---

[1]) Другъ Мицкевича.

[2]) Бар. Густ. Андр. Розенкампфъ, авторъ изслѣдованія „Обозрѣніе кормчей книги“.

[3]) Козицкій, издатель журнала „Всякая Всячина“, выпустившій въ 1770 г. „Барышокъ Всякой Всячины“. Примѣч. А. І. Лященко.

жизни Нестора, вторая о лѣтосчисленіи въ его лѣтописи, третья о Волохахъ.

Желательно бы мнѣ было слышать, что вы при помощи Божіей находитесь здравы и благоденственны; если занятія Ваши дадутъ вамъ досугъ порадовать меня нѣсколькими строчками, изъ этого усмотрю, что вы забыли вину мою.

Не обременяю васъ новостями здѣшними, ибо не нахожу ихъ слишкомъ занимательными. Публика здѣсь изумляется появленіямъ журналовъ, какъ года за два изумлялись толпѣ альманаховъ. Думаю. что предпріятія мои новыя заслужатъ ваше одобреніе: *одно* изъ нихъ новое прибавленіе къ „Телеграфу“, для нашихъ художниковъ и ремесленниковъ, и за самую дешевую цѣну предназначаемое, *другое*—открытіе конторы „Телеграфа“ съ комиссіонерскою продажею книгъ и пособіями авторамъ въ изданіи книгъ полезныхъ; за это сердятся на меня здѣшніе книгопродавцы, но кажется, хвалитъ публика. Уже нѣсколько книгъ приготовляется переводомъ, изъ коихъ наименую вамъ Лелевелеву польскую исторію и Ѳукидида, переводимаго съ подлинника [4]). Если чистота намѣреній моихъ достойна успѣха, то осмѣливаюсь думать, что успѣхъ увѣнчаетъ ихъ.

Затѣмъ, милостивый г—дарь, пожелавъ вамъ всего добраго, съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью, вашъ всегда

покорнѣйшій слуга

Н. Полевой.

В. Г. Анастасевичу. 1828 г. Марта [ок. 19].

Милостивый Государь
Василій Григорьевичъ!

Мнѣ всегда приходится начинать свои письма извиненіями въ неписаньѣ, и начинать ихъ такимъ особамъ, коихъ сердечно люблю и уважаю. Что мнѣ дѣлать? Горе, когда подумаю, что по неписанью моему могутъ заключить о чувствахъ сердца моего! Вотъ мѣсяца съ два, какъ собираюсь и—повѣрьте честному слову—каждую почту, писать къ истинно уважаемому мною Вас. Григ.—и едва собрался теперь, а то когда и какъ-что немного заговорясь, могу пропустить и эту почту: она просто выйдетъ изъ терпѣнія и, недождавшись конца моего посланія, уйдетъ. Вините и браните. Не буду оправдываться ни дѣлами, ни недосугами, и напередъ объявляю вамъ, почтеннѣйшій Вас. Григ., что это была бы неправда. Вѣрно то, что я занятъ, очень занятъ множествомъ заботъ и дѣлъ, не только журнальныхъ, но всякихъ; но могъ бы удѣлить часъ въ недѣлю на написаніе полулисточка бумаги. Думаю, что нелюбовь моя къ письмамъ происходитъ главнѣйше отъ двухъ причинъ—*1-хъ отъ впечатлѣній дѣтства* (курс. Полев.); едва

[4]) Противъ этого мѣста карандашомъ на поляхъ написано «Дашкевичъ».

началъ я писать склады, какъ меня заставляли писать письма и много; въ юности, занимаясь коммерческими дѣлами, я принужденъ бывалъ писать множество писемъ, по чужимъ дѣламъ, и неприносящія отрады ни уму ни сердцу.—2-хъ отъ того, *что я очень говорливъ.* Письмо жметъ меня, заставляя коротать бесѣду. Мнѣ все кажется, что наполнить страничку словами: *здравствуйте—прощайте—здоровъ—* значитъ исполнить только долгъ приличія, а не подѣлиться бесѣдою съ тѣмъ, кого любишь и уважаешь. Отъ того откладываешь, откладываешь, а время летитъ, не ждетъ, и мнѣ случалось прерывать переписку единственно отъ того, что послѣ полугодового молчанія совѣстно начинать писать. Вотъ моя искренняя вамъ исповѣдь! Вы посовѣтуете *исправиться*; но, ахъ! какъ трудно исправляться, когда закоснѣлъ въ порокѣ до 32-хъ лѣтъ. По крайней мѣрѣ не вергните камня въ кающагося вамъ. Я виноватъ, столько-же какъ передъ вами, передъ незабвеннымъ барономъ Г. А., человѣкомъ по сердцу моему, у котораго подъ сѣдинами сердце юноши и умъ мужа.

По крайней мѣрѣ теперь отправился къ вамъ въ СПбургъ представитель мой, который увѣритъ васъ въ неизмѣнности, единожды навсегда, укорененной въ сердцѣ моемъ, привязанности къ вамъ, почтенному нашему барону и супругѣ его. Не знаю какъ, въ умѣ моемъ нераздѣльно ваше общество, почтеннѣйшій Василій Григорьевичъ, гдѣ превелъ я, въ послѣднее пребываніе мое въ СПбургѣ, лучшіе часы жизни, въ бесѣдѣ, всегда для меня незабвенной. Представитель, о коемъ говорю, есть братъ мой, другъ и сопутникъ всѣхъ до нынѣ радостей и горестей жизни моей, Ксенофонтъ [5]), юноша, котораго позвольте вамъ представить съ просьбою, что если вы любите меня, наградите и его вашею любовью. Этотъ человѣкъ съ головой и сердцемъ, добрымъ чистымъ и незнакомымъ еще съ свѣтомъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы, кромѣ исправленія кой какихъ дѣлъ, онъ главнѣйше посмотрѣлъ Петербургъ, гдѣ донынѣ еще никогда не бывалъ. Одно изъ первыхъ его посѣщеній будетъ къ вамъ. Послѣ поѣздки его въ СПбургъ, думаю отправить его въ Европу.—Мысль: быть полезнымъ моему семейству, сколько могу, есть одна изъ главныхъ моихъ мыслей; я живу счастіемъ семейства, и каждый день благодарю Бога, что онъ окружилъ меня людьми, которыхъ я не постыжусь. Жизнь моя теперь совершенно опредѣлена. Тихое наслажденіе патріархальною семейственною жизнью; ей досуги и работа, которая веселитъ, миритъ меня съ людьми, заставляетъ мечтать, что вѣкъ мой будетъ не совсѣмъ безполезно проведенъ, вотъ весь мой бытъ! И я принадлежу къ тѣмъ счастливцамъ, которые просятъ Бога, чтобы онъ только не лишалъ ихъ того, что у нихъ есть и ничего болѣе не просятъ!

Я заговорился о себѣ, простите! Первымъ словомъ послѣ этого поставляю благодарность вамъ за два письма ваши отъ 6 Дек. и 3 Февраля. Ваше, смѣю сказать, дружеское участіе во мнѣ радуетъ меня и исполняетъ чувствомъ благодарности. Присылкой

---

[5]) Кс. А. Полевой.

статьи изъ „Варшавской газеты" вы меня одолжили, потому что я совсѣмъ не знаю, что пишется въ Польшѣ. Помѣстить сію статью въ „Телеграфѣ" я не могъ безъ предварительнаго съ вами сношенія. Признаюсь вамъ, что я не только не убѣжденъ словами польскаго рецензента, но смѣю думать, что если всѣ докательства въ пользу классицизма такъ слабы, то побѣда надъ нимъ не трудна. Будучи отъявленнымъ поборникомъ романтизма, я не могу напечатать статьи безъ примѣчаній. Разумѣется, что въ нихъ не будетъ ни малѣйшей желчи; позволите-ли вы ихъ мнѣ сдѣлать? Жду разрѣшенія вашего.—Статья эта опять возобновила у меня помышленіе о томъ, что какъ жаль, что мы не знаемъ ничего, выходящаго въ Польшѣ. Неужели нѣтъ никакихъ средствъ намъ поблизиться сколько нибудь съ Польшею?—Никогда не чувствовалъ я потери нашей въ семъ случаѣ такъ живо, какъ читая „Валленрода". Какое дарованіе! Какая сила таланта въ этомъ превосходномъ произведеніи [6]).

И. М. Снегиреву.

15 Окт. 1833 г. (День Св. Евфимія Новаго — признакъ хорошій).

Почтеннѣйшій
Иванъ Михайловичъ!

Рекомендуя себя, яко больного паціента, попеченію вашему, честь имѣю препроводить листы V-го тома моего чада, „Исторіи русскаго народа", и для соображенія матеріи полагаю нужнымъ приложить послѣдній изъ прочитанныхъ незабвеннымъ И. А. [7]) листовъ. Нетребую милости, почтенный сосѣдъ, будьте только справедливы, и забудьте при исполненіи должности старую пріязнь. Ваша совѣсть да будетъ вашею ко мнѣ дружбою!

По близости житья моего къ вамъ всѣ листы „Телеграфа", „Исторіи" и „Вивліоѳики" будутъ доставлены къ вамъ отъ меня и мой служитель будетъ приходить, какъ вы будете назначать, для полученія оныхъ обратно. Если-же Вамъ угодно будетъ прислать ихъ съ своимъ человѣкомъ, то благоволите присылать ко мнѣ, ибо такъ уговорились мы съ братомъ, который хоть и полный редакторъ „Телеграфа", но по праву старшаго брата, позволяетъ мнѣ хозяйничать безпрекословно: да и оффиціально не облеченъ еще такимъ достоинствомъ публичнаго человѣка.

Съ соверш. почтеніемъ честь имѣю пребыть

Вашъ усердный и преданный Н. П.

---

[6]) Письмо это не окончено и, вѣроятно, представляетъ собой первоначальный набросокъ. Для характеристики Полевого оно, даже въ отрывкѣ, представляетъ большой интересъ.

[7]) Незабвенный И. А.—Иванъ Алексѣевичъ Двигубскій, цензоръ, проф. моск. универс., вышедшій въ отставку въ 1883 г.

И. М. Снегиреву.

Москва,
1833 г. 30 Ноября.

Милостивый Государь
Иванъ Михайловичъ!

Съ благодарностью получилъ я рукопись, присланную къ вамъ отъ Его Высокопреосвященства митрополита Евгенія, съ изъявленіемъ желанія, чтобы рукопись сія, содержащая въ себѣ „*Житіе св. князей Бориса и Глѣба*“, была напечатана въ „Вивліоѳикѣ“, мною издаваемой. Желаніе почтеннаго архипастыря почитаю приказаніемъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю пребыть, вашъ милостивый государь, покорнѣйшій слуга

Н. Полевой.

А. А. Краевскому.

Москва,
1835 г. 30 Ноября.

Милостивый Государь
Андрей Александровичъ!

Съ особеннымъ удовольствіемъ вспомнилъ обязательную пріязнь, какой удостоили вы меня въ Москвѣ, въ бытность вашу, помню и то ласковое приглашеніе, съ какимъ обѣщали вы, милостивый государь, оказывать покровительство ваше, если найдется у меня что-либо пригодное для помѣщенія въ „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія“. До сихъ поръ не собрался и самъ приняться за что нибудь достойное подобнаго вниманія, а между тѣмъ мой добрый родственникъ, Иванъ Ивановичъ Бесомыкинъ [8]), — котораго позвольте рекомендовать вамъ, какъ дѣльнаго и истинно полезными трудами занимающагося литератора, — принялся за составленіе нѣсколькихъ статей, и онѣ, кажутся мнѣ, хорошо обдуманными: бывши нѣсколько лѣтъ наставникомъ въ Дамскомъ Ревельскомъ училищѣ, и теперь находясь начальникомъ вновь заведеннаго здѣсь мѣщанскаго училища, г-нъ Бесомыкинъ хочетъ изложить мнѣнія свои о практической педагогіи; я прочиталъ первую статью и думаю, что помѣщеніе такихъ статей въ вашемъ журналѣ будетъ тѣмъ приличнѣе, что вопросы въ ней объясняемые, обращаютъ теперь на себя общее и особенное вниманіе правительства. Поэтому, препровождая къ вамъ первую статью г-на Бесомыкина, покорно прошу удѣлить ей мѣстечко въ „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія“; вы одолжите этимъ меня и поощрите къ трудамъ автора, достойнаго всякаго одобренія, по его нравственнымъ и ученымъ способностямъ.

---

[8]) Зять Полевого. Былъ женатъ на его младшей сестрѣ Е. А. Полевой. Статья его напечатана въ „Журн. М. Нар. Пр.“, ч. IX, ст. 236, подъ заглавіемъ „Очеркъ педагогическихъ началъ“.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью имѣю честь пребыть вашъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга.

Н. Полевой.

Записка въ книжн. магазинъ Ольхина. Спб., 1843 г. 6 Іюля.

Посылая при семъ съ сыномъ моимъ Владиміромъ листъ рукописи романа г-на Булгарина, прошу г-на Теряева (*умнаго*, что уже напечатано въ „Сѣверной Пчелѣ", и отъ чего уже нельзя ему отпереться) вручить рѣченному Владиміру *сто рублей*, въ чемъ и дастъ онъ вмѣсто меня росписку, а я ему вѣрю, и спорить и прекословить не буду.

Н. Полевой.

А. А. Краевскому. 1845 г. 1 Мая.

Послѣ свиданія съ вами, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, я обдумалъ и приготовилъ очеркъ извѣстнаго вамъ предпріятія. Надобно поговорить съ вами. Книжка „Отеч. Зап." у васъ вышла, а потому нельзя-ли мнѣ пріѣхать къ вамъ завтра, вечеромъ, часовъ *въ 8, т.-е. Мая 2-го, въ среду?* Если не получу отъ васъ отвѣта, это будетъ значить: *можно*, и я къ вамъ явлюсь, а если нельзя, то увѣдомьте черезъ почту и назначьте день и часъ.

Вашъ усердный

Н. Полевой.

А. А. Краевскому. 1845 г. 6 Августа.

Препровождаю вамъ, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, составленную мной для представленія въ Цензурный Комитетъ програму. Кажется, состряпана въ надлежащемъ вкусѣ [9]). Уголокъ, который удѣлилъ я имени моему въ концѣ, кажется, не возбудитъ тревоги. Главное, и на словахъ вамъ увѣрять ихъ должно, что отступленій отъ программы нѣтъ, а только *измѣненіе въ формѣ и расположеніи статей.* Но первое не новость, ибо прежде было, а второе бывало всегда правомъ издателей всѣхъ газетъ и журналовъ. Если завтра выйду изъ дома, то зайду къ вамъ, но послѣзавтра не обѣщаю, и нельзя-ли завтра же представить программу въ комитетъ, ибо завтра вторникъ, день ихъ засѣданій, и недѣлею раньше можно знать рѣшеніе. Для *публики* готовлю объявленіе особаго рода. Оно будетъ состоять въ листѣ газеты, какъ она должна быть, и тутъ будутъ представлены specimens всякаго рода статей.

Вашъ усердный

Н. Полевой.

---

[9]) Дѣло идетъ о „Литературной газетѣ".

А. А. Краевскому. 1845 г. 5 Сентября.

Я хотѣлъ сегодня лично повидаться съ вами, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, но не знаю, переѣхали-ли вы съ дачи и когда могу застать васъ? Отъ меня къ вамъ изъ Пошехонья въ Москву — такъ далеко! Дѣло во вчерашнемъ увѣдомленіи вашемъ, которое меня обезпокоило. Если цензура задержитъ и затянетъ объявленіе, то весьма повредитъ газетѣ. Объявленіе теперь главное, что надобно кончить поскорѣе. Нельзя-ли вамъ похлопотать и употребить мѣры понудительныя? Если они станутъ ждать министра, то предпріятіе наше можетъ уничтожиться замедленіемъ. Я не стану дѣлать ни одного шага и ни съ кѣмъ не хочу говорить, дабы оставаться за вами, а притомъ Шихматовъ меня терпѣть не можетъ, а злой, какъ изувѣръ, нарочно для меня надѣлаетъ золъ и мерзостей. Ему надобно представлять меня поденщикомъ, котораго вы наняли работать. Пожалуйста не оставьте безъ вниманія обо всемъ этомъ просьбы и тѣмъ успокойте меня.

Н. Полевой.

А. А. Краевскому. 1845 г. 21 Сентября.

Не скрою отъ васъ, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, живого безпокойства о томъ, что до сихъ поръ не получаю никакого извѣстія о разрѣшеніи на „Газету", когда ожидалъ, что въ понедѣльникъ уже рѣшится участь ея. Я посылалъ справиться въ цензурный комитетъ, но тамъ ничего не знаютъ. Ради Бога простите, что васъ безпокою, но время идетъ, и сегодня уже 21 Сентября. Если еще продолжится недѣлю, такое замедленіе весьма повредитъ намъ. Неужели затѣваютъ какія-нибудь мерзости? Отъ людей не можетъ быть, если только эти люди—люди, а не особое отдѣленіе въ царствахъ природы. Еще разъ простите мою докуку, и нельзя-ли употребить какихъ-нибудь побудительныхъ мѣръ, которыми, не вредя излишнею настойчивостью, могли бы пособить дѣлу? Предаю все вашему хладнокровному благоразумію и есмь и пребуду вамъ преданный

Н. Полевой.

А. А. Краевскому. 1845 г. 10 Октября.

Вчера, на извѣстномъ условіи—не говорить о времени выхода, объявленіе, или specimen Газеты позволено выпустить, о чемъ спѣшу васъ увѣдомить, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ. Сегодня принесутъ къ вамъ корректуру, которую прошу васъ не задержать и обратить скорѣе въ типографію съ вашею подписью, чтобы скорѣе издать ее. Fugit, fugit irreparabile! Сегодня уже 10-е Октября! Въ недѣлю едва еще можно будетъ управиться разослать, а Русь такая длинная и широкая, что въ иное мѣсто едва черезъ мѣсяцъ объявленіе можетъ прикатиться.

Н. Полевой.

А. А. Краевскому. 1845 г. 17 Октября.

Никакія кроткія уступки ни къ чему не послужили, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, и по строжайшемъ разсмотрѣніи, литературная инквизиція, заставивъ меня часа два дожидаться, какъ просителя, рѣшила тѣмъ, что нельзя позволить перемѣны не только *выгоды*, но формата и расположенія статей. Можно здѣсь видѣть особенное неблаговоленіе извѣстнаго сеньера именно ко мнѣ, но множество другихъ особенныхъ нелѣпостей показали мнѣ, самовидцу ихъ во время ожиданія, что дѣло сдѣлано вслѣдствіе принятыхъ ими общихъ правилъ. Я поѣхалъ домой съ рѣшительнымъ намѣреніемъ все бросить; съ досады, которую долженъ былъ испить, теперь боленъ, а потому и не могъ вчера васъ увѣдомить ни о чемъ. Главное, или одно изъ главныхъ: видно, чего должно ожидать впередъ. Изъ чего же биться? Размышляя, однако же, сегодня, я кое-что придумалъ и желалъ бы говорить съ вами, но не могу выѣхать изъ дома. Нельзя-ли вамъ заѣхать ко мнѣ *сегодня*, чтобы не упускать времени. Я весь день буду дома — до обѣда, вечеромъ, какъ хотите. Заѣзжайте на полчаса, а если сегодня нельзя, то завтра, и завтра вечеромъ я самъ къ вамъ пріѣду, ибо надѣюсь имѣть тогда силы перенести походъ отъ Коломны до васъ, но сегодня истинно не могу — спазмы истерзали мнѣ грудь — это всегдашнее слѣдствіе каждый разъ, когда я разсержусь, почему я и стараюсь всячески не сердиться. Право, вчера не достало силъ и меня одолѣли гнѣвъ и грусть—и право не за себя! Буду-ли, не буду-ли я издавать „Литературную газету", дѣло не важное, ибо „Газета" безъ меня можетъ существовать и я не въ Эльдорадо буду ее издавать. Но... но... такое отвратительное лицемѣрство просвѣщеніемъ, такое душеубійство, ибо, кто рѣжетъ науку и умъ, тотъ рѣжетъ душу человѣка, — они невыносимы. Возвратясь домой, я нашелъ присланный мнѣ отчетъ Академіи— сплетеніе лжи и хвастовства этого отвратительнаго мерзавца... но я чувствую, что опять начинаю сердиться — довольно! Жду вашего извѣщенія!

Вамъ преданный

Н. Полевой.

А. А. Краевскому. 1845 г. 28 Октября.

Представляю вамъ, почтеннѣйшій Андрей Александровичъ, прошедшее сквозь пытки и клещи цензуры объявленіе о „Литер. Газетѣ". Поставленное въ скобкахъ, въ послѣдней строкѣ первой страницы, прибавлено комитетомъ. Безъ того болванъ Крыловъ не хотѣлъ пропускать, а комитетъ, послѣ долгаго сужденія, рѣшилъ, что объявленіе можно пропустить только съ симъ условіемъ. Напрасно возражалъ я, какъ сталъ Наполеону, vous me donnez une célébrité cruelle, представляя меня за стражею, и умножите число, или мѣру зла, ибо всякій будетъ ожидать, что гдѣ соединились отчаянный журналистъ и старый грѣшникъ журналь-

ный, тамъ хорошаго не жди! Посылать къ вамъ было некогда и фраза тиснута. Не скажете-ли чего нибудь въ нынѣшней книжкѣ „Отеч. Записокъ"? Молчаніе было бы какъ-то странно. Благородный отзывъ не есть кличка съ балкона журнальнаго балагана.

Есмь и пребуду вамъ преданный

Н. Полевой.

Сообщ. **В. Боцяновскій.**

Забытое дѣло.

(Эпизодъ изъ поземельнаго устройства крестьянъ въ Прибалтійскомъ краѣ).

Извѣстно, что чѣмъ сильнѣе преслѣдовали, въ старину, раскольниковъ всѣхъ, безразлично, сектъ, тѣмъ они упорнѣе держались своихъ убѣжденій, полагая, что „терпятъ за вѣру“, а стремясь сохранять ее, сообразно ихъ пониманію,—удалялись, по возможности, въ такія мѣста, гдѣ имъ легче было „справлять свою вѣру“, или къ нимъ относились, въ религіозномъ отношеніи, равнодушнѣе. Прибалтійскій край населяли: нѣмцы, латыши, эсты, а отчасти и католики, поэтому среди нихъ раскольникамъ жилось свободнѣе: мѣстное свѣтское начальство,— сплошь лютеранское,—мало или даже вовсе не вмѣшивалось въ ихъ вѣрованія. Оттого число раскольниковъ тамъ издавна увеличивалось, но такъ какъ запретный плодъ сладокъ, въ качествѣ лишь запретнаго, то тамошніе раскольники, нерѣдко, возвращались въ православіе, да къ нему же присоединялись и лютеране. Все это радовало православное духовенство и оно морально—поощряло неофитовъ, а матеріально—защищало ихъ интересы.

И вотъ бывшій рижскій епископъ Платонъ [1]), радѣя о пріумноженіи и благополучіи своей паствы, обратился (31 декабря 1849 г.) къ бывшему курляндскому, лифляндскому и эстляндскому генералъ-губернатору, свѣтлѣйшему князю А. А. Суворову-Рымникскому съ „секретнымъ“ мнѣніемъ объ улучшеніи быта православныхъ крестьянъ въ Лифляндіи. Въ этомъ мнѣніи епископъ изложилъ, что крестьяне „часто жаловались на притѣсненія ихъ помѣщиками, арендаторами и мызными правителями, за принятіе ими православія“. Важнѣйшая жалоба ихъ состояла въ томъ, что „за малые долги, которые они могли бы уплатить по срокамъ, а иногда и вовсе безъ причины — продавали ихъ имѣнія за безцѣнокъ, лишали ихъ хозяйства, выгоняли изъ домовъ и доводили до того, что они не знали куда главу преклонить со своими семействами“. Озабочиваясь, по долгу пастырскому, о „предохраненіи сихъ несчастныхъ отъ ропота на

---

[1]) Впослѣдствіи кіевскій и московскій митрополитъ, скончался въ 1891 г. За время управленія имъ рижскою епархіею для ослабленія раскола нѣсколько учреждено единовѣрческихъ приходовъ, возвращено въ православіе болѣе 3,000 раскольниковъ, да число эстовъ и латышей, присоединившихся къ православію, увеличилось до 41,000 чел.

св. вѣру, за принятіе которой они, по ихъ мнѣнію, терпѣли гоненія и, желая, по чувству христіанской любви, оказать имъ посильную помощь", — онъ, епископъ Платонъ, „тщательно размышлялъ какъ бы оградить ихъ отъ притѣсненій и улучшить ихъ бытъ, но не нашелъ болѣе вѣрнаго средства, какъ ходатайствовать о Высочайшемъ повелѣніи, чтобы тѣмъ православнымъ крестьянамъ въ Лифляндіи, которыхъ помѣщики или арендаторы лишали хозяйства и домовъ, или впредь будутъ несправедливо лишать,—отводимо было надлежащее количество земли въ казенныхъ имѣніяхъ, изъ мызныхъ запашекъ, на оброчномъ положеніи". Мѣра эта представлялась епископу во 1-хъ—„достойною благосердаго государя, ибо, если онъ отечески печется о всѣхъ своихъ подданныхъ, то тѣмъ паче достойно его пещись о тѣхъ изъ нихъ, которые принятіемъ православія соединились съ нимъ вѣрою, имѣли нужду въ его помощи и отъ него одного ея ожидали въ своемъ жалкомъ положеніи"; во 2-хъ—согласною съ видами правительства, которое, какъ онъ зналъ изъ его распоряженій, желало „перевесть всѣхъ казенныхъ крестьянъ съ пахатнаго въ оброчное положеніе и во многихъ губерніяхъ уже осуществило это"; въ 3-хъ—благодѣтельною потому, что „улучшитъ положеніе несчастныхъ и этимъ сильнѣе привяжетъ ихъ къ правительству, а съ тѣмъ вмѣстѣ побудитъ мѣстныхъ помѣщиковъ лучше обращаться съ крестьянами", дабы удержать ихъ отъ переселенія съ ихъ земель на казенныя, чѣмъ и принесетъ пользу не только крестьянамъ, которые перейдутъ въ казенныя имѣнія, но и тѣмъ, которые останутся въ помѣщичьихъ; и въ 4-хъ—удобоисполнимою, ибо въ Лифляндіи „довольно казенныхъ имѣній, изъ коихъ нѣкоторыя могли быть безъ всякаго затрудненія обращены въ оброчное положеніе", такъ какъ число православныхъ крестьянъ, коимъ потребуется дать землю въ сихъ имѣніяхъ,—будетъ не велико, если помѣщики станутъ впредь хорошо съ ними обращаться, а переселеніе крестьянъ въ казенныя имѣнія—не нарушитъ ничьихъ правъ и привиллегій: лифляндскіе крестьяне, какъ свободные, вправѣ переходить изъ одного имѣнія въ другое".

Къ изложенному епископъ Платонъ прибавилъ, для свѣдѣнія князя Суворова, о происходившемъ у него объясненіи съ управлявшимъ лифляндскою палатою государственныхъ имуществъ Лиліенфельдомъ, который высказалъ ему затрудненіе въ постройкѣ для переселяемыхъ изъ помѣщичьихъ въ казенныя имѣнія крестьянъ домовъ, на что, по отзыву Лиліенфельда, понадобятся значительныя издержки, тѣмъ болѣе, что въ казенныхъ имѣніяхъ Лифляндіи лѣса мало. Но затрудненіе это, по мнѣнію епископа, могло быть легко устранено тѣмъ, что: а) число православныхъ крестьянъ, которыхъ нужно будетъ переселить въ казенныя имѣнія будетъ не велико, поэтому для нихъ не потребуется много зданій, да и немалая часть ихъ помѣстится въ мызныхъ строеніяхъ, занятыхъ арендаторами и ихъ прислугою; б) переселить крестьянъ можно было бы въ тѣ имѣнія, въ которыхъ довольно лѣса, а именно—въ лемзальскомъ, перновскомъ, рижскомъ и дерптскомъ уѣздахъ; в) въ случаѣ недостатка въ лѣсѣ,—зданія

могли быть сдѣланы изъ глины и даже земли, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и дѣлалось; г) издержки для первоначальнаго обзаведенія переселяемыхъ въ казенныя имѣнія они могли бы сами уплатить казнѣ въ опредѣленные сроки и, наконецъ, д) можно бы предоставить крестьянамъ устраивать себѣ жилища на отведенныхъ имъ участкахъ на свой счетъ, а тѣмъ, которые оказались бы не въ состояніи, помогли бы сострадательные люди, которыхъ епископъ зналъ „довольно въ Ригѣ", да и онъ „первый готовъ былъ пожертвовать для нихъ всѣмъ, чѣмъ располагалъ".

Въ отвѣтъ на мнѣніе преосвященнаго, князь Суворовъ (отъ 7 января 1850 года) сообщилъ Платону, что долженъ предварительно поручить мѣстной палатѣ государственныхъ имуществъ собрать числовыя данныя, на которыхъ могъ бы ближе основать свое заключеніе, а такъ какъ на это требовалось время, то желалъ бы, чтобы преосвященный, во время предстоявшаго ему пребыванія въ С.-Петербургѣ, заявилъ свое предположеніе министру государственныхъ имуществъ. Князь, однако, пояснилъ, что не безусловно раздѣлялъ доводы епископа, потому что съ одной стороны— не согласенъ съ описаннымъ имъ, въ его мнѣніи, положеніемъ всѣхъ православныхъ крестьянъ Лифляндіи, гдѣ постоянно принималъ къ уменьшенію числа отказовъ крестьянамъ въ содержаніи усадьбъ—всевозможныя мѣры, и онѣ не остались безполезными, а съ другой стороны, — не отрицая нѣкотораго недоброхотства вотчинниковъ къ новоправославнымъ, полагалъ, что оно вытекало изъ разныхъ обстоятельствъ, по которымъ вотчинники не оказывали православнымъ той же снисходительности, какую, по произволу, предоставленному имъ закономъ, могли бы оказывать и оказывали домохозяевамъ изъ лютеранъ. Затѣмъ, переходя къ подробностямъ епископскаго проекта, князь Суворовъ привелъ противъ нихъ вотъ какія возраженія:

Во-первыхъ,—распоряженіе объ исключительномъ отводѣ казенныхъ дачъ въ пользу православныхъ домохозяевъ, изгнанныхъ изъ частныхъ вотчинъ, заключало бы въ себѣ гласное сознаніе правительства объ общемъ угнетеніи православныхъ за исповѣданіе ими православной вѣры и необходимость прибѣгнуть къ косвенному ихъ вознагражденію, вмѣсто принятія прямыхъ мѣръ къ прекращенію угнетенія.

Во-вторыхъ, — подобное распоряженіе повлекло бы за собою множество разнородныхъ недоразумѣній: одна часть населенія увидѣла бы въ немъ только награду и оффиціальное обѣщаніе награды за перемѣну вѣры, а другая,—крестьяне превратно поняли бы виды правительства и въ цѣломъ краѣ воскресли бы басни 1845 г., о безмездномъ надѣленіи землею за принятіе православія, отчего даже тѣ православные домохозяева, которымъ помѣщики не отказывали бы въ содержаніи усадьбъ,—стали бы добиваться отказовъ, въ надеждѣ на болѣе выгодное водвореніе въ казенныхъ имѣніяхъ: между народными массами легко распространяются нелѣпыя понятія и несбыточныя надежды, а впослѣдствіи трудно устранить волненіе и даже заранѣе указать его предѣлы.

Въ-третьихъ,—предположенная мѣра могла быть приведена въ исполненіе лишь посредствомъ многосложныхъ распоряженій и весьма значительныхъ пожертвованій со стороны министерства государственныхъ имуществъ. На кого, задавался князь вопросами, возложить проведеніе этой мѣры для принесенія ею ожидаемой пользы въ одно и тоже время въ разныхъ уѣздахъ губерніи и могли ли это исполнить одни коронные чиновники? Какимъ образомъ разсчитать заранѣе пространство необходимыхъ къ отводу земель и впослѣдствіи соразмѣрить съ требованіями въ каждой отдѣльной мѣстности? Кому поручить разбирательство просьбъ о водвореніи на казенныхъ земляхъ и выборъ тѣхъ именно домохозяевъ, которые дѣйствительно имѣли право на оказаніе имъ подобной льготы? Наконецъ, гдѣ отыскать источники для покрытія необходимыхъ издержекъ на отводъ земли и на устройство усадьбъ? Предположенію о возможности крестьянамъ устраиваться на отведенныхъ имъ участкахъ съ помощью только пожертвованій,—князь не довѣрялъ, а находилъ, что правительству затруднительно подвергаться опасности утратить доходъ съ части казенныхъ земель и быть вынужденнымъ постоянно оказывать дальнѣйшія, непредусмотрѣнныя пособія новымъ поселенцамъ. Жертвуя для водворенія ихъ опредѣленною долею своихъ арендныхъ доходовъ, правительство, навѣрно, пожелаетъ, по крайней мѣрѣ, обезпечить себя исправностью новоустраиваемыхъ усадебныхъ хозяйствъ, а для сего нужны были исправные хозяйственные инвентари и постройки, между тѣмъ крестьяне, лишенные своихъ усадьбъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ за долги, едва-ли въ состояніи были бы обзавестись вновь удовлетворительнымъ хозяйствомъ, а однѣ строительныя издержки по возведенію усадьбы средней величины, напр. въ рижскомъ уѣздѣ, простирались до 400—500 р., и едва ли могли составлять въ казенныхъ имѣніяхъ менѣе 300 или 350 р.

Въ-четвертыхъ, предполагать, что крестьяне могли бы помѣститься въ зданіяхъ, занимаемыхъ арендаторами,—значило бы порождать значительное неудобство: арендно-мызныя управленія составляли, какъ и всѣ частныя вотчинныя управленія, первую дистанцію по многоразличнымъ распорядительнымъ и расправнымъ учрежденіямъ, но съ упраздненіемъ арендиаго хозяйства—должно было бы упраздниться и арендно-мызное управленіе, тогда какъ въ этомъ учрежденіи заключалось начало единства, устраненіе коего нельзя было не признать весьма вреднымъ, притомъ же ручательство въ правильномъ исполненіи предписаній земско-полицейскою властью, которое едва ли могло быть найдено въ какихъ бы то ни было коллегіальныхъ, или неколлегіальныхъ учрежденіяхъ, составленныхъ исключительно изъ лицъ крестьянскаго сословія.

По всѣмъ указаннымъ соображеніямъ князь Суворовъ полагалъ достигнуть цѣли только при соблюденіи слѣдующихъ условій:

1) Признать основною мыслію предлагаемой мѣры не одно исключительно покровительство православнымъ домохозяевамъ,

но оказаніе возможной помощи правительства вообще крестьянамъ, лишившимся усадьбъ не по собственной винѣ, но по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ, а при исполненіи—обращать предпочтительное вниманіе на православныхъ, ибо, не пользуясь расположеніемъ иновѣрныхъ вотчинниковъ,—они дѣйствительно чаще, чѣмъ крестьяне лютеранскаго вѣроисповѣданія, могутъ нуждаться въ оказаніи имъ означенной помощи.

2) Для избѣжанія излишней гласности и сопряженныхъ съ нею превратныхъ толковъ—мѣра эта должна имѣть видъ особаго хозяйственнаго распоряженія вѣдомства государственныхъ имуществъ, на общихъ административныхъ началахъ основаннаго и заключающагося въ устройствѣ новыхъ поселеній на пустопорожнихъ земляхъ, или же въ уменьшеніи нѣкоторыхъ арендно-мызныхъ хозяйствъ, съ соразмѣрнымъ увеличиваніемъ числа крестьянскихъ усадьбъ, къ нимъ приписанныхъ, а опредѣленіе хозяевъ по заводимымъ усадьбамъ могло бы, посредствомъ какихъ либо обрядныхъ постановленій, быть ввѣрено коронныхъ властямъ, подъ надзоромъ главнаго мѣстнаго начальства.

3) Надлежало бы выяснить, какіе вспомогательные способы могли быть ежегодно обращаемы на этотъ предметъ вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ.

4) При самомъ началѣ исполненія надлежало бы, съ возможною гласностью, включить нѣсколькихъ лютеранъ въ число вновь опредѣляемыхъ усадебныхъ хозяевъ, а вслѣдъ затѣмъ съ меньшею гласностью преимущественно назначать ихъ изъ числа православныхъ, дабы отклонить неосновательныя ожиданія среди крестьянъ; что же касается землевладѣльцевъ, то они не могутъ не постигнуть видовъ правительства, а по сему цѣль его въ отношеніи къ нимъ будетъ достигнута, но съ отклоненіемъ всякихъ нареканій въ употребленіи неправильныхъ способовъ къ приращенію православной паствы;—и наконецъ

5) Возможно было бы безотлагательно же обратить въ пользу православныхъ домохозяевъ то вліяніе, которое принадлежитъ палатѣ государственныхъ имуществъ при заключеніи новыхъ оброчныхъ контрактовъ.

Преосвященный призналъ первые три пункта замѣчаній князя Суворова основательными, а четвертый пунктъ не могъ одобрить: онъ заключалъ въ себѣ, по его словамъ, нѣкотораго рода обманъ, недостойный правительства, ибо гласность переселенія лютеранъ изъ помѣщичьихъ имѣній въ казенныя, при безгласности распространенія сей мѣры на православныхъ,—не только не предохранитъ отъ волненія между крестьянами, для отклоненія коего она придумана, а, напротивъ, можетъ ее произвести не въ пользу православія, а во вредъ ему: подастъ православнымъ крестьянамъ справедливый поводъ думать, что правительство не только не оказываетъ имъ особаго покровительства, котораго они могли ожидать при принятіи православія, но и предпочитаетъ имъ лютеранъ, а это можетъ возбудить въ нихъ сильный ропотъ и желаніе возвратиться въ лютеранство, тѣмъ паче, что нѣкоторые изъ нихъ отъ притѣсненій помѣщиковъ уже раскаивались въ

принятіи православія, а иные даже и уклонялись отъ него. Оттого преосвященный желалъ ввести предложенную имъ мѣру безъ всякаго отлагательства.

Съ этою цѣлью, прибывъ въ С.-Петербургъ, преосвященный Платонъ, немедленно переговорилъ объ интересовавшемъ его предметѣ съ министромъ государственныхъ имуществъ, генералъ-адъютантомъ П. Д. Киселевымъ и даже съ директоромъ 2-го департамента министерства, д. ст. сов. Шелеховымъ, а заручившись словеснымъ обѣщаніемъ обоихъ поддержать его проектъ,— письменно дополнилъ Киселеву свое предположеніе (3 марта 1850 г.) тѣмъ, что лифляндскіе помѣщики лишали хозяйства не только бѣдныхъ, но иногда и богатыхъ православныхъ крестьянъ, а дѣлая это, не всегда изгоняли ихъ изъ своихъ имѣній, но большею частью оставляли въ нихъ и низводили ихъ въ разрядъ нищенствовавшихъ работниковъ; что, хотя юридически трудно было доказать неправильность лишенія помѣщиками крестьянъ хозяйства, но съ вѣроятностью можно было полагать, что это дѣлалось при удобныхъ случаяхъ, по непріязни къ православію, но когда тому же подвергались крестьяне лютеранскаго вѣроисповѣданія, тогда можно было допустить, что они сами подавали справедливый къ тому поводъ и что, стремясь предохранить казну отъ излишнихъ расходовъ на переселяемыхъ крестьянъ, преосвященный полагалъ распространить благодѣтельную мѣру только на тѣхъ изъ нихъ, которые дѣйствительно притѣснялись помѣщиками и достойны были особаго покровительства правительства. Въ заключеніе онъ признавалъ полезнымъ установить слѣдующія существенныя правила:

А) тѣхъ крестьянъ православнаго или лютеранскаго вѣроисповѣданій, которыхъ помѣщики лишали хозяйства и обращали въ работники, а тѣмъ паче изгоняли изъ своихъ имѣній безъ важной и справедливой причины,—переселять въ казенныя имѣнія, по распоряженію генералъ-губернатора остзейскаго края;

Б) въ разслѣдованіе причинъ, почему тотъ или другой православный крестьянинъ лишенъ хозяйства, не входить, дабы не усиливать жалобъ лютеранъ и православныхъ, а переселять послѣднихъ въ казенныя имѣнія по однимъ отношеніямъ къ генералъ-губернатору рижскаго епископа, который могъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія объ удаленныхъ отъ хозяйствъ и поведеніи ихъ, по конфиденціальнымъ донесеніямъ приходскихъ священниковъ;

В) относительно переселенія въ казенныя имѣнія крестьянъ лютеранскаго вѣроисповѣданія генералъ-губернаторъ долженъ удостовѣриться чрезъ слѣдствіе или другими, ему извѣстными, средствами: за что именно лишены они усадьбъ и какъ ведутъ себя, но нерадивыхъ хозяевъ и людей дурной нравственности—отнюдь не переселять въ казенныя земли;

Г) крестьяне, переселяемые изъ помѣщичьихъ въ казенныя имѣнія, должны устроить все, необходимое для ихъ хозяйства на собственный счетъ, тѣмъ же изъ нихъ, которые не въ состояніи будутъ этого сдѣлать по своей бѣдности,—давать отъ казны пособіе, или строить дома со всѣми нужными принадлежностями;

Д) кому именно и въ какой мѣрѣ должно оказывать казенное пособіе, генералъ-губернаторъ имѣетъ получать свѣдѣнія: о православныхъ—отъ рижскаго епископа, которому можетъ быть вѣрно извѣстно о степени ихъ богатства или бѣдности чрезъ приходскихъ священниковъ, а о лютеранахъ—отъ мѣстныхъ земскихъ начальствъ; самое же пособіе давать имъ съ возможною разчетливостью, а отнюдь не больше 400 руб.;

Е) переселять въ казенныя имѣнія преимущественно православныхъ, непользующихся расположеніемъ иновѣрныхъ вотчинниковъ и чаще, нежели лютеране, могущихъ имѣть нужду въ помощи правительства;

Ж) переселеніе православныхъ, равно какъ и лютеранъ, производить съ соблюденіемъ возможной негласности и не вдругъ, а постепенно, по одному или по нѣсколько семействъ въ одно время и на одномъ мѣстѣ;

З) распространить переселеніе не только на крестьянъ, которые впредь будутъ лишаемы хозяйства, но и на лишенныхъ уже въ прошлые годы, если рижскій епископъ будетъ объ этомъ ходатайствовать.

Представляя Киселеву формулированные пункты, преосвященный Платонъ пояснилъ, что во 1-хъ, предоставляя себѣ сообщать генералъ-губернатору о причинѣ удаленія православныхъ отъ хозяйства и о ихъ поведеніи и состояніи, потому что, если свѣдѣнія о нихъ будетъ собираться княземъ Суворовымъ чрезъ гражданскихъ чиновниковъ, которые почти всѣ лютеране, то справедливыхъ и благопріятныхъ результатовъ, вѣроятно, не окажется; во 2-хъ, предоставляя князю Суворову собирать свѣдѣнія о лютеранахъ, онъ, епископъ, полагалъ, что въ этомъ случаѣ едва ли кто окажется достойнымъ переселенія въ казенныя имѣнія, а между тѣмъ помѣщики, видя, что ихъ поступки съ крестьянами подверглись изслѣдованіямъ,—будутъ вести себя въ отношеніи къ нимъ гораздо лучше, и въ 3-хъ, не проектировалъ всѣмъ переселяемымъ одинаковаго пособія потому, что не всѣ одинаково въ немъ нуждались, притомъ же ему казалось несправедливымъ, чтобы лютеране, не находясь въ такомъ жалкомъ положеніи, въ какомъ находились православные, — пользовались бы царскою милостью наравнѣ съ православными.

Доводы преосвященнаго такъ сильно заинтересовали Киселева, что по его распоряженію въ министерствѣ неимовѣрно быстро былъ разработанъ и представленъ ему проектъ правилъ, какъ надлежало бы поступать, а именно:

1) Удаляемыхъ помѣщиками изъ своихъ имѣній крестьянъ принимать, безъ различія исповѣданія, по ихъ желанію, на казенныя земли, гдѣ онѣ мѣстнымъ управленіемъ государственныхъ имуществъ отведены будутъ, по усмотрѣнію генералъ-губернатора, которому епископъ рижскій сообщаетъ приватно о своемъ ходатайствѣ о православныхъ.

2) Къ пріему на казенныя земли допускать крестьянъ, удаленіе коихъ послѣдовало по какимъ либо особымъ причинамъ, а не за дурное поведеніе или нерадѣніе къ хозяйству и, преиму-

щественно, согласно мнѣнію, выраженному княземъ Суворовымъ въ отзывѣ къ преосвященному Платону, изъ православныхъ, извѣстныхъ хорошею репутаціею и трудолюбіемъ.

3) Мѣстной палатѣ государственныхъ имуществъ вмѣнить въ обязанность привести немедленно въ извѣстность, сколько въ казенныхъ имѣніяхъ свободныхъ для новаго водворенія участковъ и опустѣвшихъ домовъ, какое число хозяевъ можно въ нихъ устроить на первое время въ 1850 г. и сколько, по мѣрѣ обрегулированія имѣній, можно удѣлять отъ нихъ участковъ въ каждомъ году, не стѣсняясь обращеніемъ, для сего, мызныхъ земель тамъ, гдѣ мызное управленіе окажется безпрепятственнымъ обратить, по сложности, къ другимъ.

4) Вмѣстѣ съ приведеніемъ въ извѣстность и назначеніемъ земельныхъ участковъ, возложить на палату опредѣлять расходы, необходимые на водвореніе каждаго хозяйства, съ отпускомъ безденежно лѣса, гдѣ таковой въ каждой дачѣ имѣется, принимая нормою усадьбу средней величины, а потребную на это сумму— расходовать изъ доходовъ имѣній, какъ скоро послѣдуетъ на это разрѣшеніе, о чемъ министръ своевременно войдетъ въ сношеніе съ министромъ финансовъ.

5) По полученіи отъ генералъ-губернатора предложенія о тѣхъ крестьянахъ, которые будутъ назначены имъ для поселеній на казенныхъ участкахъ, палатѣ приступать немедленно къ распоряженію объ отводѣ и къ устройству усадьбъ и инвентаря, или къ выдачѣ самимъ переселенцамъ пособія и къ обложенію затѣмъ ихъ поземельнымъ оброкомъ, по правиламъ, какія будутъ установлены въ особомъ наставленіи министерства.

Доложивъ императору Николаю I дѣло и проектъ правилъ, Киселевъ собственноручно написалъ на послѣднемъ слѣдующее: „Государь императоръ изволилъ читать и совершенно одобрить распоряженіе и редакцію сего сообщенія. Причемъ его величество повелѣть соизволилъ сообразить возможность не только уменьшить число мызныхъ земель, но всѣ обратить ихъ подъ поселеніе крестьянъ, доходомъ съ коихъ покрывать лежащія на нихъ повинности. Кромѣ сего его величество изволилъ также подтвердить желаніе предназначить въ сосѣдственныхъ губерніяхъ земли для выходцевъ изъ остзейскихъ. 6 Марта 1850 года“.

Получивъ санкцію императора, Киселевъ чрезъ день написалъ князю Суворову (отъ 7 Марта 1850 г.), что разсмотрѣвъ записку Платона и данный ему княземъ отвѣтъ на нее, онъ, министръ, сообразивъ доводы обоихъ со свѣдѣніями министерства находилъ, что предлагаемая преосвященнымъ мѣра огражденія православныхъ крестьянъ отъ притѣсненій,—отводомъ имъ земель для водворенія въ казенныхъ имѣніяхъ, не противорѣчитъ мѣстнымъ узаконеніямъ, по которымъ лифляндскіе крестьяне могли свободно, при исполненіи поставленныхъ условій, оставлять хозяйство въ одномъ имѣніи и переходить въ другое, а, слѣдовательно, и къ допущенію переселенія, въ видѣ особаго хозяйственнаго распоряженія, не можетъ встрѣтиться препятствій и безъ испрошенія на это особаго высочайшаго разрѣшенія. При всемъ томъ къ при-

веденію этой мѣры въ исполненіе, кромѣ случаевъ, указанныхъ въ отзывѣ князя,—министерству представлялись другія затрудненія, заключавшіяся въ томъ, что:

во 1-хъ, въ лифляндской губерніи казенныхъ земель не столько, чтобы ими можно было надѣлять всѣхъ, удаляемыхъ изъ частныхъ имѣній крестьянъ, число коихъ можетъ увеличиваться не отъ одного дѣйствительнаго притѣсненія со стороны владѣльцевъ, но и отъ желанія самихъ крестьянъ, при свободномъ отводѣ земель, водворяться въ казенныхъ имѣніяхъ, гдѣ они облагались меньшими платежами и повинностями;

во 2-хъ, съ постепеннымъ, по видамъ правительства, уничтоженіемъ въ казенныхъ имѣніяхъ остзейскаго края арендной системы и переводомъ крестьянъ на оброчное положеніе, хотя и назначались особые запасные участки, но преимущественно для водворенія крестьянъ тѣхъ же имѣній новыми дворами, оставшіяся же за этимъ надѣломъ угодья большею частью необходимы были для мызныхъ хозяйствъ и мызнаго управленія, которыя, по мѣстнымъ узаконеніямъ должны были быть сохранены, сколько для уплаты доходами съ нихъ лежавшихъ на нихъ земскихъ повинностей, столько же и для исполненія административныхъ и полицейскихъ обязанностей;

въ 3-хъ, водвореніе прибылыхъ крестьянъ хозяйствомъ на свободныхъ казенныхъ земляхъ, сопряженное съ постройками новыхъ дворовъ, расчисткою усадьбъ и заведеніемъ необходимаго хозяйственнаго инвентаря, потребуетъ значительныхъ издержекъ, которыя, по всей вѣроятности, не въ состояніи будутъ принять на себя переселенцы, лишившись уже за долги, на прежнемъ жительствѣ своемъ, имущества;

въ 4-хъ, кромѣ безденежнаго отпуска лѣса тамъ, гдѣ онъ, по состоянію казенныхъ лѣсныхъ дачъ, будетъ возможенъ,—никакими другими средствами для пособія имъ министерство располагать не можетъ, тѣмъ болѣе, что на его обязанности лежало еще устройство бобылей, находившихся въ казенныхъ имѣніяхъ—и число которыхъ, особенно въ Лифляндіи, было довольно значительно.

Не взирая, однако же, на всѣ затрудненія и желая содѣйствовать къ достиженію предлагаемой преосвященнымъ Платономъ важной цѣли—огражденія жительствующихъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ православныхъ крестьянъ отъ притѣсненій, а также принявъ во вниманіе, что для водворенія тѣхъ изъ нихъ, равно и изъ лютеранъ, которые изгоняются своими владѣльцами по какимъ либо другимъ причинамъ, а не за дурное поведеніе,—Киселевъ предварялъ князя Суворова, что найдется достаточное количество казенныхъ участковъ и опустѣвшихъ, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, хозяйствъ, а на устройство ихъ, возведеніе домовъ и снабженіе потребнымъ инвентаремъ—можно будетъ испросить пособіе на счетъ доходовъ съ казенныхъ имѣній.

Такимъ образомъ, пояснялъ Киселевъ, всѣ дѣйствія по означенному переселенію, проистекая отъ генералъ-губернатора и производясь подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, будутъ негласны и устранятъ всякій поводъ къ возбужденію прямыхъ

или косвенныхъ нареканій отъ помѣщиковъ, а дабы на это не возникло неудовольствія крестьянъ-бобылей, живущихъ въ казенныхъ имѣніяхъ,—можно будетъ и ихъ постепенно водворить на хозяйство въ той же мѣрѣ и на счетъ тѣхъ же источниковъ. Къ сказанному Киселевъ присовокупилъ, что мысль въ предначертаніи перечисленныхъ предположеній заключалась главнѣйше въ преподаніи средствъ, если не къ искорененію совершенно зла, описаннаго преосвященнымъ Платономъ, то по крайней мѣрѣ къ его ослабленію, а потому просилъ князя Суворова принять все „въ единственномъ желаніи пособить, сколько отъ него зависѣло, къ достиженію, ближайшимъ путемъ, цѣли".

Въ такомъ же точно смыслѣ, того же 7 Марта 1850 г., сообщено было Киселевымъ и преосвященному Платону, который, конечно, порадовался результатамъ усиленныхъ его хлопотъ въ пользу обездоленныхъ крестьянъ.

Черезъ полтора слишкомъ мѣсяца князь Суворовъ (письмомъ отъ 25 Апрѣля 1850 г.) искренне благодарилъ Киселева „за открываемую имъ возможность не только содѣйствовать благотворительнымъ видамъ преосвященнаго Платона, но и миновать многоразличныя затрудненія и неудобства, сопряженныя съ первоначальными его предположеніями", ибо „безпристрастнымъ взглядомъ на дѣло онъ, Киселевъ, облегчилъ ему, князю, дальнѣйшее въ немъ участіе и, по всей вѣроятности, заранѣе отклонилъ поводъ къ недоразумѣніямъ, которыя могли бы возникнуть между мѣстными духовными и гражданскими властями". Впрочемъ князь настаивалъ на томъ, чтобы „принятіе первоначальныхъ исполнительныхъ мѣръ принадлежало самому министерству", а потому, вполнѣ соглашаясь во всѣхъ частностяхъ, онъ ожидалъ увѣдомленія о послѣдующихъ распоряженіяхъ, но оговорился, что „въ точной сообразности съ начальною мыслію преосвященнаго Платона,—надлежало бы принять къ руководству, что казенныя земли должны быть отводимы только тѣмъ крестьянамъ, которые дѣйствительно принадлежали въ частныхъ имѣніяхъ, къ разряду домохозяевъ, а не работниковъ, ибо жалобы, приносимыя послѣдними на помѣщиковъ большею частью не имѣли ни малѣйшаго основанія, а, слѣдовательно, обращеніе предположенной льготы въ ихъ пользу,— было бы сопряжено съ ущербомъ для той именно части крестьянскаго населенія, которая могла наиболѣе въ немъ нуждаться".

Наконецъ, въ маѣ того же 1850 г., Киселевъ увѣдомилъ министра финансовъ о послѣдовавшемъ высочайшемъ повелѣніи „удаляемыхъ помѣщиками изъ своихъ имѣній крестьянъ, по какимъ либо постороннимъ причинамъ, а не за дурное поведеніе или совершенное нерадѣніе по хозяйству, водворять, безъ различія вѣроисповѣданія, по назначенію генералъ-губернатора, на казенныя земли, гдѣ таковыя мѣстнымъ управленіемъ государственныхъ имуществъ отведены будутъ и на устройство для нихъ хозяйствъ, новыхъ домовъ и снабженіе ихъ потребнымъ инвентаремъ, кромѣ безденежнаго отпуска лѣса, гдѣ таковой въ казенныхъ дачахъ имѣется, употреблять потребную, для сего,

сумму на счетъ доходовъ съ казенныхъ имѣній той же губерніи, а дабы не возникло неудовольствія на сіе и отъ крестьянъ-бобылей, живущихъ въ казенныхъ имѣніяхъ, водворять и ихъ постепенно на хозяйство въ той же мѣрѣ и на счетъ тѣхъ же источниковъ". Въ бумагѣ этой добавлялось, что управляющему палатою государственныхъ имуществъ *„дано секретное предписаніе*, какъ о приведеніи въ извѣстность и назначеніи земельныхъ участковъ, такъ и объ опредѣленіи расходовъ, необходимыхъ на водвореніе каждаго хозяйства, съ принятіемъ нормою усадьбы средней величины", а потому Киселевъ просилъ министра финансовъ „сдѣлать зависящее распоряженіе, дабы лифляндская казенная палата, по требованіямъ тамошней палаты государственныхъ имуществъ, отпускала ей ежегодно изъ доходовъ съ казенныхъ имѣній такую сумму, которая на водвореніе означенныхъ переселенцевъ будетъ причитаться, по утвержденіи министерствомъ государственныхъ имуществъ, а имъ будутъ приняты всѣ мѣры, чтобы расходы ограничиваемы были самою необходимостью, безъ всякаго излишества".

Такимъ образомъ благодѣтельная мѣра завершилась, казалось бы, блестящимъ успѣхомъ, но совершенно исключительное обстоятельство, увы! сперва—остановило осуществленіе этой мѣры ***на пять лѣтъ***, а потомъ—совсѣмъ разрушило ее самымъ простымъ способомъ. Изъ доклада 2-го департамента Киселеву (отъ 21 Іюня 1856 г.) обнаружилось, что опекунами надъ имуществомъ покойнаго директора департамента, дѣйств. статск. совѣтн. Шелехова, въ числѣ разныхъ бумагъ, представлено дѣло, начавшееся въ 1850 г., „по запискѣ преосвященнаго Платона, епископа рижскаго, о притѣсненіяхъ, претерпѣваемыхъ нѣкоторыми крестьянами лифляндской губерніи отъ частныхъ владѣльцевъ за принятіе православія, и *проектъ конфиденціальнаго предписанія* управляющему тамошнею палатою государственныхъ имуществъ, о приведеніи въ извѣстность и назначеніи земельныхъ участковъ для тѣхъ крестьянъ, которые будутъ изгоняемы владѣльцами съ занимаемыхъ ими земель". Далѣе, въ докладѣ разсказано все содержаніе происходившей переписки, а затѣмъ пояснено, что „обо всемъ сообщено было, 7 Марта 1850 г., князю Суворову и епископу Платону, *безъ объясненія о воспослѣдовавшей высочайшей волѣ*", что „*предписанія* управляющему лифляндскою казенною палатою объ отпускѣ денегъ *не послѣдовало*, а заготовленный *проектъ* предписанія управляющему палатою государственныхъ имуществъ *остался*, также *по неизвѣстной причинѣ, между бумагами покойнаго Шелехова*". Хотя департаментъ и спрашивалъ управляющаго палатою „были ли въ ней какія-либо дѣйствія по этому предмету, возбуждался ли вопросъ о переходѣ крестьянъ изъ помѣщичьихъ на казенныя земли и какія мѣры употреблены къ водворенію переселенцевъ, но дѣйств. стат. сов. Лиліенфельдъ отозвался, что по означенному дѣлу въ палатѣ *не было никакихъ распоряженій*". Въ виду всего сказаннаго департаментъ разсудилъ, что „хотя въ 1856 г. и не оказывалось настоятельной причины къ мѣропріятіямъ по означенному обстоятельству, но

такъ какъ нельзя отрицать возможности возбужденія впослѣдствіи подобныхъ вопросовъ, а дѣло сіе поставлено вообще въ зависимость отъ генералъ-губернатора, на утвержденіе коего поступаютъ и регуляціонные вопросы, то предварительно какого либо предписанія мѣстному управленію государственныхъ имуществъ,— отнестись къ генералъ-губернатору съ просьбою о сообщеніи въ какой степени, по ближайшимъ соображеніямъ мѣстныхъ свѣдѣній, можетъ возникать потребность правительственнаго содѣйствія по означенному предмету и какія могутъ быть употреблены мѣры къ уступкѣ земель изъ казеннаго вѣдомства". На департаментскомъ докладѣ новый директоръ, дѣйств. стат. сов. Рашевскій написалъ слѣдующую резолюцію: „Его сіятельство (т. е. министръ, графъ Киселевъ), усмотрѣвъ изъ доклада, что дѣло, возникшее въ 1850 г., по случаю несогласій между крестьянами остзейскихъ губерній и помѣщиками, *не приняло никакихъ важныхъ послѣдствій* и требованій со стороны мѣстнаго генералъ-губернатора о водвореніи крестьянъ на казенныхъ земляхъ до сего времени не было,—изволилъ приказать снестись съ княземъ Суворовымъ объ увѣдомленіи, предстоитъ ли надобность въ настоящее время въ отводѣ казенной земли, мѣрѣ, весьма затруднительной къ исполненію, нельзя ли ограничиться, въ случаѣ необходимости переселенія,—переводомъ крестьянъ въ сосѣднія западныя губерніи, гдѣ весьма достаточно свободныхъ земель". Согласно этой резолюціи посылались князю Суворову запросы трижды (отъ 26 Іюня и 7 Декабря 1856 г., и 27 Сентября 1857 г.), но ни на одинъ изъ нихъ онъ ничего не отвѣтилъ, поэтому самое дѣло сочтено было оконченнымъ и сдано, на храненіе, въ архивъ.

И вотъ радѣніе преосвященнаго Платона объ улучшеніи быта православныхъ крестьянъ, сочувствіе основной его мысли князя Суворова и разсужденія послѣдняго, поспѣшный докладъ Киселева императору Николаю I, утвержденіе имъ предположенія, редакціи правилъ и сообщеній, даже разрѣшеніе обратить всѣ мызныя земли подъ крестьянскія поселенія, — все это осталось безъ всякихъ послѣдствій, потому лишь, что въ сообщеніяхъ князю Суворову и епископу Платону, непонятно почему, не было упомянуто о послѣдовавшемъ на все это повелѣніи императора Николая, а проекты бумагъ ближайшимъ исполнителямъ распоряженій, управляющимъ лифляндскими палатами: государственныхъ имуществъ и казенною, спокойно *пролежали пять лѣтъ* въ столѣ Шелехора, который, случайно или преднамѣренно, столь долго не собрался прочесть и подписать ихъ, по какой причинѣ, — отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ унесъ съ собою въ могилу! Удивительно также, что ни самъ Киселевъ, ни подчиненные Шелехова въ продолженіи пяти лѣтъ не дознавались отъ Шелехова объ участи проектовъ, тогда какъ, по существовавшему изстари закону, всякое высочайшее повелѣніе обязательно было исполнить въ теченіе трехъ дней. Такъ или иначе, но въ результатѣ никто изъ бездомныхъ крестьянъ не воспользовался дарованною имъ льготою переселенія на мыз-

ные участки и полученія ихъ за дешевѣйшій оброкъ на всегдашнее безпрепятственное владѣніе по правиламъ, для государственныхъ крестьянъ существовавшимъ, а всѣ остались въ полной зависимости отъ мѣстныхъ помѣщиковъ, которые вольны были, по прежнему, „сгонять ихъ съ арендованныхъ участковъ, раззорять и доводить до того, что они не знали куда преклонить главу со своими семействами".

В. Н—ъ.

Странички прошлаго.

Московскіе французы въ 1812-мъ году.

Въ отечественную войну 12-го года французской колоніи въ Москвѣ жилось довольно скверно. Малѣйшая критика существующихъ политическихъ отношеній, неосторожный отзывъ о Бонапартѣ, произнесенный даже въ дружеской бесѣдѣ, могли собрать надъ головой виновнаго грозныя тучи, которыя въ лучшемъ случаѣ могли разрѣшиться кратковременнымъ арестомъ, или административной высылкой. Это была эпоха зажигательныхъ афишекъ Ростопчина, когда искусственно раздутый народный патріотизмъ, могъ завершиться такимъ безобразнымъ фактомъ, какъ смерть Верещагина... Въ это время на Московской Императорской сценѣ подвизалась труппа французскихъ артистовъ, среди которыхъ числился нѣкто Филиппъ. По всѣмъ признакамъ это былъ что называется „безшабашный малый". Любилъ выпить, покутить, частенько сталкивался съ полиціей, а однажды за „дерзновенное поведеніе" былъ посаженъ, директоромъ театровъ Майковымъ, подъ арестъ при Управѣ Благочинія и продержанъ цѣлый мѣсяцъ „на хлѣбѣ и водѣ". Такого артиста при томъ еще національностью француза, постигла весною 1812 г. нежданная бѣда. Былъ онъ какъ то въ „кофейномъ домѣ" и, отзывался неприлично насчетъ правительства, говорилъ между прочимъ, что если начнется война у Россіи съ Франціей, то Императоръ Наполеонъ не только, что разобьетъ наши войска, но войдетъ въ предѣлъ Россіи, даруетъ всѣмъ состояніямъ свободу и вольность, и тогда все дворянство до послѣдняго будетъ истреблено". Произнесено это было публично, къ несчастію для Филиппа въ присутствіи пріятеля его, тайнаго агента русскаго правительства, немедленно о томъ донесшаго. Началось слѣдствіе, доложили государю. Собственно разслѣдованіе дѣла не обнаружило болѣе серьезныхъ уликъ кромѣ тѣхъ, которыя были выше приведены нами; за то вполнѣ выяснились своеобразныя рѣчи тайнаго агента, очевидно тонкаго знатока своей спеціальности. Агентъ этотъ, какъ писалъ въ Петербургъ московскій главнокомандующій гр. Гудовичъ, присягнулъ на подданство Россіи и давно уже извѣстенъ былъ полиціи за искуснаго „провокатора". „Дерзкія слова, Филиппомъ говоренныя, произнесены были въ одномъ кофейномъ домѣ среди

иностранцевъ, между которыми секретный доноситель считается пріятелемъ и бываетъ въ частой съ ними бесѣдѣ, приглашаетъ ихъ нерѣдко къ себѣ и самъ ихъ посѣщаетъ для удобнѣйшаго развѣдыванія о образѣ ихъ сужденій и разговоровъ, но совсѣмъ тѣмъ онъ не иначе согласился принять сію должность, какъ на такомъ только условіи, чтобы лично ни въ какомъ случаѣ не былъ употребляемъ для уликъ, дабы по изобличеніи себя какимъ ни есть образомъ, не могъ онъ подпасть, со всѣмъ своимъ семействомъ, общей ненависти живущихъ здѣсь иностранцевъ и устроить свое несчастіе" [1]).—Любопытно, что на такомъ основаніи графъ Гудовичъ не разъ скрывалъ фамилію агента (переписка все время велась секретно), и категорически отказывался исполнить желаніе министра полиціи (Балашова) учинить подробный допросъ Филиппу, который по его (Гудовича) словамъ, благодаря извѣстной своей дерзости, никакими уликами не могъ бы быть приведенъ къ чистосердечному раскаянію. „По всѣмъ симъ уваженіямъ, оправдывался главнокомандующій, не могъ я рѣшиться, призвавъ его къ себѣ, взять съ него допросъ и дать ему очную съ тѣмъ иностранцемъ ставку, дабы черезъ то не обнаружить его самого и не лишиться впослѣдствіе времени возможности получать черезъ него какія либо дальнѣйшія свѣдѣнія, по извѣстной мнѣ его съ иностранцами связи, которую онъ съ особеннымъ искусствомъ поддерживать умѣетъ, посѣщая всѣ тѣ мѣста, гдѣ бываетъ какое нибудь скопище иностранцевъ и надъ которымъ полиція имѣетъ всегда подъ рукою бдительнѣйшее смотрѣніе. А что между нимъ и Филиппомъ не было никакой вражды и злобы, то сему доказательствомъ служитъ до сихъ поръ продолжающаяся между ихъ женами тѣсная связь и дружба" [2]). Тѣмъ временемъ нашего героя препроводили подъ строгимъ карауломъ въ Петербургъ и дальнѣйшая судьба его осталась неизвѣстной московскимъ властямъ. Вѣрнѣе всего его выслали заграницу. Нѣчто болѣе серьезное случилось нѣсколько дней спустя. Въ томъ же „кофейномъ домѣ", гдѣ недавно неосторожно сболтнулъ Филиппъ, теперь попалась цѣлая компанія иностранцевъ. На этотъ разъ виновными оказались: два француза учителя Этьенъ и Геро, занимавшіеся: первый въ домѣ сенатора князя Масальскаго, а второй у генералъ-маіора князя Одоевскаго и итальянецъ Чорнини. Преступленія ихъ были разнородныя, но въ общемъ сводились къ пораженію Россіи и восхищенію передъ Наполеономъ, героемъ и побѣдителемъ. Этьенъ напр., повидимому легкомысленнѣе другихъ, отзывался „весьма непристойными и даже дерзкими выраженіями насчетъ Россіи", говоря между прочимъ: „Русскіе не могутъ терпѣть насъ французовъ, а особливо нынѣ, когда должны признать надъ собою власть императора Наполеона". Затѣмъ онъ хвастался письмомъ, полученнымъ будто-бы изъ Петербурга. Пріятель писалъ ему, «что все идетъ по желанію Бонапарте, однако же война неизбѣжна, поелику графъ Лористонъ [3]) долженъ быть вскорѣ или

[1]) Архивъ старыхъ дѣлъ Москов. Губ. Правленія, д. № 189797—2.

[2]) Томъ-же.

[3]) Французскій посланникъ при Русскомъ Дворѣ.

отозванъ или смѣненъ. По всюду заключать можно, что въ Россіи произойдетъ скоро жесточайшая революція, къ которой ведетъ непомѣрная дороговизна и тотъ, кто бѣденъ, долженъ прибѣгнуть къ воровству, чтобы не умереть съ голоду». Въ довершеніе всего онъ сказалъ: «жалѣю очень, что на сей разъ не взялъ съ собой стиховъ, сочиненныхъ г. Геро о настоящемъ положеніи Россіи. Въ нихъ онъ чудеснымъ образомъ изображаетъ низкій и подлый характеръ сей варварской націи. На сихъ дняхъ онъ далъ копію съ сихъ стиховъ г. Дорфіему (французскому агенту), который совѣтовалъ ему оные истребить, присовокупляя къ тому, что если по несчастью сочинитель узнанъ будетъ, то никакъ не избѣжитъ Сибири [1]).—Послѣ такихъ признаній откровенность третьяго обвиняемаго, итальянца Чорнини, кажется наивной и смѣшной. Онъ утверждалъ, что Бонапарте непремѣнно черезъ три года придетъ въ Россію учить русскихъ и прогонитъ ихъ къ полякамъ. Само собой разумѣется, возникло «дѣло» и переписка... По распоряженію изъ Петербурга виновнаго посадили подъ арестъ. Впрочемъ Этьена, какъ «присягнувшаго на подданство Россіи», обязали подпиской не выѣзжать изъ дому и подвергли тщательному допросу. На попытку оберъ-полиційместера, секретно производившаго дознаніе, выяснить мотивы преступленія, обвиняемые иностранцы виновными себя не признали, причемъ отрицали: Этьенъ—возможность приписываемыхъ ему рѣчей, Геро—авторство, а итальянецъ Чорнини, человѣкъ «самаго бѣднаго состоянія» ссылался прямо на нетрезвое свое поведеніе, лишавшее его способности давать себѣ отчетъ въ сказанномъ. Затѣмъ повторилась та-же исторія, что и съ актеромъ Филиппомъ, т. е. московскій главнокомандующій отказывался провѣрить показанія тайнаго агента путемъ очной ставки его съ обвиняемыми и т. д. Въ концѣ концовъ рѣшеніемъ комитета министровъ всѣ трое иностранцевъ были приговорены къ ссылкѣ «на время настоящихъ обстоятельствъ» въ сибирскіе города и должны были быть отправлены въ Пермь. Предварительно, однако, отправки московское начальство попыталось облегчить участь одного изъ несчастныхъ, именно Этьена, можетъ быть вслѣдствіе ходатайства кн. Масальскаго. Послѣдній «ручался за поведеніе» своего француза и гр. Гудовичъ, противупоставилъ это обстоятельство бездоказательности взведеннаго на учителя обвиненія [2]), просилъ замѣнить ему ссылку—оставленіемъ его въ Москвѣ подъ надзоромъ полиціи. Неизвѣстно только, какъ принято было это ходатайство въ Петербургѣ, гдѣ дни самаго фельдмаршала были къ тому времени сочтены [3]). Въ оправданіе подозрительности русскихъ властей слѣдуетъ сказать, что случаи поимки шпіоновъ враждебныхъ намъ правительствъ были нерѣдкимъ явленіемъ въ современной административной практикѣ. Передъ нами лежитъ краткое, но не

---

[1]) Архивъ ст. д. Моск. Губ. Прав., д. № 189, 788/3.

[2]) Этьенъ въ взводимомъ на него преступленіи никакими доводами не изобличенъ, хотя всемѣрное къ тому прилагаемо было стараніе", писалъ Гудовичъ.

[3]) Гр. Гудовичъ былъ смѣщенъ въ маѣ 1812 г.

лишенное интереса дѣло о шпіонѣ Бонапарта Карлѣ Корнеліусѣ Шафнерѣ, шевалье де-Варримонтъ, отправленномъ лѣтомъ 1815 г. изъ Варшавы въ Вятскую губернію.[1]) Шпіонъ этотъ считался «однимъ изъ важнѣйшихъ агентовъ» правительства Наполеона, почему путешествіе его по Россіи было обставлено всевозможными предосторожностями. Шевалье сопровождалъ конвой изъ одного офицера и двухъ рядовыхъ-драгунъ, снабженныхъ особой инструкціей на счетъ преступника. Въ Вяткѣ шпіона ждалъ не менѣе строгій наказъ мѣстному губернатору фонъ-Брадке, который долженъ былъ «назначить Варримонту приличное мѣсто и имѣть строжайшій присмотръ, дабы шпіонство его во всякомъ отношеніи могло быть совершенно безвредно». Но Брадке, безъ дальнихъ разговоровъ, посадилъ его въ одиночное заключеніе.

Бар. Н. П. Дризенъ

Фридрихъ Великій и печать.

Людовикъ Саломонъ недавно издалъ „Исторію нѣмецкой газеты съ ея перваго появленія до возстановленія нѣмецкаго государства". Пока появился первый томъ, трактующій о 16, 17 и 18 вѣкахъ. Мы надѣемся еще поговорить объ этой интересной книгѣ а теперь скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи Фридриха Великаго къ печати.

Фридрихъ Великій сразу понялъ силу печатнаго слова и старался воспользоваться имъ. Въ особенности онъ старался оправдывать посредствомъ печати свои дѣйствія въ области внѣшней политики и такимъ образомъ привлекать общественное мнѣніе на свою сторону и составить благопріятное для себя настроеніе. Рейнгольдъ Козеръ увѣряетъ, что большинство статей, долженствовавшихъ разъяснить его дѣйствія и поступки, принадлежали перу самого короля, многія были написаны по плану, составленному имъ, другія были вызваны его совѣтомъ или даже приказаніемъ.

Фридрихъ Великій пользовался газетой и въ случаяхъ неважныхъ. Такъ напр., когда въ 1773 г. уволили балетмейстера Пуатье, король прислалъ въ редакцію „Berliniche Zeitung" объясненіе, что уволенный себѣ слишкомъ много позволялъ по отношенію къ товарищамъ и погрѣшилъ въ отношеніи дирекціи „тысячью дерзостей". Подобные нелестные слухи ходили о балетмейстерѣ лишь потому, что съ нимъ вмѣстѣ скрылась и любимица публики балерина Роландъ. Другой разъ король написалъ статью о ржаномъ кофе, стараясь этимъ сохранить въ странѣ деньги, идущія обыкновенно на покупку заграничнаго, колоніальнаго напитка.

Само собой разумѣется, что гораздо больш. значеніе имѣютъ его политическія статьи. Въ началѣ своей рьбы съ Австріей онъ послалъ въ „Berliniche Zeitung" слѣдующую замѣтку, чтобы по возможности смягчить свое поведеніе: „По высочайшему приказанію публику извѣщаютъ о томъ, что заглавіе „манифестъ", данное статьѣ, появившейся во французской газетѣ 31 декабря

[1]) Архивъ ст. д. Моск. Губ. Пр., д. № 71100.

1748 г., ошибочно. Нѣмецкій оригиналъ „о вступленіи войскъ въ Силезію“, напечатанный Его Королевскимъ Величествомъ, нашимъ всемилостивѣйшимъ государемъ, совсѣмъ не носитъ названія манифеста, а только долженъ разсѣять страхъ жителей Шлезвига передъ вторгнувшимися къ нимъ войсками“.

Иногда было невозможно такъ просто посылать въ редакцію статьи, съ которыми король желалъ ознакомить публику. Въ такихъ случаяхъ приходилось дѣйствовать весьма осторожно. Когда началась семилѣтняя война, Фридриху Великому было необходимо создать въ народѣ мнѣніе, будто онъ былъ вынужденъ открыть военныя дѣйствія, благодаря начавшемуся въ Австріи и Моравіи вооруженію. Вслѣдствіе этого министръ графъ Подевиль получаетъ 24-го іюля 1756 г. приказаніе отъ Фридриха Великаго опубликовать извѣстіе, полученное якобы извнѣ Пруссіи „о начавшихся въ Имперіи приготовленіяхъ къ войнѣ“. Содержаніе статей должно было быть приблизительно слѣдующее: давно уже ходятъ слухи объ образованіи въ Богеміи и Моравіи двухъ лагерей и о выступленіи двухъ полковъ даже изъ Венгріи. Графъ Подевиль поручилъ тайному совѣтнику Варендорфу повліять въ такомъ духѣ на редактора газеты и внушить ему, чтобы говорилъ, если будетъ необходимость, что онъ получилъ эти извѣстія отъ своихъ гамбургскихъ корреспондентовъ. Статья эта дѣйствительно появилась 27-го іюля въ „Spennerche Zeitung“. Но король этимъ не ограничился. Пришлось напечатать еще одну статью и обѣщать еще нѣсколько статей о ходѣ вооруженія въ Австріи. При этомъ редактору газеты былъ отданъ строгій приказъ, что въ случаѣ какой-нибудь министръ спроситъ его откуда онъ получаетъ подобныя извѣстія, сказать, что онъ получалъ съ разныхъ сторонъ письма и видѣлъ много путешественниковъ, говорившихъ все о томъ-же. И на этотъ разъ министръ Подевиль просмотрѣлъ статью, набросанную Варендорфомъ и самъ расчиталъ какимъ слѣдуетъ помѣтить числомъ, чтобы производило впечатлѣніе, что письмо пришло по почтѣ изъ Нюрнберга.

Когда Фридриху становилось непріятно, что среди жителей столицы распространялись слухи о намѣреніяхъ и планахъ короля, то онъ нерѣдко прибѣгалъ къ весьма страннымъ мѣрамъ лишь-бы покончить съ подобными ненужными толками. Въ 1767 г. распространился слухъ, будто король готовитъ новый походъ; и вотъ 5-го марта появляются въ „Spennerche Zeitung“ а также и въ „Phössiche Zeitung“ длинныя описанія о страшномъ опустошительномъ градѣ, выпавшемъ въ окрестностяхъ Потсдама. Авторы очень подробно остановились на разсказѣ объ ужасѣ, охватившемъ жителей и объ опустошеніи и нуждѣ господствующихъ въ пострадавшей мѣстности. Берлинцы приняли близко къ сердцу несчатье, постигшее бранденбуржцевъ. Но каково было ихъ изумленіе, когда путешественники, прибывшіе на слѣдующій день изъ Потсдама увѣряли, что ничего подобнаго у нихъ не случалось, что вся эта исторія простая выдумка! Фридрихъ былъ въ восторгѣ: ему удалось посмѣяться надъ своими подданными и отомстить имъ за ихъ болтовню; съ другой стороны, онъ до-

бился желаемаго: слухи сразу смолкли. Но этотъ маневръ имѣлъ еще комическій эпилогъ. Въ одномъ журналѣ,—редактируемымъ проф. І. Д. Тихіус'омъ въ Лейпцигѣ: „общедоступныя толкованія о пониманіи природныхъ явленій и отношеній къ нимъ",—въ слѣдующемъ выпускѣ появилось „вѣроятное разъясненіе причинъ, разыгравшихся въ Потсдамѣ природныхъ чудесъ".

Иногда король возставалъ противъ подавленнаго настроенія, охватившаго его подданныхъ. Въ тяжелыя времена 30-го іюля 1761 г. онъ напечаталъ эдиктъ: „среди публики есть праздные люди, забавляющіеся вымышленіемъ и распространеніемъ ложныхъ и грустныхъ извѣстій. Мы предупреждаемъ, чтобы всѣ были осторожны при распространеніи подобныхъ небылицъ, такъ какъ будемъ добираться до ихъ источника. Узнать виновника не можетъ быть трудно, такъ какъ каждый будетъ въ состояніи указать черезъ кого до него дошли ложные слухи. Тому, на комъ остановится указаніе, грозитъ заключеніе, смотря по положенію въ тюрьмѣ, въ крѣпости или въ рабочемъ домѣ".

Въ берлинскихъ газетахъ печатались лишь извѣстія о военныхъ планахъ короля, къ печатанію которыхъ онъ самъ давалъ разрѣшеніе. Такимъ образомъ объясняется, что многія политическія новости появлялись въ газетахъ лишь очень поздно, когда онѣ уже были всѣмъ извѣстны изъ писемъ и изъ разсказовъ путешественниковъ. Рамлеръ пишетъ 12-го августа Глейм'у: „Наши черные и желтые гусары частью загнали въ рѣку, частью убили 5000 казаковъ. Мы этого не раструбили въ нашей газетѣ; но теперь вышло разрѣшеніе печатать это извѣстіе".

Король самъ писалъ о ходѣ событій во время войны въ Силезіи. Статьи его появлялись въ „Spennerche Zeitung" подъ заглавіемъ: „Письма очевидца". Само собой разумѣется, что имя автора было тайной для всѣхъ и что король говорилъ о себѣ въ третьемъ лицѣ. Только спустя столѣтіе узналось чьему перу принадлежатъ эти письма, благодаря Дройзену, собравшему ихъ въ 1876 г. въ приложеніи къ „еженедѣльному военному листку". Во время семилѣтней войны Фридрихъ Великій составилъ нѣсколько „сообщеній" и послалъ большинство изъ нихъ въ берлинскія газеты. Иногда король прибавлялъ къ нимъ замѣтку: „Разрѣшено печатать. Фридрихъ".

Князь Бисмаркъ въ 1866 году.

Въ „Deutsche Revue", помѣщены воспоминанія генерала Стефана Тюрра бывшаго личнаго адъютанта итальянскаго короля [1]) о томъ, какъ Бисмаркъ поощрялъ мадьяръ къ возстанію наканунѣ войны между Пруссіей и Австріей. Уже весною 1866 г. чувствовалась бли-

[1]) Тюрръ, Стефанъ, венгерскій генералъ, родился въ 1815 году. Началъ службу волонтеромъ въ австрійской арміи. Въ 1849 г. бѣжалъ въ Піемонтъ и командовалъ легіономъ въ сраженіи при Наваррѣ. Участвовалъ въ восточной войнѣ въ 1855 г., былъ арестованъ австрійцами въ Бухарестѣ и приговоренъ къ смерти. Его спасло ходатайство королевы Викторіи. Участвовалъ потомъ въ экспедиціяхъ Гарибальди.

зость разрыва между Берлиномъ и Вѣною. Когда же генералъ Гованъ (Govone) отправился въ Берлинъ, очевидно, для подготовленія прусско-итальянскаго союза, воспрянули духомъ и венгерскіе эмигранты: они хотѣли воспользоваться благопріятнымъ моментомъ, чтобы извлечь возможно больше выгодъ для венгерскаго народа. Кошутъ немедленно началъ зондировать почву во Флоренціи, а генералъ Тюрръ представилъ планъ кампаніи, основанный на историческихъ данныхъ, въ особенности на походахъ Наполеона I въ 1809 г. Италія должна была по примѣру тогдашняго своего вице-короля Евгенія перейти черезъ низовье По, а Пруссія вторгнуться въ Богемію; общая операціонная цѣль кампаніи, Вѣна—Венгрія, въ началѣ не можетъ оказать большой помощи: Венгрія могла бы вести лишь партизанскую войну, препятствовать вербовкѣ резервистовъ и подвозу провіанта въ Австрію.

Прусскій посланникъ во Флоренціи графъ фонъ-Узедомъ одобрилъ этотъ проектъ и отправилъ его въ Берлинъ. Итальянскій министръ Ламармора напротивъ говорилъ очень уклончиво и даже утверждалъ, что Пруссія никакого венгерскаго движенія не желаетъ. Графъ Тюрръ 10-го іюня отправился въ Берлинъ и немедленно былъ принятъ Бисмаркомъ. „Я васъ думалъ увидѣть совершенно другимъ" встрѣтилъ его этими словами Бисмаркъ. „Я ожидалъ увидѣть стараго, сгорбеннаго генерала, а вы еще совершенно молодой, полный силъ, человѣкъ".

„Я также крайне удивленъ",—отвѣтилъ графъ Тюрръ. „Васъ, проработавшаго такъ долго на дипломатическомъ поприщѣ, я представлялъ себѣ сгорбленнымъ старикомъ, и вижу передъ собой мощнаго гиганта".

Бисмаркъ приступилъ прямо къ дѣлу: „мнѣ еще не удалось убѣдить короля,—сказалъ онъ, въ необходимости немедленно же объявить войну. Mais n'importe! я уже слишкомъ далеко зашелъ... и отступать поздно!"

Графъ Тюрръ въ короткихъ словахъ познакомилъ Бисмарка со своимъ планомъ и прибавилъ „А вамъ извѣстно, что итальянцы не согласны съ моими предположеніями". „А вы почему такъ думаете",—встрепенулся Бисмаркъ.

„Я не былъ на военномъ совѣтѣ, но хорошо знаю генерала Ламармора: онъ никогда не согласится на это". Бисмаркъ удивленно пожалъ плечами и воскликнулъ: „но вѣдь предлагаемый вами планъ кампаніи самый лучшій! Завтра состоится рано утромъ совѣтъ у короля", продолжалъ онъ. „Мольтке и Ронь будутъ тамъ присутствовать, и я надѣюсь добиться объявленія войны и согласія на участіе Венгріи. Приходите пожалуйста завтра утромъ между $10^1/_2$ и 11 час., et nous verrons ce que je puis obtenir.

На другое утро Бисмаркъ принялъ генерала Тюрра въ саду съ распростертыми объятіями.

„Eh bien!"—вскричалъ онъ,—„война рѣшена, участіе Венгріи тоже". Пришлите ко мнѣ поскорѣе генерала Клапка, мнѣ нужно поговорить съ нимъ объ организаціи венгерскаго легіона. Ахъ если бы императоръ Наполеонъ былъ съ нами за-одно,—прибавилъ онъ. Я бы ему предложилъ всѣвозможныя выгоды: Бель-

гію, Люксембургъ. Если вы поѣдете, какъ намѣреваетесь, черезъ Парижъ, то пожалуйста поговорите объ этомъ съ принцемъ Наполеономъ.

Прибывъ въ Парижъ, графъ Тюрръ немедленно отправился къ принцу Наполеону, котораго засталъ за завтракомъ въ обществѣ французскихъ офицеровъ.

Увидавъ, что французы сомнѣваются въ успѣхѣ Пруссіи и Италіи въ предстоящей войнѣ и доказавъ, насколько могъ противное, онъ сообщилъ принцу Наполеону слова Бисмарка. Тотъ хотя и высказалъ, что императоръ очень недоволенъ Австріей за неочищеніе Венеціи, но отвѣта никакого не далъ. Генералъ Тюрръ не имѣлъ времени ждать и выѣхалъ немедленно во Флоренцію. Графъ Узедомъ встрѣтилъ его слѣдующими словами: „вы думаете, что все въ порядкѣ?—Далеко нѣтъ. Генералъ Ламармора и слышать ничего не хочетъ объ участіи Венгріи. Я уже сообщилъ объ этомъ въ Берлинъ и получилъ оттуда слѣдующій отвѣтъ отъ Бисмарка: „Настаивайте энергичнѣе, чтобы согласились на участіе венгерцевъ. Уклоненіе Ламармора внушаетъ намъ подозрѣніе, дѣйствительно ли Италія желаетъ войны. Мы открываемъ военныя дѣйствія въ началѣ слѣдующей недѣли. Необъяснимое колебаніе Италіи соединиться съ Венгріей кажется намъ очень страннымъ“.

Взявъ копію съ этой депеши, генералъ Тюрръ отправился къ королю, передалъ ему подробности о своей поѣздкѣ въ Берлинъ и показалъ копію съ депеши.

„Съ Ламарморомъ ничего не подѣлаешь“,—сказалъ король,—„но это ничего. Черезъ два дня я возьму его съ собой къ войскамъ, министръ-президентомъ останется Риказоли и сдѣлаетъ все возможное, чтобы вы могли скорѣе уѣхать“.

Хотя съ удаленіемъ Ламармора дѣло пошло успѣшнѣе, но Риказоли такъ же медлилъ сдѣлать необходимыя распоряженія.

Между тѣмъ въ Берлинѣ выражали нетерпѣніе. 23-го іюня генералъ Тюрръ получилъ слѣдующее сообщеніе отъ графа Узедома: „посылаю вамъ точную копію съ телеграммы графа Бисмарка, полученной мною сегодня ночью: война объявлена со всѣхъ сторонъ; мы придаемъ большое значеніе тому, что будетъ предпринято со стороны Сербіи; очень желательно, чтобы генералъ Тюрръ отправился туда въ самомъ непродолжительномъ времени. Употребите все ваше вліяніе“. Поэтому прошу васъ, генералъ, ускорить исполненіе ввѣренной вамъ важной задачи. Я съ своей стороны постараюсь сказать нѣсколько словъ барону Риказоли.

24-го іюня послѣдовала битва при Кустоццѣ, гдѣ итальянцы, вслѣдствіе неудачнаго расположенія войскъ Ламарморомъ, понесли пораженіе. Тогда только Риказоли понялъ, что дѣйствовать нужно быстро. 26 іюня графъ Тюрръ получилъ приказаніе приготовиться къ отъѣзду, но пароходы ходили рѣдко, и онъ выѣхалъ въ Ливорно лишь 2 іюля. Прибывъ въ Золотой Рогъ 10 іюля, онъ долженъ былъ нѣсколько дней дожидаться частнаго парохода. Въ это время онъ успѣлъ успокоить своихъ турецкихъ друзей, что движеніе направлено исключительно противъ Австріи. Въ

Румыніи онъ былъ принятъ съ предупредительностью. Ему не только было обѣщано выдать хранившееся у нихъ оружіе, посланное Наполеономъ III въ 1859 г. венгерцамъ для подобной же цѣли, но и поддержать, насколько возможно, венгровъ. Въ Бѣлградъ прибылъ онъ 25 іюля ночью, и къ 27 іюля, когда было заключено Никольсбургское перемиріе, успѣлъ достичь многаго: повидаться съ Гарашаниным, обѣщавшимъ ему матеріальную и нравственную поддержку. Сербскій король хотѣлъ черезъ 8 дней начать снова военныя дѣйствія. Тюрръ и Оресковичъ съ добровольцами должны были проникнуть въ Кроацію и нижнюю Венгрію и произвести тамъ возстаніе.

Между тѣмъ венгерскіе комитеты оставались въ полномъ бездѣйствіи. 9-го іюля прибыла въ Пештъ императрица Елисавета со своими дѣтьми. Она была принята хотя не съ такимъ воодушевленіемъ, какъ Марія-Терезія, но достаточно торжественно. Ее называли „nostra", это было большимъ ударомъ для дѣла возстанія; примирительная партія становилась съ каждымъ днемъ все сильнѣе.

Генералъ Тюрръ телеграфировалъ въ Берлинъ и Флоренцію о точномъ указаніи, дѣйствительно ли 2 августа откроются военныя дѣйствія, чтобы они могли примкнуть къ воюющимъ. Въ это время генералъ Ламармора дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы парализовать успѣхи генерала Тюрра. Послѣ Никольсбургскаго перемирія во Флоренціи стали дѣйствовать съ большой осторожностью. Сербское правительство очень желало поддержать генерала Тюрра, но дѣйствовать явно могло бы только лишь въ томъ случаѣ, если бы война противъ Австріи была продолжена. Изъ Флоренціи было получено извѣстіе, что Кошутъ направился въ Феррара, въ королевскую главную квартиру, гдѣ находились принцъ Наполеонъ и Риказоли. Совершенно иначе держала себя относительно венгровъ строго легитимистская Пруссія: генералъ Клапка составилъ наскоро легіонъ изъ 1.600 человѣкъ. Когда получено было извѣстіе о перемиріи, онъ хотѣлъ на свой страхъ вторгнуться въ верхнюю Венгрію, чтобы нарушеніемъ перемирія втянуть пруссаковъ и снова начать военныя дѣйствія. Но до этого его не допустили. Все-таки составленіе венгерскаго легіона и дѣйствія генерала Тюрра въ Сербіи и Румыніи, даже во время мирныхъ переговоровъ, служили угрозою противъ Австріи. Доказательствомъ тому были слѣдующія депеши графа Бисмарка: 8 августа генералъ Тюрръ получилъ отъ прусскаго консульства въ Бѣлградѣ депешу: „сообщите генерала Тюрру, что организація венгровъ здѣсь поддерживается, пусть и онъ продолжаетъ свои дѣйствія". Точно такая же депеша была послана Бисмаркомъ генералу Тюрру и въ Бухарестъ.

Однако практическаго значенія депеши эти для генерала Тюрра не имѣли, потому что одновременно онъ получилъ категорическое приказаніе отъ итальянскаго правительства прекратить всѣ дѣйствія.

Послѣдняя депеша отъ 26 августа гласила: „война окончилась, и остается лишь дружба къ Венгріи и благодарность къ Сербіи".

Дальнѣйшая поддержка венгерскихъ легіоновъ была невозможна— это значило бы компрометировать Сербію въ глазахъ австрійскаго правительства.

Въ слѣдующемъ году генералъ Тюррь написалъ брошюру о мирномъ разрѣшеніи восточнаго вопроса (Solution pacifique de la question d'Orient) и послалъ два экземпляра маіору фонъ-деръ-Бургъ, помощнику начальника прусскаго генеральнаго штаба. Узнавъ отъ послѣдняго, что прусское правительство очень серьезно смотритъ на положеніе придунайскихъ княжествъ и заинтересовалось его брошюрою, генералъ Тюррь немедленно отправился въ Берлинъ, чтобы поближе познакомиться съ положеніями прусской политики. При свиданіи съ графомъ Бисмаркомъ, послѣдній сказалъ ему: „вы подошли къ самымъ стѣнамъ Вѣны, но не вошли въ нее. Императоръ Наполеонъ вступился за Австрію. Скоро настанетъ совершенно другое положеніе, когда Венгрія получитъ свою конституцію, императоръ коронуется королемъ Венгріи, тогда она совершенно удовлетворится. Цѣною же нижняго Тироля Австрія могла бы даже помириться съ Италіей. Но этого она никогда не сдѣлаетъ; въ Австріи не найдется государственнаго человѣка, настолько проницательнаго, чтобы рѣшиться на это. Все это опять-таки мы сдѣлаемъ. Мы отдадимъ южный Тироль Италіи, но только не Тріестъ: Тріестъ это будущая гавань Германіи на Адріатическомъ морѣ. Вотъ послушайте, какъ можно поступать съ Австріею. Когда я въ 1865 г. заключилъ въ Гастейнѣ съ графомъ Рехбергомъ шлезвигъ-гольштинскій кондоминіумъ, послѣ ужина я купилъ у него за нѣсколько сотъ тысячъ талеровъ и герцогство Лауенбургское. Я поступилъ такъ, чтобы показать этимъ простоватымъ нѣмецкимъ принцамъ (pour faire voir à ces nigauds de princes allemands), что Австрія способна продавать даже то, что ей не принадлежитъ".

„При заключеніи Никольсбургскаго перемирія, — продолжалъ графъ Бисмаркъ,—австрійскіе уполномоченные совершенно забыли своихъ южно-германскихъ союзниковъ. Я немедленно же написалъ послѣднимъ, что Австрія думаетъ только о себѣ и ни единаго слова не замолвила въ договорѣ о своихъ союзникахъ, и тотчасъ же поставилъ имъ ультиматумъ: немедленно войти въ союзъ съ Пруссіей, иначе обращу всѣ свои военныя силы противъ нихъ. Разумѣется, мое предложеніе было принято. Черезъ два дня явились австрійцы и предложили дополнительныя условія въ пользу „своихъ союзниковъ". Я отвѣтилъ, понятно, что это совершенно лишнее, такъ какъ южныя княжества состоятъ уже союзниками Пруссіи".

Во время этого разговора генералу Тюррь вдругъ пришла мысль, не думаетъ ли Бисмаркъ о войнѣ съ Франціей. „Я долженъ замѣтить",—обратился онъ къ графу Бисмарку, что, „если вы когда-либо объявите войну Франціи, то мнѣ придется быть противъ васъ. Положимъ, я лично не имѣю для васъ никакого значенія, но надѣюсь, что вся либеральная партія, бывшая на вашей сторонѣ въ 1866 г., обратится противъ васъ".

При этихъ словахъ Бисмаркъ измѣнился даже въ лицѣ, но

быстро овладѣлъ собой и тихо проговорилъ: „я совсѣмъ не хочу войны съ Франціей. Еще недавно я говорилъ по этому поводу съ комендантомъ города Страсбурга, генераломъ Дюкро. Я спросилъ его, почему вы во Франціи желаете войны!“ — „Parce que nous sommes le coq“, — отвѣтилъ онъ, а я ему на это сказалъ: „eh bien nous ferons la poule“.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Бисмаркъ нѣсколько разъ просилъ генерала Тюрра передать императору Наполеону, что Бенедетти прекрасный посолъ, но, какъ корсиканецъ, нѣсколько горячъ [1]). Когда генералъ Тюрръ передалъ этотъ разговоръ въ Тюильри, императоръ Наполеонъ выразился такъ: „я вполнѣ понимаю, что Бенедетти не особенно удобенъ для г-на Бисмарка; вѣдь онъ ему такъ много наобѣщалъ! Вообще онъ предлагаетъ намъ многое, что ему вовсе не принадлежитъ“.

[1]) Прибавилъ: передайте его величеству, что я готовъ испросить у моего короля въ теченіе нѣсколькихъ недѣль согласія на всякое желаніе, съ которымъ его величеству будетъ угодно обратится ко мнѣ письменно. Его величество знаетъ мои мысли о Бельгіи изъ проекта договора, продиктованнаго мною господину Бенедетти. Что касается Люксембурга, то я не буду и спрашивать, за Францію ли большинство, я прямо скажу „prenez le“.

Изъ архива литературнаго и историческаго.

Запоздавшее „Воскресное письмо“ *В. С. Соловьева.*

Печатаемое ниже письмо столь преждевременно умершаго В. С. Соловьева было передано въ редакцію газеты «Русь» въ 1898 году, но не могло быть помѣщено своевременно въ этой, вскорѣ прекращенной (въ декабрѣ того-же года) по распоряженію цензуры, газетѣ. Утративъ свою злободневность, это письмо несомнѣнно сохранило интересъ по глубинѣ высказанныхъ въ немъ взглядовъ. Пользуясь разрѣшеніемъ покойнаго «когда-нибудь» напечатать это письмо, мы помѣщаемъ здѣсь цѣликомъ его драгоцѣнныя строки, думая, что извлеченіемъ изъ подъ спуда словъ одного изъ представителей гималаевъ человѣческой мысли, съ которымъ, можетъ быть, и можно было иногда не соглашаться, но котораго нельзя было не уважать, мы оказываемъ посильную съ нашей стороны «поминку» великому угасшему свѣтильнику духа.

М. Головинскій.

Духовное состояніе русскаго народа [1].

Въ отдѣлѣ *Утвержденіе вѣры и благочестія,* въ главѣ *Положеніе православія въ холмско-варшавской епархіи* всеподданнѣйшій отчетъ сообщаетъ, что между преданными православію прихожанами не мало такихъ, которые не ставятъ большой разницы между «костеломъ» и «церковью» и, почитая православные праздники, въ то-же время празднуютъ и католическіе, оправдываясь тѣмъ, что «грѣха никакого мнѣ не будетъ, если я вмѣстѣ съ православными обычаями соблюдаю и другіе христіанскіе». Находя это грустнымъ, отчетъ продолжаетъ: «Но особенно грустное явленіе въ церковно-религіозной жизни холмско-варшавской епархіи, сопровождающееся край-

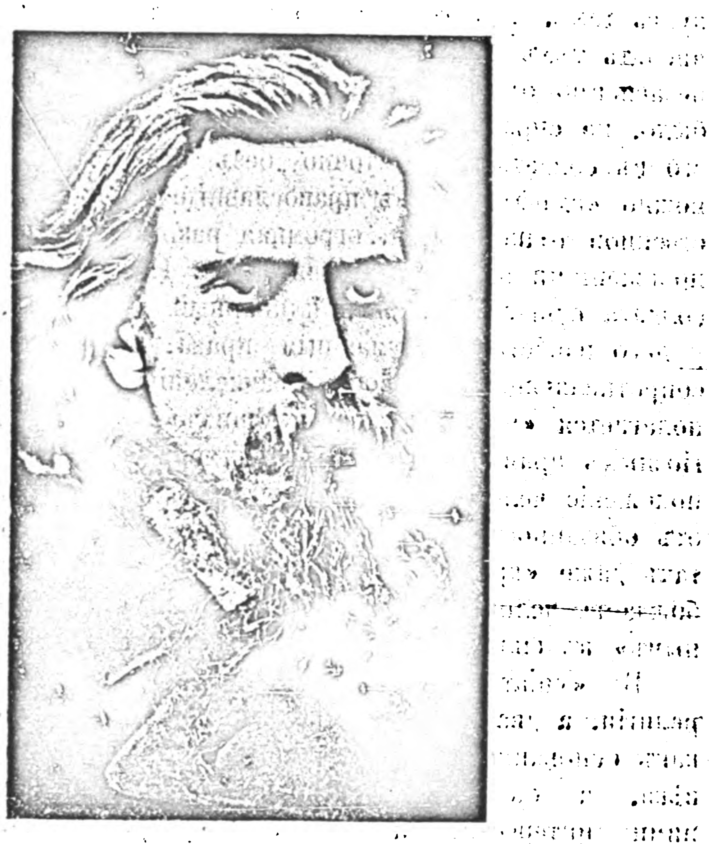
---

[1]) См. начало XXII „Воскр. письма“ „Русь“ 1898 г.

нимъ вредомъ для положенія православія въ этомъ краѣ, — это упорное отчужденіе отъ православной церкви весьма значительной части бывшихъ греко-уніатовъ и стремленіе ея къ переходу въ католицизмъ. По имѣющимся въ мѣстномъ епархіальномъ управленіи статистическимъ свѣдѣніямъ, число упорствующихъ въ 1895 году простиралось до 73,175 душъ. Вся эта масса коснѣющихъ въ уніатскихъ и католическихъ заблужденіяхъ или остается внѣ всякаго попеченія церкви, не исполняя никакихъ таинствъ и духовныхъ требъ, или тайно совершаетъ таковыя въ заграничныхъ и мѣстныхъ костелахъ. Всѣ *упорствующіе* изъ года въ годъ живутъ надеждою, что рано или поздно имъ будетъ дозволено перейти въ католицизмъ» (стр. 154). Далѣе, въ отчетѣ православные, католики и упорствующіе ставятся въ одинъ рядъ, какъ-бы три особыя религіи, при чемъ говорится о *нерасположеніи* упорствующихъ къ православію и объ уклоненіи нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ всякаго общенія съ православными. Ясно, такимъ образомъ, что дѣло идетъ о людяхъ, непринадлежащихъ и нежелающихъ принадлежать къ православію; но административнымъ актомъ 1875 г. эти люди объявлены возсоединенными къ православію и, какъ подтверждено недавно изданными синодскими правилами, всѣ они въ силу этого акта должны *почитаться православными.*

Существуютъ два противоложныя понятія о вѣроисповѣданіи. По одному, согласному съ прямымъ значеніемъ слова, вѣроисповѣданіе опредѣляется *вѣрою* того человѣка, который къ нему принадлежитъ, слѣдовательно, нѣкоторымъ внутреннимъ душевнымъ его расположеніемъ. Если эта вѣра наслѣдственная — «вѣра отцовъ», то все-таки необходимо ея усвоеніе и утвержденіе личнымъ сознаніемъ, самъ человѣкъ, его собственный образъ мыслей и чувствъ долженъ участвовать въ томъ неприкосновенномъ духовномъ наслѣдіи, которое дано ему вмѣстѣ съ другими, какъ вѣра отцовъ. По другому понятію, еще господствующему въ нѣкоторыхъ странахъ, всякая религія, всякое вѣроисповѣданіе есть прежде всего и главнымъ образомъ внѣшній фактъ гражданскаго и государственнаго порядка, которымъ, хотя не исключается личная вѣра, однако и не требуется непремѣнно; вѣра не считается здѣсь существеннымъ и необходимымъ основаніемъ и опредѣляющимъ началомъ вѣроисповѣданія. Съ этой точки зрѣнія вѣроисповѣданіе не есть исповѣданіе того, во что кто вѣритъ, а есть внѣшнее общественное состояніе, въ родѣ сословія, званія, класса. Принад-

лежать къ такому-то вѣроисповѣданію значитъ быть причисленнымъ къ такой-то общественной группѣ по волѣ государства, отъ котораго всецѣло зависитъ: или причислитъ человѣка къ той религіозной группѣ, къ которой онъ дѣйствительно принадлежитъ по своей собственной вѣрѣ, или, — если такая группа не признана государствомъ, — причислить ея вѣрующихъ къ вреднымъ членамъ общества съ ограниченіемъ ихъ правъ, или, наконецъ, переводить человѣка безотносительно

В. С. Соловьевъ.

къ его собственной вѣрѣ изъ одной признанной государствомъ религіозной группы въ другую, по тѣмъ или другимъ государственнымъ соображеніямъ и на тѣхъ или другихъ внѣшнихъ основаніяхъ, подлежащихъ административному разслѣдованію. Отсюда происходитъ то, что люди, не только невѣрящіе въ православіе, какъ истинную религію, но и показывающіе къ нему крайнее нерасположеніе, могутъ, тѣмъ не менѣе, обязательно «почитаться» православными со всѣми послѣдствіями такого положенія. Этимъ-же объясняется и непонятное на первый взглядъ явленіе вредной секты «упорствующихъ»,—

упорствующихъ въ своемъ исповѣданіи католичества, то-есть религіи, пользующейся не только признаніемъ, но въ извѣстномъ смыслѣ покровительствомъ государства. Но одно дѣло для государства признавать католическую религію и другое дѣло признавать за человѣкомъ право по собственной вѣрѣ и совѣсти принадлежать къ той или другой изъ религій, хотя-бы терпимыхъ и покровительствуемыхъ государствомъ. Безусловнаго признанія такого права за человѣкомъ не существуетъ тамъ, гдѣ государство оставляетъ *за собою* право причислять тѣхъ или другихъ людей къ той или другой религіи, независимо отъ внутренняго ихъ расположенія. Какъ можно было, не спрашивая согласія человѣка, отдавать или «сдавать» его въ солдаты, такъ точно безъ его воли и вопреки ей можно «сдавать его въ православные». Съ внѣшней государственной точки зрѣнія, огромная разница между этими двумя положеніями вовсе нечувствительна. И какъ для непокорнаго солдата существуетъ дисциплинарный батальонъ, отнимающій у него извѣстныя служебныя права, такъ для вѣрующаго, сопротивляющагося своему зачисленію въ «православные», полагается «разрядъ упорствующихъ», лишающій его религіозныхъ правъ на таинства и духовныя требы. Какъ нерасположеніе человѣка къ военной службѣ не освобождаетъ его отъ обязанности быть солдатомъ по требованію государства, такъ даже «крайнее нерасположеніе» къ православію не освобождаетъ человѣка отъ необходимости «почитаться православнымъ» въ силу административнаго акта.

Въ «уніатскомъ дѣлѣ» столкнулись не двѣ какія-нибудь религіи, а два пониманія религіи вообще: съ одной стороны — какъ основанной на внутреннихъ актахъ вѣры самого человѣка, а съ другой стороны — какъ опредѣляемой внѣшними интересами и актами государственнаго управленія, имѣющими здѣсь силу, помимо участія и согласія самихъ вѣрующихъ. Мы имѣемъ тутъ лишь болѣе ясный и простой случай того самаго отношенія, которое выразилось и въ нашемъ средне-русскомъ расколѣ старообрядчества: вѣдь и его зло, съ точки зрѣнія государственной, заключается окончательно не въ тѣхъ или другихъ вѣрованіяхъ и мнѣніяхъ, а лишь въ упорномъ отстаиваніи своего права исповѣдывать свою собственную, а не предписанную извнѣ религію. Значитъ, «упорствующіе» представляютъ явленіе всероссійское, а не западно-русское только.

По епархіальной статистикѣ число упорствующихъ уніатовъ превышаетъ 73,000, но въ дѣйствительности ихъ, конечно, больше, такъ какъ въ эту статистику могли попасть лишь тѣ, которые выразили свое «крайнее упорство» въ какихъ-нибудь открытыхъ дѣйствіяхъ. На стр. 207 отчета мы находимъ статистическія данныя объ упорствующихъ старообрядцахъ въ 27 епархіяхъ съ наибольшимъ числомъ раскольниковъ: въ этихъ только епархіяхъ сумма ихъ составляетъ милліонъ двѣсти семьдесятъ четыре тысячи слишкомъ. Вѣроятно, случайно пропущена московская епархія, гдѣ въ одной Москвѣ поповцевъ австрійскаго сословія, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ изъ компетентнаго источника, болѣе двадцати пяти тысячъ, а въ губерніи есть обширный и густонаселенный районъ,—такъ наз. Гуслицы,—наполненный раскольниками. Пропущенъ также и Петербургъ съ окрестностями, гдѣ число ихъ довольно значительно. И для перечисленныхъ въ отчетѣ 27 епархій дѣйствительная цифра «упорствующихъ» старообрядцевъ, конечно, выше оффиціальной. Если принять это въ соображеніе, и затѣмъ присоединить число раскольниковъ московскихъ, петербургскихъ и еще изъ 35 непоименованныхъ въ отчетѣ епархій, а также минимальное предположительное число независимыхъ отъ старообрядчества послѣдователей раціоналистическаго и мистическихъ толковъ—штунды, молоканства, хлыстовщины и т. д., то безъ ошибки можно положить въ три милліона общее число всѣхъ русскихъ людей, заблуждающихся во многихъ другихъ отношеніяхъ, но упорно отстаивающихъ ту основную и непреложную религіозную истину, что человѣкъ самъ долженъ знать, во что онъ вѣритъ или къ какому вѣроисповѣданію принадлежитъ, что это есть только дѣло его совѣсти и больше ничье.

Глубочайшая, коренная аномалія нашей дѣйствительности состоитъ въ томъ, что сознаніе этой истины, — безъ которой нѣтъ жизни духовной для человѣка, какъ и для народа,— не усвоено еще Россіей, какъ государственнымъ цѣлымъ, и что исповѣданіе своей вѣры словомъ и дѣломъ, нравственно-обязательное для всякаго человѣка, является у насъ опаснымъ и даже преступнымъ «упорствомъ».

Въ этомъ наша главная бѣда и тайная причина всѣхъ прочихъ бѣдъ; потому что пришло время для нашего духовнаго дѣланія, а мы связаны борьбою съ упорствующими, вмѣсто того, чтобы пользоваться ихъ духовной энергіей для общаго дѣла. Всякій историческій день имѣетъ свою заботу,

свою главную неотложную задачу. Вчерашній день нашей исторіи имѣлъ такою задачею гражданское раскрѣпощеніе Россіи. Конечно, предшествовать должно было это болѣе явное и болѣе простое дѣло. Но разъ оно совершилось, тѣмъ самымъ пришла пора для другого, болѣе глубокаго и важнаго освобожденія Россіи отъ ея духовнаго, религіознаго закрѣпощенія и въ этомъ задача нынѣшняго историческаго дня для насъ. Какъ и когда она будетъ исполнена, мы не знаемъ; но мы знаемъ, и знаемъ *вѣрно*, что безъ ея исполненія Россія не можетъ быть здорова ни тѣломъ, ни духомъ. Чувство нравственной необходимости, чувство неисполненнаго долга стоитъ между нами и нашею всемірно-историческою будущностью,— то-есть тѣмъ высшимъ призваніемъ духовнаго собиранія всей земли, которое стало-бы нашею будущностью, если-бы только совѣсть наша была чиста передъ Богомъ. А теперь какъ можетъ дѣйствовать народный духъ, связанный междуусобной злобой и обидой? Не обидою гражданско-экономическою, которую можно забыть во имя патріотизма, какъ забывалась она въ 1812 году,—можно ее забыть потому, что она касается того, что *принадлежитъ* человѣку, а не того, что *есть онъ самъ*,—не души, не вѣры и совѣсти. Вѣрою и совѣстью пожертвовать ради чего-бы то ни было—значитъ потерять свое человѣческое достоинство. Обида религіозная не можетъ и не должна быть забыта,—она должна быть прекращена, исправлена, заглажена. Требуетъ этого наша совѣсть и давно уже наступившій —послѣ освобожденія крестьянъ—нынѣшній историческій день. Вотъ ужъ болѣе тридцати пяти лѣтъ мы не дѣлаемъ шага, чтобы исполнить главное, необходимое внутреннее условіе нашего историческаго призванія,—и вотъ почему и внѣшнее намъ не дается, вотъ почему мы не могли войти въ открытый передъ нами Царьградъ, и вотъ почему силы земли изсякаютъ и отовсюду бѣда и угроза. И еще слава Богу, что такъ. Совсѣмъ погибъ и оставленъ Богомъ лишь тотъ народъ, которому уснувшая совѣсть не мѣшаетъ благоденствовать и ликовать при неисполненной правдѣ. Больна Россія и духомъ и тѣломъ, но пока въ однихъ ея сынахъ страданія не истребили упорствующей вѣры, а въ другихъ есть любовь къ страдающимъ, есть и надежда, что грѣхъ и болѣзнь народа не къ смерти, а къ славѣ Божіей.

Владиміръ Соловьевъ.

Цвѣтокъ на могилу [1]

Елизаветы Михайловны Хитровой, урожденной
княжны Кутузовой-Смоленской.

Ея ужъ нѣтъ!!... Одной душой прекрасной
Бѣднѣе сталъ нашъ коловратный свѣтъ;
И громкій плачъ, и плачъ единогласный
Провозвѣстилъ: „Ея ужъ нѣтъ"!!

На дняхъ еще, на дняхъ, она блистала
Осеннею, но свѣжею красой;
Любила жизнь, и вдругъ ея не стало,—
Пресѣкся путь ея земной!

Красавицы! усыпьте вы цвѣтами
Тотъ гробъ, гдѣ спитъ, какъ падшій цвѣтъ, она!
Она была прославлена межъ вами,—
Молва хвалой ея полна.

Прощальный гимнъ воспойте ей, поэты!
Въ васъ даръ небесъ цѣнила, поняла
Она душой, святымъ огнемъ согрѣтой,—
Она другъ Пушкина была!

Страдальцевъ рой, сиротъ и вдовъ собранье,
Кто въ ней нашли заступницу и мать,
Вы знаете, какъ скорби и страданья
Она умѣла утѣшать:

Вашъ плачъ ей дастъ небесное блаженство,
Онъ вѣчную ей память обрѣтетъ.
Пусть гибнутъ всѣ земныя совершенства,—
Благотворенье не умретъ!...

Гр. Е. Ростопчина.

Пятигорскъ, на Кавказѣ
11 іюня 1839 года.

---

[1] Печатаемые здѣсь стихи извѣстной въ свое время поэтессы, гр. Е. Ростопчиной, любезно переданы редакціи молодымъ художникомъ А. И. Лажечниковымъ.

Письмо А. П. Брюллова.

Милостивый Государь Карлъ Богдановичъ!

Сейчасъ только получилъ я рѣшительный отвѣтъ Г. Гамбса, что онъ по нѣкоторымъ причинамъ не можетъ просить означенное мѣсто въ Павловскомъ и потому спѣшу увѣдомить о семъ Ваше Превосходительство, присовокупляя при томъ, что въ сію минуту не имѣю въ виду никого другова изъ желающихъ. Пользуясь симъ случаемъ, прошу Ваше Превосходительство доложить Его Высочеству, что по сдѣланнымъ соображеніямъ и отобраннымъ цѣнамъ я не могу найти средство выстроить домикъ въ Федоровскѣ дешевлѣ шести тысячъ рублей ассигнаціями. Честь имѣю быть Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга А. Брюлловъ.

Ноября 2 1840 года

при семъ свертокъ съ чертежемъ № I°.

(Оригиналъ на тонкой почтовой бумагѣ и 4° съ бѣлымъ штемпелемъ Weyen extra-superfin).

Владѣльцемъ Павловска съ 1828 по 1849 былъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Въ приписанномъ къ Павловску Ѳедоровскомъ посадѣ въ 1841 году профессоръ А. П. Брюлловъ († 1876) выстроилъ тотъ двухъ-этажный домикъ въ стилѣ крестьянской избы, о которомъ говорится въ нашемъ письмѣ (Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніи Спб. 1877 стр. 309). Раздача участковъ земли для постройки желающимъ, въ кварталахъ Маріинскомъ, Еленинскомъ и Звѣринскѣ продолжалась почти десять лѣтъ (1840—1849), въ томъ числѣ участокъ получилъ и А. П. Брюлловъ. Гамбсъ, конечно—извѣстный мебельщикъ. Личность Карла Богдановича установить мнѣ не удалось.

Сообщ. И. Шляпкинъ.

Изъ области археологіи.

Идея губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій по взглядамъ основателя ихъ и его преемниковъ.—Учрежденіе и дѣятельность бессарабской ученой архивной комиссіи.

Среди русскихъ интеллигентовъ, обреченныхъ судьбою жить долгіе годы въ нашихъ провинціальныхъ центрахъ, находится въ настоящеее время не мало свѣтлыхъ и сильныхъ духомъ личностей, которыя въ окружающей ихъ жизни видятъ для себя не только тоску и скуку, возбуждающихъ апатію, но неизсякаемый источникъ, который утоляетъ ихъ духовную жажду и удовлетворяетъ ихъ запросамъ ума и сердца.

Интересуется такой мыслящій и не опускающій рукъ интеллигентъ и прошлымъ своего края, своей губерніи, куда занесла его слѣпая судьба.

Работая безъ устали онъ изучаетъ исторію края, изслѣдуетъ мѣстные памятники древности, и, благодаря трудамъ, его освѣщаются понемногу картины мѣстной жизни въ ея далекомъ прошломъ, уясняется и сознаніе той исторической миссіи, которую совершило нѣкогда давно уже исчезнувшее съ лица земли населеніе края.

Любовь къ старинѣ ростетъ въ нашей провинціи съ каждымъ годомъ, число самоотверженныхъ работниковъ на нивѣ родной старины прибываетъ замѣтно.

Однимъ изъ показателей этого явленія служитъ открытіе за послѣдніе годы нѣсколькихъ новыхъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, учрежденій, идея которыхъ принадлежитъ незабвенному археологу Н. В. Калачову.

Не получая никакой правительственной субсидіи, архивныя комиссіи могутъ существовать и развиваться лишь благодаря энергіи мѣстныхъ интеллигентныхъ дѣятелей и сочувствію мѣстнаго общества.

Изучая археологію, археографію и исторію края, губернскія архивныя комиссіи главною своею задачею имѣютъ просмотръ архивныхъ матеріаловъ своей губерніи, а также и тѣхъ ближайшихъ сосѣднихъ губерній, въ коихъ не учреждено еще архивныхъ комиссій.

Архивныя дѣла, предназначенныя правительственными учрежденіями къ уничтоженію, просматриваются комиссіями, а тѣ изъ

нихъ, которыя имѣютъ исторический интересъ, оставляются въ комиссіи и образуютъ мало-по-малу историческій архивъ.

Изъ собираемыхъ и открываемыхъ мѣстныхъ памятниковъ древности образуется понемногу музей комиссіи.

Результаты своей дѣятельности комиссіи опубликовываютъ въ издаваемыхъ ими „Трудахъ“ и „Извѣстіяхъ“.

Вышедшій въ нынѣшнемъ году первый томъ „Трудовъ“ бессарабской губернской ученой архивной комиссіи подъ редакціей правителя дѣлъ комиссіи, И. Н. Халиппы, даетъ ясное понятіе о возникновеніи комиссіи и дѣятельности ея съ времени открытія съ 23 августа 1898 г.

Но, прежде чѣмъ говорить о дѣятельности комиссіи, мы позволимъ себѣ привести нѣкоторые изъ взглядовъ на идею комиссіи наиболѣе видныхъ дѣятелей по археологіи и археографіи: основателя комиссій сенатора Н. В. Калачова, И. Е. Андреевскаго и А. Н. Труворова. Взгляды эти собраны въ статьѣ И. Н. Халиппы, „Идея губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій по Н. В. Калачову, И. Е. Андреевскому и А. Н. Труворову и учрежденіе комиссіи въ Кишиневѣ“, помѣщенной во главѣ изданія указанныхъ выше „Трудовъ бессарабской архивной комиссіи.

Цѣль учрежденія комиссіи прекрасно иллюстрируется словами безсмертнаго поэта А. С. Пушкина, поставленными эпиграфомъ указанной статьи:

„Да вѣдаютъ потомки православныхъ:
Земли родной минувшую судьбу“.

Въ приведенныхъ взглядахъ на комиссіи Н. В. Калачова ясно выражается глубокая вѣра въ будущность созданныхъ имъ комиссій, въ поддержку ихъ мѣстною интеллигенціею и въ возможность разрѣшенія комиссіями задачъ мѣстной исторіи и археологіи.

„Мѣстная исторія, — говоритъ онъ, — и ея памятники суть магнитъ, притягивающій сердце всякаго, даже жесткаго человѣка, къ его родинѣ, которой они такъ близко и со всѣхъ сторонъ касаются.

Мѣстный житель, кто бы онъ ни былъ, слушая разсказы объ отдаленной старинѣ своего края, проникается горячимъ къ нему уваженіемъ и любовью; онъ сочувствуетъ его бѣдствіямъ и радуется его счастію“.

При открытіи орловской архивной комиссіи Н. В. Калачовъ указываетъ на способъ для достиженія серьезныхъ результатовъ въ дѣятельности комиссіи.

„Какъ скоро вы раскроете всѣмъ вашу библіотеку и рукописи, выставите сокровище вашего музея, будете, хотя бы изрѣдка, давать публикѣ отчетъ о вашихъ работахъ, разрѣшите доступъ въ воскресенье и другіе дни на ваши чтенія и бесѣды, то, повѣрьте, вы увидите въ числѣ вашихъ посѣтителей и слушателей не только городскихъ жителей разныхъ классовъ, но и помѣщиковъ и крестьянъ, даже изъ отдаленныхъ окраинъ“.

„Архивы и музеи съ ихъ выставками способствуютъ развитію въ народѣ образованія и вкуса, черезъ что усиливается любовь

къ старинѣ, къ своему родному краю,—говорилъ Н. В. Калачовъ при открытіи рязанской архивной комиссіи.

Задачи комиссіи и ихъ значеніе такъ обрисованы въ рѣчи И. Е. Андреевскаго:

„Что необходимо вновь возникшей ученой архивной комиссіи?"—Умѣнье основателей собрать въ ядро комиссіи нѣсколько весьма усердныхъ для нея тружениковъ, а также вкладчиковъ въ ея историческій архивъ или музей. Но для полнаго обезпеченія ея бытія, для вящщей пользы, какую она принесетъ какъ мѣстному краю, такъ и всему отечеству, необходимы матеріальныя средства. Вотъ почему ей необходимо отыскать оныя, а отыскать ихъ надо въ собраніи дворянъ губерніи, въ собраніи представителей сословія купеческаго, наконецъ въ губернскомъ и уѣздныхъ земствахъ края. Комиссіи быть можетъ скажутъ, что какъ сословныя учрежденія, такъ и земство и безъ того несутъ тяготу и всякаго рода самообложеніе. Да, но вѣдь дѣло поддержки архивно-историческихъ учрежденій въ главномъ городѣ своего края дѣло далеко невторостепенной важности; напротивъ, оно необходимо для образованія, въ самомъ обширномъ смыслѣ, какъ современнаго, такъ и грядущихъ поколѣній. Это понять теперь уже не трудно. Подъ сѣнью мѣстнаго историческаго архива—музея—постепенно можетъ быть соединено все, что составляетъ гордость и интересъ края; его археологическіе и историческіе памятники, произведенія его уроженцевъ на поприщѣ науки, художествъ, литературы, портреты наиболѣе выдающихся его дѣятелей прошлаго времени или въ предѣлахъ края, или только его уроженцевъ, но выдвинувшихся на службѣ всему отечеству и пр. Сколько полезнаго найдутъ въ коллекціяхъ такого музея, хорошо устроеннаго и все болѣе и болѣе обогащаемаго, дѣти, внуки и правнуки нынѣшнихъ гражданъ губерніи! Какое они скажутъ спасибо въ свое время за основаніе и поддержку этого хранилища науки, художествъ и искусства дорогой имъ родины!.. „Взгляните за рубежъ земли русской: каждый мало-мальски значительный городъ въ Германіи, во Франціи имѣетъ музей. Зайдите въ него въ воскресенье. Толпы народа его наполняютъ, и сколько тутъ людей изъ простого народа: крестьянъ, ремесленниковъ, солдатъ. Все это смотритъ и, разбирая надписи на предметахъ, читая указатель, — учится и учится... Поддержка музея и историко-архивнаго учрежденія для населенія края такъ же важна, какъ поддержка школы, поддержка церкви".

А. Н. Труворовъ такъ говорилъ въ 1891 году про дѣятельность комиссій: „Онѣ открываютъ понемногу завѣсу съ отшедшаго въ вѣчность времени, воскрешаютъ минувшую жизнь государства и знакомятъ съ событіями, мѣропріятіями и съ дѣяніями нашихъ праотцевъ, не прикрашивая ихъ никакою тенденціею, а представляя ихъ передъ всѣми въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ родила ихъ матушка Русь православная".

Такъ глубоко вѣрили въ важную для науки дѣятельность архивныхъ комиссій самоотверженные дѣятели на поприщѣ археологіи.

Но вѣрили они и въ отзывчивость общества.

Насколько велика эта отзывчивость показываетъ намъ исторія возникновенія въ Кишиневѣ ея архивной комиссіи, приведенная въ „Трудахъ".

Возникла комиссія по инициативѣ попечителя одесскаго учебнаго округа, X. П. Сольскаго, и благодаря энергичному содѣйствію бессарабскаго губернатора А. П. Константиновича.

Кишиневская интеллигенція горячо отозвалась на призывъ губернатора: 272 лица вошли въ составъ ея членовъ, сумма членскихъ взносовъ достигла 1151 рубля.

Предсѣдателемъ комиссіи избранъ директоръ реальнаго училища; въ помѣщеніи этого училища и нашла себѣ пріютъ юная комиссія.

Бессарабія вообще представляетъ богатый матеріалъ для археологіи, такъ какъ, находясь въ области скиѳскихъ древностей, отличается изобиліемъ археологическихъ памятниковъ. Кромѣ того, эта область втеченіе цѣлаго ряда вѣковъ служила ареной жизни и борьбы многихъ народовъ и племенъ, разнородныхъ какъ по національности, такъ и по вѣрѣ, нравамъ, обычаямъ и быту.

Дѣятельность комиссіи въ 1898—99 году выразилась въ 31 засѣданіи ея членовъ, на которыхъ прочитаны были рефераты по исторіи и археологіи края; наиболѣе видное мѣсто занимаютъ работы энергичнаго дѣятеля, секретаря комиссіи, И. Н. Халиппа.

Имъ между прочимъ составлена къ XI археологическому съѣзду весьма важная археологическая работа,—а именно „Археологическая карта Бессарабіи".

„Вѣстникъ археологіи и исторіи", издаваемый спб. археологическимъ институтомъ. Выпускъ XIII. Спб. 1900 г.

Недавно вышедшій изъ печати XIII томъ „Вѣстника" содержитъ весьма интересный матеріалъ по археологіи, археографіи и исторіи.

Къ собственно археологическимъ статьямъ относятся:

а) Сообщеніе Ю. Г. Гендуне о находкѣ въ Москвѣ кавказскаго свѣтильника или акваманилы (рукомойника), при чемъ изображеніе этой находки приложено въ видѣ изящно исполненной фототипіи.

Найденъ этотъ сосудъ на Якиманской улицѣ, въ землѣ на глубинѣ 8 аршинъ, сдѣланъ изъ хорошо обожженой черной глины, съ черною поливкою, придающей ему особый глянецъ.

б) Статья В. М. Иверсена. Замѣтка о волосовской стоянкѣ доисторическаго человѣка также иллюстрирована очень изящно исполненными рисунками каменныхъ орудій.

Волосовская стоянка находится на берегу рѣки Велетьмы, притока Оки, и уже давно изслѣдована, но тѣмъ не менѣе В. М. Иверсену, при посѣщеніи ея, удалось найти не мало предметовъ изъ камня, рога и кости, которые и составили предметъ его замѣтки. Наиболѣе интересная его находка это головка лося, изваянная изъ кости, и служившая, вѣроятно, какъ привѣска для украшенія; при прежнихъ изслѣдованіяхъ вещей изъ кости не было

найдено, но графомъ С. А. Уваровымъ 20 лѣтъ тому назадъ было выражено убѣжденіе, что когда-нибудь да найдутъ изваянія изъ кости. „Головка лося“ и подтвердила предположеніе знаменитаго археолога.

в) Экскурсія археологическаго института 1899 г. въ связи съ вопросомъ о финскихъ погребеніяхъ с.-петербургской губерніи. Н. К. Рериха.

Изслѣдованныя въ 1899 году погребенія близъ ст. Вруда балтійской жел. дороги относятся къ XI—XIII вѣкамъ и происхожденія исключительно славянскаго. Н. К. Рерихъ, какъ мы уже говорили въ іюльской книжкѣ нашего журнала, шесть лѣтъ неутомимо изслѣдуетъ земляные памятники петербургской губерніи. Въ своей статьѣ онъ коснулся темнаго еще вопроса о финскихъ погребеніяхъ. Погребенія финскихъ племенъ Чуди и Еми — извѣстны, — но остаются вовсе неизвѣстными погребенія племенъ Ижоры и Води. Н. К. Рерихъ пытался разрѣшить вопросъ о погребеніяхъ Води путемъ аналогіи съ изслѣдованными уже типами финскихъ погребеній въ прибалтійскомъ краѣ.

Изъ статей по церковной археологіи въ „Вѣстникѣ“, помѣщенъ серьезный и обстоятельный трудъ П. Л. Гусева „Новгородъ XVI вѣка“ по изображенію на Хутынской иконѣ „Видѣніе пономаря Тарасія“. П. Л. Гусевъ читалъ свои изслѣдованія въ одномъ изъ засѣданій. спб. археологическаго института и содержаніе его труда вкратцѣ мы уже сообщили нашимъ читателямъ.

Замѣтка прот. А. Израилева о ростовскомъ крестѣ сообщаетъ намъ объ одномъ любопытномъ памятникѣ:—крестъ съ надписью о пожертвованныхъ 440 лѣтъ тому назадъ ростовской церкви Воскресенія Христова, на поминовеніе души сына дьяка Иліи, двухъ пустошахъ. И донынѣ продолжается поминовеніе души согласнѣ воли завѣщателя, и донынѣ пустоши принадлежатъ къ числу церковныхъ имуществъ. Крестъ же, нѣмой свидѣтель начертаннаго на немъ завѣщанія, находится нынѣ въ ростовскомъ музеѣ церковныхъ древностей.

А. Мироновъ.

Литературная лѣтопись.

Русскіе журналы.

„Историческій Вѣстникъ“, іюнь. *„Сто лѣтъ литературнаго развитія“, А. К. Бороздина.* Въ этой книжкѣ „Ист. Вѣстн.“ авторъ закончилъ свои очерки о развитіи русской литературы за послѣднія сто лѣтъ. „Передъ концомъ столѣтія,—говоритъ онъ,—вполнѣ естественнымъ является желаніе оглянуться назадъ и подвести итоги тому, что сдѣлано нами за истекающій періодъ въ той или другой жизненной сферѣ“. Не только въ концѣ столѣтія, но и во всякое другое время, и чѣмъ чаще, тѣмъ полезнѣе, не мѣшаетъ подводить итоги, чтобы всегда быть въ курсѣ дѣла, знать, что и какъ балансировать: если активъ превышаетъ надъ пассивомъ, то въ какую сторону съ наибольшей пользой слѣдуетъ производительно направить избытокъ капитала, а при обратномъ явленіи—знать, какія задремавшія силы надо пробудить къ дѣятельности, какія въ дѣлѣ слѣдуетъ учинить поправки, чтобы оно окончательно не рухнуло, а если нѣтъ собственныхъ силъ и умѣнья, то какого варяга изъ за моря надо торопиться приглашать для поправленія бюджета. Для удобства подсчета данныя для итога авторъ разбиваетъ на четыре части: „Избранный нами періодъ самъ собою распадается на приблизительно равныя части по четвертямъ вѣка, каждая изъ которыхъ имѣетъ свой особый отличительный характеръ: первая четверть есть эпоха, подготовляющая намъ Пушкина и его литературное направленіе; вторая—пора творческой работы Пушкина, Гоголя и Бѣлинскаго, пора, въ которую уясняется общественное значеніе литературы и созрѣваютъ могучія дарованія плеяды великихъ мастеровъ слова и носителей идеи, долженствующихъ заполнить своей дѣятельностю содержаніе третьей четверти; наконецъ, въ четвертую четверть эти дѣятели, развернувъ свой трудъ, сходятъ одинъ за другимъ съ жизненной арены и наступаетъ... литературное затишье, время эпигоновъ“. Дѣйствительно, для обзора русскаго литературнаго развитія, XIX вѣкъ поддается дѣленію на четверти, но содержаніе этихъ четвертей далеко не то, какое усматриваетъ авторъ. Онъ, руководимый, очевидно, указаніями сомнительныхъ литературныхъ авторитетовъ, къ слову сказать—очень недолюбливавшихъ литературныя новшества второй половины вѣка, все наше

литературное движеніе приводитъ къ одному знаменателю—Пушкину. Это тѣмъ болѣе странно, что авторъ самъ далеко не благоволитъ къ этимъ авторитетамъ. Но такова сила привычки, влекущая по плоскости, только кажущейся наклонной. Что по автору значатъ его четыре четверти? Первая четверть — *до Пушкина*, вторая — *самъ Пушкинъ*, третья — *послѣ Пушкина* и четвертая—*послѣ послѣ—Пушкина*. Можно такимъ путемъ и двадцатое столѣтіе притянуть къ Пушкину, и т. д. Какое смиреніе и даже чрезмѣрное самоуничиженіе! Ожидалъ-ли самъ Пушкинъ, что его *великая идея*: „Играй, Адель, не знай печали, Хариты, Лель тебя вѣнчали" переживетъ девятнадцатое столѣтіе и будетъ руководящей въ двадцатомъ? Пусть Пушкинъ былъ *властителемъ думъ* своего времени, хотя въ его время были и другіе, не малые властители, но третья четверть, такъ называемые *шестидесятые и семидесятые годы* (1855—1881), безъ сомнѣнія, принадлежатъ не Пушкину, не его идеямъ, въ равной степени и послѣдняя четверть не принадлежитъ послѣпушкинскимъ старичкамъ, какимъ-то эпигонамъ, хлопочущимъ о литературномъ затишьѣ (но тщетно). По статьѣ г. Бороздина нельзя угадать, что же собственно изъ пушкинскаго идейнаго имущества досталось непосредственно его ближайшимъ по духу родственникамъ, что перешло къ его дѣтямъ и что перепало внукамъ, людямъ послѣдней четверти. „Завѣтъ Пушкина послѣдующей русской литературѣ,—говоритъ авторъ,—заключается въ . . . . чувствахъ гуманности и художественной житейской правдивости". Пусть такъ, но есть основаніе полагать, что это было завѣтомъ не одного Пушкина. И безъ Пушкина русская литература пришла бы къ тому же взгляду на свое назначеніе. Да такъ и было. Не одинъ Пушкинъ работалъ надъ внѣдреніемъ въ литературу гуманности и правдивости. Откройте любое мѣсто у Бѣлинскаго и вы встрѣтитесь съ точно такимъ же завѣтомъ, въ заимствованіи котораго у кого бы то ни было Бѣлинскій не имѣлъ надобности. Такими общими мѣстами, какъ „завѣтъ гуманности и житейской правдивости", ничего не опредѣлишь и ничего не объяснишь. Г. Скабичевскій и просто и вѣрно опредѣлилъ значеніе и положеніе Пушкина, а также и Гоголя въ русской литературѣ, а именно, не какъ писателей, открывшихъ собою новый періодъ съ завѣтами будущему, а какъ писателей, блестяще закончившихъ старый періодъ русской литературы, начавшійся съ конца XVIII столѣтія. Такіе поэтики какъ Рылѣевъ, Веневитиновъ, Баратынскій, Дельвигъ были не что иное, какъ тѣ же Пушкины, но маленькіе, и послѣ Пушкина подобныхъ писателей уже не появлялось. Нѣкоторыхъ поэтовъ, какъ напр. Майкова, Полонскаго и Фета считаютъ послѣдователями Пушкина; однако, вы не найдете у нихъ, при сравненіи съ Пушкинымъ, ни общихъ съ нимъ идей, ни темъ, ни формы, ни способа выраженій. До такой степени отсутствуетъ у нихъ преемственность отъ Пушкина. У людей каждаго періода существуютъ свои идеи, на образованіе которыхъ несомнѣнно вліяло предшествовавшее время. Но доминирующее значеніе имѣютъ собственныя идеи, которыя возникаютъ вслѣдствіе неотразимыхъ

вліяній текущей жизни. Отъ этой жизни всецѣло зависятъ и литературныя идеи. Оглянемся на истекшее столѣтіе. Въ первой четверти его мы увидимъ вовсе не *пядпушкина*, а того же Пушкина, а именно, стремленіе отрѣшиться отъ мертвящихъ узъ ложно-классицизма, дать просторъ чувству, сдѣлать изъ каждаго человѣка гражданина, т. е. признать за нимъ право на свободу тѣла и мысли. Еще Екатерина II, подъ вліяніемъ идей западныхъ мыслителей, мечтала о воспитаніи въ Россіи „новой породы людей" путемъ нравственнаго совершенствованія. Задача смѣлая, и для Россіи немножко комическая. Но мы должны помнить, что передовая Россія носилась въ то время съ идеями энциклопедистовъ. При Александрѣ I даже создавался проектъ конституціи, хотѣли освободить крестьянъ. Тѣми же намѣреніями была проникнута и литература. Но не существовало ни свободы для выраженія мысли, ни литературныхъ формъ, ни объединенныхъ литературныхъ кружковъ, ни сознанія важности литературы. Въ этомъ дѣлѣ существовалъ полнѣйшій хаосъ. Заслуга Пушкина заключается въ томъ, что онъ этотъ хаосъ расчленилъ, однородное сгруппировалъ, и каждую группу облекъ въ соотвѣтствующую форму. Но содержаніе осталось то же самое. Содержаніе, благодаря Пушкину, измѣнилось только въ томъ смыслѣ, что онъ снова пересказалъ его простымъ языкомъ, отдѣланнымъ, освободилъ отъ лишняго балласта. А при новой формѣ и содержаніе показалось новымъ, и притомъ до такой степени новымъ, что Пушкина въ его время иные не хотѣли признавать за литератора. „Житель Бутырской слободы" въ „Вѣстникѣ Европы" 20-хъ годовъ писалъ, по поводу появленія „Руслана и Людмилы": „Бога ради, позвольте мнѣ старику сказать публикѣ, посредствомъ вашего журнала, чтобы она каждый разъ жмурила глаза при появленіи подобныхъ странностей. Зачѣмъ допускать, чтобы плоскія шутки старины снова появлялись между нами. Шутки грубыя, неодобренныя вкусомъ просвѣщеннымъ, отвратительны, и не мало не смѣшны и не забавны". „Нынѣ завелась какая-то школа новая, никѣмъ непризнанная, кромѣ себя самой; не слѣдующая никакимъ правиламъ, кромѣ своей прихоти, искажающая языкъ Ломоносова, живущая на-обумъ, щеголяющая новыми выраженіями, новыми словами". Этотъ критикъ — „Житель", очевидно, самый заядлый старовѣръ, ничего не нашелъ въ содержаніи у Пушкина новаго, кромѣ шутокъ старины, плоскихъ и грубыхъ,—по его мнѣнію. Но мы, привыкшіе благодаря Пушкину, къ простотѣ литературнаго языка, не назовемъ теперь его шутокъ ни плоскими, ни грубыми. До Пушкина тѣ же шутки, также крайне фривольныя, выражаясь салоннымъ языкомъ, и не только были терпимы, но приводили въ восхищеніе салонную публику. Грубость и плоскость допускалась только въ сочиненіяхъ о какой-нибудь небывальщинѣ. Ни Пушкина, ни Гоголя не волновали вопросы современности такъ, какъ эти вопросы встали во весь ростъ передъ послѣдующимъ поколѣніемъ, людьми сороковыхъ годовъ. Второй періодъ русской литературы былъ открытъ именно этими людьми. Первымъ заговорилъ Бѣлинскій и прежде всего

вотъ какъ опредѣлилъ значеніе хотя бы той же поэзіи: „Умный человѣкъ въ правѣ требовать, чтобы поэзія поэта или давала ему отвѣты на вопросы времени, или, по крайней мѣрѣ, исполнена была скорбью этихъ тяжелыхъ, неразрѣшимыхъ вопросовъ. Кто поетъ про себя и для себя, презирая толпу, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній". Разстояніе между Пушкинымъ и Бѣлинскимъ, въ смыслѣ пониманія литературныхъ задачъ, очень велико, на что указываетъ уже одно то, что Пушкинъ въ своихъ многочисленныхъ замѣткахъ, разбирая достоинства и недостатки литературныхъ дѣятелей своего и предшествовавшаго времени, ни однимъ словомъ не обмолвился о Бѣлинскомъ: до такой степени чужды были ему поднимаемые Бѣлинскимъ вопросы. Тѣ же вопросы, затронутые слегка и поверхностно Надеждинымъ и Полевымъ, вызывали со стороны Пушкина недоумѣніе, насмѣшку и презрѣніе. Съ людьми сороковыхъ годовъ влилась въ литературу новая струя — общественность, смѣнившая опоэтизированіе старины и описаніе быта старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Таково содержаніе литературы послѣ пушкинскаго періода. О Пушкинѣ въ этотъ періодъ много говорили и писали, но о томъ, о чемъ онъ писалъ, писать перестали. Слѣдующій, третій періодъ порываетъ связь съ Пушкинымъ даже въ литературныхъ формахъ. На литературную арену выступили дѣятели совершенно изъ иной сферы общества. Литература сороковыхъ годовъ, несмотря на ея демократическій характеръ, дѣлалась все еще господами. „Съ конца пятидесятыхъ годовъ, говоритъ г. Михайловскій, *разночинцы* влились въ литературу въ такомъ количествѣ и съ такимъ шумомъ, что опредѣлили собою главное русло литературы, внеся въ нее новые интересы, новые сюжеты, новые пріемы и формы". О преемственности отъ Пушкина не могло быть и рѣчи. Даже Бѣлинскій въ это время померкъ. Писаревъ, самый яркій выразитель этого періода, очень удачно охарактеризировалъ тѣ слабыя нити, которыя связывали этотъ періодъ съ предшествовавшимъ. „Если бы мнѣ, говоритъ онъ, пришлось поговорить съ Добролюбовымъ, то мы бы во многомъ не сошлись; а если бы пришлось поговорить съ Бѣлинскимъ, то мы бы ни въ чемъ не сошлись". Слѣдовательно, если бы ему пришлось поговорить съ Пушкинымъ, то они совсѣмъ не поняли бы другъ друга, что и послужило къ полнѣйшему отрицанію Пушкина Писаревымъ.

На сколько неудачно г. Бороздинъ притягиваетъ и этотъ періодъ къ Пушкину, видно изъ слѣдующихъ его словъ.... Но замѣтимъ сначала вкратцѣ, что въ шестидесятые годы, или въ третій періодъ литературнаго развитія,— по г. Бороздину, менѣе всего придавали значеніе искусству вообще и поэзіи въ частности, и въ то же время такъ много говорили объ этомъ предметѣ, какъ никогда. Искусство, во всемъ объемѣ этого понятія, третьимъ періодомъ было такъ подробно истолковано, что, казалось, не оставляло о себѣ никакихъ недоразумѣній. Искусство было размежевано на двѣ части—утилитарную и чистую. Утилитарная теорія, или теорія воспроизведенія и истолкованія жизни искусствомъ, ставитъ искусст-

тельнымъ условіемъ недолговѣчность произведеній искусства, недолговѣчность, но съ нѣкоторою, какъ сейчасъ увидимъ, оговоркою. Искусство, какъ и все, должно быть прежде всего полезно, полезно въ опредѣленный моментъ, въ опредѣленномъ мѣстѣ и для опредѣленныхъ цѣлей. Какъ нѣтъ пространства безъ матеріи, такъ нѣтъ искусства безъ содержанія. Но въ жизни людей ничего ни постояннаго, ни вѣчнаго не существуетъ, а что кажется существующимъ постоянно, неизмѣнно и повсюду, длящимся вѣка и тысячелѣтія, то не нуждается въ воспроизведеніи и въ истолкованіи его искусствомъ. Пищевареніе никогда еще не было предметомъ поэзіи. Правда, какія нибудь „тучки небесныя, вѣчные странники" нерѣдко варьировались поэзіей на разные лады, но подобнымъ варіяціямъ можно придавать только мимолетное значеніе, которое, можетъ быть, никогда не повторится. Произведеніе искусства, выполнившее въ извѣстный моментъ свое назначеніе, отходитъ въ сторону, и люди, по доброму ихъ желанію, а не по необходимымъ побужденіямъ, могутъ затѣмъ любоваться такими произведеніями хоть до скончанія вѣка. Но люди не будутъ жить ни по Евгенію Онѣгину, ни по Гамлету, ни по Донъ-Жуану, и не пойдутъ учиться ни къ Пушкину, ни къ Шекспиру, ни къ Байрону. Таковъ взглядъ шестидесятыхъ годовъ на искусство. Если во всей этой тирадѣ мы замѣнимъ нѣкоторыя основныя понятія другими, частью прямо противоположными, частью противоположными — неравнозначущими, вмѣсто недолговѣчности — долговѣчностью, полезное — пріятнымъ, не будемъ жить по Онѣгину — будемъ жить по Онѣгину, не пойдемъ учиться къ Пушкину — пойдемъ къ нему учиться, то получится понятіе о *чистомъ* искусствѣ. Г. Бороздинъ смотритъ на этотъ предметъ какъ будто также, но выходитъ иное, и Федотъ, да не тотъ. „Теорія чистаго искусства, или искусства для искусства, говоритъ онъ, бывшая источникомъ стольких незаслуженныхъ нападокъ на Пушкина со стороны одной партіи нашихъ критиковъ и такихъ-же незаслуженныхъ имъ восхваленій со стороны противоположной партіи, въ томъ узкомъ смыслѣ, какъ она истолковывалась и врагами и мнимыми друзьями поэта, ему вовсе не принадлежитъ и выводится изъ его словъ съ помощью довольно натянутыхъ толкованій, и, въ сущности, если даже примѣнить къ поэзіи Пушкина требованіе объясненія жизни искусствомъ, выставленное Чернышевскимъ, въ его надѣлавшей шуму въ свое время, а потомъ несправедливо отвергавшейся диссертаціи, то подъ это требованіе она вполнѣ подходитъ. Пушкинъ не есть художникъ, только воспроизводящій жизнь, но онъ и ея толкователь, онъ выразитель лучшихъ стремленій жизни, указующій тѣ пути, по которымъ она должна развиваться. Его стихотворенія на общественныя темы, всегда проникнутыя тѣмъ же чувствомъ гуманности, служатъ лучшимъ доказательствомъ отсутствія въ немъ того художественнаго эпикуреизма, олимпійства, которые составляютъ отличительную черту его мнимыхъ послѣдователей, сторонниковъ теоріи чистаго искусства. Въ объединеніи идеальныхъ стремленій съ жизненными стремленіями и заключается то великое

наслѣдіе, которое Пушкинъ передалъ русской литературѣ". Конспектъ литературной дѣятельности Пушкина, начертанный г. Бороздинымъ, до такой степени всеобъемлющъ, что Пушкинъ занимаетъ въ немъ очень немного мѣста. Несомнѣнно, что въ первую четверть вѣка существовали и идеальныя стремленія и жизненныя стремленія, но тѣ и другія на столько были неопредѣленны и поверхностны, что про объединеніе ихъ не могло быть и рѣчи Русскому обществу того времени было „не до жиру, а быть бы только живу". Въ литературѣ того времени не только про объединеніе стремленій, но и просто о какихъ-бы то ни было стремленіяхъ нельзя было говорить вслухъ. Да и какія могли быть иныя стремленія, кромѣ единственнаго: „Увижу-ль я народъ освобожденный?" Объ этомъ Пушкину иногда удавалось заикнуться. Но рѣшить столь практическій вопросъ предстояло не нѣжнымъ поэтамъ того времени, а грубымъ кузнецамъ послѣдующаго, какъ выразился Некрасовъ объ одномъ дѣятелѣ крестьянской реформы:

„Грубо ковалъ ты, но руку умѣлую
Видно до нынѣ во всемъ".

Всеобъемлющъ конспектъ г. Бороздина и потому, что Пушкинъ не дѣлалъ всей русской литературы, а только кусочекъ ея—поэзію. Поэзіи свойственно быть гуманной, свойственно быть и путеводительницей въ жизни. Но эти свойства присущи не одной поэзіи, и въ шестидесятые годы не въ этихъ свойствахъ видѣли назначеніе поэзіи. Выражаясь короче, хотя можетъ быть не совсѣмъ точно, тогда смотрѣли на поэзію, какъ на иллюстрацію жизни, какъ на картинность жизни, наглядность ея, т. е. придавали поэзіи второстепенное значеніе. Такой взглядъ на поэзію былъ смертнымъ приговоромъ для Пушкина, который видѣлъ въ ней нѣчто весьма важное, а именно—средство къ облагораживанію людей. Старички сороковыхъ годовъ, „развернувшіе свои силы въ шестидесятыхъ", въ это время такъ и смотрѣли на Пушкина, какъ на своего учителя, какъ на *благороднаго отца*. „Берегите нашъ русскій языкъ, говоритъ Тургеневъ, обработанный для насъ учителемъ—Пушкинымъ". И всѣ сверстники Тургенева повторяютъ за нимъ то же самое, а другого ничего сказать не имѣютъ. Одинъ Достоевскій пространно сказалъ то, что коротко сказалъ г. Бороздинъ. Но вѣдь къ сказу Достоевскаго отнеслись какъ къ гиперболическому парадоксу. Другіе послѣдователи Пушкина, мнимые, какъ ихъ зоветъ г. Бороздинъ, были, можетъ быть, тоже гуманны, но они не были путеводителями (въ родѣ Майкова, Полонскаго и Фета), потому что за ними въ то время никто не шелъ. Въ семидесятыхъ годахъ вопросъ объ искусствѣ продолжалъ волновать нашу литературу. Въ прошломъ году въ журналѣ „Жизнь" г. Евг. Соловьевъ сдѣлалъ попытку охарактеризовать „семидесятые годы", особенно ихъ литературное движеніе. Въ то время, говоритъ онъ, взглядъ на искусство проводили такой: „Искусство, какъ и наука, должно служить все

тому же разрѣшенію общественныхъ вопросовъ: художникъ, какъ и человѣкъ науки, долженъ быть прежде всего общественнымъ дѣятелемъ; одинаково долженъ онъ стремится не только къ пониманію, объясненію и изображенію — нѣтъ, прежде всего онъ долженъ страдать и радоваться, прежде всего въ его голосѣ должны быть слезы о прошлыхъ и настоящихъ мукахъ человѣчества". Если искусство тоже, что наука, то что же такое наука. На этотъ вопросъ далъ въ то время отвѣтъ г. Михайловскій. Въ его весьма оригинальныхъ очеркахъ, подъ названіемъ „Вперемежку", одинъ молодой ученый, Бухарцевъ, говоритъ: „Науки въ Россіи еще не было и нѣтъ въ настоящее время. Съ извѣстной точки зрѣнія бѣда эта еще небольшая, такъ какъ вопросъ не въ томъ, есть-ли въ странѣ каста ученыхъ, подобострастно преклоняющихся передъ общественнымъ мнѣніемъ и запродающихъ выводы свои за опредѣленную степень благосостоянія, спокойствія и за право безнаказанно знать и понимать многое, нисколько не обязываясь въ то же время проводить свои убѣжденія въ жизнь. Но существуютъ-ли ученые въ настоящемъ смыслѣ слова, т. е. общественные дѣятели, почерпающіе изъ предмета своихъ занятій какіе-нибудь практическіе выводы, отдающіе свою жизнь наукѣ не изъ видовъ личнаго обезпеченія, но занимающіеся ею только потому, что признаютъ въ ней двигательную силу къ достиженію человѣческаго идеала — разрѣшенію общественныхъ вопросовъ". Вотъ только когда началось „объединеніе идеальныхъ стремленій съ жизненными стремленіями". Г. Бороздинъ перенесъ отличительный признакъ одного времени на другое, послѣднему не принадлежащій. Не можетъ быть и рѣчи о заполненіи третьяго періода послѣдователями Пушкина, ни дѣйствительными, ни мнимыми. Главенствовали въ литературѣ не эти послѣдователи, а... Некрасовъ съ своимъ штабомъ. Достаточно назвать „Современникъ" и „Русское Слово" шестидесятыхъ годовъ и „Отечественныя Записки" и „Дѣло" семидесятыхъ, чтобы вся эта четверть вѣка была рѣзко отграничена отъ Пушкина и получила свое собственное опредѣленіе, въ составъ котораго Пушкинъ съ послѣдователями не входятъ.

«И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя въ немъ лирой пробуждалъ»

было отодвинуто въ сторону, и на мѣсто пассивныхъ будильниковъ потребовались активные дѣятели:

«Отчизны дверь тебѣ отверста;
Недостаетъ ты ей одинъ;
Войди, займи пустое мѣсто
Носящій доблесть гражданинъ». (Жемчужниковъ).

«Я не поэтъ—я гражданинъ!»

т. е. прежде гражданинъ, а потомъ поэтъ. И Некрасовъ открываетъ собою рядъ поэтовъ-гражданъ, которые видятъ въ поэзіи, какъ и въ наукѣ, „двигательную силу къ достиженію человѣческаго идеала—разрѣшенію общественныхъ вопросовъ".

Когда въ 1880 г. открывали въ Москвѣ памятникъ Пушкину, то говорили, что „съ этого знаменательнаго момента начинается *воскрешеніе* Пушкина". Конечно, Пушкинъ воскресъ не для того, чтобы начать собою послѣднюю четверть вѣка, которая, по выраженію г. Бороздина, была періодомъ затишья, когда начали свою усыпительную работу какіе-то пушкинскіе эпигоны. Пушкинъ воскресъ только затѣмъ, чтобы его вновь перечитали грамотные люди, чтобы о немъ еще разъ исписали, по бѣлому чернымъ, нѣсколько стопъ бумаги и чтобы сочиненія его и имя помѣстить въ пантеонъ русской литературы. Всѣ попытки тьмы декадентствующихъ поэтовъ этого времени связать свое имя съ Пушкинымъ разлетѣлись прахомъ, какъ въ прахъ разлетается теперь и вся декадентствующая литература, все декадентское искусство *безъ содержанія.* Эпигоны чистой поэзіи тоже замолкаютъ и понемногу переселяются на тотъ парнасъ, съ котораго нѣтъ возврата ни на какомъ быстрокрыломъ пегасѣ. Утилитарная поэзія, въ строгомъ смыслѣ этого понятія, тоже теперь не въ авантажѣ обрѣтается. Ее представляютъ какіе-нибудь три-четыре имени. Это правда, что съ поэзіей наступило затишье. Но значитъ-ли это, что и вся русская литература переживаетъ въ концѣ вѣка затишье? Мы бы, пожалуй, присоединились къ положенію г. Бороздина, что „приходить въ уныніе при мысли о будущемъ нашей литературы не приходится; если въ ней нѣтъ сильныхъ талантовъ, то они могутъ явиться; ихъ нарожденіе зависитъ не отъ насъ, но вполнѣ въ нашей власти и даже нашъ долгъ облегчать имъ условія дѣятельности"; но въ этихъ словахъ очень много пессимизма и очень много надеждъ на ту спасительную энергію, которая пока находится въ потенціи. Словомъ, не разберешь, чего больше. А разобраться можно бы было просто, если бы *литературу* у насъ не загоняли въ очень узкія рамки, не считали бы за литературу одну поэзію и не пріурочивали бы ее къ одному имени, какъ будто только и свѣту въ окошкѣ, что Пушкинъ. Какая „бѣдная русская мысль!"

„Русское богатство", май. „Жизнь", Н. И. Тимковскаго. Въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ русское общество, вѣрнѣе—его поверхностный слой, пережило, по крайней мѣрѣ, четыре послѣдовательныхъ и довольно внушительныхъ фазиса развитія, и потому все вокругъ него должно бы было настолько существенно измѣниться, что люди пятидесятыхъ годовъ должны бы теперь представляться намъ какими нибудь ихтіозаврами. Такъ оно отчасти и есть. Нѣкоторыхъ людей совсѣмъ бы выбило изъ колеи, если бы у нихъ съ завтрашняго дня отняли культурныя удобства, пріобрѣтенныя за это время. Между тѣмъ, не смотря на цѣлую уйму совершенно новыхъ формъ общежитія, взглядовъ, идей, утилизируемыхъ людьми, какой нибудь Владиміръ Покровскій г. Тимковскаго, родившійся въ пятидесятыхъ годахъ, изображаетъ изъ себя ни дать, ни взять своего папашу, Николая Харитоновича. Онъ, конечно, носитъ повседневно смокингъ вмѣсто бекеши и куритъ папиросы вмѣсто трубки, но голова его начинена буквально тѣми же нравоучительными сентенціями, какими была начинена

голова его отца, тѣми же требованіями къ кому то въ пространствѣ— дать какъ можно большее въ обмѣнъ на какъ можно меньшее, тѣми же взглядами на дѣло, что оно только *такъ, между прочимъ*, какъ будто даже не въ серьезъ. Главное же заключается въ томъ, чтобы „жить какъ люди живутъ", ни больше, ни меньше того. Разница между Покровскимъ — отцомъ и Покровскимъ—сыномъ только та, что, выражаясь курьезной терминологіей одного критика, въ головѣ сына завибрировала какая то „новая мозговая линія", обнажился „новый уголъ души". Первая подсказала ему эту разницу, а второй далъ почувствовать, что *такъ* жить дольше не слѣдовало бы, что, наконецъ, это похоже на свинство. Но такъ какъ „новая мозговая линія" оказалась въ единственномъ числѣ среди множества старыхъ, а „новый уголъ души" едва загнулся, то Покровскій — сынъ еще спокойнѣе укладывался на этомъ ложѣ свинства, особенно послѣ того, какъ отецъ внушительно замѣчалъ ему: „Боже тебя избави! Боже тебя сохрани", а потомъ жена стала одергивать: „Ну, замечтался! Ложись спать, а то пожару еще надѣлаешь".

Г. Тимковскій и разсказываетъ эту исторію прозябанія одной семьи въ теченіе ея полувѣкового растительнаго существованія, русскую: „Histoire naturelle sociale d'une famille". Герою ея, Владиміру Покровскому, въ настоящее время перевалило за 40 лѣтъ, онъ статскій совѣтникъ и мечтаетъ о пенсіи. А давно ли было время, когда онъ, подобно своему сыну, корпѣлъ надъ программами, учебниками и выслушивалъ отъ своего отца точь-въ-точь тѣ же педагогическія сентенціи, которыми онъ теперь, въ свою очередь, считаетъ священной обязанностью подбадривать своего сына!

Тридцать лѣтъ тому назадъ они жили буквально такъ, какъ живетъ онъ теперь. Послѣ того, какъ его обули въ сапоги вмѣсто ботинокъ и запретили дѣтскія забавы, ему внушили, что онъ *большой*, и заставили зачѣмъ-то и чему-то учиться.

— Смотри, если и сегодня ты будешь скверно учиться, какъ вчера—не помилую. О тебѣ заботятся, а ты.... Пороть буду!

Его повели въ гимназію.

— Ахъ, провалится онъ, непремѣнно провалится!—то и дѣло говоритъ своимъ стонущимъ голосомъ мать.

— Посмѣй только у меня провалиться! — грозно заявляетъ отецъ.

Владиміръ Покровскій принятъ въ гимназію.

— Молодецъ!—говоритъ Николай Харитоновичъ, похлопывая сына по плечу.—Не ударилъ лицомъ въ грязь.

— Поступить-то поступилъ, да вотъ какъ еще дѣло пойдетъ въ гимназіи?—вздыхаетъ мать послѣ первыхъ порывовъ радости.

— Теперь, братъ, смотри, держи ухо востро, — прибавляетъ отъ себя отецъ.—Трудно поступить, еще труднѣе кончить.

Ту же процедуру продѣлываютъ и сестры Володи.

Если приходится дѣтямъ разговаривать въ свободное время, то больше въ такомъ родѣ:

— Меня нынче вызывали изъ батюшки, поставили 12-ть.

— Меня „Хорекъ", чортъ подери, хотѣлъ нынче сбить на

дробяхъ,—гудитъ Володя,—да я здорово вызубрилъ. Четыре съ вожжами поставилъ, чертъ подери, а надо было пятишницу.

— Ахъ, какое мученье съ этими дѣтьми, — стонетъ мать. — Сколько однихъ книгъ нужно.

По латыни пошли двойки.

— Выгонятъ,—куда я тебя дѣну?—говоритъ съ ожесточеніемъ отецъ.—Въ кантонисты развѣ?... зубри!

„И Владиміръ зубрилъ, подстегиваемый, какъ кнутомъ, мыслью, что если онъ не выучитъ, ему придется плохо; когда можно списать у товарища, списывалъ; когда можно было обмануть учителя, обманывалъ. Онъ научился подправлять отмѣтки, дѣлать изъ единицы четверку, изъ тройки—пятерку; научился подвязывать щеку и стонать отъ мнимой зубной боли; умѣлъ ловко провести и семью и школу. Въ классѣ онъ сидѣлъ, какъ автоматъ, и жевалъ резину; это занятіе помогало многимъ изъ гимназистовъ убивать тягучее время уроковъ и, по мнѣнію Владиміра, какъ нельзя больше подходило къ изученію латинской грамматики. Въ его глазахъ сдѣлалось безразлично все, кромѣ полученія единицъ“.

А вотъ и университетъ.

— Милостивые государи! приступая къ изложенію своего курса...

„Такъ началъ профессоръ свою первую лекцію, и Покровскому было лестно, и вмѣстѣ съ тѣмъ странно слышать такое обращеніе: эти „милостивые государи“ къ чему-то обязывали,—но къ чему именно?... Университетъ засталъ его врасплохъ. Изъ гимназіи онъ вынесъ только антипатію ко всему гимназическому, да лоскутки знаній, изъ которыхъ, какъ изъ образчиковъ, ничего нельзя было сшить“. „Отправляясь на первую лекцію, Покровскій съ волненіемъ думалъ, какъ она сразу прольетъ ему на все новый свѣтъ, и какъ онъ сразу почувствуетъ себя гражданиномъ какого-то особаго міра, громаднаго, интереснаго!... Но прошла 1-ая лекція, за ней 2-я и 3-я, а ничего подобнаго онъ не испытывалъ“.

И отецъ твердитъ по прежнему:

— Поступить-то поступилъ, а какъ кончишь?

А мать твердила:

— Поскорѣй бы ужь кончалъ курсъ, успокоилъ бы насъ съ отцомъ.

Когда въ университетѣ бывало неспокойно, отецъ и мать ничего не разбирали, ничего не слушали и ни о чемъ не спрашивали сына, только твердили ему попремѣнно: „помни, что ты еще не живешь, а лишь готовишься къ жизни: вѣдь еще не получилъ диплома“.

— Ваше высокопревосходительство, позвольте вамъ представить: мой сынъ, кандидатъ университета!

„Владиміръ Николаевичъ Покровскій стоялъ передъ большимъ лысымъ старикомъ, который разглядывалъ его въ пенснэ, между тѣмъ, какъ Николай Харитоновичъ, почтительно склонившись, говорилъ что-то своимъ беззубымъ ртомъ про кандидатство сына, которое, по его понятіямъ, давало ему право числиться кандидатомъ на хлѣбное мѣсто.

Генералъ одобрительно кивалъ головой, Покровскій—отецъ кланялся, Покровскій—сынъ что-то почтительно бормоталъ".

— Ты принятъ на государственную службу!—торжественно возгласилъ Николай Харитоновичъ по выходѣ изъ кабинета начальника и дрожащими отъ волненія руками обнялъ сына.—Это моя послѣдняя забота о тебѣ: я тебя вывелъ на дорогу;—теперь изловчайся самъ. Государственная служба—дѣло нешуточное. До сихъ поръ ты подготовлялся къ жизни,—а вотъ теперь поживи! Трудно поступить на службу, еще труднѣе удержаться, а самое трудное,—пробраться впередъ...

— Сохрани тебя Богъ неглижировать—пропадешь!..

А тутъ подвернулась Наденька Желтухина. Состоялась свадьба.

— Помни, Владиміръ, говорилъ отецъ.—Ты теперь принадлежишь не себѣ, а семьѣ, за которую долженъ будешь дать отвѣтъ Богу...

Началась семейная жизнь. Онъ оказался не такимъ милымъ и интереснымъ, какъ она думала; а она оказалась скучнѣе и капризнѣе, чѣмъ онъ думалъ. Далѣе, Покровскій—сынъ съ точностью копировальной машины повторилъ жизнь отца, съ тою развѣ разницею, что отецъ, строго говоря, не жилъ, а священнодѣйственно прозябалъ, а сынъ прозябалъ и скучалъ. Началось рожденье дѣтей, ученье ихъ, съ неизбѣжными: „Помни, чтобъ двоекъ я у тебя не видалъ!" „Надо, братъ, какъ ни какъ изловчаться. Ничего не подѣлаешь: таковъ ужь порядокъ вещей".

Всѣ люди, съ которыми ему приходилось близко встрѣчаться, скользили по немъ, и проходили мимо: ни ему за нихъ, ни имъ за него зацѣпиться было нечѣмъ. Тутъ былъ и bon-vivant Боярышниковъ, который любилъ въ жизни только три вещи: женщинъ, хорошихъ извощиковъ и хорошія папиросы! Учитель Кудринъ, все собиравшійся „поставить предметъ свой на должную высоту". Писатель Булыжниковъ, пропагандировавшій (на однихъ словахъ) „крестовый походъ противъ рутины схоластики и всякаго пустоутробія", и продолжавшій писать: „съ одной стороны—съ другой стороны", „нельзя не признать, но нельзя не пожелать". Покровскій сынъ резонно отзывался о нихъ: „Всѣ они хороши! всѣ они разговариваютъ единственно для сотрясенія воздуха". Только „по временамъ внутри него что-то роптало и выло! Иногда, торопясь на службу или со службы домой, или идя въ гости съ женой, онъ чувствовалъ, какъ все его существо наполняетъ что-то сѣренькое, сѣренькое, точно безпросвѣтная осенняя мразь, и конца этому сѣренькому не будетъ".

Раздумывая о жизни, сожалѣя о чемъ-то, желая чего-то, онъ все это въ концѣ концовъ покрывалъ словами:

— Н-да, какъ ты тамъ не разсуждай, а прежде всего надо дослужиться до пенсіи...

Надо сына поднимать, который тоже будетъ тянуть до пенсіи!

„Вѣстникъ Европы", іюнь. *„Джонъ Рескинъ"*. *З. Венгеровой.* Жизнь человѣческаго общества складывается постоянно такимъ образомъ, что появляющіяся изрѣдка передовыя идеи никогда не

бывают въ состояніи сразу прошибить китайскую стѣну людскихъ привычекъ и предразсудковъ, ставшихъ очевидно для всѣхъ вредными. Нѣкоторые люди прямо-таки бываютъ недовольны тѣмъ, что ихъ обстрѣливаетъ кучка идейныхъ стрѣлковъ, очень къ тому же небольшая. Появляются добровольцы, которые, съ благими намѣреніями, учиняютъ дозоръ за выстрѣлами и чуть замѣтятъ изъянъ въ стѣнѣ, спѣшатъ задѣлать поврежденія, что почти всегда и выполняютъ съ успѣхомъ и самодовольствомъ. Къ числу охранителей китайской стѣны, за которой люди толкутся на одномъ мѣстѣ, принадлежалъ Джонъ Рескинъ, умершій въ текущемъ году. Рескина рескинисты въ Англіи называли „учителемъ жизни“ Съ легкой руки „Сѣвернаго Вѣстника“, въ періодъ г. Волынскаго съ декадентами, и въ нашихъ журналахъ стало появляться имя Рескина, но въ такомъ тускломъ освѣщеніи, что читатели затруднялись понимать, кто же былъ Рескинъ—„учитель“ или „гаситель“? Рескина еще зовутъ „пророкомъ красоты“. но какой красоты?... Той, которую стала проповѣдывать небольшая кучка англійскихъ художниковъ—живописцевъ, назвавшихъ себя прерафаэлитами. Мистика и наивность, какая-то младенческая непосредственность составляютъ исключительно направленіе прерафаэлитовъ. Все, что было завоевано и усовершенствовано искусствомъ въ послѣдніе 300 лѣтъ, ими было отвергнуто. Воспроизведеніе природы, не дѣйствительной, а воображаемой ими, природы, подъ какимъ то угломъ зрѣнія восьмидесятигранныхъ мушиныхъ глазъ, стало у нихъ на первомъ планѣ. Одинъ критикъ-парадоксалистъ, неизвѣстно—въ шутку или въ превду, выразился, что у нихъ природа идетъ слѣдомъ за искусствомъ, что живописецъ Тернеръ (особенно облюбованный Рескинымъ) выдумалъ закаты солнца. Подробности въ облакахъ, на землѣ, въ переходахъ солнечнаго свѣта у нихъ переплетены съ фантастическими изображеніями. Рескинъ, истолковывая искусство этихъ художниковъ-атавистовъ, переплетаетъ свои замѣчанія религіозными и нравственными разсужденіями. У него природа—есть служеніе Богу, искусство—служеніе Богу, картина—молитва, назначеніе человѣка — быть свидѣтелемъ Бога на землѣ, искусство—должно служить этой цѣли. Все это прекрасно и вызываетъ слезы умиленія въ рѣчахъ богослова, и пусть считаютъ Рескина за такого проповѣдника и всхлипываютъ отъ избытка чувствъ! У Глѣба Успенскаго, старикъ, лежа на печкѣ и слушая чтеніе „божественнаго“, плачетъ отъ непосильной обязанности, налагаемой на него словами: „Наслѣжу слѣдовъ, а ты по нимъ ходи!“ Но какой такой можетъ быть „пророкъ искусства?“ Люди не постоянно молятся и не постоянно проникнуты піетическими размышленіями. Въ искусствѣ же прежде всего ищутъ простого удовольствія, а въ серьезномъ искусствѣ, за которое Рескинъ распинался, отвѣтовъ на запросы жизни. Говорятъ, что наука—изъявительное наклоненіе, а искусство—желательное наклоненіе. Чѣмъ развитѣе человѣкъ, тѣмъ онъ ко всему требовательнѣе. Ужъ если существуетъ искусство и считаетъ себя, подобно наукѣ, способнымъ разрѣшать сложные вопросы, то, несомнѣнно, наибо-

лѣе сложные вопросы для человѣка таятся въ общественныхъ отношеніяхъ. Изъ искусства прерафаэлитовъ общественныя отношенія совершенно изгнаны, и Рескинъ въ свою очередь связывать общественныхъ вопросовъ съ искусствомъ терпѣть не можетъ: сложность формъ современныхъ общественныхъ отношеній для него прямо ненавистна. Онъ хотѣлъ бы возвратиться къ тому времени, когда не существовало желѣзныхъ дорогъ, испортившихъ пейзажи природы, хотѣлъ бы уничтоженія всякихъ механическихъ приспособленій, замѣны фабричнаго труда ручнымъ. Онъ старался проводить свои средневѣковыя идеи въ жизнь. По иниціативѣ и подъ гарантіей его, какъ богатаго человѣка, въ нѣкоторыхъ деревняхъ Англіи стали заниматься пряжей и ручнымъ ткачествомъ, и „рескиновское полотно“ появилось на рынкахъ, гдѣ его покупали за баснословную цѣну, какъ купштюкъ забавляющагося богача-чудака. Онъ въ этомъ отношеніи, и еще кое въ чемъ, напоминаетъ нашего гр. Толстого, проповѣдующаго тоже ручной трудъ и занимавшагося кладкой печей, про которыя говорятъ, однако, что онѣ такъ дымили, что въ избахъ съ такими печами становилось жить невозможно.

Излагать статью г-жи Венгеровой мы отказываемся и не потому, что статья является сплошнымъ панегирикомъ Рескину, а потому, что въ ней нельзя уловить мотивовъ, за что же именно поется хвалебный гимнъ Рескину? что онъ сдѣлалъ для человѣчества, будучи вымощенъ благими намѣреніями? Неужели за то, что онъ желалъ отодвинуть людей въ глубь вѣковъ, конопатилъ китайскую стѣну? Мы понимаемъ Руссо, который совѣтовалъ людямъ возвратиться въ первобытное состояніе, но онъ не совѣтовалъ имъ тамъ оставаться. А Рескинъ въ первобытномъ состояніи видѣлъ конечный идеалъ. Оригинальный былъ . . . назадникъ.

Замѣчательна въ Рескинѣ одна своеобразная и рѣжущая черта. У „учителей жизни“ и у „пророковъ“ такой черты до сего времени не наблюдалось. Онъ былъ человѣкъ страшно самодовольный. Г-жа Венгерова и не скрываетъ этой черты и даже ставитъ ее въ заслугу ему: такимъ людямъ, которыхъ мы принимаемъ за божковъ, все простительно. Въ своихъ сочиненіяхъ „Рескинъ постоянно дѣлаетъ примѣчанія внизу страницъ, настаивая на важности, вѣрности и совершенствѣ сказаннаго имъ въ текстѣ. Такія замѣчанія: *великолѣпный выводъ, чрезвычайно важная истина, все содержаніе этой главы вполнѣ хорошо* и т. п., проходятъ черезъ всю книгу. Онъ часто, по всякому поводу, говоритъ о важности своей миссіи, и даже жалуется на то, что на него возложена тяжкая обязанность—научить людей правдѣ“.

Г-жа Венгерова говоритъ: „Англія конца XIX вѣка со всѣмъ тѣмъ, что дѣлаетъ ея внутреннюю жизнь столь привлекательной для остальной Европы, обязана идеалистамъ-мыслителямъ, вокругъ которыхъ сгруппировались и литература, и искусство, и художественное творчество. Рескинъ несомнѣнно одинъ изъ такихъ избранниковъ“. Не заблуждается-ли г-жа Венгерова? Не слѣдуетъ ли сказать такъ, что внутренняя жизнь Англіи всегда привле-

кала Европу своимъ мощнымъ реализмомъ, своими положительными взглядами, а идеализмъ Англіи, чаще граничащій съ ханжествомъ и чопорностью, только отталкивалъ здоровые элементы Европы.

И. М.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Роль Англіи въ дѣлѣ осужденія короля Людовика XVI. — Сіейесъ и переворотъ 18 брюмера.—Бородинская битва и пребываніе французовъ въ Москвѣ.—Императрица Жозефина.—Изъ воспоминаній графа Бре о царствованіи императора Николая I.

По прибытіи въ Англію въ 1791 году, Пенъ въ сочиненіи „Права человѣка.“ защищалъ идеи французской революціи. Хотя онъ велъ себя очень осторожно въ Лондонѣ, но революціонная дѣятельность его скоро обратила на себя вниманіе англійскаго правительства, въ особенности послѣ выпущеннаго имъ манифеста въ честь разрушенія Бастиліи „Adresse et declaration des amis de la paix et de la liberté universelles“. Пока революція ограничивалась лишь Франціею, англійскій дворъ даже радовался втайнѣ и поощрялъ ее, но какъ только революціонныя идеи стали проникать въ Англію, аристократія сильно взволновалась и англійское правительство обрушилось на Пена, но открыто преслѣдовать его побоялось, такъ какъ у Пена было слишкомъ много приверженцевъ не только среди писателей и нонконформистовъ, но и въ самомъ народѣ.

Въ декабрѣ 1792 года однако рѣшено было выслать Пена изъ Англіи, но онъ, предувѣдомленный друзьями, уже покинулъ Лондонъ и отправился въ Парижъ, гдѣ избранъ былъ въ члены конвента. Англійское правительство однако не упускало его изъ вида. Въ англійскихъ государственныхъ архивахъ есть донесенія о немъ англійскихъ агентовъ, въ числѣ которыхъ былъ и американецъ нѣкій Моррисъ, тайный агентъ англійскаго посла въ Парижѣ. Изъ этихъ донесеній одно имѣетъ важное историческое значеніе: „Томасъ Пенъ, сообщалось въ этомъ донесеніи, предложилъ подвергнуть королевскую семью изгнанію; значеніе Пена съ каждымъ днемъ падаетъ во Франціи и не будетъ ничего удивительнаго, если его постигнетъ участь, которую онъ вполнѣ заслуживаетъ“.

Англійскій посолъ графъ Гоуеръ и англійскіе агенты отлично понимали, что предложеніе Пена было единственнымъ средствомъ спасти короля, и если значеніе Пена падало во Франціи, то только благодаря его предложенію изгнать короля изъ Франціи. Однако они не только, разумѣется, не поддержали ненавистнаго имъ Пена, но, напротивъ, способствовали даже изъ политическихъ видовъ произнесенію смертнаго приговора надъ Людовикомъ XVI. На это существуютъ и другія указанія. Дантонъ говорилъ графу Ламету: „Я бы охотно спасъ короля, но мнѣ необходимо имѣть милліонъ франковъ для подкупа нужныхъ голосовъ, и деньги эти должны быть доставлены мнѣ черезъ восемь дней. Однако пре-

дупреждаю васъ, что я подалъ свой голосъ за смерть короля; я бы очень хотѣлъ спасти его голову, но не хочу терять своей собственной".

Графъ Ламетъ и испанскій посланникъ обратились за деньгами къ Питту, но получили отказъ: король Георгъ вовсе не былъ расположенъ тратить деньги для спасенія жизни своему врагу и другу Америки.

Моррисъ—антиреспубликанецъ и, слѣдовательно, злѣйшій врагъ Пена, былъ мастеръ на всѣ руки. Онъ не только состоялъ тайнымъ агентомъ Англіи, но даже, когда французское правительство хотѣло купить перо Пена и, по отказѣ послѣдняго, обратилось къ Моррису, тотъ принялъ предложеніе, и вышло, что Пенъ даромъ писалъ за Францію, а Моррисъ, получая деньги, писалъ и дѣйствовалъ противъ Франціи.

Еще въ Америкѣ Моррисъ боролся изъ за угла съ Пеномъ, который и не подозрѣвалъ этого. Когда Моррисъ прибылъ въ Лондонъ съ тайной миссіей отъ президента Вашингтона, въ Америкѣ рѣшался еще на конгрессѣ вопросъ, слѣдуетъ-ли посылать представителей Штатовъ въ Европу. Пенъ былъ тогда героемъ дня въ лондонскихъ либеральныхъ кружкахъ: его принимали государственные люди, совѣтовались съ нимъ по американскимъ дѣламъ. Всѣмъ этимъ тотчасъ же воспользовался Моррисъ, введенъ былъ Пеномъ въ англійское общество и, подъ видомъ друга Пена, вывѣдывалъ у либераловъ необходимыя для своихъ плановъ свѣдѣнія. Такимъ образомъ, въ то время, когда Пенъ защищалъ Францію и права человѣка въ Англіи, Моррисъ замышлялъ свои козни и подтачивалъ тайно репутацію Пена. Борьба эта (безсознательная со стороны Пена) перенеслась и во Францію. Здѣсь Моррисъ, также подъ видомъ друга Пена, былъ введенъ Лафайетомъ въ высшее французское общество, гдѣ для него открылась богатая почва для интригъ. Представивъ неопровержимыя доказательства о полученной отъ Вашингтона секретной дипломатической миссіи во Франціи, но не показавъ вида, что миссія эта неблагопріятна Франціи, Моррисъ пріобрѣлъ большое вліяніе на многихъ французскихъ министровъ, а потомъ на короля и королеву. Король, увѣренный въ дружбѣ къ себѣ Америки, которой онъ оказалъ столько услугъ, всецѣло отдался въ руки Морриса, даже передалъ ему свои деньги—болѣе полумилліона франковъ. Моррисъ же всѣ силы употреблялъ, чтобы толкнуть короля на гибельный путь. Какъ видно изъ журнала и писемъ Морриса, онъ мало заботился о королѣ, на котораго смотрѣлъ какъ на слабое безпомощное существо. Будучи тайнымъ агентомъ Англіи, онъ видѣлъ въ смерти короля событіе, которое должно ослабить дружбу Америки къ Франціи и, слѣдовательно, благопріятствовать его планамъ о союзѣ Англіи съ Америкой.

Топоръ, угрожавшій королю, Томасъ Пенъ между тѣмъ уже видѣлъ нависшимъ надъ тысячами головъ и надъ самой Франціей и готовъ былъ рисковать своею жизнью для спасенія человѣка, ложные друзья котораго вели его на гильотину.

По поводу казни Людовика XVI и двусмысленнаго поведенія

англійскаго правительства говорится и въ мемуарахъ Эдмонда Шарля Жене [1]). Жене, отличавшійся своими революціонными идеями, былъ посланъ революціоннымъ французскимъ правительствомъ въ октябрѣ 1789 года въ Россію въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ. Въ Петербургѣ однако Жене за свои революціонныя стремленія былъ плохо принятъ и вслѣдствіе этого отозванъ 19-го іюля 1792 года въ Парижъ, куда и явился какъ герой. Между тѣмъ члены конвента—жирондисты хотѣли доказать американцамъ, что французская республика такъ же расположена оказывать услуги Американскимъ Штатамъ, какъ и Франція при Людовикѣ XVI. Поэтому представителемъ Франціи въ Америку былъ назначенъ отличавшійся республиканскимъ образомъ мыслей молодой Жене, который, кромѣ того, приходился братомъ г-жѣ Кампанъ, первой придворной дамѣ королевы; главною же цѣлью жирондистовъ было добиться высылки королевской семьи въ Америку и поставить ее тамъ подъ защиту человѣка, которому вполнѣ довѣряли и король и королева.

Однако все это не помогло, несмотря на заступничество жирондистовъ, несмотря на прочтеніе Пеномъ въ конвентѣ своего извѣстнаго письма, въ которомъ онъ во имя свободы и американскаго народа просилъ объ изгнаніи короля въ Америку, Людовикъ XVI былъ приговоренъ къ смертной казни. „Во время знаменитаго собранія конвента, говоритъ Жене, большинство депутатовъ было противъ смерти короля. Я не ошибусь, если скажу, что участь несчастнаго Людовика находилась въ рукахъ жирондистовъ. Если бы они съумѣли воспользоваться своею властью, то снова возстановили бы свое вліяніе и раздавили бы якобинцевъ. Угрожающее поведеніе монтаньяровъ испугало-ли ихъ, разсчитывали-ли они на вмѣшательство народа, если надѣялись на отсрочку смертной казни, воспользовавшись которой хотѣли тайнымъ образомъ отправить плѣнниковъ подъ моею защитою въ Америку, не знаю, но инструкціи мнѣ даны были полныя; отправиться въ путь я долженъ былъ лишь послѣ казни“.

Когда свершилась казнь короля, Жене выѣхалъ изъ своего дома, но у городскихъ воротъ былъ задержанъ солдатами, посланными якобинцами, которые принудили его вернуться, подозрѣвая, что онъ везетъ въ каретѣ королевскую семью. Послѣ тщательнаго обыска Жене былъ отпущенъ. Прибывъ благополучно въ Бордо, онъ сѣлъ на фрегатъ и отплылъ въ Америку.

Впослѣдствіи Жене былъ обвиненъ монтаньярами за удачное будто бы выполненіе возложенной на него дипломатической миссіи. Этому я всецѣло обязанъ, говоритъ Жене, проискамъ американца Морриса, тайнаго агента Англіи, получившаго отъ Вашингтона тайное порученіе подготовить союзъ между Америкою и Англіею, что онъ и исполнилъ, дѣйствуя враждебно Франціи, подъ маскою американскаго уполномоченнаго. Монтаньяры потребовали выдачи Жене, но Вашингтонъ, сознавая невиновность

[1]) Revue hebdomadaire № 29, 1900 года. Genet. Extrait de ses mémoires. Les girondins et Louis XVI: sa mission en Amérique. 1792—1793.

французскаго представителя и не желая его губить, отказался его выдать. Жене остался въ Америкѣ, женился на дочери губернатора Клинтона; его наслѣдники живутъ тамъ и понынѣ.

Извѣстный французскій историкъ и академикъ А. Вандаль [1]), на основаніи новыхъ архивныхъ документовъ, выясняетъ истинныя причины государственнаго переворота 18 брюмера и выдающуюся роль одного изъ замѣчательныхъ людей первой французской революціи графа Эммануила Сіейеса.

Жестокости якобинцевъ, терроризировавшихъ всю Францію, побудили Сіейеса вступить съ ними въ борьбу и, при помощи военныхъ, совершить государственный переворотъ, имѣвшій такія знаменательныя послѣдствія для Франціи. Въ то время среди молодыхъ генераловъ особенно выдавался Жуберъ, ученикъ генерала Бонапарте, на него Сіейесъ и возложилъ свои надежды. Полагая, что армія фельдмаршала Суворова слишкомъ незначительна, такъ какъ большая часть руско-австрійскихъ войскъ была оставлена при Мантуѣ и другихъ итальянскихъ крѣпостяхъ, Сіейесъ поручилъ командованіе 50 тысячной итальянской арміей генералу Жуберу съ приказаніемъ немедленно аттаковать союзныя войска. Вполнѣ увѣренный, что Жуберъ разобьетъ Суворова, Сіейесъ разсчитывалъ, что французы будутъ считать молодого генерала спасителемъ Франціи и призовутъ его въ Парижъ. Воспользовавшись этимъ моментомъ, Сіейесъ откроетъ свои планы, укажетъ на гибельныя дѣйствія анархіи и предложитъ: „дать Франціи новыя учрежденія и больше власти правительству", въ результатѣ республика, Жуберъ—президентъ, а Сіейесъ фактическій правитель Франціи.

Таковъ былъ первоначальный планъ Сіейеса. Но одинъ дѣйствовать онъ не могъ, да кромѣ того и побаивался Бонапарте, который хотя былъ и далеко, но могъ всякую минуту вернуться. Поэтому Сіейесъ черезъ Талейрана, вошелъ съ нимъ въ сношенія. По свидѣтельству Камбасера, Сіейесъ, на всякій случай, сносился и съ агентами молодого герцога Орлеанскаго. Талейранъ, принимавшій участіе во всѣхъ интригахъ, и въ данномъ случаѣ служилъ для него посредникомъ.

Сіейесъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ извѣстій отъ Жубера. Жуберъ отправился къ арміи 4 августа 1799 года и тотчасъ же по прибытіи двинулъ свои войска впередъ, полагая встрѣтить небольшую русскую армію, но обстоятельства за это время измѣнились: Мантуя уже капитулировала и австрійскія войска спѣшили присоединиться къ русскимъ. 15 августа произошло сраженіе при Нови. При первой же атакѣ генералъ Жуберъ былъ смертельно раненъ, и французская армія въ безпорядкѣ отступила, потерявъ артиллерію, много генераловъ и массу солдатъ. Вся Италія была въ рукахъ Суворова. При полученіи

---

*) Revue des deux mondes. Апрѣль—Іюнь 1900 года. Les Causes directes du dix-huit brumaire. Les révolutionnaires Nantis et la dernière poussée jacobine, par M. Albert Vandal de l'Academie française.

столь неожиданныхъ печальныхъ извѣстій Сіейесъ однако не потерялся и началъ искать замѣстителя генералу Жуберу. Въ этотъ моментъ всеобщаго волненія многіе инстинктивно обратили свои взоры на отсутствующаго побѣдоноснаго генерала Бонапарте.

Якобинцы задумали произвести государственный переворотъ Журданъ и его единомышленники обратились къ военному министру Бернадотту и предложили ему арестовать Сіейеса и Барраса и стать во главѣ якобинскаго правительства. Потерпѣвъ здѣсь неудачу, якобинцы рѣшили произвести парламентскій переворотъ. Воспользовавшись тѣмъ, что большинство совѣта пятисотъ было противъ директоріи, Журданъ на засѣданіи 13 сентября, произнесъ извѣстную рѣчь, начинающуюся словами: „Отечество въ опасности", и предложилъ низвергнуть директорію, особенно Сіейеса-орлеаниста. Друзья его закричали „голосовать". Тогда произошла страшная свалка. Когда всѣ успокоились, рѣшено было отложить голосованіе до слѣдующаго дня. Эта отсрочка спасла Сіейеса: директорія успѣла удалить военнаго министра и принять необходимыя мѣры. Якобинцы съ своей стороны тоже приготовились и старались возбудить народъ. Но всѣ эти приготовленія ни къ чему не привели: народныя массы были противъ якобинцевъ, а большинство директоровъ были жалкіе, неспособные люди, боявшіеся другъ друга.

Событія эти побудили Сіейеса ускорить возвращеніе Бонапарте изъ Египта. Соединившись съ нимъ, Сіейесъ дѣятельно принялся за приведеніе въ исполненіе своего плана, результатомъ котораго была революція 18 брюмера (9-го ноября 1799 г.). Сіейесъ сдѣланъ былъ временнымъ консуломъ, но впослѣдствіи, отстраненный Бонапарте, принужденъ былъ удалиться, получивъ званіе сенатора, а затѣмъ графа имперіи. Остатокъ жизни провелъ онъ въ уединеніи и умеръ въ Парижѣ въ 1836 году.

Не лишены интереса мемуары полковника Біо [1]) о Бородинской битвѣ и пребываніи французовъ въ Москвѣ.

Утромъ въ день сраженія генералъ Пажоль, въ сопровожденіи Біо, отправился на указанный ему пунктъ; весь редутъ былъ заваленъ мертвыми и ранеными. Французы снимали съ русскихъ солдатъ манерки, „наполненныя отвратительною русской водкой и, за неимѣніемъ лучшаго, пили этотъ отвратительный напитокъ".

Какъ только мы вышли на линію, говоритъ Біо, началась канонада. Съ этого момента на насъ полетѣлъ цѣлый градъ ядеръ, пуль и картечи. Всѣ они пролетали надъ второй бригадой и ударяли какъ разъ въ нашу позицію. Пажоль, недоумѣвая, откуда сыплются выстрѣлы, послалъ меня разузнать, нѣтъ-ли свободнаго мѣста съ лѣвой стороны, но тамъ расположился польскій легіонъ генерала Клапареда". Намъ нельзя было слѣдовательно тронуться съ мѣста и пришлось въ теченіе 14 часовъ оставаться подъ огнемъ непріятеля безъ всякаго прикрытія; одинъ изъ нашихъ

---

[1]) Le Carnet historique et littéraire. № 3 1900 года. Episode de la Bataille de la Moskova et du séjour à Moscou. Сообщилъ М. Тромбергъ.

стрѣлковыхъ полковъ потерялъ треть людей. Подъѣхавшій графъ Монбренъ, спросилъ Пажоля: „Ну, какъ ты тутъ себя чувствуешь?"—„Очень скверно, отвѣтилъ тотъ,—мы стоимъ безъ всякаго прикрытія, и ни одинъ выстрѣлъ не минуетъ насъ".—„Ты бы подвинулся налѣво. Мнѣ кажется тамъ есть еще свободное мѣсто".—„Я уже посылалъ туда, но тамъ расположился польскій легіонъ, а за нимъ итальянская армія".—„Кого ты посылалъ?"—„Біо", отвѣтилъ Пажоль.—„Хорошо, а все-таки нужно попытаться". Мы поѣхали втроемъ вдоль линіи. Вдругъ послышался глухой стукъ, и въ тотъ же мигъ я увидѣлъ падающаго съ лошади Монбрена.

Нѣсколько времени спустя прибылъ адъютантъ неаполитанскаго короля и передалъ генералу Пажолю приказаніе аттаковать непріятеля, при чемъ въ его распоряженіе отдавалась вся находившаяся впереди насъ кавалерія. Въ то время, когда генералъ Пажоль отдавалъ приказаніе спѣшившимся полкамъ сѣсть на лошадей, я замѣтилъ отступавшую кавалерійскую бригаду и, по приказанію генерала, тотчасъ же полетѣлъ къ ней навстрѣчу, добрался какимъ то чудомъ сквозь тучу пуль и картечи и передалъ генералу Берману приказаніе не отступать. Сконфуженный Берманъ вернулъ свою бригаду и отбросилъ непріятеля.

На мѣсто раненаго Монбрена былъ присланъ, по распоряженію Наполеона, генералъ Августъ Коленкуръ. Онъ немедленно же занялъ главный непріятельскій редутъ, „центральный", но самъ былъ убитъ вражеской пулей, и умеръ еще раньше Монбрена (послѣдній скончался гораздо позднѣе послѣ операціи).

Мы все еще занимали прежнюю невыгодную позицію. Желая разузнать, почему всѣ непріятельскіе выстрѣлы попадали именно къ намъ, я отправился на близлежащій холмъ и убѣдился что русскіе направляли свои выстрѣлы собственно не въ насъ, а въ расположенную въ долинѣ артиллерію, но по самому расположенію мѣстности выстрѣлы перелетали черезъ долину и попадали всѣ въ нашу позицію".

Возвращаясь съ этой рекогносцировки, полковникъ Біо былъ легко раненъ въ плечо.

„Къ вечеру, продолжаетъ Біо свой разсказъ, огонь уменьшился, къ намъ присоединился генералъ Бюро со своей бригадой. Когда при аттакѣ пуля сорвала съ его головы шляпу, Бюро вернулся назадъ и, встрѣтивъ маршала Нея, разсказалъ ему о своемъ приключеніи. „Вы ранены?"—„Нѣтъ господинъ маршалъ"—„Въ такомъ случаѣ извольте вернуться къ вашей бригадѣ. Послѣ сраженія вы успѣете найти себѣ другую шляпу". Маршалъ Даву сказалъ ему: „Vous êtes un c..."

Вечеромъ сорокатысячная кавалерія расположилась бивуакомъ на полѣ битвы.

На слѣдующій день наша дивизія получила приказаніе итти къ Можайску. Прибывшій съ рекогносцировки адъютантъ короля неаполитанскаго генералъ Дюмонъ увѣрилъ насъ, что можайская дорога и самый городъ Можайскъ уже очищены русскими. Мы спокойно выступили съ войскомъ, но едва успѣли пройти нѣ-

сколько верстъ по дорогѣ, какъ были аттакованы полчищами казаковъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ по обѣимъ сторонамъ дороги тянулся необъятный лѣсъ.

Подойдя къ Можайску, мы заставили непріятеля очистить этотъ городъ и затѣмъ двинулись дальше по большой московской дорогѣ, гоня передъ собою казаковъ.

На другой день вечеромъ мы достигли главной императорской квартиры, расположившейся на развалинахъ загороднаго дома графа Ростопчина. Московскій генералъ-губернаторъ графъ Ростопчинъ сжегъ этотъ домъ, „чтобы присутствіе собакъ французовъ не осквернило его", какъ гласила надпись на столбѣ, стоявшемъ противъ дома. Состоявшій при главной квартирѣ генералъ Дюронель только что былъ назначенъ губернаторомъ Москвы; онъ явился къ генералу Пажолю и предложилъ ему послать въ Москву одного изъ своихъ адъютантовъ для приготовленія помѣщенія. Генералъ, разумѣется, охотно согласился и назначилъ меня.

Отправился я въ Москву съ конвоемъ, въ числѣ котораго находился унтеръ-офицеръ полякъ, говорившій по-русски. Съ большимъ трудомъ нашелъ тамъ генерала Дюронеля. „Изъ Москвы всѣ бѣжали за русской арміей, и я не могу указать вамъ помѣщенія, проговорилъ генералъ, идите сами и располагайтесь, какъ вамъ будетъ удобнѣе". Я тотчасъ же отправился на розыски. По дорогѣ встрѣтилъ столько великолѣпныхъ зданій, настоящихъ дворцовъ, что не зналъ, которому отдать предпочтеніе; наконецъ въѣхалъ въ большую улицу — Петербургскую и встрѣтился съ принцемъ Евгеніемъ. „Что вы тутъ дѣлаете? спросилъ онъ меня. „Ищу помѣщенія для генерала Пажоля, но, кажется, нахожусь во владѣніяхъ вашего величества и..."—„Для Пажоля, перебилъ меня вице-король, пожалуйста, берите для него любой домъ. Вѣдь Пажоля я считаю до сихъ поръ еще членомъ итальянской арміи".

Скоро я нашелъ совершенно подходящее помѣщеніе, но въ другомъ кварталѣ. Въ домѣ хозяина не было, какъ и вездѣ, но прислуга, мебель, бѣлье и серебро все это осталось. Кромѣ того при домѣ находился что-то въ родѣ управляющаго, французъ по происхожденію. Почему онъ оставилъ Францію и что его заставило жить въ Россіи, я не имѣлъ времени его разспросить. По прибытіи генерала Пажоля, мы прекрасно позавтракали, а превосходный генеральскій поваръ, изслѣдовавъ найденную въ домѣ провизію, обѣщалъ накормить насъ потомъ настоящимъ парижскимъ обѣдомъ. Послѣ завтрака Пажоль, рана на рукѣ котораго не особенно безпокоила его при ходьбѣ, предложилъ прогуляться и осмотрѣть городъ. Въ одной изъ улицъ мы увидѣли чудное мраморное зданіе. Намъ отворилъ двери негръ. Внутри было все въ порядкѣ, повсюду восточная роскошь." „Да тутъ гораздо лучше, воскликнулъ генералъ, помѣстимся здѣсь и возьмемъ нашего управляющаго въ качествѣ переводчика". Мы уже начали распредѣлять комнаты, какъ вдругъ я замѣтилъ яркій свѣтъ, черезъ нѣсколько мгновеній послышался трескъ и показалось пламя. Домъ горѣлъ. Едва успѣли выскочить на улицу и попали въ са-

стрѣлковыхъ полковъ потерялъ треть людей. Подъѣхавшій графъ Монбренъ, спросилъ Пажоля: „Ну, какъ ты тутъ себя чувствуешь?“—„Очень скверно, отвѣтилъ тотъ,—мы стоимъ безъ всякаго прикрытія, и ни одинъ выстрѣлъ не минуетъ насъ“.—„Ты бы подвинулся налѣво. Мнѣ кажется тамъ есть еще свободное мѣсто“.—„Я уже посылалъ туда, но тамъ расположился польскій легіонъ, а за нимъ итальянская армія“.—„Кого ты посылалъ?“—„Біо“, отвѣтилъ Пажоль.—„Хорошо, а все-таки нужно попытаться“. Мы поѣхали втроемъ вдоль линіи. Вдругъ послышался глухой стукъ, и въ тотъ же мигъ я увидѣлъ падающаго съ лошади Монбрена.

Нѣсколько времени спустя прибылъ адъютантъ неаполитанскаго короля и передалъ генералу Пажолю приказаніе аттаковать непріятеля, при чемъ въ его распоряженіе отдавалась вся находившаяся впереди насъ кавалерія. Въ то время, когда генералъ Пажоль отдавалъ приказаніе спѣшившимся полкамъ сѣсть на лошадей, я замѣтилъ отступавшую кавалерійскую бригаду и, по приказанію генерала, тотчасъ же полетѣлъ къ ней навстрѣчу, добрался какимъ то чудомъ сквозь тучу пуль и картечи и передалъ генералу Берману приказаніе не отступать. Сконфуженный Берманъ вернулъ свою бригаду и отбросилъ непріятеля.

На мѣсто раненаго Монбрена былъ присланъ, по распоряженію Наполеона, генералъ Августъ Коленкуръ. Онъ немедленно же занялъ главный непріятельскій редутъ, „центральный“, но самъ былъ убитъ вражеской пулей, и умеръ еще раньше Монбрена (послѣдній скончался гораздо позднѣе послѣ операціи).

Мы все еще занимали прежнюю невыгодную позицію. Желая разузнать, почему всѣ непріятельскіе выстрѣлы попадали именно къ намъ, я отправился на близлежащій холмъ и убѣдился, что русскіе направляли свои выстрѣлы собственно не въ насъ, а въ расположенную въ долинѣ артиллерію, но по самому расположенію мѣстности выстрѣлы перелетали черезъ долину и попадали всѣ въ нашу позицію“.

Возвращаясь съ этой рекогносцировки, полковникъ Біо былъ легко раненъ въ плечо.

„Къ вечеру, продолжаетъ Біо свой разсказъ, огонь уменьшился, къ намъ присоединился генералъ Бюро со своей бригадой. Когда при аттакѣ пуля сорвала съ его головы шляпу, Бюро вернулся назадъ и, встрѣтивъ маршала Нея, разсказалъ ему о своемъ приключеніи. „Вы ранены?“—„Нѣтъ господинъ маршалъ“—„Въ такомъ случаѣ извольте вернуться къ вашей бригадѣ. Послѣ сраженія вы успѣете найти себѣ другую шляпу“. Маршалъ Даву сказалъ ему: „Vous êtes un c...“

Вечеромъ сорокатысячная кавалерія расположилась бивуакомъ на полѣ битвы.

На слѣдующій день наша дивизія получила приказаніе итти къ Можайску. Прибывшій съ рекогносцировки адъютантъ короля неаполитанскаго генералъ Дюмонъ увѣрилъ насъ, что можайская дорога и самый городъ Можайскъ уже очищены русскими. Мы спокойно выступили съ войскомъ, но едва успѣли пройти нѣ-

сколько верстъ по дорогѣ, какъ были аттакованы полчищами козаковъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ по обѣимъ сторонамъ дороги тянулся необъятный лѣсъ.

Подойдя къ Можайску, мы заставили непріятеля очистить этотъ городъ и затѣмъ двинулись дальше по большой московской дорогѣ, гоня передъ собою казаковъ.

На другой день вечеромъ мы достигли главной императорской квартиры, расположившейся на развалинахъ загороднаго дома графа Ростопчина. Московскій генералъ-губернаторъ графъ Ростопчинъ сжегъ этотъ домъ, „чтобы присутствіе собакъ французовъ не осквернило его“, какъ гласила надпись на столбѣ, стоявшемъ противъ дома. Состоявшій при главной квартирѣ генералъ Дюронель только что былъ назначенъ губернаторомъ Москвы; онъ явился къ генералу Пажолю и предложилъ ему послать въ Москву одного изъ своихъ адъютантовъ для приготовленія помѣщенія. Генералъ, разумѣется, охотно согласился и назначилъ меня.

Отправился я въ Москву съ конвоемъ, въ числѣ котораго находился унтеръ-офицеръ полякъ, говорившій по-русски. Съ большимъ трудомъ нашелъ тамъ генерала Дюронеля. „Изъ Москвы всѣ бѣжали за русской арміей, и я не могу указать вамъ помѣщенія, проговорилъ генералъ, идите сами и располагайтесь, какъ вамъ будетъ удобнѣе“. Я тотчасъ же отправился на розыски. По дорогѣ встрѣтилъ столько великолѣпныхъ зданій, настоящихъ дворцовъ, что не зналъ, которому отдать предпочтеніе; наконецъ въѣхалъ въ большую улицу — Петербургскую и встрѣтился съ принцемъ Евгеніемъ. „Что вы тутъ дѣлаете? спросилъ онъ меня. „Ищу помѣщенія для генерала Пажоля, но, кажется, нахожусь во владѣніяхъ вашего величества и...“—„Для Пажоля, перебилъ меня вице-король, пожалуйста, берите для него любой домъ. Вѣдь Пажоля я считаю до сихъ поръ еще членомъ итальянской арміи“.

Скоро я нашелъ совершенно подходящее помѣщеніе, но въ другомъ кварталѣ. Въ домѣ хозяина не было, какъ и вездѣ, но прислуга, мебель, бѣлье и серебро все это осталось. Кромѣ того при домѣ находился что-то въ родѣ управляющаго, французъ по происхожденію. Почему онъ оставилъ Францію и что его заставило жить въ Россіи, я не имѣлъ времени его разспросить. По прибытіи генерала Пажоля, мы прекрасно позавтракали, а превосходный генеральскій поваръ, изслѣдовавъ найденную въ домѣ провизію, обѣщалъ накормить насъ потомъ настоящимъ парижскимъ обѣдомъ. Послѣ завтрака Пажоль, рана на рукѣ котораго не особенно безпокоила его при ходьбѣ, предложилъ прогуляться и осмотрѣть городъ. Въ одной изъ улицъ мы увидѣли чудное мраморное зданіе. Намъ отворилъ двери негръ. Внутри было все въ порядкѣ, повсюду восточная роскошь. „Да тутъ гораздо лучше, воскликнулъ генералъ, помѣстимся здѣсь и возьмемъ нашего управляющаго въ качествѣ переводчика“. Мы уже начали распредѣлять комнаты, какъ вдругъ я замѣтилъ яркій свѣтъ, черезъ нѣсколько мгновеній послышался трескъ и показалось пламя. Домъ горѣлъ. Едва успѣли выскочить на улицу и попали въ са-

мый центръ огня. Дома горѣли по обѣ стороны улицы. Наконецъ добрались мы до нашего дома, но скоро загорѣлся и онъ. Огонь бушевалъ всюду. Куда ѣхать? Мы проблуждали всю ночь, рискуя ежеминутно быть поглощенными огнемъ или раздавленными падающими горящими балками. Лишь на разсвѣтѣ достигли мы Калужскихъ воротъ, куда еще не проникъ огонь. Здѣсь нашли мы наконецъ помѣщеніе, въ которомъ и оставались до очищенія Москвы".

Первая супруга Наполеона I Марія Роза Жозефина [1]) происходила изъ фамиліи Ташеръ де ла Пажери; родилась 23 іюня 1763 года на о. Мартиникѣ. На 15 году она вышла замужъ за виконта Александра Богарне. Жозефина не была счастлива съ мужемъ, вскорѣ же онъ бросилъ ее, а потомъ окончательно развелся съ нею. Невесело было жить молодой женщинѣ у своего тестя, жившаго открыто съ ея теткою г-жею Реноденъ, у котораго она поселилась съ двумя своими дѣтьми, сыномъ Евгеніемъ, впослѣдствіи герцогомъ Лейхтенбергскимъ и дочерью Гортензіею, будущею супругою короля Людовика Бонапарте. Мужъ ея между тѣмъ шелъ въ гору и въ 1793 году назначенъ былъ главнокомандующимъ арміею на Рейнѣ. Но, несмотря на всѣ его усилія понравиться якобинцамъ, годъ спустя онъ былъ казненъ, а Жозефина заперта въ монастырь. Лишь послѣ паденія Робеспьера Жозефина получила свободу и, оставшись безъ средствъ, получила поддержку отъ одного изъ членовъ директоріи Барраса. Очень возможно, что эта помощь была не безкорыстна. Замужество съ Бонапартомъ спасло ее (9 марта 1796 года). Наполеонъ короновалъ ее 2 декабря 1804 года, но черезъ пять лѣтъ уже развелся съ нею.

Императоръ Александръ I очень интересовался семьею бывшаго французскаго императора и, во время своего пребыванія въ Парижѣ въ 1814 году, часто посѣщалъ императрицу Жозефину въ Мальмезонѣ. 15-го мая онъ былъ у королевы Гортензіи въ замкѣ Санъ-Лё. На этомъ свиданіи присутствовали Жозефина и сынъ ея Евгеній. Уже тогда ходили слухи о слабости здоровья императрицы, но она продолжала дѣлать пріемы: король прусскій со своими сыновьями провелъ цѣлый день въ Мальмезонѣ, затѣмъ посѣтили ее великіе князья Николай и Михаилъ. Хлопоты, безпокойство за дѣтей и горе—все это вмѣстѣ подтачивало ея слабое здоровье. Когда она вскорѣ захворала уже серьезно, болѣзнь начали приписывать простудѣ, хотя доктора и не могли ничего сказать опредѣленнаго. Говорили даже, между прочимъ, что императоръ Александръ, незадолго передъ тѣмъ, былъ у нея въ гостяхъ и долго гулялъ съ нею вечеромъ въ паркѣ. Жозефина, одѣтая очень легко, не рѣшилась, несмотря на холодъ, прекратить прогулку съ своимъ гостемъ, сильно продрогла и вернувшись съ прогулки занемогла. Наконецъ 26-го мая она почувствовала себя очень худо, а на слѣдующій день слабость увеличилась и докторъ,

---

[1]) Revue de Paris № 6.

присланный императоромъ Александромъ I, констатировалъ грудную жабу. 29-го мая состояніе императрицы еще ухудшилось: сильныя боли смѣнялись бредомъ. Царь, озабоченный болѣзнью, которую трудно было объяснить одною простудою, самъ отправился въ Мальмезонъ навѣстить больную, обѣдалъ тамъ и провелъ часть вечера. Было очевидно, что конецъ близокъ. Принцъ Евгеній самъ привелъ духовника къ матери. Императрица Жозефина причастилась и, благословивъ дѣтей, тихо скончалась.

Преждевременная смерть Жозефины подала поводъ къ разнымъ толкамъ. Несмотря на усилія правительства успокоить общественное мнѣніе, многіе продолжали думать, что она умерла неестественною смертью, причемъ говорили, что Жозефина слишкомъ много знала и знала про многихъ такія вещи, распространеніе которыхъ было бы для нихъ очень нежелательно.

Императоръ Александръ и прусскій король пожелали принять участіе въ похоронахъ и уполномоченные ихъ шли во главѣ похоронной процессіи. Отъ Мальмезона до церкви траурная процессія шла между шпалерами русскихъ и французскихъ войскъ.

Мальмезонъ оправдалъ свое имя „несчастнаго дома". Въ юности Жозефина страстно желала имѣть этотъ домъ и какъ только появилась на тронѣ, тотчасъ же пріобрѣла себѣ Мальмезонъ. Но была-ли она въ немъ счастлива? Едва-ли: послѣднія пять лѣтъ были отравлены постоянно боязнью развода.

По найденнымъ бумагамъ и замѣткамъ бывшаго баварскаго посланника въ Петербургѣ графа Отто Бре *) составлены очень интересныя записки, изъ которыхъ приводимъ описаніе пребыванія его въ Россіи. Бре—нормандскіе выходцы. Въ іюнѣ 1833 года 26 лѣтній Бре былъ назначенъ въ посольство въ Петербургъ.

„Въ русскую столицу я пріѣхалъ, пишетъ Бре, въ самый блестящій періодъ царствованія императора Николая I, когда русское дворянство было еще очень богато, когда все зиждилось на крѣпостномъ правѣ, которому, думали, не будетъ конца, когда священный союзъ еще былъ въ полной силѣ. Графъ Нессельроде дѣйствовалъ въ духѣ князя Меттерниха, Канкринъ распространялъ свою строгою протекціонную политику, а начальникъ III отдѣленія графъ Бенкендорфъ, занимавшійся внутренними дѣлами, заботился о веселой жизни высшаго петербургскаго общества и устраивалъ празднества".

Поэтому молодому дипломату было очень трудно, когда онъ въ 1836 году очутился въ посольствѣ въ Парижѣ и сразу, послѣ бездѣятельной петербургской жизни, попалъ въ водоворотъ политики до покушенія 26-го декабря 1836 года включительно. Весною 1840 года Бре женился на дочери князя Фрассо Дентіо; въ 1841 году назначенъ былъ министромъ—резидентомъ въ Аѳины, откуда въ февралѣ 1843 года снова переведенъ въ Петербургъ, который

*) Deutsche Revue № 7 по 9. Aus dem Leben der Grafen Otto von Bray-Steinburg. Auf Grund hinterlassener Papiere desselben geschildert.

для него „сдѣлался второю родиною". „Императоръ Николай I занималъ въ Европѣ такое-же положеніе, какъ и десять лѣтъ тому назадъ: къ его мнѣніямъ прислушивались; дворъ его былъ такъ-же блестящъ, появленіе его импонирующе". „Но всетаки уже не то впечатлѣніе производилъ Государь, говоритъ Бре, характеръ монарха сильно измѣнился, сталъ болѣе крутымъ и упрямымъ". „Что императоръ былъ противъ конституціонной монархіи и признавалъ лишь двѣ формы правленія: абсолютную монархію и республику—было извѣстно всѣмъ и каждому", тѣмъ болѣе графу Бре, который былъ очень прозорливымъ дипломатомъ, что доказываетъ написанная имъ нѣсколько лѣтъ спустя записка о русскомъ дворѣ и министрахъ императора Николая I. По его мнѣнію „между совѣтниками государя не было ни одного человѣка, который стоялъ бы на высотѣ своего положенія" (Ce ne sont que de différentes manières d'obéir, qu'on étudie, en examinant de près les hauts fonctionnaires de la monarchie russe).

Первое время графъ Бре принималъ участіе въ блестящей жизни высшаго петербургскаго общества, „охотно принимавшаго въ свою среду иностранцевъ", почему ему нетрудно было проникнуть и въ закулисную сторону петербургской жизни. Съ литературнымъ кружкомъ николаевскаго времени Бре имѣлъ сношенія еще въ первое свое пребываніе въ Петербургѣ и между прочимъ былъ свидѣтелемъ драмы, приведшей къ трагической кончинѣ Пушкина. Поэтому и въ 1843 по 1846 годахъ онъ сохранялъ связь съ остаткомъ кружка знаменитаго поэта. Между ними самыми близкими ему были вдова и сыновья историка Карамзина, князь Петръ Вяземскій и оба графа Вельгорскіе. „Вяземскій, вице-директоръ департамента внѣшней торговли, совершенно оправдывалъ поговорку: „Богъ защищаетъ невинныхъ", потому что онъ ничего не понималъ въ финансовыхъ дѣлахъ. Зато въ литературномъ мірѣ онъ игралъ выдающуюся роль. Въ музыкальномъ мірѣ первенствовали графъ Михаилъ Вельгорскій и его братъ, гофмейстеръ двора великаго князя Михаила, графъ Матвѣй Вельгорскій. Зять старшаго брата, графъ Соллогубъ считался въ тѣ времена талантливымъ романистомъ, его произведеніями всѣ восхищались. Высшее общество жило тогда совершенно беззаботно, интересовалось лишь французской литературой и итальянской и нѣмецкой музыкой. О дѣлахъ служебныхъ и политическихъ говорилось лишь отъ нечего дѣлать или въ экстроординарныхъ случаяхъ. Князь Вяземскій самъ признавался, что всегда слѣдовалъ по теченію: въ юности предавился либеральнымъ идеямъ, въ зрѣлыхъ годяхъ государственной службѣ, а въ старости заботамъ о здоровьи. Девизомъ его было: „если смотрѣть слишкомъ серьезно на жизнь, то и жить не стоитъ".

Въ мартѣ 1844 года на шведско-норвежскій престолъ вступилъ сынъ Карла Іоанна Бернадотта, Оскаръ. Графъ Бре былъ посланъ баварскимъ правительствомъ въ Стокгольмъ для принесенія поздравленія новому королю. 28-го мая Бре писалъ изъ Стокгольма: „За послѣднее время король былъ невыносимъ и министры сильно побаивались его. Согласко законамъ онъ долженъ

былъ подписывать всѣ бумаги, даже самыя пустяшныя, а силъ у него не хватало, отсюда застой въ дѣлахъ. Только уваженіе къ старымъ его годамъ и заслугамъ удерживало всѣхъ отъ взрыва недовольства".

Въ 1846 году Отто Бре былъ вызванъ въ Мюнхенъ и противъ желанія назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, но вскорѣ вышелъ въ отставку. Лѣтомъ 1847 года онъ снова былъ назначенъ посланникомъ въ Петербургѣ. „Здѣсь все безъ перемѣнъ", писалъ онъ тотчасъ же по пріѣздѣ; но весною слѣдующаго года (1848 г.) сообщалъ: „послѣднія событія произвели потрясающее впечатлѣніе на русскаго монарха. Онъ и не подозрѣвалъ, что затѣвалось на Западѣ и трудился надъ улучшеніемъ быта русскихъ крестьянъ, къ чему побудилъ его единственный склонный къ либерализму министръ государственныхъ имуществъ Киселевъ. Императоръ Николай I не могъ скрыть удовольствія при извѣстіи, что нелюбимаго имъ лично баварскаго короля Людвига Филиппа постигла Немезида (во время общаго броженія умовъ въ Европѣ, онъ отказался 20 марта отъ престола въ пользу своего сына Максимиліана). Извѣстіе же о провозглашеніи во Франціи республики и мартовскія событія въ Вѣнѣ и Берлинѣ сильно раздражили его, и одно время думали, что онъ пойдетъ крестовымъ походомъ противъ революціи".

Когда въ апрѣлѣ 1848 года Бре былъ отозванъ въ Мюнхенъ, русскіе планы о войнѣ и аграрныя реформы окончились и всѣ пришли къ убѣжденію, что только одной Россіи не коснулось всеобщее броженіе умовъ въ Европѣ.

При новомъ баварскомъ королѣ графъ Бре опять былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и членомъ государственнаго совѣта. Но и на этотъ разъ онъ недолго оставался въ Мюнхенѣ.

Новыя книги.

„Большая Энциклопедія. Словарь общедоступныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія", подъ ред. С. Н. Южакова и П. Н. Милюкова. Т. II, вып. 19—20.

Печатаніе этого изданія подвигается медленно. Подобныя справочныя изданія пріобрѣтаютъ большое значеніе, если всѣ статьи ихъ носятъ признакъ одновременнаго составленія, и не мало теряютъ, если между первымъ и послѣднимъ выпускомъ проходятъ годы. Ясны всѣ удобства для читателей въ первомъ случаѣ и неудобства во второмъ. Единовременный выпускъ „Большой Энциклопедіи" дѣло трудно осуществимое, но къ сокращенію срока выпусковъ слѣдовало бы стремиться всѣми силами и средствами.

„Большая Энциклопедія" продолжаетъ издаваться по прежнему съ примѣрными достоинствами, статьи обработаны внимательно, съ тою научною строгостью, какую только допускаетъ популяризація знанія. Въ послѣднемъ выпускѣ обращаютъ вниманіе слѣдующія обстоятельно обработанныя статьи: „Баски

(Басконцы, Бискайцы), „исторія“ этого народа, его „языкъ“ и „литература“; „Батый“, внукъ Чингизъ-хана, „Башкиры“ и другія историческія и этнографическія статьи. Не забыта также писательница и художница Башкирцева, эта талантливая, но изломанная своей средой натура; ей удѣлено два столбца, что, намъ кажется, не въ мѣру много. Существеннымъ, хотя единственнымъ недостаткомъ „Б. Э.“ является иногда несоотвѣтстіе объема статей съ значеніемъ описываемаго предмета. Напр., слову „Беллетристика“ отводится всего на всего пять строкъ. Пятью строчками этого понятія не исчерпаешь. Нельзя же думать, что если понятіе обиходное, всѣмъ извѣстное, то оно и не требуетъ подробнаго истолкованія. Беллетристика тоже имѣла свое развитіе, свою исторію, и, во всякомъ случаѣ, болѣе длинную и интересную, чѣмъ, напр., карточная игра „Безикъ“, которой отведено въ „Энциклопедіи“ 27 строкъ.

„Народовѣдѣніе“ проф. Фридр. Ратцеля. Т. I, вып. 14—16. Въ настоящемъ выпускѣ описываются современные американскіе аборигены: огнеземельцы, индѣйцы сѣверозападной Америки, эскимосы, ихъ домашній бытъ, жилища, занятія, обычаи; вообще авторъ подробно знакомитъ съ семьей, обществомъ и культурой американскихъ туземцевъ. Если многіе европейцы до сего времени представляютъ себѣ этихъ туземцевъ дикарями, лишенными подобія человѣческаго, то, читая книгу Ратцеля, они должны будутъ разстаться съ такого рода представленіемъ. Возьмемъ огнеземельцевъ, о которыхъ авторъ говоритъ слѣдующее: „Трудно представить другой народъ, который оцѣнивался бы такъ низко по отношенію къ ихъ умственнымъ способностямъ, какъ огнеземельцы: вся жизнь ихъ считалась столь бѣдственной, что даже о проблескѣ высшаго пониманія не могло быть рѣчи. И тѣмъ не менѣе... здѣсь погребальные обычаи соблюдаются съ такой же точностью и основательностью, какъ и у народовъ, пользующихся избыткомъ. О душахъ умершихъ здѣсь думаютъ, будто онѣ блуждаютъ въ лѣсахъ; крикъ птицъ, трескъ ледника, каждый необъяснимый звукъ считается голосомъ духовъ“. Очевидно, зачатки объясненія природы и отношенія къ ней у огнеземельцевъ достигли сравнительно значительной степени развитія.

Въ сочиненіи Ратцеля преобладаетъ описательное изложеніе предмета, выводы же чаще носятъ скромный характеръ предположеній, и на глубокія философскія обобщенія авторъ не претендуетъ.

Языкъ перевода, а можетъ быть и самого автора далекъ отъ совершенства. Напр., они всегда бродятъ группами, около 12 человѣкъ, но (?) проводятъ ночь въ одной и той же хижинѣ; весьма вѣроятно, что между ними существуетъ тѣсное родство: эти трое мужчинъ, пять женщинъ и четверо дѣтей, вѣроятно, представляли собою семью“. Сначала предполагается, что огнеземельцы вообще бродятъ группами, около 12 человѣкъ, слѣд., бываетъ въ группѣ и больше и меньше; слѣдующая же фраза заставляетъ думать, что авторъ или видѣлъ только одну такую группу, или что каждая група состояла непремѣнно изъ 12 человѣкъ съ неизмѣннымъ

числомъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Смыслъ затемняется еще этимъ дважды „вѣроятно". По теоріи вѣроятностей, въ иныхъ случаяхъ вѣроятное на вѣроятномъ приводитъ къ почти невѣроятному. **И. М.**

А. С. Пушкинъ. Изслѣдованія проф. императорскаго харьковскаго университета Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ, 1900.

Статьи о Пушкинѣ г. Сумцова являются нынѣ во второмъ изданіи. Первоначально онѣ были помѣщены въ „Русскомъ филологическомъ вѣстникѣ" 1897 г. и вышли тогда же, подъ заглавіемъ „Этюды объ А. С. Пушкинѣ", въ пяти выпускахъ отдѣльно. Теперь авторъ, пріурочивая свои этюды къ недавно минувшему пушкинскому юбилею, нѣсколько переработалъ ихъ и дополнилъ новыми изысканіями, почему и счелъ себя въ правѣ, по его собственному выраженію, „дать имъ болѣе солидное названіе изслѣдованій".

Книга г. Сумцова содержитъ 57 отдѣльныхъ статей и замѣтокъ, посвященныхъ, преимущественно, разбору нѣкоторыхъ мелкихъ стихотвореній и сказокъ Пушкина. Къ музѣ Пушкина авторъ относится съ пониманіемъ и любовью, отмѣчая, главнымъ образомъ, ея всеобъемлющій и возвышенный гуманизмъ.

Въ виду подобнаго отношенія къ дѣлу страннымъ кажется, что авторъ принимаетъ на вѣру подлинность такихъ сомнительныхъ пьесъ, какъ переложеніе молитвы господней (стр. 153—155) и два мелкіе экспромта (стр. 222—228), относительно которыхъ авторство Пушкина ничѣмъ не доказано. Кромѣ того, г. Сумцовъ признаетъ безъ всякихъ колебаній и оговорокъ также вторую часть „Русалки" въ пресловутой записи Зуева (стр. 18, 26, 70, 153), хотя этотъ неудачный фальсификатъ былъ въ свое время обличенъ многими изслѣдователями русской литературы. (Ср. *Поддѣлка „Русалки" Пушкина.* Сборникъ статей и замѣтокъ. Составилъ *А. С. Суворинъ.* Спб. 1900).

Сравнительно больше вниманія посвятилъ авторъ историко-литературному разбору чудныхъ пушкинскихъ сказокъ. Тѣ главы книги, въ которыхъ мы встрѣчаемся съ богатымъ сравнительно-литературнымъ матеріаломъ, превосходно уясняющимъ народно-поэтическое творчество Пушкина, представляютъ наибольшій интересъ изъ всѣхъ изслѣдованій г. Сумцова и являются, дѣйствительно, цѣннымъ вкладомъ въ исторію изученія пушкинской поэзіи. Можно бы замѣтить только, что современное состояніе сравнительнаго фольклора, позволяетъ требовать болѣе широкаго кругозора, болѣе основательнаго изслѣдованія исторіи сказки, ея происхожденія и странствованій, чѣмъ даетъ это трудъ г. Сумцова.

Въ послѣднихъ четырехъ замѣткахъ авторъ старается уяснить степень и характеръ вліянія Пушкина на нѣкоторыхъ современныхъ ему поэтовъ. Здѣсь мы наталкиваемся на своеобразные выводы. Такъ, отвергая вовсе вліяніе Пушкина на Тютчева, авторъ съ другой стороны слишкомъ подчеркиваетъ такое вліяніе на Лермонтова, одного изъ наиболѣе оригинальныхъ и могучихъ русскихъ поэтовъ, котораго иные критики ставятъ даже выше Пушкина.

Книга г. Сумцова составлена въ общемъ интересно и живо. Отмѣченные выше недостатки ея съ избыткомъ покрываются такими крупными достоинствами, какъ искренняя любовь автора къ поэзіи Пушкина и доступное изложеніе предмета. Все это, безспорно, даетъ ей право занять видное мѣсто въ пушкинской юбилейной литературѣ, которая, къ слову сказать, далеко не блещетъ разнообразіемъ и богатствомъ оригинальныхъ изслѣдованій.

Ю. Яворскій.

Эмиль Фагэ. Политическіе мыслители и моралисты первой трети XIX вѣка. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Н. Н. Шамонина. Москва 1900 г.

Французская революція послужила началомъ цѣлаго ряда политическихъ переворотовъ во Франціи. Она провозгласила права человѣка, и повела къ господству третьяго сословія. Въ борьбѣ съ феодальнымъ строемъ буржуазія была солидарна съ человѣчествомъ. Своимъ союзникомъ она имѣла французскій народъ или вѣрнѣе городское населеніе Франціи и тѣ слои сельскаго, которые унаслѣдовали земельное имущество аристократіи и духовенства. Царство крайней демократіи, въ лицѣ партіи Горы и коммуны не соотвѣтствовало желаніямъ вліятельныхъ элементовъ. Въ силу стихійнаго національнагопорыва правительственная власть должна была перейти отъ конвента къ директоріи, а отъ директоріи къ Наполеону. Имперія, родившаяся изъ хаоса кровавыхъ событій — среди борьбы націй, междуусобій, иностраннаго нашествія, казни короля и казни его судей, — подавивъ революцію, усвоила многія ея черты и сохранила ея соціальныя завоеванія. По духу своему она оставалась демократической. Возстановленная ей на смѣну европейскою коалиціею королевская власть принуждена была войти въ компромиссъ съ новыми требованіями жизни. Вся эта смѣна правленій, сопровождавшаяся коренной перестройкою общества, не могла не вызвать усиленной работы политической мысли. Вслѣдъ за революціонерами, реформаторами, созидателями имперіи и возстановителями королевства, должны были явиться политическіе мыслители и философы, пытавшіеся разобраться въ лабиринтѣ пережитыхъ событій. Одни разрушали и создавали политическія системы, другіе старались опредѣлить внутренній строй нормальныхъ политическихъ организмовъ. Эмиль Фагэ въ серіи блестящихъ характеристикъ излагаетъ одну за другой всѣ попытки французскихъ мыслителей первой трети истекающаго столѣтія. Онъ начинаетъ съ остроумнѣйшаго представителя наступившей реакціи, Жозефа де-Местра, провозгласившаго чудовищную троицу изъ папы, короля и палача, этого „Вольтера на изнанку“, немилосердно бичевавшаго либеральную рутину своего времени и увлекавшаго своими парадоксами даже принципіальныхъ враговъ. Онъ не былъ врагомъ свободы и обязывалъ короля быть либеральнымъ правителемъ, но совершенно отрицалъ политическую самодѣятельность общества. Его критика избирательнаго правленія остроумна и безпощадна, какъ памфлетъ. „Ежедневно въ су-

дахъ, говоритъ онъ, ребенокъ, сумасшедшій и отсутствующій замѣняются опекунами. Народъ соединяетъ въ себѣ эти три качества въ высшей степени, такъ какъ онъ вѣчно дитя, всегда безуменъ, всегда и вездѣ отсутствуетъ". Наперекоръ своей эпохѣ, признавшей права человѣка, де-Местръ считаетъ какія бы то ни было права гражданина или сословія—даже и высшаго — безумнымъ эгоизмомъ по отношенію къ государству. Основнымъ принципомъ государственности онъ считалъ единство и историческую преемственность; въ своей политической философіи онъ первый сталъ на историческую почву и до нѣкоторой степени предвосхищалъ идею позднѣйшей органической теоріи общества. Онъ жестоко издѣвался надъ наивной гипотезой общественнаго договора Ж. Ж. Руссо и указалъ на господство въ соціальной жизни безсознательно стихійныхъ стимуловъ и инстинктовъ. Какъ убѣжденный реакціонеръ, онъ боролся съ прогрессомъ, но какъ остроумный діалектикъ, разбивавшій наивныя и ненаучныя гипотезы, служилъ ему, вопреки собственному желанію и намѣренію.

Полною противоположностью де-Местра по исходной точкѣ зрѣнія былъ Бенжаменъ Констанъ. Онъ признавалъ только личность и отрицалъ всякое верховенство надъ нею, кому бы оно не принадлежало: королю, народу, государству—все равно. Утверждая, что „государство есть деспотизмъ одного человѣка надъ всѣми или же всѣхъ надъ каждымъ", онъ доводилъ любовь къ свободѣ до отрицанія государства, а свой либерализмъ до анархизма. По его мнѣнію, публичное право—нуль передъ правомъ личнымъ, напр., въ вопросахъ совѣсти. Когда законъ посягаетъ на религіозныя убѣжденія человѣка, „цѣлый народъ является мятежникомъ и узурпаторомъ по отношенію къ одному гражданину". Индивидуумъ не смѣетъ отрекаться отъ своихъ правъ: даже если бы онъ хотѣлъ стать вещью, онъ все же остается человѣкомъ. Демократія, признающая возможность подавленія личности, не избавляетъ отъ деспотизма, но представляетъ собою „опошленіе деспотизма".

Ройэ-Колларъ былъ истиннымъ «профессоромъ либеральнаго правленія», и примиреніе всѣхъ противорѣчій жизни видѣлъ въ верховенствѣ хартіи. Правитъ людьми одинъ законъ, правители же только служатъ закону. Послѣдній, „создается ни королемъ, ни перами, ни депутатами, но *соглашеніемъ* короля, перовъ и депутатовъ: точно такъ-же, какъ они, не обладаетъ правомъ верховенства и весь народъ. Избирательное право есть только обязанность гражданъ, при томъ, не прирожденная, принадлежащая каждому, но возложенная конституціею только на нѣкоторыхъ. Охрана верховенства хартіи—въ возможно большемъ раздѣленіи власти, въ раздробленіи ея органовъ, въ развитіи такихъ контролирующихъ и ограничительныхъ установленій, какъ свобода печати, парламентъ съ правомъ сокращенія бюджета, несмѣняемость судей, наконецъ даже нѣкоторая самостоятельность сословныхъ организацій.

Несравненно ближе къ реальному пониманію общественной

жизни стоитъ Гизо. Вопреки крайнимъ индивидуалистамъ и либераламъ, отрицающимъ всякое верховенство, онъ провозгласилъ „верховенство разума", носителемъ котораго являлось для него среднее сословіе. Бѣдность и черный трудъ рабочаго притупляютъ мысль, богатство аристократическаго сибарита ставитъ его внѣ общественной жизни. Между этими крайними классами стоитъ буржуазія, обладающая образованіемъ, и въ тоже время близкая къ народу. Народъ умѣетъ желать и чувствовать, но не умѣетъ говорить, аристократія умѣетъ говорить, но не заботиться о нуждахъ народа, буржуазія же знаетъ желанія націи и можетъ выражать ихъ. Это дѣлаетъ ея носительницею руководящаго начала—общественнаго мнѣнія. Она говоритъ то, что думаютъ всѣ, чего желаетъ нація, и что должно исполнять правительство. Достигается все это посредствомъ выборнаго представительнаго правленія. Общественная жизнь рисуется Гизо какъ ординація групповыхъ интересовъ, значеніе единочной личности въ ней ничтожно. Свобода—не личное право, гражданинъ пользуется ею только какъ членъ либерально организованнаго общества, свобода есть только извѣстный способъ управленія, и выражается въ писемъ участіи въ направленіи общественныхъ дѣлъ. Съ точки зрѣнія Гизо, „исторія Европы въ древности представляетъ собою только долгую, медленную и тягостную выработку средняго класса". „Торговля, промышленность, движимое богатство съ одной стороны, и книгопечатаніе, книги, газеты, общественная жизнь, легкое сообщеніе, быстрое и частое освѣдомленіе — съ другой, ускоряютъ возникновеніе класса", которому суждено играть первенствующую роль. Такимъ образомъ Гизо категорически указывалъ на огромное значеніе матеріалистическаго фактора исторіи, воздѣйствующаго на внутреннюю конструкцію общества и хотя его провидѣніе не шло дальше интересовъ буржуазіи, тѣмъ не менѣе есть большое основаніе считать его чуть лишь не первымъ провозвѣстникомъ историческаго матеріализма. Реалистъ исторіи, политическій идеологъ буржуазіи, онъ уловилъ ходъ соціальной эволюціи въ ея прошломъ, но не хотѣлъ видѣть дальнѣйшаго продолженія въ будущемъ и поэтому создалъ, какъ нѣчто вѣчное, политическую философію переходнаго момента.

И. Гофштеттеръ.

П. А. Бадмаевъ. **„Россія и Китай". СПБ. 1900 г.**

Авторомъ собраны извлеченія изъ его записокъ и писемъ съ 1893 по 1896 г. и изъ передовыхъ статей газеты „Жизнь на Восточной Окраинѣ" 1896 г., написанныхъ авторомъ подъ впечатлѣніемъ поѣздокъ его по Монголіи и Китаю.

По мнѣнію его, настоящіе безпорядки въ Китаѣ возникли благодаря тому, что маньчжурская династія нынѣ совершенно дискредитирована въ глазахъ китайскаго народа и что ради своего спасенія она съумѣла во время отвести направленное на нее оружіе, и направить на европейцевъ китайскую національную партію.

Сверженіе династій въ Китаѣ совершалось всегда благодаря тому, что потомки основателя династій, захватывавшихъ власть по-немногу уклонялись отъ непосредственнаго управленія госу-

даротвомъ, ограничиваясь лишь внѣшними аттрибутами власти и довольствуясь поклоненіемъ. Вице-короли и губернаторы, занявшись грабежомъ и эксплуатаціей ввѣреннаго имъ населенія и боясь отвѣтственности, способствовали обыкновенно смѣнѣ династій. Въ такомъ положеніи упадка находится, по мнѣнію автора, и настоящая маньчжурская династія.

На отношеніе китайскаго народа къ Россіи авторъ смотритъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ оптимистически.

Симпатію къ русскимъ другихъ восточныхъ народовъ авторъ распространяетъ на китайцевъ, которые, по его мнѣнію, питаютъ ненависть лишь къ европейцамъ западныхъ странъ, отдѣляя ихъ отъ русскихъ.

Это воззрѣніе автора, къ сожалѣнію, не оправдывается послѣдними сообщеніями съ театра военныхъ дѣйствій.

Авторъ считаетъ китайцевъ способными къ распространенію среди нихъ христіанства, но исключительно мирнымъ путемъ; вся ошибка западно-европейскихъ миссій заключается въ томъ, что онѣ вводятъ въ святое дѣло распространенія имени Христа угрозы, насилія, занимаются торговлею и комиссіонерствомъ, „русская же нація“, „сумѣла ассимилировать окружающія инородческія племена безъ всякаго насилія, благодаря установившимся разумнымъ взглядамъ, которымъ руководствовались представители православной церкви, великіе князья, цари и императоры Россіи“.

И вліяніе Россіи на китайскій народъ, по мнѣнію автора, есть наша великая историческая задача.

Власть богдыхана въ настоящее время есть фикція, китайская знать—хищники и эксплуататоры народа, народъ инертенъ, миссіонеры не на высотѣ своего положенія: все это истина, доказываемая авторомъ на основаніи личнаго изученія китайской жизни. Вообще книжка богата оригинальными и новыми взглядами на больной вопросъ времени и читается легко и съ неослабѣвающимъ интересомъ. **А. М.**

И. С. Бѣляевъ. **Купеческія родословныя, какъ историческій источникъ. Чухломцы посадскіе люди Юдины. Москва 1900 г.**

Авторомъ брошюры сдѣлана удачная попытка возстановить полную родословную купеческаго рода Юдиныхъ. Попытка эта не первая; какъ говоритъ авторъ брошюры, извлеченія изъ купеческихъ родословныхъ уже дѣлаются любителемъ старины въ Москвѣ, Н. А. Найденовымъ. Матеріалъ въ изобиліи дается московскимъ архивомъ министерства юстиціи, гдѣ собраны всѣ документы упраздненныхъ судебною реформою 1864 года присутственныхъ мѣстъ: уѣздныхъ судовъ, магистратовъ, ратушъ, воеводскихъ канцелярій и другихъ учрежденій съ XVII вѣка и до 1800 года, а также и дѣла бывшихъ архивовъ вотчиннаго, разряднаго и старыхъ дѣлъ.

Благодаря архивнымъ матеріаламъ авторомъ составлена полная родословная семейства Юдиныхъ изъ Чухломы, начиная съ 1613 года; родословная эта снабжена многими подробностями изъ жизни этой купеческой фамиліи.

Изслѣдованіе И. С. Бѣляева представляетъ большой интересъ и вообще по исторіи развитія нашего купеческаго сословія.

„Купечество", говоритъ онъ, „находившееся ранѣе въ полусвободномъ состояніи, переживая всѣ ступени, присущія правильно развивающемуся организму, цѣлыми поколѣніями поддерживаетъ сословныя связи, твердо отстаиваетъ свои „права", выдвигаетъ изъ своей здоровой среды представителей съ хорошо выраженными особенностями „личности", въ самомъ высокомъ значеніи этого слова и, наконецъ, дѣлаясь свободнымъ, получаетъ свое самоуправленіе и становится могущественнымъ сословіемъ, въ рукахъ котораго сосредоточивается торговая и фабричная промышленность Россіи".

Крестьянство же, по мнѣнію автора, для своего полнаго развитія должно потратить еще много лѣтъ и только къ 1930 г. (по аналогіи съ развитіемъ купеческаго сословія) оно можетъ вполнѣ стать на ноги. А. М.

Редакторъ-издатель С. С. Сухонинъ.

ности держаться собственными силами, рѣшилъ искать покровительства въ Москвѣ. Въ 1654 г. договоромъ, заключеннымъ въ Переяславѣ, онъ отдалъ Украину подъ верховную власть («подъ высокую руку») царя Алексѣя Михайловича. Онъ выговорилъ казакамъ права и привиллегіи, какими они пользовались раньше подъ властью республики,—свободное избраніе гетмана и независимость кіевскаго митрополита отъ московскаго патріарха. Въ этомъ договорѣ Украина въ первый разъ была названа Малороссіей. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого шага Хмельницкаго была московская война.

Поляновскій договоръ очень тяготилъ Москву. Царь Алексѣй Михайловичъ (1645—1676) ждалъ лишь благопріятнаго случая, чтобы нарушить миръ, отплатить Польшѣ за походы Сигизмунда III и Владислава IV, и осуществить стремленія Ивана III Васильевича, Василія Ивановича и Ивана Грознаго. При царскомъ дворѣ старательно собирали матеріалъ, который могъ бы дать поводъ къ нарушенію мира и наступательнымъ дѣйствіямъ. Московское посольство, отправленное въ Варшаву въ 1650 г. съ княземъ Пушкинымъ во главѣ, своимъ задорнымъ и нахальнымъ обращеніемъ оскорбляло польскихъ пановъ и искало поводовъ къ столкновеніямъ. За отсутствіемъ серьезныхъ поводовъ, предлога къ международной распрѣ искали въ ошибкахъ, встрѣчавшихся у поляковъ въ обозначеніи имени и титула царя: въ письмахъ, литературныхъ произведеніяхъ и рѣчахъ. Такъ, царскаго отца, Михаила Өеодоровича, поляки позволяли себѣ называть «Мишею» (какъ, впрочемъ, въ молодые годы называли его и великороссы) и «Филаретовичемъ» (какъ сына митрополита Филарета), титуловали его «dzierzca» (управитель) вмѣсто «samodzierzca» (самодержецъ). Самуилъ изъ Скржипины Твардовскій написалъ поэму, оскорбительную для царской чести; одинъ іезуитъ въ проповѣди, произнесенной имъ во Львовѣ, неодобрительно отзывался объ отношеніяхъ Москвы къ Польшѣ и т. п. Посольство Пушкина домогалось смертной казни виновниковъ, возвращенія Смоленска, уплаты денежнаго вознагражденія и обезпеченія сеймовой конституціей неприкосновенности царскаго титула. Цари разжигали казацкіе бунты посредствомъ религіозной агитаціи, казакамъ, не вошедшимъ въ реестръ, отводили земли въ ненаселенныхъ окраинахъ своихъ владѣній, для выслѣживанія положенія дѣлъ высылали въ Польшу шпіоновъ. Послѣ поступленія Хмельницкаго подъ московскую верховную власть, царь Алексѣй Михайловичъ объявилъ Польшѣ войну; въ качествѣ предлога

для нарушенія мира онъ выставилъ умаленіе его чести въ рѣчахъ и сочиненіяхъ польскихъ пановъ.

Въ Польшу вступили двѣ арміи: одна, состоявшая изъ 100,000 человѣкъ, подъ начальствомъ самого царя, въ Литву, другая же, численностью въ 40,000 чел., подъ начальствомъ Бутурлина, въ Украину. Истощенная войнами съ казачествомъ, республика не была готова къ тому, чтобы дать отпоръ московскому нашествію. Города и мѣстечки сдавались. Послѣ взятія Смоленска царь занялъ Вильно и сталъ титуловать себя великимъ княземъ литовскимъ. Бутурлинъ, занявъ Черниговъ и Кіевъ, овладѣвалъ королевскими землями и назначалъ въ управители ихъ царскихъ людей. Походы обѣихъ армій были сопряжены съ грабежами и поджогами,—какъ говорили, въ возмездіе за 1612 годъ. Въ Литвѣ гетманы: великій, Янушъ Радзивиллъ (сынъ Христофа), и польный литовскій, Винцентій Госѣвскій, не могли одолѣть преобладающія силы непріятеля. На Украинѣ же гетманы: великій, Станиславъ Потоцкій («Резера») и польный коронный, Станиславъ Ляндкронскій, при помощи татаръ одержали побѣду надъ Бутурлинымъ и Хмельницкимъ подъ Охматовымъ, но вслѣдствіе суровости зимы не могли извлечь пользу изъ этой побѣды. Вскорѣ послѣ этого, лѣтомъ 1655 г., Польшу постигло нашествіе шведскаго короля, Карла-Густава, котораго привелъ измѣнникъ, бывшій коронный подканцлеръ, Іеронимъ Радзеѣвскій.

Срокъ штумдорфскаго перемирія истекалъ лишь въ 1661 г. Молодая шведская королева, Христина, была расположена къ Яну-Казиміру, но преемникъ и двоюродный братъ ея, князь цвейбрюкенскій Карлъ-Густавъ, воспользовался тяжелымъ положеніемъ Польши для нарушенія перемирія и территоріальныхъ захватовъ. Осуществленіе этихъ плановъ облегчилъ ему Радзеѣвскій. Приговоренный маршальскимъ судомъ къ лишенію гражданской чести и изгнанію, Радзеѣвскій отправился въ Стокгольмъ и предложилъ свои услуги Карлу-Густаву. Когда въ 1654 г. королева Христина отказалась отъ престола, преемникъ ея поднялъ споръ съ Яномъ-Казиміромъ о титулахъ, а затѣмъ, съ согласія шведскаго сейма, предпринялъ нашествіе на Польшу.

Первая шведская армія подъ начальствомъ фельдмаршала Арфрида Виттенберга двинулась черезъ Бранденбургъ къ границамъ Великой Польши. При извѣстіи о приближеніи непріятеля собралось всеобщее ополченіе великопольской шляхты подъ предводительствомъ воеводъ: познанскаго, Христофа Опа-

линскаго, и калишскаго, Карла Грудзинскаго, и стало лагеремъ подъ Устьемъ съ цѣлью не допустить шведовъ къ переправѣ черезъ Нотецъ. Несмотря на численное превосходство и выгодную позицію, занятую ополченіемъ, предводители шляхты вступили въ переговоры съ находившимся при Виттенбергѣ Радзеёвскимъ и заключили капитуляцію (1655 г.). Воеводства познанское и калишское признали надъ собою власть шведскаго короля, выговоривъ себѣ свободу вѣроисповѣданія и неприкосновенность шляхетскихъ привилегій. Вскорѣ изъ Штетина въ Великую Польшу прибылъ самъ Карлъ-Густавъ; онъ подтвердилъ условія устьской капитуляціи и подъ Коломъ соединился съ войскомъ Виттенберга.

Великопольскіе кальвинисты привѣтствовали его, какъ избавителя, и указывали ему способы для ограбленія сокровищницы гнѣзненскаго каѳедральнаго собора и другихъ церковныхъ имуществъ. Въ тоже время третья непріятельская армія подъ предводительствомъ генерала Понтуса де-ля-Гарде вступила изъ Ливоніи въ Литву. Къ Кейданахъ Радзивиллы: гетманъ Янушъ и его двоюродный братъ, сынъ участника рокоша Зебржидовскаго, великій конюшій Богуславъ, подписали унію Литвы съ Швеціей, вмѣнивъ въ обязанность Карлу-Густаву вести войну съ Москвою. Овладѣвъ Великою Польшею и Литвою, Карлъ-Густавъ занялъ Варшаву и направился за уходившимъ къ Кракову Яномъ-Казиміромъ. Защищаемый Стефаномъ Чарнецкимъ Краковъ сдался, выговоривъ себѣ неприкосновенность частной собственности церквей и академіи. Воспользовавшись этими обстоятельствами, противъ республики выступилъ и ленникъ ея, князь прусскій, Фридрихъ-Вильгельмъ, курфюрстъ бранденбургскій*). Согласно договорамъ Сигизмунда-Августа и Стефана Баторія, наслѣдство бездѣтнаго второго князя прусскаго, Альбрехта-Фридриха († 1618), получилъ Іоаннъ-Сигизмундъ, потомокъ Іоахима II. Сынъ Іоанна-Си-

*) Князья прусскіе курфюршеской линіи:

Іоаннъ-Сигизмундъ († 1619),
правнукъ Іоахима II и Ядвиги, дочери Сигизмунда I Ягеллона, курфюрстъ бранденбургскій и князь прусскій.

Георгъ-Вильгельмъ († 1640).

Фридрихъ-Вильгельмъ († 1688).

Фридрихъ III († 1713),—съ 1701 г. король прусскій.

Фридрихъ-Вильгельмъ I († 1740).

гизмунда, Георгъ-Вильгельмъ, помогъ Густаву-Адольфу овладѣть Королевской Пруссіей. Преемникъ его, Фридрихъ-Вильгельмъ (1640—1688), прозванный великимъ курфюрстомъ, подъ предлогомъ „опеки“ занялъ своими войсками Королевскую Пруссію, желая этимъ путемъ соединить Бранденбургъ съ Прусскимъ княжествомъ. Теперь фактически республика была раздѣлена между Москвою, Швеціею и курфюрстомъ бранденбургскимъ. Оставленный народомъ Янъ-Казиміръ искалъ убѣжища въ Силезіи.

Насилія непріятельскихъ войскъ, грабежи и вѣроисповѣдныя притѣсненія вызвали въ шляхтѣ реакцію—тѣмъ болѣе, что уже умерли главные виновники соглашеній со шведами: воевода Христофъ Опалинскій и гетманъ Янушъ Радзивиллъ. Въ Великой Польшѣ возсталъ Христофъ Жегоцкій, въ Малой Польшѣ Георгій Любомірскій, на Литвѣ же витебскій воевода, Петръ Сапѣга. Защита Ченстохова, подъ которымъ, благодаря героизму пріора монастыря павлиновъ (монашеск. орденъ св. Павла пустынника. Г. Л.), свящ. Августина Кордецкаго, шведы потерпѣли пораженіе, пробудила въ народѣ вѣру въ свои силы и стремленіе къ борьбѣ съ непріятелемъ. Коронные гетманы: Потоцкій и Ляцкронскій въ концѣ 1655 г. учредили въ Тышовцахъ конфедерацію съ отказомъ въ повиновеніи королю въ защиту вѣры и вольностей страны. Получивъ извѣстіе о движеніи, Янъ-Казиміръ прибылъ въ резиденцію Любомірскихъ Ланьцутъ. Руководители конфедераціи согласились замѣнить тышовецкій союзъ новымъ союзомъ, взявшимъ подъ свою защиту и короля.

Война со шведами приняла характеръ народнаго возстанія, въ которомъ участвовало и крестьянство, раздраженное религіозными притѣсненіями. Чарнецкій во главѣ партизанскихъ отрядовъ преслѣдовалъ непріятеля въ Коронѣ, литовскій польный гетманъ, Госѣвскій, проникъ въ Пруссію съ цѣлью принудить курфюрста къ вѣрности республикѣ. Карлъ-Густавъ, не полагаясь на свои силы, рѣшилъ привлечь къ содѣйствію курфюрста, князя семиградскаго Ракочи и Хмельницкаго. Договоромъ, заключеннымъ въ іюнѣ 1655 г. въ Мальборгѣ, онъ взамѣнъ за вооруженное содѣйствіе гарантировалъ Фридриху-Вильгельму независимость прусскаго княжества и отдавалъ ему велико-польскія воеводства, Ракочи предоставлялъ Малую Польшу, Мазовію и Литву, Хмельницкому—Украину, себѣ же оставлялъ Королевскую Пруссію и Ливонію. Договоръ съ курфюрстомъ и соглашенія съ Ракочи и Хмельницкимъ не оста-

лись безъ послѣдствій. Варшаву, отнятую было Чарнецкимъ, Карлъ-Густавъ при содѣйствіи курфюрста снова взялъ послѣ трехдневной битвы. Ракочи грабилъ Малую Польшу, Хмельницкій не измѣнилъ своего враждебнаго образа дѣйствій. Республика, которой грозилъ теперь раздѣлъ, искала спасенія въ дипломатическихъ средствахъ.

Политическіе планы Карла-Густава вооружили противъ него Москву, желавшую захватить Литву и Ливонію, и создали почву для соглашенія между Польшею и Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ моментъ наибольшихъ успѣховъ Карла-Густава, царь послалъ свои войска занять Ливонію и въ то же время, при посредствѣ пословъ императора Фердинанда III согласился назначить комиссію для веденія переговоровъ съ республикой. Въ селѣ Немежѣ, близъ Вильно, съѣхались московскіе и польскіе послы: первые изъ нихъ для большей внушительности явились съ двѣнадцати-тысячнымъ военнымъ эскортомъ. По окончаніи вступительныхъ церемоній бояринъ Никита Одоевскій два часа подъ рядъ читалъ письма польскихъ пановъ, содержавшія неправильные титулы царя, представилъ списокъ книгъ, въ которыхъ были выраженія, умалявшія честь Алексѣя Михайловича или его предковъ, перечислялъ обиды, нанесенныя казакамъ. Изъ всего этого матеріала онъ сдѣлалъ выводъ, что поляки, первыми, дескать, нарушившіе поляновскій миръ, сами навлекли на свою страну войну, которой царь не прекратитъ, пока ему не отдадутъ всей Литвы и не уплатятъ военныхъ расходовъ. Война, — прибавляли царскіе коммиссары, — была справедливой, если Богъ отдалъ Литву въ руки царя: того, что далъ Богъ, царь не обязанъ никому возвращать. Послѣ продолжительнаго торга они согласились очистить Литву, по истеченіи двадцати лѣтъ, удержавъ за Москвою Бѣлоруссію и приднѣпровскія земли. Сверхъ того, они предложили, чтобы поляки избрали въ преемники Яну-Казиміру тринадцатилѣтняго сына царя. Когда поляки указали на невозможность удовлетворенія этого требованія въ виду законовъ республики, воспрещавшихъ при жизни короля избирать ему преемника, Одоевскій отвѣтилъ, что собранные въ Немежѣ послы со всей Литвы домогаются избранія самого царя Алексѣя въ великіе князья литовскіе. Дѣйствительно, обѣщаніями или запугиваніями согнали не мало шляхты, которая, уступая давленію, готова была исполнить желанія царскихъ пословъ. Въ концѣ концовъ установлено было перемиріе (1656 г.). Ближайшій сеймъ имѣлъ избрать царя

наслѣдственнымъ королемъ польскимъ. Войска же московскія немедленно должны удалиться за Березину и вмѣстѣ съ польскими выступить противъ шведовъ и курфюрста. Царскія войска, дѣйствительно, вступили въ Ливонію съ цѣлью завоеванія ея для Москвы; республика, временно избавившись отъ одного непріятеля, вмѣстѣ съ тѣмъ нашла въ немъ союзника для борьбы съ Карломъ-Густавомъ.

Австрія не только оказала посредничество въ заключеніи немежскаго перемирія, но и сама, по смерти императора Фердинанда III, подписала трактатъ (1657 г.), которымъ обязалась доставить Польшѣ на ея счетъ войско въ 12.000 человѣкъ. Вскорѣ послѣ заключенія этого трактата австрійскій фельдмаршалъ Гатцфельдъ перешелъ границу республики, направившись къ Кракову.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ трактатомъ, заключеннымъ въ Копенгагенѣ, и Данія обязалась оказать помощь Польшѣ.

Курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ, пораженный этимъ пріобрѣтеніемъ Польшею союзниковъ, обнаружилъ готовность нарушить свой союзъ съ Карломъ-Густавомъ. При посредствѣ Австріи онъ заключилъ въ Велявѣ трактатъ (1657 г.), освобождавшій его отъ ленной зависимости отъ Польши въ качествѣ князя прусскаго. Дополнительнымъ трактатомъ въ Быдгощѣ онъ взамѣнъ за уступку ему въ ленное владѣніе Бытова и Лауэнбурга обязался доставить республикѣ для борьбы съ шведами 6.000 человѣкъ.

Тѣмъ временемъ умеръ Богданъ Хмельницкій, передавъ гетманство своему шестнадцатилѣтнему сыну, Юрію. Опекунъ малолѣтняго Хмельницкаго, писарь войска запорожскаго, Иванъ Выговскій, обнаружилъ готовность вернуться подъ верховную власть Польши. Съ нимъ заключено было въ Гадячѣ соглашеніе (1658 г.), по которому за воеводствами: кіевскимъ, брацлавскимъ и черниговскимъ признаны были такія же права, какими пользовалась Литва на основаніи люблинской уніи. Это соглашеніе признавало за Украйною избираемаго гетмана и особыхъ министровъ, допускало кіевскаго митрополита и православныхъ епископовъ съ сенатъ, уничтожало въ ней унію, признавая равноправность греческаго и римско-католическаго вѣроисповѣданій.

Результатомъ этихъ соглашеній было пораженіе Ракочи, теперь единственнаго союзника Карла-Густава, а затѣмъ и миръ съ Швеціей. Ракочи вынужденъ былъ удалиться изъ Польши; во время отступленія онъ потерпѣлъ пораженіе и по-

терялъ свою добычу. Карла-Густава, который, оставивъ Польшу, двинулся въ Данію, преслѣдовалъ воевода русскій Стефанъ Чернецкій и тревожилъ шведскія войска на о. Альзенѣ и въ Ютландіи. Неудачи Карла-Густава, а затѣмъ и смерть его склонили Швецію къ переговорамъ съ республикой. При посредствѣ французскаго короля Людовика XIV былъ заключенъ въ Оливѣ миръ (1660 г.), по которому Янъ-Казиміръ отказался отъ своего притязанія на шведскій престолъ и Польша уступила Швеціи Ливонію за Двиною. *)

Едва закончилась шестидесятилѣтняя борьба съ Швеціей, приведшая Польшу къ потерѣ Прусскаго княжества и Ливоніи, какъ вспыхнула московская война.

Кандидатура Алексѣя Михайловича на польскій престолъ встрѣтила отпоръ со стороны епископовъ и свѣтскихъ пановъ. Царь, задѣтый отказомъ и еще больше гадячскимъ соглашеніемъ, снова сблизился съ Швеціей, заключилъ съ нею трехлѣтнее перемиріе и послалъ свои войска въ Литву подъ начальствомъ Хованскаго и на Украйну подъ начальствомъ Шереметьева. Литовскій польный гетманъ Госѣвскій, неожиданно застигнутый подъ Верками, потерпѣлъ пораженіе и попалъ въ плѣнъ. Часть казачества взбунтовалась и, объявивъ гетманомъ Юрія Хмельницкаго, признала надъ собою власть Москвы. Благодаря оливскому миру, республика могла направить всѣ свои силы на борьбу съ московсимъ нашествіемъ. Чарнецкій съ литовскимъ гетманомъ, Павломъ Сапѣгою, разбилъ армію Хованскаго подъ Ляховичами въ Черной Руси. Гетманы: великій, Станиславъ Потоцкій, и польный, Георгій Любомірскій, окруживъ Шереметьева подъ Чудновымъ на Волыни, принудили его къ капитуляціи. Юрій Хмельницкій, лишившись поддержки Москвы, призналъ по чудновскому соглашенію (1661 г.) верховную власть республики на гадячскихъ условіяхъ. Во время засѣданія варшавскаго сейма 1661 г. гетманы представили плѣнныхъ и взятыя непріятельскія знамена, на одномъ изъ которыхъ было вышито изображеніе царя верхомъ на конѣ, попирающемъ короля... Но воспользоваться плодами побѣдъ подъ

*) По Оливскому миру республика удержала за собою на правомъ берегу Двины подъ названіемъ инфляндскаго воеводства четыре староства: Динабургъ, Люцынъ, Рѣжицу и Маріенгаузенъ. Земскій судъ шляхты этихъ староствъ былъ въ Динабургѣ; здѣсь же она избирала шесть пословъ: по два изъ лифляндскаго, коронняго и литовскаго рыцарства. Впослѣдствіи сеймикъ инфляндскаго воеводства былъ перенесенъ на лѣвый берегъ Двины въ мѣстечко Илукшту, принадлежавшее гражданамъ Зибергъ-Плятерамъ.

Ляховичами и Чудновымъ не позволили республикѣ внутреннія неурядицы: военная конфедерація и рокошъ Любомірскаго.

Коронное войско, не получая жалованья, образовало подъ главенствомъ Стефана Свидерскаго такъ называемый «освященный союзъ» и отказалось повиноваться своимъ начальникамъ, пока ему не будетъ уплачено жалованье. Отдѣльную конфедерацію подъ главенствомъ Жеромскаго образовало литовское войско. Коронная конфедерація, перейдя близъ Завихоста Вислу, учредила свою главную квартиру въ Кельцахъ, принадлежавшихъ къ владѣніямъ краковскихъ епископовъ; полки ея заняли квартиры въ духовныхъ и королевскихъ земляхъ. Литовская конфедерація, центральный пунктъ которой былъ въ Вильнѣ, схватила и разстрѣляла незадолго передъ этимъ освобожденнаго изъ плѣна гетмана Госѣвскаго, старавшагося склонить ее къ повиновенію властямъ, убила маршала Жеромскаго, заподозрѣннаго въ преданности королю, и, наконецъ, соединилась съ коронной конфедераціей. Вскорѣ «освященный союзъ» сыгралъ важную роль въ дѣлѣ о стараніяхъ добиться избранія короля при жизни бездѣтнаго Яна-Казиміра.

Людвика-Марія Гонзага, вдова Владислава IV, вышла вторично замужъ за Яна-Казиміра. Она старалась установить въ Польшѣ вліяніе Франціи, надѣясь достигнуть этого посредствомъ избранія новаго короля при жизни ея мужа. Кандидатомъ она выставила сына Конде-Великаго, Генриха-Юлія, герцога ангіенскаго, котораго хотѣла женить на племянницѣ Яна-Казиміра, дочери Филиппа-Вильгельма нейбургскаго. Австрія, которой было нежелательно установленіе въ Польшѣ французскаго вліянія, дѣйствуя въ согласіи съ курфюрстомъ бранденбургскимъ, рѣшила не допустить избранія герцога ангіенскаго и обѣщала гетману Георгію Любомірскому поддержать его кандидатуру на польскій престолъ по смерти Яна-Казиміра, если онъ разстроитъ планы королевы. Любомірскій, отличившійся въ шведской войнѣ и бывшій раньше сторонникомъ Людвики-Маріи, поддался подстрекательствамъ Австріи. На сеймѣ 1661 г. Янъ-Казиміръ возбудилъ вопросъ объ избраніи новаго короля, предсказывая паденіе республики, если народъ не предотвратитъ неурядицъ междуцарствія. Противъ короля выступилъ львовскій каштелянъ, Андрей-Максимиліанъ Фредро; его поддержало нѣсколько сенаторовъ и пановъ, вслѣдствіе чего Янъ-Казиміръ, опасаясь сорванія сейма, взялъ назадъ свой проектъ о новомъ избраніи. Чтобы сломить оппозицію Любомірскаго, королева готова была прибѣгнуть къ военной силѣ и для этого хотѣла

расположить въ пользу своихъ плановъ «освященный союзъ». Любомірскій, съ своей стороны, тоже искалъ опоры въ военной конфедераціи, которую онъ привлекъ къ себѣ, изобразивъ проектъ королевы, какъ посягательство на народныя вольности. На чрезвычайный сеймъ 1662 г. «освященный союзъ» прислалъ шесть пословъ въ сопровожденіи значительной вооруженной силы, требуя черезъ нихъ подтвержденія и обезпеченія свободнаго избранія короля. Французская партія, обманувшись въ своихъ надеждахъ на «освященный союзъ», который, напротивъ, сталъ опорою Любомірскаго, хотѣла устранить препятствіе на своемъ пути посредствомъ уплаты конфедератамъ жалованья. Но такъ какъ соглашеніе на этой почвѣ не состоялось вслѣдствіе чрезмѣрныхъ требованій конфедератовъ, то нѣкоторые изъ королевской партіи предлагали призвать противъ нихъ казаковъ и татаръ, другіе же совѣтовали прибѣгнуть къ отлученію ихъ отъ церкви, какъ расхитителей церковныхъ имуществъ. Когда предложенія эти не привели ни къ чему, новое войско, собранное Чарнецкимъ, приняло названіе «благочестиваго союза», и готово было вступить въ борьбу съ отрядами Свидерскаго. Отношенія между обоими этими войсками грозили возникновеніемъ междоусобной войны. Однако послѣ многихъ усилій, главнымъ образомъ, со стороны епископовъ состоялось соглашеніе со Свидерскимъ (1663 г.). За уплату условленной суммы «освященный союзъ» подчинился королю.

Послѣ распущенія военной конфедераціи, королева снова вернулась къ мысли о доставленіи польской короны герцогу ангіенскому, теперь уже женатому на племянницѣ Яна-Казиміра; Любомірскій же, лишившись поддержки со стороны «союза», началъ искать опоры въ другихъ мѣстахъ. Онъ, съ одной стороны, оставался въ соглашеніи съ Австріей, а съ другой, бунтовалъ шляхту, вербовалъ военные отряды и вооружалъ замки въ своихъ владѣніяхъ. Янъ-Казиміръ велѣлъ возбудить противъ него процессъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Сеймовый судъ приговорилъ Любомірскаго къ лишенію должностей и гражданской чести и къ изгнанію. Послѣ него маршальскій жезлъ получилъ Янъ Собѣсскій, коронную же польную булаву — отличившійся въ бояхъ и недавно назначенный на должность кіевскаго воеводы, Чарнецкій. Любомірскій, опротестовавъ приговоръ, отправился въ Силезію съ намѣреніемъ собрать наемные отряды иноземцевъ и вторгнуться съ ними въ страну для устройства рокоша. Въ

то же время друзья его подготовляли въ Великой Польшѣ всеобщее ополченіе шляхты. Когда Любомірскій, вернувшись съ отрядами изъ Силезіи, соединился съ велико-польской шляхтой, противъ него выступили королевскія войска. Въ битвѣ подъ Монтвами, близъ Крушвицы (1666 г.) отряды рокошанъ одержали побѣду. Удрученный пораженіемъ король, послѣ долгихъ переговоровъ, заключилъ соглашеніе въ Легновицахъ, подъ Пилицою. Онъ отказался отъ поддержки плана избранія короля при своей жизни и обѣщалъ амнистію рокошанамъ. Любомірскій испросилъ у него извиненіе и, въ ожиданіи сейма, отправился въ Вроцлавъ, гдѣ черезъ нѣсколько дней умеръ.

Военная конфедерація и рокошъ Любомірскаго лишили республику возможности воспользоваться побѣдами подъ Ляховичами и Чудновымъ, не позволили ей энергично вести дальнѣйшую борьбу съ Москвою и оказать поддержку расположенной къ ней части казаковъ. Юрій Хмельницкій, измученный неудачами, отказался отъ гетманства и поступилъ въ монастырь; преемникъ его, Тетера, утвержденный королемъ, получалъ со стороны Польши лишь слабую поддержку въ своей борьбѣ съ гетманами-ставленниками царя: Сомкомъ и Бруховецкимъ. Нерасположенные къ Москвѣ казаки, не получая поддержки отъ Польши, избрали гетманомъ Петра Дорошенка, женатаго на внучкѣ Богдана Хмельницкаго, и признали надъ собою верховную власть Турціи, султанъ которой, Магометъ IV, готовился вступить въ борьбу съ христіанствомъ. Подчиненіе казаковъ султану, опасеніе турецкаго нашествія и, наконецъ, бунтъ донскихъ казаковъ подъ предводительствомъ Стеньки Разина заставили Москву прекратить захваты въ Польшѣ. Въ селѣ Андрусовѣ, расположенномъ на большой дорогѣ изъ Вильно въ Москву, послѣ долгихъ переговоровъ между царемъ и республикою, заключено было перемиріе на тринадцать съ половиною лѣтъ (1667 г.). Москва удержала: Смоленскъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Черниговъ и все Заднѣпровье, Кіевъ же она обязалась возвратить Польшѣ черезъ два года*). Польскіе паны

*) Фактически въ составъ республики перестали входить воеводства: смоленское со стародубскимъ повѣтомъ и черниговское; тѣмъ не менѣе короли продолжали титуловать себя князьями смоленскими и черниговскими. Остались также и сенаторскія мѣста: смоленскаго епископа, воеводъ и каштеляновъ смоленскихъ и черниговскихъ. Сохранились и титулы земскихъ и городскихъ должностей обоихъ воеводствъ. На сеймѣ утраченные воеводства были представлены послами: смоленскими, стародубскими и черниговскими. Часть обывателей смоленскаго воеводства, оставила свои владѣнія, которыя были конфискованы московскими властями, и переселилась въ Литву. Обыватели эти, называвшіеся экзулянтами (изгнанниками), получили отъ республики земли въ нѣкоторыхъ староствахъ трокскаго воеводства и право имѣть

не вѣрили въ прочность этого перемирія, заключеннаго Москвою подъ давленіемъ внѣшнихъ и внутреннихъ опасностей. Одинъ изъ коммисаровъ, принимавшихъ участіе въ андрусовскихъ переговорахъ, смоленскій подкоморій Храповицкій, записалъ въ памятникѣ: «Не вѣрю я этому хитрому народу. Если они заключили теперь миръ, то это подъ вліяніемъ славы нашего отечества и желанія удержать столь многія изъ нашихъ провинцій. Я въ завѣщаніи вмѣню своимъ сыновьямъ въ обязанность, чтобы они никогда не вѣрили этому лживому народу».

Воспользовавшись смертью Любомірскаго, а также имѣя въ виду грозившее турецкое нашествіе, Янъ-Казиміръ на сеймѣ 1667 г. въ послѣдній разъ поднялъ вопросъ объ избраніи на престолъ герцога ангіенскаго. Сеймъ, несмотря на грозившую странѣ опасность, отвергъ королевское предложеніе и подтвердилъ свободу избранія короля и лэнчицкое постановленіе. Неудача кандидатуры французскаго принца ускорила смерть королевы Людвики-Маріи. Указанная на сеймѣ вѣроятность турецкаго нашествія не была лишена основанія: султанъ двинулъ на Польшу Дорошенка и татарскую орду. Противъ непріятеля выступилъ получившій по смерти Чарнецкаго († 1665 г.) польную булаву, Янъ Собѣсскій, который на свой, главнымъ образомъ, счетъ снарядилъ войско въ нѣсколько тысячъ человѣкъ и укрѣпился въ лагерѣ подъ Подгайцами. Онъ выдержалъ штурмы непріятеля и заставилъ его вступить въ переговоры: татары за обѣщанные имъ поминки обязались держать себя дружелюбно по отношенію къ республикѣ; Дорошенко подчинился ей, получивъ обѣщаніе, что будетъ назначена коммисія для переговоровъ съ нимъ объ устроеніи Украйны.

Тѣмъ временемъ у Яна-Казиміра окончательно созрѣла мысль объ отреченія отъ престола, съ которой онъ носился со смерти Людвики-Маріи. По тайному договору съ Людовикомъ XIV онъ за пожизненную пенсію обязался отречься отъ престола и поддерживать избраніе французскаго кандидата. На сеймѣ 1668 г. онъ сложилъ съ себя корону, послѣ чего

свои особые сеймики. Смоленско-стародубскіе экзулянты и ихъ потомки собирались на сеймики сперва въ Вильнѣ, а затѣмъ смоленскіе въ Олинѣ, стародубскіе же въ Зыжморахъ и избирали по два сеймовыхъ посла. Представительство черниговскаго воеводства было поручено владимірскому повѣту на Волыни. Шляхта этого повѣта избирала на сеймикѣ во Владимірѣ четырехъ пословъ, которые титуловались черниговскими. Эти сенаторы, земскія и городскія должностныя лица и послы служили, такъ сказать, выраженіемъ нравственной связи между утраченными воеводствами и республикой.

уѣхалъ во Францію и поселился въ сенъ-жерменскомъ аббатствѣ въ Парижѣ, гдѣ и умеръ въ 1672 г.

Послѣ отреченія Яна-Казиміра явилось много кандидатовъ на польскій престолъ. Пфальцграфа рейнскаго, Филиппа-Вильгельма, князя нейбургскаго, шурина Яна-Казиміра, поддерживалъ курфюрстъ бранденбургскій. Франція хотѣла возвести на польскій престолъ Конде-Великаго или герцога ангіенскаго. Австрія рекомендовала брата императрицы, Карла, герцога лотарингскаго. Выступили претендентами также князь семиградскій, герцоги: тосканскій и іоркскій; на избраніе соглашалась даже бывшая шведская королева, Христина, основывая свои виды на родствѣ съ Вазами. Царь Алексѣй Михайловичъ выставилъ на границѣ восемнадцати-тысячное войско, но не дѣлалъ какихъ-либо опредѣленныхъ шаговъ къ полученію польской короны. Магнаты раздѣлились на три главныхъ партіи: нейбургскую, французскую и австрійскую. Шляхта, раздраженная избирательными интригами, которыя вызвали рокошъ Любомірскаго, на конвокаціонномъ сеймѣ, созванномъ примасомъ, Николаемъ Пражмовскимъ, выразила свое нерасположеніе къ иностраннымъ кандидатамъ, приняла конституцію, исключавшую изъ числа кандидатовъ тѣхъ лицъ, которыя въ царствованіе Яна-Казиміра добивались короны при помощи недозволительныхъ средствъ, и утвердила законъ, требовавшій отъ сеймовыхъ послов клятвеннаго обѣщанія не брать подкуповъ. Коронный подканцлеръ, хелминскій епископъ, Андрей Ольшовскій обнародовалъ брошюру (Censura candidatorum), въ которой порицалъ магнатскихъ кандидатовъ, рекомендуя избрать шляхетскаго короля и прирожденнаго поляка. На избирательномъ полѣ собралось до 80,000 чел. шляхты. По требованію множества избирателей, подступившихъ къ «шопѣ», примасъ вынужденъ былъ объявить объ исключеніи Конде изъ числа кандидатовъ. Французская партія раздѣлилась между герцогомъ лотарингскимъ и княземъ нейбургскимъ, которыхъ рекомендовали иностранные послы: императорскій, курфюршескій и шведскій. Шляхта, утомившись продолжительностью приготовленій къ выборамъ и заподозрѣвъ, что сенатъ нарочно затягиваетъ дѣло, пока часть ея не разъѣдется, снова двинулась къ «шопѣ» и заволновалась. Она начала стрѣлять, грозила разогнать сенаторовъ, называла ихъ измѣнниками. Въ этой толкотнѣ и волненіи погибло нѣсколько человѣкъ. Когда насталъ, наконецъ, срокъ выборовъ, шляхта, не желая и слышать о королѣ-иноземцѣ, добивалась избранія Пяста. По указанію Ольшовскаго

калишскій подкоморій, Кржицкій, предложилъ избрать Михаила Вишнёвецкаго, сына князя Іереміи, прославившагося въ борьбѣ съ казаками. Въ отвѣтъ на это предложеніе раздались всеобщія восклицанія: да здравствуетъ король Михаилъ!

Михаилъ Корибутъ Вишнёвецкій (1669—1673), сынъ Іереміи и Гризельды, урожденной Замойской, внучки Яна, не занималъ въ странѣ какого-либо выдающагося положенія. Съ отпаденіемъ отъ Польши Заднѣпровья онъ лишился отцовскихъ владѣній и обѣднѣлъ настолько, что незадолго до выборовъ вынужденъ былъ занять у лотарингскаго посла триста талеровъ. Воспитаніе онъ получилъ при вѣнскомъ дворѣ, чѣмъ обязанъ былъ денежной поддержкѣ Людвики-Маріи Гонзаги и покровительству королевича Карла-Фердинанда Вазы. Корону онъ получилъ неожиданно, благодаря антагонизму, установившемуся между шляхтою и можновладствомъ. Избраніе его было пораженіемъ аристократіи и, главнымъ образомъ, французской партіи, во главѣ которой стояли: примасъ Пражмовскій, Собѣскій, назначенный послѣ подгаецкой битвы великимъ коронымъ гетманомъ, великій коронный подскарбій Андрей Морштынъ и познанскій каштелянъ, Христофъ Гржимултовскій. Эта партія потерпѣла тѣмъ большее пораженіе, что Михаилъ отвергъ предложенное ему заключеніе союза съ Людовикомъ XIV, а также вступленіе въ бракъ съ французскою принцессою и тяготѣлъ къ Австріи. Мстительныя козни французской партіи, старавшейся вернуть свое прежнее положеніе, наполнили собою почти исключительно нѣсколько лѣтъ царствованія Собѣскаго.

Когда король, руководившійся указаніями подканцлера Ольшовскаго, женился на сестрѣ императора Леопольда, эрцгерцогинѣ Элеонорѣ, вслѣдствіе чего подчинился австрійскому вліянію, французская партія задумала низложить его и возвести на престолъ молодого герцога Сенъ-Поль де Лонгвилля. Собѣскій собиралъ на Руси войско, примасъ съ Морштыномъ и Гржимултовскимъ сносились съ Людовикомъ XIV и старались унизить короля въ глазахъ шляхты. Шляхта, защищая своего избранника, заволновалась. На посольскомъ сеймикѣ въ Шродѣ она изрубила каштеляна Гржимултовскаго и требовала привлеченія противниковъ короля къ сеймовому суду. Нѣкоторые воеводства отправились на сеймъ 1670 г. всеобщимъ ополченіемъ. На сеймѣ поднялись крики противъ примаса за его оскорбительныя для короля письма; Гржимултовскаго и Морштына обвиняли въ государственной измѣнѣ.

Моринтлинъ избавился отъ отвѣтственности лишь благодаря процессуальнымъ формальностямъ, отъ Гржимултовскаго же потребовали присяги въ доказательство его невиновности. Въ довершеніе несчастій во время этихъ внутреннихъ неурядицъ на республику обрушилась турецкая война.

Въ силу подгаецкаго договора король Михаилъ назначилъ для переговоровъ съ казаками комиссію, которая собралась въ Острогѣ. Дорошенко, мечтавшій объ освобожденіи казачества изъ-подъ московской власти и объединеніи его, раздраженный тѣмъ, что республика заключила андрусовскій миръ, дѣлалъ коммиссарамъ разнообразныя затрудненія. Король по совѣту подканцлера Ольшовскаго прервалъ переговоры съ Дорошенкой и отдалъ гетманскую булаву Ганенкѣ, который готовъ былъ угождать республикѣ. Оскорбленный Дорошенко началъ вмѣстѣ съ татарами войну и снова поступилъ подъ власть Турціи. На зовъ своего новаго ленника султанъ Магометъ IV предпринялъ въ Польшу походъ съ огромнымъ войскомъ. Каменецъ-Подольскій, считавшійся оплотомъ христіанства, но имѣвшій едва лишь 1000 чел. гарнизона, сдался; турки превратили мѣстный католическій соборъ въ мечеть, сняли кресты съ католическихъ и православныхъ церквей, забирали женщинъ въ гаремы султана и пашей. Послѣ взятія Каменца турецко-татарская орда двинулась на Львовъ, который защищалъ энергичный полковникъ Илія Лонцкій. Львовъ отражалъ штурмы непріятеля и продержался до тѣхъ поръ, пока не былъ заключенъ миръ. Прибыли коммиссары республики и заключили въ Бучачѣ договоръ (1672 г.), по которому Польша уступила туркамъ Украину и Подолію съ Каменцемъ, а также обязалась уплатить 80000 талеровъ и давать ежегодную дань.

Несмотря на столь грозныя опасности, внутреннія неурядицы не прекращались: два сейма 1672 г. были сорваны вслѣдствіе новыхъ посягательствъ на короля и возобновленія кандидатуры герцога Лонгвилля; всеобщее ополченіе, вмѣсто того, чтобы смыть позоръ бучачскаго договора, придумывало средства для уничтоженія французской партіи. Шляхта, ставъ лагеремъ подъ Голомбемъ на Вислѣ, образовала конфедерацію подъ главенствомъ племянника гетмана, коронпаго польнаго гетмана, Стефана Чарнецкаго, и начала разслѣдовать причины бучачскаго позора. На основаніи сомнительныхъ подозрѣній отвѣтственность за него взвалили на французскую партію, которая будто бы призвала въ Польшу турокъ для того, чтобы об-

легчить себѣ низложеніе Михаила и избраніе герцога Лонгвилля: затѣмъ Пражмовскаго лишили сана примаса и владѣній, другихъ противниковъ короля привлекли къ конфедератскому суду. Въ отвѣтъ на это Собѣсскій тоже образовалъ конфедерацію изъ своего войска, стоявшаго подъ Щебржешиномъ, объявивъ, что онъ остается покорнымъ королю, но вступитъ въ борьбу съ голомбской конфедераціей. Сеймъ голомбской конфедераціи, собравшійся въ Варшавѣ подъ предсѣдательствомъ Стефана Чарнецкаго, имѣвшій утвердить и привести въ исполненіе постановленія о примасѣ и другихъ членахъ французской партіи, вызвалъ бы междоусобную войну, если бы этого не предупредили усилія умѣренныхъ людей. Благодаря стараніямъ краковскаго епископа, Андрея Тржебицкаго, состоялось соглашеніе, заключеніе котораго было облегчено смертью примаса и герцога Лонгвилля. Обѣ конфедераціи были распущены, бучачскій договоръ отмѣненъ и утверждены налоги для войны съ Турціей. Противъ непріятеля выступили гетманы, за ними послѣдовалъ и король. Турецкій лагерь, расположенный въ томъ самомъ мѣстѣ, которое въ 1621 г. занимали Чарнецкій и Любомірскій, Собѣсскій взялъ приступомъ, захвативъ при этомъ много непріятельскихъ орудій и знаменъ. Продолженію похода помѣшала ненадежность войска, не получавшаго платы, и неожиданная смерть короля во Львовѣ наканунѣ хотинской побѣды.

Въ битвѣ подъ Хотиномъ республику отстоялъ представитель той партіи, которую шляхта недавно обвиняла въ призваніи въ страну турокъ и измѣнѣ. Собѣсскій, уничтоживъ это обвиненіе, увеличилъ вліяніе своей партіи и проложилъ себѣ дорогу къ престолу.

Франція отказалась отъ поддержки кандидатуры Конде и другихъ своихъ принцевъ и вмѣстѣ съ курфюрстомъ поддерживала Филиппа, князя нейбургскаго, племянника Яна-Казиміра. Австрія снова рекомендовала герцога лотарингскаго, обѣщая женить его на вдовѣ короля Михаила, Элеонорѣ. Французская партія, не раздѣлявшая въ этомъ случаѣ взглядовъ версальскаго двора, думала объ избраніи хотинскаго побѣдителя. Австрійская же партія, во главѣ которой стоялъ вліятельный въ Литвѣ родъ Пацовъ, оставшаяся вѣрной Карлу лотарингскому, съ цѣлью не допустить избранія Собѣсскаго добивалась на конвокаціонномъ сеймѣ, созванномъ примасомъ Флоріаномъ Чарторыйскимъ, исключенія прирожденныхъ поляковъ изъ числа кандидатовъ. На избирательное поле прибылъ покрытый

славою Собѣскій съ войскомъ, которое окружило Волю. Сторонники Пацовъ тоже явились вооруженными, настаивая на исключеніи Пастовъ изъ числа кандидатовъ. Возникло опасеніе двойного избранія и междоусобной войны. Французскій посолъ, убѣдившись въ невозможности добиться избранія князя нейбургскаго, съ цѣлью не допустить избранія австрійскаго кандидата предложилъ свои услуги Собѣскому подъ условіемъ, чтобы тотъ въ политическихъ дѣлахъ руководился указаніями версальскаго кабинета. Въ день избранія кандидатура Собѣскаго, предложенная Станиславомъ Яблоновскимъ, воеводою русскимъ, была съ восторгомъ принята коронною шляхтою. Ее поддержали и литовцы, несмотря на нерасположеніе къ ней Пацовъ: канцлера Христофа и великаго литовскаго гетмана, Михаила.

Янъ III Собѣскій (1674—1696) *) — отложилъ свою коронацію для продолженія и окончанія турецкой войны. Когда султанъ Магометъ IV двинулъ свои силы противъ Москвы, Собѣскій вторгся въ Подолію и занялъ ея важнѣйшіе города, за исключеніемъ Каменца, затѣмъ разбилъ подъ Львовомъ турокъ и татаръ и принудилъ пашу, Ибрагима Шишмана, отступить за Днѣстръ. Лишь послѣ истощенія военныхъ запасовъ, онъ отправился въ Краковъ для совершенія коронаціи (1676 г.) и изысканія средствъ для дальнѣйшихъ дѣйствій противъ непріятеля. Благодаря щедрости коронаціоннаго сейма, Собѣскій могъ выступить противъ новой экспедиціи Ибрагима Шайтана, двинувшагося въ Червонную Русь. Король принялъ сраженіе, окопавшись въ лагерѣ подъ Журавномъ; онъ выдержалъ битву и склонилъ непріятеля къ выгодному для республики миру. По журавинскому трактату (1676 г.) Польшѣ было возвращено $^2/_3$ Украины, остальная же часть ея осталась за казаками подъ верховною властью Турціи: рѣшеніе вопроса о Подоліи было отложено до особыхъ переговоровъ въ Царьградѣ.

Миръ республики съ Турціей соотвѣтствовалъ видамъ Людовика XV, который желалъ выдвинуть Собѣскаго противъ

---

*) **Собѣскіе** герба „Янина“:
Іаковъ († 1646), каштелянъ краковскій;
жена его—Теофила урожденная Даниловичъ, внучка Станислава Жулкевскаго.

Маркъ († 1652) — Янъ III.

Янъ III: Іаковъ († 1737). — Александръ († 1714). — Константинъ († 1726). — Тереза-Кунегунда († 1730), за Максимиліаномъ-Емануиломъ, курфюрстомъ баварскимъ.

Іаковъ: Клементина за Іаковомъ Стюартомъ, претендентомъ на англійскій престолъ.

своихъ враговъ: Австріи и Бранденбурга. Собѣсскій поддавался французскому вліянію, какъ вслѣдствіе того авторитета, которымъ пользовался дворъ Людовика XIV, такъ и въ виду своего политическаго прошлаго и семейныхъ отношеній. На сторону Франціи склоняла его жена, Марія-Казиміра де-ля-Гранжъ-Аркьанъ, дочь гофмейстрины двора Маріи-Людвики Гонзаги, бывшая въ первомъ бракѣ замужемъ за сандомірскимъ воеводою, Яномъ Замойскимъ. Такимъ образомъ, трактатомъ, заключеннымъ въ январѣ (1675 г.), Собѣсскій взамѣнъ за французскую субсидію обязался поддерживать венгровъ, возставшихъ противъ Австріи, и начать войну съ курфюрстомъ съ цѣлью отнять у него прусское княжество. Въ духѣ интересовъ французскаго двора онъ также гданскимъ договоромъ (1677 г.) разрѣшилъ передвиженіе шведскихъ войскъ черезъ Польшу изъ Ливоніи въ бранденбургскія владѣнія.

Программа короля, основывавшаяся на поддержаніи мирныхъ отношеній съ Турціей и военныхъ предпріятіяхъ противъ Австріи и Бранденбурга, не встрѣтила одобренія у шляхты. Гродненскій сеймъ 1679 г. отказалъ въ утвержденіи журавинскаго трактата и протестовалъ противъ набора войска для войны съ императоромъ и курфюрстомъ. Вслѣдствіе этого Собѣсскій пришелъ къ мысли о новой борьбѣ съ Турціей, къ чему, впрочемъ, его и безъ того влекли религіозныя чувства, жажда славы и семейныя традиціи. Мать его, Теофила, урожденная Даниловичъ, была внучкой гетмана Жулкевскаго, отецъ же, Іаковъ, сперва коронный крайчій, а затѣмъ краковскій каштелянъ, принималъ участіе въ хотинской битвѣ 1621 г. Старшій братъ его, Маркъ, попалъ подъ Батогомъ въ турецкій плѣнъ и погибъ, будучи выданъ Хмельницкому. Почерпая влеченіе къ борьбѣ съ мусульманами въ народномъ настроеніи и своихъ личныхъ чувствахъ, Собѣсскій организовалъ казаковъ въ правобережной Украйнѣ подъ предводительствомъ Куницкаго, намѣревался образовать противъ Турціи лигу европейскихъ государствъ и съ этой цѣлью отправилъ пословъ во Францію, Австрію, Венецію, Москву, Испанію и къ папѣ.

Предложеніе объ образованіи лиги не встрѣтило сочувствія — особенно во Франціи, которая старалась возбудить турокъ противъ Австріи. Подъ вліяніемъ версальскаго двора французская партія, во главѣ которой стоялъ подскарбій Морштынъ, высказалась противъ проекта войны съ Турціей. Однако король не оставлялъ своего плана лиги съ Австріей; къ

тому же теперь противъ Франціи возбуждала его Марія-Казиміра, недовольная Людовикомъ XIV за отказъ ея отцу, маркизу д'Аркьянъ, въ княжескомъ титулѣ. Для ослабленія этой партіи, къ которой Собѣскій раньше самъ принадлежалъ, онъ на сеймѣ 1683 г. велѣлъ возбудить противъ Морштына процессъ за сношенія съ иностраннымъ государствомъ, добился обвинительнаго приговора, лишившаго подскарбія его должности, и заключилъ лигу съ Австріей. Онъ подписалъ договоръ о наступательно-оборонительномъ союзѣ съ императоромъ Леопольдомъ: договоръ этотъ обязывалъ обѣ партіи къ войнѣ съ Турціей до тѣхъ поръ, пока съ нею не будетъ заключенъ миръ, одинаково выгодный какъ для Австріи, такъ и для Польши. Тайнымъ же договоромъ императоръ обѣщалъ выдать за королевича Іакова эрцгерцогиню и поддерживать избраніе его на польскій престолъ. Такимъ образомъ, Собѣскій не только изъ государственныхъ, но и изъ своихъ личныхъ видовъ перешелъ на сторону Австріи и началъ борьбу съ турками.

Великій визирь Кара-Мустафа подступилъ подъ Вѣну съ арміей въ 200,000 человѣкъ. По настояніямъ императорскаго посла и папскаго нунція Собѣскій, исполняя условія договора, выступилъ во главѣ тридцати-тысячнаго войска на помощь императору съ королевичемъ Іаковомъ, и коронными гетманами: великимъ Станиславомъ Яблоновскимъ, и польнымъ Николаемъ Сѣнявскимъ. Соединивъ свое войско съ австрійскимъ и принявъ начальство надъ всей арміей, состоявшей приблизительно изъ 50,000 человѣкъ, онъ занялъ Каленбергъ и 12 сентября 1683 г. далъ битву непріятелю. Весь турецкій лагерь съ запасами оружія и провіанта, съ зеленымъ знаменемъ пророка сталъ добычею побѣдителя. Послѣ освобожденія Вѣны, Собѣскій двинулся въ Венгрію, потерпѣлъ подъ Парканами пораженіе, которое однако загладилъ побѣдою подъ Остржихомомъ, и, оставивъ часть войска на зимнихъ квартирахъ, вернулся въ Польшу.

Вѣнскій походъ не принесъ никакой пользы ни Польшѣ, ни Собѣскому,— кромѣ славы. Императоръ оказался неблагодарнымъ по отношенію къ освободителю Вѣны: обѣщанную королевичу Іакову эрцгерцогиню Марію-Антонину онъ выдалъ за курфюрста баварскаго. Сверхъ того, Собѣскій позволилъ вовлечь себя въ дальнѣйшія военныя дѣйствія противъ турокъ, соблазнившись мыслью утвердить свою династію въ Молдавіи и Валахіи.

За дальнѣйшее участіе въ войнѣ и привлеченіе къ лигѣ Москвы императоръ обѣщалъ Собѣскому помощь въ завоеваніи для королевича Іакова Молдавіи и Валахіи. Король, руководясь какъ жаждой сокрушенія мусульманства, такъ и своими личными видами, принялся хлопотать о привлеченіи къ дѣлу Москвы, съ которой еще на андрусовскомъ съѣздѣ начаты были переговоры о лигѣ.

Согласно съ условіями андрусовскаго перемирія царь особымъ соглашеніемъ, подписаннымъ въ Москвѣ въ концѣ 1667 г., заключилъ съ республикой лигу противъ турокъ и обязался дать Польшѣ для войны съ ними нѣсколько тысячъ человѣкъ. Однако онъ не соблюлъ условій какъ андрусовскаго перемирія, такъ и лиги: не возвращалъ Польшѣ Кіева якобы изъ опасенія, чтобы онъ вслѣдствіе слабости республики не попалъ въ руки бусурманъ, съ Турціей же велъ тайные переговоры и отказалъ королю Михаилу въ помощи во время нашествія султана въ 1672 г. Новый царь, Өеодоръ Алексѣевичъ (1676—1682) обманывалъ Польшу переговорами о лигѣ, а самъ втайнѣ отъ нея заключилъ въ то же время съ Турціей двадцатилѣтнее перемиріе (1681 г.). Лига Польши съ Австріей и побѣда Собѣскаго подъ Вѣною сдѣлали еще болѣе тѣсными дружескія отношенія между Москвою и Турціей. Въ дѣйствительности Москва употребляла всѣ средства, чтобы добиться отъ Польши заключенія вѣчнаго мира на выгодныхъ для себя условіяхъ; она готова была вторгнуться въ предѣлы республики въ самое критическое время для послѣдней. Собѣскій, желая обезопасить Польшу съ востока и пріобрѣсти союзника для дальнѣйшей войны съ Турціей, послалъ въ Москву для заключенія вѣчнаго мира познанскаго воеводу, Христофа Гржимултовскаго. Съ тогдашней правительницей государства, царевной Софіей, опекуншей малолѣтнихъ Ивана и Петра Алексѣевичей, воевода заключилъ миръ (1686 г.), по которому города и земли, занятыя Москвою по андрусовскому перемирію, были вмѣстѣ съ Кіевомъ уступлены ей на вѣчныя времена взамѣнъ за $1^1/_2$ милліона рублей и помощь противъ Турціи. По мирному договору Гржимултовскаго Собѣскій навсегда отказался отъ пріобрѣтеній Сигизмунда III и Владислава IV и призналъ утрату республикой ея прежняго положенія на востокѣ.

Полагаясь на обѣщанія Австріи и надѣясь на московскую помощь, Собѣскій предпринялъ походъ въ Молдавію. Онъ, дѣйствительно дошелъ со своими войсками до устья Дуная,

но, не получивъ помощи ни отъ императора, поглощеннаго подавленіемъ возстанія въ Венгріи, ни отъ Москвы, далекой отъ мысли выполнять свои договорныя обязательства, вынужденъ былъ рѣшиться на отступленіе, во время котораго понесъ тяжелыя потери. Въ результатѣ походъ Собѣскаго имѣлъ значеніе лишь выгодной для императора диверсіи.

Неудача похода 1686 г. вызвала у Собѣскаго недовольство его связями съ Австріей, тѣмъ болѣе, что императоръ выступилъ противъ него въ дѣлѣ о женитьбѣ королевича Іакова на дочери Богуслава Радзивилла.

Одна изъ дочерей великаго конюшаго литовскаго, Богуслава Радзивилла, наслѣдница огромныхъ владѣній въ Литвѣ, воспитанная въ Берлинѣ подъ опекою курфюрста, была выдана замужъ за его сына, маркграфа бранденбургскаго. Бракъ этотъ состоялся вопреки протесту Собѣскаго, который хотѣлъ женить на дочери Радзивилла королевича Іакова и въ переходѣ огромныхъ владѣній невѣсты въ руки бранденбургскихъ курфюрстовъ видѣлъ опасность для республики. Брака же королевича на дочери Радзивилла не допустила Франція; ему препятствовали и магнаты, не желавшіе усиленія рода Собѣскихъ. Въ 1687 г. маркграфиня овдовѣла. Королевичъ Іаковъ лично отправился въ Берлинъ и склонилъ вдову къ соглашенію, которымъ она обязывалась выйти за него замужъ подъ угрозою утраты всѣхъ своихъ литовскихъ владѣній, если она нарушитъ данное слово. Тѣмъ временемъ вѣнскій дворъ посредствомъ своихъ пословъ оказалъ поддержку другому претенденту на руку маркграфини, брату императрицы, Карлу Филиппу, князю нейбургскому. Князь повѣнчался съ нею въ жилищѣ австрійскаго посла. Впрочемъ, какъ раньше курфюрсту бранденбургскому, такъ и теперь вѣнскому двору, содѣйствовали нерасположенные къ Собѣскому магнаты,—главнымъ образомъ Сапѣги: великій гетманъ Казиміръ и подскарбій Венедиктъ. Когда король на сеймѣ 1688 г. предложилъ конфисковать литовскія владѣнія княгини нейбургской въ пользу республики, Сапѣги, подкупленные курфюрстомъ бранденбургскимъ, стали грозить сорваніемъ сейма. Они даже организовали союзъ съ цѣлью низложенія Собѣскаго и избранія на престолъ Карла, герцога лотарингскаго.

Недоброжелательность императора въ связи съ положеніемъ, занятымъ относительно короля аристократіей, вслѣдствіе его династическо-молдавскихъ проектовъ, повидимому, предвѣщала распаденіе польско-австрійской лиги. Однако это было

предотвращено дипломатіей австрійскаго двора, которому грозила опасность со стороны Турціи и война съ Франціей. Этотъ дворъ обѣщалъ королевичу Іакову руку сестры императрицы, княжны нейбургской, и возобновилъ свое обѣщаніе оказать Собѣскому помощь въ завоеваніи имъ Валахіи. Соблазненный надеждою породниться съ императорскимъ домомъ и данными ему обѣщаніями, король со своими сыновьями: Константиномъ и Александромъ, предпринялъ новый походъ въ Молдавію и Валахію (1691 г.). Однако, какъ и въ 1688 г., онъ не дождался австрійской помощи, потерялъ много людей и вернулся безъ всякой пользы для себя. Этотъ послѣдній походъ его тоже имѣлъ значеніе лишь выгодной для императора диверсіи.

Оставивъ въ силу необходимости династическіе проекты, Собѣскій занялся увеличеніемъ своего состоянія посредствомъ финансовыхъ операцій, которыя велъ генеральный откупщикъ таможенныхъ сборовъ, еврей Іаковъ Бекаль. Послѣднее время жизни разочарованнаго и желавшаго спокойствія короля было отравлено распрями между Сапѣгами и виленскимъ епископомъ, Константиномъ Бржостовскимъ, принадлежавшимъ къ королевской партіи. Гетманъ Казиміръ Сапѣга изъ личной ненависти къ Бржостовскому захватилъ епископскія владѣнія и разорялъ ихъ военными постоями. Епископъ предалъ гетмана проклятію, которое однако снялъ, дружественный Сапѣгамъ примасъ, кардиналъ Михаилъ Радзѣевскій. Дѣло это дошло до папы и сеймовъ (1693 и 1694 г.г.), которые однако Сапѣги сорвали, не взирая на грозившія татарскія нашествія. Собѣскій умеръ въ Вилановѣ, оставивъ по себѣ память великихъ военныхъ дѣлъ и не менѣе великихъ политическихъ ошибокъ, самой чувствительной изъ которыхъ былъ миръ, заключенный Гржимултовскимъ.

Европейскія государства, старавшіяся овладѣть Собѣскимъ и пользоваться имъ для своихъ политическихъ цѣлей, столкнулись на территоріи республики во время междуцарствія 1696 г. Австрія поддерживала кандидатуру королевича Іакова Собѣскаго, Франція — Франциска-Людвига, герцога де Конти, племянника Конде-Великаго. Во главѣ партіи Іакова Собѣскаго стоялъ великій коронный гетманъ, Станиславъ Яблоновскій; во главѣ же враждебнаго ему лагеря стояли въ Коронѣ Любомірскіе, а въ Литвѣ Сапѣги. Королева Марія - Казиміра, нелюбившая своего старшаго сына, хотѣла доставить польскую корону курфюрсту баварскому, Максимиліану-Эмануилу, женатому на ея дочери, Терезіи-Кунигундѣ Собѣской.

Любомірскіе, съ цѣлью не допустить избранія королевича лишили главу австрійской партіи, гетмана Яблоновскаго, власти надъ войскомъ. Подъ ихъ вліяніемъ коронное войско, не получавшее платы съ 1690 г., образовало подъ Вишнёвомъ конфедерацію подъ главенствомъ гусарскаго товарища, Богуслава Барановскаго, отказалось повиноваться гетману и грабило шляхетскія владѣнія въ Червонной Руси. По насколько коронная военная конфедерація была на руку французской партіи, настолько вредила ей образовавшаяся въ то же время литовская конфедерація. Повидимому, подъ вліяніемъ Маріи-Казиміры конфедерація литовскаго войска, учрежденная подъ главенствомъ Григорія Огинскаго, литовскаго хорунжаго, отказалась повиноваться гетману Сапѣгѣ и готова была во время избранія занять положеніе, враждебное видамъ Людовика XIV.

Австрія поддерживала королевича слабо, болѣе искусно дѣйствовалъ въ интересахъ герцога де-Конти французскій посолъ, герцогъ Полиньякъ. Деньгами и обѣщаніями онъ привлекъ на сторону своего кандидата примаса Радзеёвскаго и Сапѣгъ, содѣйствовалъ распущенію конфедераціи Огинскаго, слѣдствіемъ чего было возвращеніе литовскаго войска подъ власть гетмана, расположеннаго къ французской кандидатурѣ. Но важнѣйшимъ дѣломъ герцога Полиньяка была отсрочка выборовъ до 15 мая 1697 г., требовавшая отъ Австріи и Собѣскаго непредвидѣнныхъ расходовъ и борьбы съ иностранными вліяніями. Хотя гетманъ Яблоновскій, распустивъ конфедерацію Барановскаго, снова получилъ власть надъ войскомъ, тѣмъ не менѣе дѣло королевича Іакова утратило шансы на успѣхъ въ виду успѣховъ дѣла герцога Конти, которое все больше и больше пріобрѣтало почву подъ собою. Къ несчастью для герцога Конти, Людовикъ XIV въ самую рѣшительную минуту, именно передъ наступленіемъ срока выборовъ, отказалъ своему послу въ дальнѣйшей денежной поддержкѣ. И въ то время, когда скупость версальскаго двора вызывала недовольство французской партіи, выступилъ со своей кандидатурой на польскій престолъ курфюрстъ саксонскій, Фридрихъ-Августъ, поощряемый хелминскимъ каштеляномъ, Яномъ Пржебендовскимъ, который былъ раньше агентомъ королевича Іакова. Курфюрстъ своимъ переходомъ въ католичество устранилъ существенное препятствіе къ избранію его на престолъ республики и импонировалъ магнатамъ и шляхтѣ своей щедростью. Во время выборовъ голоса раздѣлились между королевичемъ и герцогомъ Конти. Этотъ послѣд-

ній вышелъ бы побѣдителемъ, если бы не энергія саксонской партіи, сумѣвшей привлечь къ себѣ падавшую и враждебную Собѣсскому французскую партію. Поэтому, когда примасъ провозгласилъ избраннымъ герцога Конти, саксонская партія склонила куявскаго епископа, Станислава Домбскаго, провозгласить избраніе Фридриха-Августа.

Саксонскій курфюрстъ поспѣшилъ въ Польшу, присягнулъ въ селѣ Пекарахъ на вѣрное соблюденіе pacta conventa и былъ коронованъ въ Краковѣ епископомъ куявскимъ въ то время, какъ герцогъ Конти плылъ съ небольшой флотиліей въ Гданскъ. И хотя въ интересахъ герцога калишскій каштелянъ, Владиславъ Пржіемскій, образовалъ въ Шродѣ конфедерацію, а варшавскій сеймъ, созванный примасомъ, объявилъ рокошъ съ цѣлью защиты свободы избранія, но въ общемъ французская партія не дѣйствовала съ той энергіей, какой требовали обстоятельства. Разочарованный герцогъ Конти отплылъ во Францію, сенаторы же сторонники его, находившіеся въ Оливѣ, были захвачены саксонскими войсками.

Августъ II (1697—1733), воспитанный въ традиціяхъ деспотизма, гордый и предпріимчивый, намѣревался превратить Польшу въ наслѣдственное владѣніе своего дома и желалъ посредствомъ нея съиграть видную роль въ Европѣ. Вступленіемъ къ этой карьерѣ должна была служить унаслѣдованная имъ отъ Собѣсскаго война съ Турціей за возвращеніе Подоліи съ Каменцемъ.

Послѣ продолжительной войны Турція вступила въ переговоры съ Австріей и ея союзниками. Въ Карловицахъ въ Военной Границѣ собрались уполномоченные представители государствъ, между которыми былъ и посолъ республики, познанскій воевода, Янъ Малаховскій. Для поддержки требованій республики въ Червонную Русь прибыли коронныя войска подъ начальствомъ гетмановъ: великаго, Яблоновскаго и польнаго, Феликса Потоцкаго; за ними прибыли въ качествѣ вспомогательныхъ отрядовъ и саксонскія войска. За арміей послѣдовалъ король и остановился сперва въ Равѣ, а затѣмъ во Львовѣ. Новое нашествіе татаръ подъ предводительствомъ Гирея было разбито подъ Подгайцами гетманомъ Потоцкимъ; коронныя и саксонскія войска готовились къ осадѣ Каменца, но въ это время карловицкіе переговоры привели къ заключенію мира. По карловицкому трактату (1699 г.) Польша получила обратно Украину и Подолію съ Каменцемъ и обезопасила себя отъ татарскихъ нашествій.

Августъ не пріобрѣлъ славы въ турецкой войнѣ, которая окончилась ничѣмъ, но за то получилъ надежду сыграть видную политическую роль въ предстоявшихъ дѣлахъ на сѣверѣ. Планъ этихъ предпріятій былъ составленъ въ Равѣ-Русской, гдѣ Августа посѣтилъ возвращавшійся изъ-за границы царь Петръ Алексѣевичъ.

Петръ оказалъ большую услугу Августу II: во время избранія короля московскій посолъ вручилъ примасу Радзѣевскому и гетману Яблоновскому царское письмо, содержавшее угрозы на тотъ случай, если будетъ избранъ герцогъ Конти. Такимъ образомъ, царь принималъ участіе въ возвышеніи Августа и рѣшилъ вовлечь его въ свои политическіе планы. Предметомъ совѣщаній въ Равѣ было нападеніе на шведскую Ливонію и раздѣлъ прибалтійскаго побережья между Москвою и Польшею. Въ составленіи этихъ завоевательныхъ плановъ принималъ участіе проживавшій при дворѣ Августа ливонецъ, Іоганъ-Рейнгольдъ Паткуль, который за мятежныя происки былъ приговоренъ шведскимъ королемъ къ смертной казни, бѣжалъ за-границу и подстрекалъ монарховъ къ войнѣ съ молодымъ Карломъ XII. Паткуль увѣрилъ Августа, что война за Ливонію откроетъ ему путь къ великой политической карьерѣ, дастъ ему возможность держать въ Польшѣ саксонскія войска, при помощи которыхъ онъ сможетъ достигнуть превращенія польской республики въ наслѣдственную монархію. На почвѣ такихъ разсчетовъ и соображеній между Августомъ и Петромъ состоялось соглашеніе, къ участію въ которомъ впослѣдствіи былъ привлеченъ и датскій король, Фридрихъ IV. Карловицкій миръ развязалъ союзникамъ руки и ускорилъ начало войны, извѣстной подъ названіемъ сѣверной.

Не увѣренный въ томъ, позволитъ ли республика вовлечь себя въ войну съ Швеціей, Августъ, несмотря на миръ съ Турціей, старался задержать въ Польшѣ саксонскія войска, чтобы въ благопріятную минуту ввести ихъ въ Ливонію. Осуществленіе этого плана облегчили ему неурядицы въ Литвѣ. Григорій Огинскій снова возмутилъ часть литовскаго войска противъ гетмана Сапѣги и началъ войну съ нимъ. Для поддержки Огинскаго витебскій каштелянъ, Копецъ, образовалъ конфедерацію, созвалъ всеобщее ополченіе шляхты и отправилъ депутацію къ королю. Августъ обѣщалъ пріѣхать въ Литву, но предварительно послалъ туда отрядъ саксонскаго войска подъ предводительствомъ фельдмаршала Флеминга. Войско это, расквар-

тированное въ Литвѣ подъ предлогомъ защиты шляхты отъ притѣсненій со стороны Сапѣгъ, въ дѣйствительности было приготовлено для вторженія въ Ливонію. Такъ какъ совѣтъ сената не желалъ войны съ Швеціей, что примасъ подтвердилъ въ письмѣ къ Карлу XII, то Августъ рѣшилъ дѣйствовать самостоятельно, посредствомъ своихъ саксонскихъ войскъ. Когда Петръ объявилъ войну Швеціи и осадилъ Нарву, саксонское войско, стоявшее въ Литвѣ и подкрѣпленное отрядами, пришедшими съ разрѣшенія бранденбургскаго курфюрста черезъ Прусское княжество, сконцентрировалось въ Курляндіи и вступило въ Ливонію для оказанія помощи московской арміи.

Все благопріятствовало стремленіямъ Августа. Побѣда саксонско-московско-датскаго союза надъ молодымъ Карломъ XII, котораго считали сумасброднымъ или слабоумнымъ, казалась несомнѣнной, а потому можно было вполнѣ разсчитывать и на предстоящее присоединеніе Ливоніи; въ то же время неурядицы въ Литвѣ открывали королю перспективу установленія въ республикѣ самодержавнаго образа правленія. Конфедерація литовской шляхты напала подъ Ольшениками на Сапѣгъ и разбила ихъ, убила сына гетмана, литовскаго конюшаго, Михаила. Послѣ своей побѣды ольшеникская конфедерація приговорила Сапѣгъ къ лишенію должностей, гражданской чести и имущества, — союзникамъ же ихъ пригрозила изгнаніемъ и конфискаціей владѣній. Сапѣги ушли отъ мести шляхты въ Пруссію, а затѣмъ обратились къ королю съ просьбою о помощи. Августъ былъ доволенъ пораженіемъ магнатовъ, которые могли бы стать помѣхой осуществленію его плановъ преобразованія установленій республики; такой же участи желалъ онъ и коронным панамъ.

Но вскорѣ на Августа, льстившаго себя надеждою на близкое осуществленіе своихъ стремленій, посыпались тяжелые удары. Разбитый шведами датскій король мирнымъ договоромъ, заключеннымъ въ Травендалѣ, обязался выйти изъ саксонско-московскаго союза. Царь Петръ понесъ чувствительное пораженіе подъ Нарвою. Августъ послѣ безуспѣшной осады Риги, получивъ извѣстіе о пораженіи союзниковъ, искалъ союза съ курфюрстомъ бранденбургскимъ.

Курфюрстъ Фридрихъ IV (1688—1713), бывшій до сихъ поръ ленникомъ Польши въ качествѣ владѣтеля Бытова и Лауенбурга, воспользовавшись сѣверной войной, провозгласилъ себя прусскимъ королемъ и 1 января 1701 г. короновался

въ Кёнигсбергѣ королевенъ подъ именемъ Фридриха I. Хотя, принимая титулъ короля *прусскаго*, Фридрихъ присваивалъ себѣ название польской провинции (Королевская Пруссія) и этимъ угрожалъ цѣлости республики, но Августъ первымъ изъ европейскихъ монарховъ поздравилъ его съ королевской короной. Кромѣ видовъ на помощь со стороны курфюрста бранденбургскаго, Августъ нашелъ поддержку и въ царѣ, мечтавшемъ о возмездіи за пораженіе подъ Нарвою. Оба монарха съѣхались въ Литвѣ, въ замкѣ Радзивилловъ въ Биржахъ. Царь обѣщалъ Августу военную помощь и денежную субсидію, которая имѣла быть употреблена на подкупъ предстоявшаго сейма и склоненіе республики къ войнѣ съ Карломъ XII.

Вопреки ожиданіямъ Августа и царя, варшавскій сеймъ потребовалъ протеста противъ коронаціи бранденбургскаго курфюрста, удаленія изъ Польши саксонскихъ войскъ и заключенія мира съ Швеціей. Въ виду такихъ требованій республики, Августу оставалось разсчитывать лишь на московскую помощь и вспомогательные отряды бранденбургскаго курфюрста. Во время переговоровъ Августа съ курфюрстомъ Карлъ XII нанесъ пораженіе саксонско-московскимъ войскамъ на лѣвомъ берегу Двины, подъ Ригою, и въ письмахъ къ польскимъ сановникамъ предлагалъ низложить Августа. Къ этому предложенію сочувственно отнесся примасъ Радзеёвскій; его готовы были поддержать польскіе паны — и, главнымъ образомъ, Сапѣги.

Послѣ рижскаго пораженія, подъ угрозою предложенія Карла XII, Августъ старался уступками расположить республику въ свою пользу: онъ вывелъ изъ ея предѣловъ саксонское войско, отправилъ въ Литву комиссію съ цѣлью возстановленія Сапѣгъ въ должностяхъ и примиренія ихъ съ шляхтою. Въ то же время онъ при посредствѣ своей прежней любовницы, графини Авроры Кёнигсмаркъ, пытался войти въ тайные переговоры съ шведскимъ королемъ, предлагая ему раздѣлъ республики. Карлъ, не обращая вниманія на предложенія Августа, шелъ вглубь Польши на Ковно, Гродно и Тыкоцинъ. Едва Августъ выпросилъ у совѣта сената согласіе на введеніе въ страну саксонскихъ войскъ и созваніе всеобщаго ополченія, какъ онъ уже долженъ былъ бѣжать изъ столицы передъ наступавшимъ непріятелемъ. Въ концѣ мая 1702 г. Карлъ вступилъ въ Варшаву и отсюда двинулся за Августомъ въ краковское воеводство. Въ битвѣ подъ Клишовомъ онъ разбилъ Августа и занялъ Краковъ.

Послѣ клишовскаго пораженія Августъ отправился подъ Сандоміръ, куда собралось всеобщее ополченіе шляхты. Однако сюда явилось лишь шесть малопольскихъ воеводствъ: Волынь, Подолія и Украйна не приняли участія въ ополченіи вслѣдствіе казацкихъ бунтовъ. Полковникъ Палій и бывшій казацкій гетманъ, ставленникъ Польши, Самусь снова подняли гражданскую войну въ пограничныхъ воеводствахъ, начавшихъ было заселяться послѣ заключенія карловицкаго мира: съ толпами крестьянъ они грабили и жгли шляхетскія усадьбы. Малочисленное всеобщее ополченіе шляхты, собравшееся подъ Сандоміромъ, организовалось въ конфедерацію, запротестовало противъ нарушенія Швеціей оливскаго мира и взяло подъ свою защиту Августа. Найдя поддержку въ сандомірской конфедераціи, Августъ ободрился, — тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе болѣзни Карла, сломавшаго во время смотра ногу, шведы на время пріостановили наступательныя дѣйствія. Благодаря такимъ обстоятельствамъ, онъ занялъ саксонскими войсками Королевскую Пруссію, устраивалъ совѣщанія съ приверженными къ нему сенаторами въ Торнѣ и Мальборгѣ и, наконецъ, созвалъ въ Люблинъ сеймъ. Люблинскій сеймъ, состоявшій, главнымъ образомъ, изъ расположенныхъ къ Августу малополянъ и литовцевъ удалилъ изъ палаты великопольскихъ пословъ, заподозрѣнныхъ въ содѣйствіи непріятелю, потребовалъ лишенія Сапѣгъ и другихъ сторонниковъ Швеціи должностей и владѣній, съ примаса же взялъ клятвенное обѣщаніе прекратить сношенія съ Карломъ XII. Терроризмъ сеймовыхъ постановленій привелъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ: задѣтые имъ великополяне по почину познанскаго воеводы, Станислава Лещинскаго, образовали для своей защиты конфедерацію, во главѣ которой сталъ пиздрскій староста, Петръ Бронишъ. Правда, великопольская конфедерація не отказывала Августу въ повиновеніи, но она запротестовала противъ люблинскихъ постановленій и требовала мира съ Швеціей. Вскорѣ однако она измѣнила свои первоначальныя намѣренія, когда познакомилась на съѣздѣ съ письмами Августа, доставленными ей шведскими дипломатами. Подъ вліяніемъ примаса, нарушившаго присягу, данную имъ на люблинскомъ сеймѣ, великопольская конфедерація преобразовалась въ новую, которая провозгласила отказъ королю въ повиновеніи (1704 г.). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ были объявлены: актъ низложенія, междуцарствіе и время избранія новаго короля.

Карлъ выставилъ кандидатуру Іакова Собѣскаго, жившаго

въ то время въ Олавѣ, въ Силезіи. Чтобы разстроить планы Карла, Августъ устроилъ покушеніе на Собѣскаго: когда тотъ съ братомъ своимъ Казиміромъ возвращался изъ Вроцлава, онъ, по распоряженію Августа былъ схваченъ и подъ конвоемъ драгунъ увезенъ въ саксонскую крѣпость Плейзенбургъ. Такъ какъ третій изъ братьевъ Собѣскихъ не хотѣлъ добиваться короны, то Карлъ выставилъ кандидатуру познанскаго воеводы, Станислава Лещинскаго. 12 іюля 1701 г. на окруженной шведскими войсками площади Воли немногочисленный съѣздъ шляхты объявилъ избраніе Лещинскаго, провозглашеніе котораго королемъ, вслѣдствіе нежеланія примаса, было сдѣлано познанскимъ епископомъ, Николаемъ Свенцицкимъ.

Не ограничиваясь саксонской арміей и помощью сандомирской конфедераціи, маршаломъ который былъ коронный мечникъ Станиславъ Денгофъ, Августъ прибѣгъ къ низменнымъ политическимъ средствамъ. Для привлеченія на свою сторону Фридриха I онъ, при посредствѣ Паткуля, предложилъ ему раздѣлъ Польши между Пруссіей, Саксоніей, Москвой и Даніей. Когда этотъ проектъ натолкнулся на препятствія, Августъ искалъ спасенія въ союзѣ съ Москвою. Царь Петръ, предвидя, что Карлъ XII, управившись съ Августомъ, обратится противъ него, считалъ борьбу на территоріи республики средствомъ защиты московскихъ границъ, а. сверхъ того, и средствомъ утвержденія своего вліянія въ Польшѣ. Руководясь такими соображеніями, онъ заключилъ съ посломъ Августа, хелминскимъ воеводою, Томашемъ Дзялынскимъ, наступательно-оборонительный договоръ, которымъ обязался дать военную и денежную помощь. Въ августѣ 1701 г. царскія войска подъ предводительствомъ князя Голицына вступили въ Червонную Русь. Во Львовѣ ихъ принималъ и угощалъ дядя ново-избраннаго короля Станислава, Янъ Яблоновскій, воевода русскій. Въ Ярославлѣ къ нимъ присоединился самъ Августъ. Когда Карлъ выступилъ противъ союзныхъ войскъ въ Червонную Русь и подошелъ подъ Львовъ, Августъ двинулся на сѣверъ, переправился подъ Мацѣевицами на лѣвый берегъ Вислы и сталъ угрожать Варшавѣ. Онъ намѣревался разогнать варшавскую конфедерацію Бронища, взять въ плѣнъ Лещинскаго съ его сторонниками и уничтожить все, сдѣланное до сихъ поръ Карломъ. Получивъ извѣстіе о приближеніи Августа, Лещинскій со своимъ семействомъ, Бронишъ, Александръ Собѣскій и другіе оставили Варшаву: защита столицы поручена была на-

чальнику шведскаго гарнизона генералу Горну, поддерживаемому совѣтомъ и личной помощью епископа Свенцицкаго. Послѣ непродолжительнаго сопротивленія гарнизонъ Горна сдался; познанскій епископъ попалъ въ руки саксонцевъ. Однако торжество Августа было непродолжительно: Карлъ скорымъ маршемъ прибылъ изъ Червонной Руси въ Мазовію, снова занялъ Варшаву и короновалъ Лещинскаго. Обрядъ коронаціи былъ совершенъ львовскимъ епископомъ, Константиномъ Зелинскимъ. Тогда царь Петръ, встревоженный успѣхами Карла, лично прибылъ на территорію республики. Остановившись въ Полоцкѣ (1705 г.), онъ въ качествѣ союзника Августа издалъ манифестъ противъ сторонниковъ Лещинскаго. Свои дружественныя чувства къ республикѣ онъ съ первой же минуты своего вступленія на ея территорію засвидѣтельствовалъ грабежами и преслѣдованіемъ уніатовъ.

Въ царствованіе Яна III и въ началѣ царствованія Августа къ уніи присоединились и остальныя дизунитскія эпархіи: львовская, перемышльская и луцкая. Послѣднее православное епископство, мстиславско-могилевское, возстановленное для бѣлорусскихъ дизунитовъ Владиславомъ IV, къ концу XVIII вѣка исчезло. Правда, въ Бѣлой Руси, въ воеводствахъ: новогродскомъ близъ Слуцка и брацлавскомъ на Украинѣ существовало православное населеніе, но оно было малочисленно. Москва, не имѣя возможности уничтожить унію путемъ агитаціи, ждала случая расправиться съ ея защитниками и покровителями. Эту расправу учинилъ царь Петръ, вступивъ на территорію республики въ качествѣ союзника Августа. Въ Витебскѣ онъ велѣлъ уничтожить изображенія канонизированнаго римско-католической церковью Іосафата Кунцевича (см. стр. 176). Въ Полоцкѣ въ уніатской церкви св. Софіи онъ въ пьяномъ видѣ оскорблялъ причастниковъ, бранилъ и преслѣдовалъ монаховъ. Одному базиліанскому монаху, назвавшему убійцъ св. Іосафата Кунцевича безбожными схизматиками, онъ далъ пощечину, повалилъ его на землю, билъ тростью по головѣ, отрубилъ ему шпагою носъ и уши, и, наконецъ, велѣлъ вынести его изъ церкви и повѣсить. Другому монаху онъ саблею снесъ голову. Тѣла убитыхъ онъ велѣлъ сжечь и бросить прахъ ихъ въ Двину. Монастырь и уніатскія церкви московскіе солдаты ограбили и превратили въ военные магазины *). Во время своего похода въ Вильно Петръ одинаково

*) Необходимо, конечно, имѣть въ виду, что все это было совершено въ духѣ времени. Православные и вообще иновѣрцы въ Польшѣ, какъ было съ иновѣрцами и въ другихъ странахъ, терпѣли хроническія, а потому еще болѣе жестокія гоненія.
Г. Л.

ытывался, какъ надъ базиліанскими монахами, такъ и надъ бѣлымъ уніатскимъ духовенствомъ. Преслѣдуя уніатовъ, онъ объявилъ себя покровителемъ польскихъ дизунитовъ не только на время своего пребыванія въ предѣлахъ республики, но и по удаленіи изъ нихъ. Въ Могилевѣ онъ оставилъ комиссара, который имѣлъ взять подъ свою защиту дизунитовъ, резиденту же своему въ Варшавѣ велѣлъ собирать доказательства преслѣдованія ихъ въ Польшѣ. Отмѣчая свой путь черезъ Литву убійствами и грабежами, Петръ остановился въ Тыкоцинѣ, гдѣ инкогнито жилъ Августъ. Въ Гроднѣ совѣтъ сандомірской конфедераціи утвердилъ договоръ, заключенный съ царемъ при посредствѣ Дзялынскаго: Петръ возобновилъ свое обѣщаніе помощи войскомъ и деньгами. Августъ учредилъ для своихъ сторонниковъ орденъ бѣлаго орла съ надписью: pro fide, lege et rege (за вѣру, законъ и короля).

Карлъ XII рѣшилъ завоевать для Лещинскаго Литву, занятую московскимъ войскомъ. Онъ двинулся подъ Гродно и искалъ битвы, но противники его бѣжали. Когда Петръ отступилъ за Двину, Августъ же скитался со своими отрядами по различнымъ воеводствамъ, Карлъ вторгся въ Саксонію. Опасаясь утраты своихъ наслѣдственныхъ владѣній, Августъ отправилъ въ шведскій лагерь уполномоченныхъ для заключенія мира. Въ замкѣ Альтранштэдтѣ подъ Лейпцигомъ, гдѣ находилась главная квартира Карла, былъ заключенъ договоръ (1706 г.), по которому Августъ отрекся отъ польской короны въ пользу Лещинскаго, освободилъ Собѣскихъ и выдалъ шведамъ Паткуля.

Альтранштэдтскій миръ былъ унизителенъ для Августа и опасенъ для царя. Петръ предвидѣлъ, что Карлъ, заключивъ миръ съ республикою, постарается отомстить ему за его прежнія военныя дѣйствія. Въ интересахъ Петра было поддерживать рознь и не допускать примиренія республики съ Швеціей. Поэтому Петръ взялъ подъ свое покровительство прежнюю партію Августа, сандомірскую конфедерацію, не желавшую принять условія альтранштэдтскаго мира.

Московскія войска подъ предводительствомъ генерала Меншикова прибыли на Волынь, Петръ же отправился въ Жулкву, гдѣ собрались главные противники Лещинскаго, сановники, обязанные Августу своимъ положеніемъ: примасъ Станиславъ Шембекъ, коронный великій гетманъ Адамъ Сѣнявскій, литовскій польный гетманъ Григорій Огинскій, маршалъ сандомірской конфедераціи Денгофъ и мн. др. Болѣе вліятельныхъ

сенаторовъ царь подкупалъ деньгами и обѣщаніями. Собранный Шембекомъ въ Львовѣ конфедератскій совѣтъ, слѣдуя во всемъ указаніямъ царскаго посла, князя Долгорукаго, возобновилъ трактатъ Дзялынскаго и постановилъ созвать въ Люблинѣ сеймъ. На люблинскій сеймъ (1707 г.) прибылъ самъ царь, и склонилъ его къ объявленію междуцарствія. Но отреченіе Августа Петръ санкціонировалъ не въ интересахъ Лещинскаго, а съ цѣлью возведенія на польскій престолъ своего сына Алексѣя. По окончаніи сейма царь отправился въ Варшаву, войска же его заняли почти всю территорію республики. Лишь послѣ того, какъ Карлъ, прекративъ свое слишкомъ продолжительное пребываніе въ Саксоніи, снова вступилъ въ Польшу и поставилъ свою армію на лѣвомъ берегу Вислы, Петръ вышелъ изъ Варшавы и велѣлъ своимъ войскамъ отступать. Во время похода онъ предавалъ разграбленію базиліанскіе монастыри и уніатскія церкви, разорялъ страну, оставляя за собою пустыню.

Карлъ, отвергнувъ мирныя предложенія, съ какими являлись къ нему царскіе послы, предпринялъ большой походъ противъ Москвы. Понадѣявшись на обѣщанную ему помощь гетмана запорожскихъ казаковъ, Мазепы, желавшаго вернуться подъ верховную власть республики, онъ направился по Задньпровью на югъ. Получивъ отъ Мазепы лишь незначительную помощь, измученный походомъ, онъ подступилъ къ Полтавѣ, гдѣ надѣялся найти отдыхъ и запасы. Къ Полтавѣ же поспѣшилъ выступить противъ него и самъ Петръ. Въ рѣшительной битвѣ, состоявшейся въ іюлѣ 1709 г., Карлъ потерпѣлъ пораженіе. Съ остатками своего войска онъ долженъ былъ искать убѣжища въ турецкихъ владѣніяхъ.

Еще до полтавской битвы Августъ, поощряемый обѣщаніями помощи со стороны Даніи, Пруссіи и Москвы, возвѣстилъ манифестомъ о своемъ возвращеніи въ Польшу, прикрываясь несоблюденіемъ надлежащихъ формальностей при заключеніи альтрандштадтскаго трактата и сеймовой конституціей 1669 г., воспрещавшей королю отрекаться отъ престола. Послѣ полтавской битвы, когда партія Лещинскаго подверглась дезорганизаціи, онъ являлся въ Торнъ на свиданіе съ царемъ, возобновилъ прежніе трактаты съ нимъ и созвалъ совѣтъ сандомірской конфедераціи на сеймъ въ Варшаву. Варшавскій сеймъ (1710 г.), будучи покорнымъ орудіемъ царскаго посла, князя Долгорукаго, санкціонировалъ неутвержденный до сихъ поръ республикой трактатъ Гржимултовскаго. Такъ какъ этотъ трактатъ за-

рантировалъ православнымъ свободу вѣроисповѣданія, то царь находилъ въ немъ юридическое основаніе для своего покровительства польскимъ дизунитамъ или, точнѣе, для вмѣшательства во внутреннія дѣла республики.

Уступками въ пользу Москвы Августъ обезпечивалъ за собою польскій престолъ, несмотря на новыя попытки шведскаго короля, проживавшаго въ Бендерахъ. Карлу удалось подстрекнуть Турцію къ войнѣ съ Москвою; на берегахъ Прута царь во время похода очутился въ самомъ критическомъ положеніи (1711 г.), но деньгами и территоріальными уступками склонилъ великаго визиря къ заключенію мира. Послѣ заключенія прутскаго мира Карлъ назначилъ резиденціей Лещинскому свое наслѣдственное княжество Цвейбрюкенское, не отказываясь отъ намѣренія возвратить ему престолъ. Самъ же онъ, оставленный своими союзниками, въ виду грозившаго взрыва недовольства на его родинѣ, уѣхалъ изъ Турціи и вернулся въ Швецію.

Августъ, утвердившись на престолѣ, не оставилъ своей мысли о превращеніи республики въ наслѣдственную абсолютную монархію. Подъ предлогомъ опасенія войны съ Турціей, онъ содержалъ въ странѣ саксонскія войска, которыя въ сущности предназначались для совершенія государственнаго переворота. Шляхта, раздраженная постоями саксонскихъ войскъ, наглостью ихъ командировъ и грабительствами рядовыхъ, пришла въ движеніе, которое началось на Руси и въ Литвѣ, но вскорѣ охватило всю республику. Изъ отдѣльныхъ союзовъ, образовавшихся въ воеводствахъ, земляхъ и повѣтахъ, въ 1715 г. возникла въ Тарногродѣ подъ предводительствомъ кременецкаго подкоморія, Станислава Ледоховскаго, генеральная конфедерація, которая хотя и не отказала Августу въ повиновеніи, но требовала удаленія изъ страны саксонскихъ войскъ. Фактически тарногродская конфедерація, къ которой присоединились многочисленные приверженцы Лещинскаго, могла стать опасной и для самого Августа. Противъ конфедератовъ выступилъ фельдмаршалъ Флемингъ, но не могъ разбить ихъ. Однако, если бы даже Августъ располагалъ достаточной силой для подавленія конфедераціи, его стремленія къ государственному перевороту остановилъ бы царь Петръ, внимательно слѣдившій за польскими дѣлами. За движеніями саксонскихъ войскъ наблюдалъ царскій генералъ Бауеръ, а съ конфедератами постоянно былъ князь Долгорукій.

Петръ съ недовольствомъ смотрѣлъ на затѣи Августа: тарногродская конфедерація соотвѣтствовала его видамъ въ томъ

смыслѣ, что, избавляя его отъ необходимости перейти на сторону Лещинскаго, давала ему возможность вмѣшиваться въ дѣла республики. Онъ находился въ Гданскѣ и задумалъ выступить въ роли посредника между боровшимися сторонами. Исполненіе этого желанія облегчили ему конфедераты, обратившись къ нему съ просьбою о примиреніи ихъ съ королемъ. Августъ, хотя и неохотно, тоже прибылъ въ Гданскъ, принявъ посредничество царя. Для исполненія обязанностей посредника царь назначилъ князя Долгорукаго и при этомъ заявилъ, что противъ той стороны, которая бы воспротивилась соглашенію, онъ выставитъ 18,000 войска.

Князь Долгорукій назначилъ мѣстомъ переговоровъ Люблинъ, куда съѣхались уполномоченные конфедераціи и Августа. Послѣ безполезныхъ переговоровъ въ Люблинѣ и Казимірѣ, когда русскія войска вступили въ Волынь, соглашеніе было заключено въ Варшавѣ. Варшавскій трактатъ (1716 г.) обязывалъ саксонцевъ удалиться съ территоріи республики, распускалъ сандомірскую конфедерацію и воспрещалъ союзы этого рода на будущее время; численность коронныго войска онъ уменьшилъ до 18,000, а литовскаго до 6,000 человѣкъ, ограничилъ власть гетмановъ, оставивъ за ними лишь командованіе войсками, а администрацію передалъ трибуналамъ казначейства. Для утвержденія этого соглашенія рѣшено было созвать примирительный сеймъ. Сеймъ этотъ, созванный въ Варшаву, въ силу постановленій трактата состоялъ не изъ пословъ, а изъ маршаловъ и членовъ совѣтовъ сандомірской и тарногродской конфедерацій подъ предсѣдательствомъ Ледоховскаго. Онъ собрался 31 января 1717 г. и засѣдалъ шесть часовъ; навязанный царемъ варшавскій трактатъ онъ утвердилъ безъ преній, вслѣдствіе чего получилъ названіе *нѣмого*.

Царское посредничество было вмѣшательствомъ Россіи во внутреннія дѣла республики; навязанныя народу условія соглашенія подрывали его независимость. Сокращеніе арміи до 24,000 человѣкъ было разоруженіемъ республики, лишеніемъ государства возможности обезопасить себя отъ иноземныхъ посягательствъ — тѣмъ болѣе, что драгуны и вся пѣхота, составлявшія гарнизоны крѣпостей, находились подъ начальствомъ иностранныхъ офицеровъ. Сокращеніе арміи, въ которой къ тому же преобладала конница, не имѣвшая уже прежняго значенія въ виду организаціи армій сосѣднихъ государствъ, лишало республику надежды защищать себя собственными силами отъ внѣшнихъ нападеній тѣмъ болѣе, что было воспре-

щено практиковавшееся до сихъ поръ средство концентраціи народныхъ силъ въ формѣ конфедерацій. Къ тому же Петръ, не довольствуясь преобладаніемъ, какое давалъ ему варшавскій трактатъ 1716 г. и постановленія нѣмого сейма, не вывелъ изъ Польши своихъ войскъ и третировалъ ее какъ завоеванную страну.

Августъ, заключая съ царемъ трактаты противъ Карла XII и ведя вмѣстѣ съ нимъ войну въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, имѣлъ въ виду исключительно эксплуатировать его для своихъ политическихъ цѣлей. Замѣтивъ теперь, что онъ самъ сталъ орудіемъ въ рукахъ своего союзника, онъ сейчасъ же послѣ нѣмого сейма сдѣлалъ попытку освободиться изъ-подъ тягостной царской опеки.

По удаленіи саксонскихъ войскъ Августъ намѣревался прибрать къ своимъ рукамъ вооруженныя силы страны. На основаніи договора съ великимъ коронымъ гетманомъ, Адамомъ Сѣнявскимъ, войско республики, состоявшее изъ иноземцевъ, т. е., драгуны и пѣхота, перешло подъ начальство фельдмаршала Флеминга, иными словами, самого Августа. Обезпечивъ за собою распоряженіе вооруженною силою, король въ тоже время, прибѣгъ къ дипломатическимъ средствамъ, а именно, вошелъ въ переговоры съ Австріей и англійскимъ королемъ, который былъ недоволенъ возрастаніемъ царскаго могущества на берегахъ Балтійскаго моря. Однако, когда Августъ старался опереться на Австрію и Англію, Петръ, понявъ стремленія своего сосѣда, сблизился съ прусскимъ королемъ, Фридрихомъ-Вильгельмомъ I (1713--1740). Съ этихъ поръ царь постоянно заботился о томъ, чтобы Августъ не могъ воспользоваться для своихъ видовъ республикой, а именно, чтобы онъ не усилилъ королевской власти и не превратилъ польскаго престола въ наслѣдственное владѣніе своего дома. Князь Долгорукій и прусскій посолъ Кунгеймъ искали союзниковъ въ польскихъ панахъ: бывшемъ нѣкогда маршалѣ сандомірской конфедераціи, а теперь коронномъ польномъ гетманѣ, Денгофѣ, и куявскомъ епископѣ, Константинѣ Шанявскомъ. Призракомъ деспотизма легко было возбудить противъ Августа и всю шляхетскую массу. На гродненскомъ сеймѣ 1718 г. Долгорукій съ Кунгеймомъ принялись за дѣло. Начальствованіе Флеминга надъ польско-иноземнымъ войскомъ они представляли шляхтѣ, какъ посягательство на прерогативы гетманской власти и права республики; Долгорукій предостерегалъ противъ союза Августа съ императоромъ и доказывалъ, будто постой въ Польшѣ москов-

скихъ войскъ необходимъ для обезпеченія вольностей страны. Дѣйствительно, подъ предлогомъ охраны шляхетскихъ вольностей, московскія войска не оставляли территоріи республики, взимали контрибуціи, грабили купцовъ. Не удаляясь изъ страны, несмотря на сѣтованія шляхты, Петръ въ тоже время стремился овладѣть Курляндіей. Когда умеръ герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ († 1711 г.), женатый на племянницѣ Петра, Аннѣ Іоанновнѣ, царь подъ предлогомъ опеки надъ вдовою, а въ дѣйствительности съ цѣлью овладѣть Курляндіей, ввелъ въ эту страну московскія войска. Правда, послѣ заключенія прутскаго мира они удалились отсюда, но черезъ нѣсколько лѣтъ снова вернулись. Мало того, Петръ вошелъ въ сношенія съ Карломъ XII и, взамѣнъ за уступку Москвѣ прибалтійскихъ провинцій, готовъ былъ допустить низложеніе Августа и возведеніе на престолъ Лещинскаго.

Несмотря на увеличеніе препятствій, Августъ не падалъ духомъ. Онъ подготовилъ покушеніе на жизнь Лещинскаго и послалъ въ Цвейбрукенское княжество людей, которые должны были убить его. Однако покушеніе не удалось, а вскорѣ и оказалось излишнимъ вслѣдствіе смерти Карла XII, павшаго при осадѣ норвежской крѣпости подъ Фридериксгалдемъ (1718 г.). Спустя непродолжительное время послѣ смерти Карла, Августъ добился брака своего сына, Фридриха-Августа, съ эрцгерцогинею Маріей-Іозефой, дочерью императора Іосифа I, а также заключилъ съ императоромъ и англійскимъ королемъ, въ качествѣ курфюрста гановерскаго, вѣнскій трактатъ (1719 г.), направленный противъ Москвы и Пруссіи.

Въ отвѣтъ на вѣнскій трактатъ царь при посредствѣ своего посла, Толстого, заключилъ въ Берлинѣ соглашеніе (1719 г.) съ прусскимъ королемъ, которое должно было разстроить всѣ планы Августа. Союзники обязались не допускать измѣненій въ государственномъ строѣ республики, гарантировать участь польскихъ иновѣрцевъ, не допускать утвержденія сеймомъ вѣнскаго трактата и разстроить намѣренія Августа относительно обезпеченія польской короны за его сыномъ. Обязавшись въ случаѣ надобности поддерживать оружіемъ свои требованія, союзники принялись за дѣло на варшавскомъ сеймѣ 1719 г., на которомъ Августъ намѣревался предложить ратификацію вѣнскаго трактата и добиться санкціи назначенія Флеминга начальникомъ польско-иноземныхъ войскъ. Князь Долгорукій не жалѣлъ интригъ, денегъ и обѣщаній: ему дѣятельно помогалъ въ этомъ преемникъ Кунгейма, баронъ фонъ Посадовскій. Подъ

ихъ вліяніемъ многіе послы выступили противъ вѣнскаго трактата и въ защиту прерогативъ гетманской власти: въ концѣ концовъ, сеймъ, согласно желаніямъ Долгорукаго и Посадовскаго, былъ сорванъ.

Царь торжествовалъ. Съ Швеціей онъ заключилъ въ Ништадѣ, въ Финляндіи, миръ (1721 г.), по которому получилъ обѣщанную въ началѣ сѣверной войны Августу Ливонію съ Эстоніей. Въ томъ же году онъ принялъ титулъ императора всея Россіи.

Обманувшись въ надеждахъ на превращеніе республики въ наслѣдственную монархію, Августъ не отказался отъ мысли обезпечить избраніе на польскій престолъ своего сына. Онъ старался расположить въ его пользу польскихъ пановъ и шляхту, сносился съ дворами: берлинскимъ, вѣнскимъ и петербургскимъ. Вскорѣ состоялся неблагопріятный для его плановъ бракъ дочери Станислава Лещинскаго, Маріи, съ французскимъ королемъ, Людовикомъ XV. Франція не могла сочувствовать избранію на польскій престолъ курфюрста саксонскаго, состоявшаго въ союзѣ и родствѣ съ австрійскимъ домомъ; она имѣла возможность выдвинуть противъ него другого кандидата въ лицѣ Лещинскаго. Въ виду этого Августъ искалъ сближенія съ Франціей. Онъ готовъ былъ отказаться отъ кандидатуры своего сына на польскій престолъ, если бы Франція взамѣнъ за это поддержала притязаніе королевича на наслѣдованіе австрійскаго престола, который императоръ Карлъ VI хотѣлъ, на основаніи такъ называемой прагматической санкціи, передать своей дочери, Маріи-Терезіи. Узнавъ о такихъ переговорахъ Августа съ Франціей, вѣнскій дворъ вошелъ въ соглашеніе съ Пруссіей и Россіей. Между Карломъ VI, Фридрихомъ-Вильгельмомъ и царствовавшей тогда въ Россіи императрицей Анной Іоанновной (1730—1740) заключенъ былъ союзъ, прозванный союзомъ трехъ черныхъ орловъ, имѣвшій цѣлью поддержанія прежняго внутренняго строя республики, а также недопущенія избранія на польскій престолъ кандидатовъ, не соотвѣтствовавшихъ видамъ союзниковъ. Представители черныхъ орловъ подписали (1732 г.) въ Берлинѣ соглашеніе — „пунктацію", — которымъ обязались не допускать на польскій престолъ ни Лещинскаго, какъ французскаго кандидата, ни королевича Фридриха-Августа, какъ опаснаго для союзниковъ. Они согласились поддерживать любого кандидата, лишь бы только онъ не былъ опасенъ для нихъ, и охотнѣе всего оказали бы поддержку какому-либо изъ польскихъ маг-

натовъ или Пясту. Узнавъ о подписаніи берлинской пунктаціи, Августъ прибѣгъ къ недобросовѣстной политикѣ: онъ тайно предложилъ берлинскому двору раздѣлъ республики между Пруссіей и Австріей подъ тѣмъ условіемъ, чтобы остальная часть Польши перешла въ наслѣдственное владѣніе къ его сыну. Когда еще велись эти переговоры, онъ умеръ въ Варшавѣ во время сейма, на который прибылъ изъ Саксоніи.

Примасъ, Өеодоръ Потоцкій, сынъ Павла и Елеоноры, урожденной Салтыковой, племянницы царицы, жены Алексѣя Михайловича, родился (1664 г.) въ Москвѣ во время пребыванія его отца въ плѣну. Хотя онъ состоялъ въ свойствѣ съ императорскимъ домомъ и царь Алексѣй Михайловичъ былъ даже его крестнымъ отцомъ, но онъ питалъ ненависть къ Россіи. Въ такой же степени ненавидѣлъ онъ и нѣмцевъ. Гордый, стремившійся къ возвышенію своего рода, онъ какъ по политическимъ, такъ и по своимъ личнымъ соображеніямъ хотѣлъ возвести на престолъ Лещинскаго, который, хотя и былъ тестемъ французскаго короля, долженъ былъ подчиниться вліянію Потоцкихъ и сообразоваться съ ихъ желаніями при раздачѣ староствъ и назначеніи на государственныя должности. Не на руку ему былъ союзъ черныхъ орловъ, не допускавшій кандидатуры Лещинскаго; еще больше встревожили его обстоятельства, благодаря которымъ саксонскій курфюрстъ пріобрѣлъ возможность добиваться польскаго престола. Королевичъ Фридрихъ-Августъ сейчасъ же послѣ смерти своего отца обратился въ Вѣну, изъявилъ готовность отречься отъ своихъ притязаній на австрійское наслѣдство и признать прагматическую санкцію, если императоръ поможетъ ему вступить на польскій престолъ. Въ то же время онъ обратился въ Петербургъ и взамѣнъ за поддержку въ достиженіи имъ польскаго престола изъявилъ готовность, въ случаѣ смерти престарѣлаго герцога Фердинанда, послѣдняго изъ дома Кеттлеровъ, отдать Курляндію въ ленное владѣніе фавориту императрицы Анны Іоанновны, Эрнсту Бирону. Примасъ съ цѣлью недопущенія на престолъ саксонскаго курфюрста въ универсалахъ, которыми онъ созывалъ конвокаціонный сеймъ, рекомендовалъ прежде всего исключеніе кандидатуры иностранца. Предложеніе примаса было одобрительно встрѣчено шляхетской массой; не были противъ него и сановники, какъ Өеодоръ Любомірскій, воевода краковскій, и князь Михаилъ Вишнѣвецкій, великій канцлеръ литовскій, — хотя и по эгоистическимъ мотивамъ:

зная, что сосѣднія государства не допустятъ избранія Лещинскаго, они надѣялись, посредствомъ исключенія кандидатуры иностранца, проложить дорогу къ престолу самимъ себѣ. Конвокаціонный сеймъ принялъ конституцію, предписывавшую не только сенаторамъ и посламъ, но и всей шляхтѣ по воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ дать присягу на исключеніе кандидатуры иностранца. Австрійскій посолъ Вильчекъ и русскій Левенвольде заявили, что ихъ дворы не согласятся на избраніе Лещинскаго и «воспротивятся ему силами, данными имъ Богомъ», т.-е. прибѣгнутъ къ войскамъ, стоявшимъ уже на границахъ республики. Они говорили, что императоръ и императрица исполнятъ свои обязанности, вытекавшія изъ договоровъ, возлагавшихъ на нихъ опеку надъ республикою, гарантію ея существованія, хотя на самомъ дѣлѣ ни въ одномъ дипломатическомъ актѣ съ Австріей и Россіей не было рѣчи о гарантіи. Примасъ въ универсалахъ къ сеймикамъ не придавалъ значенія опасности, грозившей со стороны черныхъ орловъ, и призывалъ шляхту къ единодушному собранію Пяста. Такимъ образомъ, вслѣдствіе стараній примаса 30,000 шляхты, собравшейся на площади Воли, объявили королемъ Лещинскаго (12 сентября 1733 г.)

Часть всеобщаго ополченія, около 6000 человѣкъ шляхты, еще до объявленія королемъ Станислава Лещинскаго удалилась на правый берегъ Вислы, подъ Прагу. Во главѣ ея стояли сторонники курфюрста, епископы: познанскій Гозіушъ и краковскій Липскій. Къ нимъ присоединились и тѣ изъ сановниковъ, которые на конвокаціонномъ сеймѣ голосовали за исключеніе иноземныхъ кандидатовъ, мечтая о королѣ для самихъ себя. Чтобы обезопасить себя отъ нападенія, они разрушили мостъ на Вислѣ и ждали прибытія русскихъ войскъ. Черезъ три недѣли послѣ избранія Лещинскаго, въ началѣ октября, подъ охраной русскаго генерала Ласси епископъ Гозіушъ провозгласилъ подъ селомъ Камнемъ избраніе Августа III. Избраніе это было привѣтствовано грохотомъ тридцати русскихъ пушекъ.

Лещинскій, встревоженный положеніемъ, занятымъ Россіей, бѣжалъ съ примасомъ и самыми видными сенаторами въ Данцигъ. Въ то время, какъ Августъ III короновался въ Краковѣ (17 января 1734 г.), генералъ Ласси занялъ Торнъ и подступилъ подъ Гданскъ, заявивъ, что пришелъ «искать враговъ своей государыни». Преемникъ Ласси, фельдмаршалъ Минихъ, пригрозилъ жителямъ Гданска, что въ случаѣ дальнѣйшаго сопротивленія разрушитъ городъ и за вину отцовъ

накажетъ дѣтей. Городъ, осажденный русскими и саксонцами, вынужденъ былъ сдаться; Лещинскій бѣжалъ въ Кёнигсберъ (Королевецъ) подъ защиту прусскаго короля. Овладѣвъ Гданскомъ, Минихъ арестовалъ оказавшихся здѣсь сенаторовъ; нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ помѣстилъ подъ стражей въ мѣстномъ іезуитскомъ монастырѣ, другихъ же увезъ въ Оливу, куда для принятія отъ нихъ присяги прибылъ изъ Дрездена Августъ III. Многіе уступили, но примасъ отказался подписать актъ изъявленія покорности.

Проживавшій въ Кёнигсбергѣ Лещинскій разсчитывалъ на симпатіи народа и помощь Людовика XV. Въ защиту его въ воеводствахъ, земляхъ и повѣтахъ возникали конфедераціи, которыя объединились въ Дзиковѣ въ генеральную конфедерацію (1734 г.) подъ главенствомъ старосты ясельскаго, Адама Тарлы. Однако эта конфедерація больше занималась дипломатіей, чѣмъ вела борьбу, больше надѣялась на постороннюю помощь, чѣмъ на свои собственныя силы. Надежды короля Станислава обманулъ и зять его, Людовикъ XV. Франція объявила императору войну, но она имѣла въ виду не столько интересы Лещинскаго, какъ свои собственные. Во владѣнія императора вторглись двѣ французскія арміи: одна черезъ Рейнъ, другая же черезъ Альпы; однако, вмѣсто того, чтобы направиться къ Саксоніи и подать помощь Лещинскому, онѣ занимали пограничныя провинціи, которыми Франція стремилась овладѣть. Отправленная въ Гданскъ эскадра изъ нѣсколькихъ судовъ съ экипажемъ въ 1,500 человѣкъ бѣжала передъ выстрѣлами русскихъ и саксонскихъ пушекъ, не оказавъ рѣшительно никакого вліянія на ходъ событій. Наконецъ Людовикъ XV заключилъ съ императоромъ вѣнскій трактатъ (1735 г.), которымъ обязался склонить Лещинскаго къ отреченію отъ престола взамѣнъ за уступку ему въ пожизненное владѣніе Лотарингіи и Бара, которыя послѣ смерти короля имѣли быть присоединены къ Франціи. Такимъ образомъ, Августъ III, благодаря поддержкѣ 70,000 арміи русской императрицы утвердился на польскомъ престолѣ, а вмѣстѣ съ нимъ утвердилось въ Польшѣ и русское вліяніе. Созванный въ 1736 г. примирительный сеймъ заплатилъ за русское вмѣшательство конституціей, предоставившей королю право распоряжаться инвеститурой курляндскихъ герцоговъ послѣ смерти послѣдняго Кеттлера. Это было выполненіемъ договора, заключеннаго между Августомъ и петербургскимъ дворомъ, отказомъ отъ Курляндіи въ пользу Россіи.

Въ періодъ господства государственныхъ чиновъ, республика понесла огромныя утраты: территорія ея уменьшилась, она утратила политическое вліяніе и испытала послѣдствія вмѣшательства иностранныхъ державъ.

Въ борьбѣ съ сосѣдями республика лишилась въ пользу Россіи: Смоленска, Чернигова, лѣвобережной Украины и Кіева: въ пользу Швеціи—Ливоніи на правомъ берегу Двины; она утратила верховную власть надъ Молдавіей и Валахіей, а также Прусскимъ княжествомъ. Изъ всѣхъ территоріальныхъ утратъ лишь одна была впослѣдствіи возвращена, а именно, понесенная по бучачскому договору, но и то больше благодаря вліяніямъ европейской дипломатіи, чѣмъ дѣятельности самой республики. На счетъ республики усилилась Россія, Швеція и Турція; къ ущербу для нея ленникъ ея, князь прусскій, достигъ королевскаго достоинства.

Республика не принимала участія въ тридцатилѣтней войнѣ и не имѣла также вліянія на установленіе новыхъ политическихъ отношеній въ Европѣ во время переговоровъ въ Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ, закончившихся Вестфальскимъ миромъ (1648 г.). Истощенная нашествіями сосѣдей, она сносила грабительства и оскорбленія со стороны мелкаго князька, еще недавно бывшаго ея вассаломъ. Во время междуцарствія послѣ смерти Яна-Казиміра курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ вторгся въ драгимское староство (въ познанскомъ воеводствѣ), служившее обезпеченіемъ возврата денежной суммы, которую была должна ему республика: онъ занялъ своимъ войскомъ это староство и присоединилъ его къ Бранденбургу. Этотъ же курфюрстъ оскорбилъ достоинство республики насиліемъ, совершеннымъ имъ надъ Христіаномъ-Людвикомъ Калькштейнъ-Столинскомъ, искавшемъ покровительства у Польши. Калькштейнъ, прусскій дворянинъ, принадлежалъ къ партіи, недовольной велявскимъ трактатомъ, и стремился къ возстановленію верховной власти республики въ Прусскомъ княжествѣ. Опасаясь тюремнаго заключенія, онъ бѣжалъ изъ Пруссіи въ Варшаву. Прусскій резидентъ въ Варшавѣ, Брандтъ, хитростью схватилъ Калькштейна и выдалъ его курфюрстру, который не хотѣлъ вернуть республикѣ плѣнника, захваченнаго вопреки международному праву, и велѣлъ казнить его. Безсильная республика не въ состояніи была отомстить за нанесенное ей оскорбленіе: она терпѣла даже присутствіе въ Варшавѣ непосредственнаго виновника этого насилія, Брандта. Преемникъ Фридриха-Вильгельма, курфюрстъ Фридрихъ III въ

началѣ царствованія Августа II занялъ Эльблонгъ, оправдывая свой захватъ неотдачею ему денежной суммы, которую республика осталась должна его предшественнику по бидгощскому договору.

На территоріи республики сталкивались иноземныя вліянія, главнымъ образомъ, Франціи и Австріи, боровшихся другъ съ другомъ за гегемонію въ Европѣ. Первоначально преобладала Франція, подъ вліяніемъ которой были заключены перемирія: альтмаркское и штумдорфское, а также оливскій миръ; по смерти же королевы Людвики-Маріи, главной агентки версальскаго двора, взяло верхъ австрійское вліяніе. Французское вліяніе привлекало республику къ участію въ великой политической борьбѣ во время тридцатилѣтней войны, а въ результатѣ привело ее лишь къ внутреннимъ раздорамъ, плодомъ которыхъ было кровопролитіе подъ Монтвами. Результатомъ австрійскаго вліянія была слава польскаго оружія въ войнахъ съ Турціей, однако безъ всякой пользы для республики. Политика приключеній Августа II навлекла на Польшу во время сѣверной войны нашествіе шведовъ и вмѣшательство Москвы, которое увѣнчалось тѣмъ, что Москва продиктовала Польшѣ законы на нѣмомъ сеймѣ. Съ той минуты, какъ Петръ Великій взялъ на себя роль посредника между тарногродской конфедераціей и Августомъ II, республика фактически подпала матеріальному преобладанію Москвы. Вліянія Франціи и Австріи эксплуатировали республику въ интересахъ политическихъ стремленій этихъ странъ; московское же вліяніе клонилось къ покоренію дезорганизованнаго и ослабленнаго польскаго государства.

Избираемость королей разбивала народъ на партіи, навлекала на страну грозу междоусобной войны. Послѣдствіями ея были рокоши: Зебржидовскаго и Любомірскаго, а также враждебныя другъ другу конфедераціи: голомбская и щебржешинская, сандомірская и великопольская. Пагубное вліяніе избираемости королей сказывалось не только во время междуцарствій, ввергавшихъ республику въ анархію: оно отражалось на всей судьбѣ государства, которое партіи приносили въ жертву своимъ собственнымъ интересамъ и иноземнымъ вліяніямъ. Pacta conventa, бывшія непосредственнымъ слѣдствіемъ избирательности престола, лишали короля, единственный центральный органъ правительства республики, тѣхъ прерогативъ, которыя безусловно необходимы для поддержанія въ государствѣ внутренняго единства и силы.

Утратилъ значеніе и центральный органъ законодательной власти, сеймъ, въ особенности съ половины XVII вѣка, когда установился обычай срыванія сеймовъ посредствомъ *liberum veto* даже отдѣльныхъ пословъ. Сеймы расходились и въ прежнія времена—вслѣдствіе предъявленія протеста нѣсколькими послами или за истеченіемъ срока, установленнаго закономъ для совѣщаній; но съ 1652 г. сеймы срываютъ и отдѣльныя лица. Въ концѣ засѣданія чрезвычайнаго сейма 1652 г., собравшагося для утвержденія бѣлоцерковскаго договора и изысканія на всякій случай средствъ для дальнѣйшей борьбы съ Хмельницкимъ, упитскій посолъ, Сицинскій, вышелъ изъ палаты, заявивъ, что засѣданія сейма незаконны за истеченіемъ двухнедѣльнаго срока. Такое *veto* одного лишь посла палата признала пріостанавливающимъ дѣеспособность сейма и, когда Сицинскій не вернулся, маршалъ закрылъ засѣданія. Общественное мнѣніе осудило Сицинскаго, но не предотвратило гибельнаго примѣра, который нашелъ подражателей въ дальнѣйшее время. Съ 1652 по 1733 г. разошлось двадцать шесть сеймовъ*), тринадцать изъ которыхъ были сорваны единичными послами. Нѣкоторые сеймы (1688, 1694, 1720, 1730 и 1732 гг.) разошлись еще до избранія маршала.

Авторитетъ законодательной власти сеймовъ, какъ и вообще всякой правительственной власти подрывали сеймики, которые съ половины XVII вѣка стали самостоятельными органами, пользовавшимися широкими правами въ законодательной, административной и судебной областяхъ.

Предсеймовые сеймики не только предписывали посламъ въ наказахъ не соглашаться на принятіе сеймомъ опредѣленныхъ постановленій, но и требовали, чтобы они въ опредѣленныхъ случаяхъ задерживали ходъ дѣлъ на сеймѣ. Связанный наказомъ посолъ, если только сеймъ не удовлетворялъ желаніямъ его избирателей, задерживалъ дебаты или даже срывалъ сеймъ. Основнымъ источникомъ срыванія сеймовъ были сеймиковые наказы, дававшіе посламъ категорическія предписанія. Иногда сеймики обязывали пословъ «переносить къ братьямъ» опредѣленныя дѣла т. е., передавать ихъ на окончательное рѣшеніе избирателей. Въ такомъ случаѣ сеймики становились независимыми законодательными корпораціями, присвоившими себѣ право принимать окончательныя постановленія: они ста-

*) Слѣдующихъ годовъ: 1654, 1664, 1665, 1666, 1669 (коронаціонный), 1670, два сейма 1672, 1680, 1681, 1688, 1689, два с. 1693, 1694, 1696 (конвокаціонный), 1698, два с. 1701, 1719, 1720, 1722, 1729, 1730, 1732, и 1733.

новились выше центральнаго органа законодательной власти. Такую роль играли обыкновенно реляціонные сеймики. Въ подобныхъ случаяхъ сеймъ, не имѣя возможности согласовать разнородныя и часто противорѣчивыя требованія сеймиковъ, вмѣсто того, чтобы заниматься общегосударственными вопросами, тратилъ время на примиреніе частныхъ требованій.

Сеймики въ силу необходимости вступали въ права бездѣйствовавшаго центральнаго, органа законодательной власти, такъ какъ сеймы часто срывались или расходились, не принявъ никакихъ постановленій. Въ случаѣ явной опасности, которой не могъ устранить сеймъ, король приглашалъ обсудить средства для устраненія ея реляціонные сеймики. Главными предметами обсужденій здѣсь были финансовыя и военныя дѣла, по которымъ сеймикъ принималъ такъ называемыя *lauda* т.-е., постановленія, имѣвшія обязательную силу для даннаго воеводства, земли или повѣта. Онъ установлялъ налоги, назначалъ ихъ сборщиковъ, организовывалъ кассу воеводства, которую пересылалъ въ мѣсто, указанное королемъ, или распоряжался ею по собственному усмотрѣнію. Въ случаѣ надобности онъ поставлялъ военные отряды, которые назывались повѣтовыми солдатами, назначалъ ихъ ротмистровъ и разсчитывался съ ними. Во время всеобщаго ополченія онъ изыскивалъ средства для охраны безопасности воеводства. Со времени нѣмого сейма финансовыя и военныя функціи реляціонныхъ сеймиковъ перешли къ установленнымъ тогда, такъ называемымъ, хозяйственнымъ сеймикамъ, собиравшимся въ воеводствахъ, земляхъ и повѣтахъ ежегодно. Въ виду такихъ правъ сеймиковъ власть подскарбія и великаго гетмана отошла на второй планъ.

Сеймики пользовались и судебной властью: косвенно въ земскихъ и подкоморскихъ судахъ посредствомъ избранія кандидатовъ на пожизненныя должности: судій, подсудковъ, земскихъ писарей и подкоморіевъ; непосредственно — въ трибуналахъ, въ которые они посылали депутатовъ, не подлежавшихъ утвержденію со стороны королевской власти. Непосредственное участіе въ судебной дѣятельности сеймикъ принималъ также въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ, напр., во время междуцарствія, когда прекращалась дѣятельность регулярныхъ судовъ. Въ такихъ случаяхъ онъ избиралъ депутатовъ, которые составляли каптуровый судъ, ограничивавшій власть старостъ.

Сеймики, забравшіе въ свои руки законодательство, адми-

нистрацію и судъ, подорвали авторитетъ центральныхъ органовъ, раздробили республику на самостоятельныя группы, которыя дѣйствовали независимо одна отъ другой, руководясь лишь своими частными потребностями и не сообразуясь съ общегосударственными интересами. Доведенная до крайности децентрализація разбила единство государственныхъ силъ, лишила республику крѣпкаго правительства и отдала ее на расхищеніе можновладцевъ и иностранныхъ государствъ.

Сосѣднія государства достаточно понимали, какія выгоды они могутъ извлечь изъ избирательности престола, liberum veto и сеймиковой дезентрализаціи: берлинскими соглашеніями 1719 и 1732 гг. они обязались наблюдать за неизмѣнностью государственнаго строя республики.

Кромѣ паденія авторитета центральныхъ органовъ государственной власти, республику ослабляли и послѣдствія религіознаго гнета.

Обходя не-католиковъ при назначеніяхъ на высшія государственныя должности и раздачахъ старостствъ, короли нарушали варшавскую генеральную конфедерацію 1573 г., гарантировавшую равноправность вѣроисповѣданій. Подъ названіемъ «диссидентовъ», означавшемъ первоначально просто христіанъ различныхъ исповѣданій, стали понимать только не-католиковъ: лютеранъ, кальвинистовъ и дизунитовъ,—за исключеніемъ аріянъ.

Конвокаціонные сеймы со временъ Сигизмунда III до 1674 г. гарантировали диссидентамъ миръ и безопасность, но воспрещали имъ сооружать новые храмы; въ Мазовіи, согласно эдикту князя Януша 1525 г., они дозволяли совершать не-католическое богослуженіе только въ частныхъ жилищахъ, да и то безъ проповѣдей и пѣнія. Аріане, исключенные изъ числа диссидентовъ, въ царствованіе Владислава IV были лишены права участвовать въ обсужденіи государственныхъ дѣлъ, занимать государственныя должности, а также пріобрѣтать земельныя владѣнія. Сеймъ 1658 г. распространилъ на нихъ велюнскій эдиктъ, изданный Владиславомъ-Ягеллою противъ гуситовъ. (См. 77 стр.) Примѣненіе къ нимъ наказанія, установленнаго этимъ эдиктомъ, было пріостановлено на два года, втеченіе которыхъ имъ предписывалось продать свои владѣнія и выселиться за границу. Этотъ суровый законъ былъ впослѣдствіи распространенъ и на католиковъ, женатыхъ на аріанкахъ, воспитывавшихъ дѣтей въ еретическихъ заблужденіяхъ или поддерживавшихъ письменныя сношенія съ от-

щепенцами. Къ аріанамъ приравняли квакеровъ, менонитовъ и анабаптистовъ, а также тѣхъ лицъ, которыя бы оставили римско-католическое или греко-уніатское исповѣданіе. Одного шляхтича изъ брестъ-литовскаго воеводства, Казиміра Лыщинскаго, обвиненнаго въ атеизмѣ, сеймъ 1689 г. присудилъ къ вырыванію языка, отсѣченію руки, смертной казни и сожженію на кострѣ. Варшавскій трактатъ и нѣмой сеймъ предписали разрушить диссидентскіе храмы, сооруженные послѣ 1674 г. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ храмовъ не было, диссиденты имѣли право совершать свое богослуженіе только въ частныхъ жилищахъ безъ проповѣдей и пѣній. Нарушители этого закона подвергались въ первый разъ денежному штрафу, затѣмъ, тюремному заключенію и, наконецъ, изгнанію. Велюнскаго посла, кальвиниста Пётровскаго, гродненскій сеймъ 1718 г., по предложенію виленскаго официала, свящ. Анцуты, лишилъ права голоса. Съ тѣхъ поръ диссиденты лишены были права участвовать въ засѣданіяхъ сейма. Наконецъ, конвокаціонный сеймъ 1733 г. принялъ конституцію, воспретившую диссидентамъ не только исполнять обязанности пословъ, но также засѣдать въ трибуналахъ и занимать гражданскія должности. Диссидентская шляхта, лишенная политическихъ правъ, приниженная до положенія управляемаго класса, превратилась въ массу недовольныхъ, готовыхъ просить у иностранныхъ государствъ помощи для возстановленія своихъ прерогативъ.

Сосѣднія государства рады были установленію анархіи въ республикѣ вслѣдствіе религіозныхъ раздоровъ. Тотъ же Петръ, съ согласія котораго были введены ограниченія, установленныя варшавскимъ трактатомъ, обязался берлинскимъ соглашеніемъ 1719 г. вмѣстѣ съ прусскимъ королемъ обезпечить участь польскихъ иновѣрцевъ. Республика также едва избѣжала послѣдствій иностраннаго вмѣшательства по случаю торнскаго дѣла 1724 г. Вслѣдствіе побоищъ, устраивавшихся на улицахъ католической учащейся молодежью диссиденты учинили расправу надъ іезуитами, какъ главными гонителями протестантства. Произведя нападеніе на іезуитскую коллегію, они сложили костеръ изъ иконъ, мебели и различныхъ вещей коллегіи и сожгли его. Іезуиты возбудили противъ нихъ преслѣдованіе за насиліе и святотатство. Августъ II назначилъ слѣдственную комиссію; очередный варшавскій сеймъ потребовалъ допущенія нѣсколькихъ пословъ къ участію съ правомъ голоса въ засѣданіяхъ ассесорскаго суда по этому дѣлу. Ассесорскій декретъ приговорилъ бурго-

мистра Рёснера и девять мѣщанъ къ обезглавленію, а болѣе десяти человѣкъ къ тюремному заключенію или денежному штрафу, предписалъ отдать протестантскую церковь бернардинцамъ, закрыть лютеранскія школы въ торнскомъ округѣ, подчинить типографіи духовной цензурѣ и т. д. Исполненіе этого приговора, несмотря на заступничество за жителей Торна императора Петра и прусскаго короля, возмутило всю Европу. Протестантскіе дворы, усматривая въ ассесорскомъ декретѣ нарушеніе условій оливскаго трактата, гарантировавшаго диссидентамъ безопасность и спокойствіе, начали дипломатическіе переговоры. Прусскій и русскій послы заявили, что если республика не дастъ удовлетворенія, ихъ государства прибѣгнутъ къ военной силѣ противъ нея. Положеніе становилось опаснымъ, но смерть императора Петра уменьшила требованіе дворовъ и устранила опасность.

Шляхта, хотя и испытала послѣдствія невзгодъ, какія навлекали на республику извращенія ея организаціи и религіозная нетерпимость, но проникнутая сословнымъ эгоизмомъ и мракобѣсіемъ считала пагубныя установленія оплотомъ свободы, а въ преслѣдованіи иновѣрцевъ видѣла требованіе католической совѣсти. Умственный мракъ, созданный католической реакціей послѣ подавленія реформаціи, не позволялъ замѣтить источникъ зла и, такимъ образомъ, предотвратить отъ народа бѣдствія.

Основою обученія въ школахъ была схоластическая философія, служившая, главнымъ образомъ, для рѣшенія богословскихъ вопросовъ. Составныя части ея:—логика или наука вести отвлеченныя разсужденія, физика, трактовавшая о свойствахъ, причинахъ и слѣдствіяхъ физическихъ явленій, этика, излагавшая житейскія и нравственныя предписанія,—занимались рѣшеніемъ сумбурныхъ вопросовъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ жизни. Астрологія, разрабатывавшаяся въ академіяхъ, обращала мысль человѣка къ предсказаніямъ будущаго. Оставивъ школьную скамью, человѣкъ вынужденъ былъ оріентироваться среди окружавшихъ его явленій при помощи лишь нѣсколькихъ философскихъ положеній и астрологическихъ бредней. Онъ объяснялъ себѣ все съ богословской точки зрѣнія. Въ кометахъ, затменіяхъ и другихъ явленіяхъ природы онъ видѣлъ предвѣщаніе катастрофъ и благопріятныхъ событій. Каждый фактъ общаго или частнаго характера, крупный или мелкій, имѣлъ въ концѣ концовъ сверхъестественное происхожденіе. Въ судьбѣ народа всегда и

вездѣ видѣли непосредственное вліяніе Господа-Бога, Божьей Матери или святыхъ. Какъ благопріятныя событія считали актами милости Божьей, такъ и въ невзгодахъ видѣли наказаніе, посланное Богомъ за грѣхи. Кромѣ Бога, царствующаго надъ міромъ, на судьбу человѣка оказывали вліяніе злые духи, посылавшіе несчастья и неудачи при посредствѣ колдовства, чаръ и т. п.

Заподозрѣнныхъ въ колдовствѣ и сношеніяхъ съ дьяволами, привлекали къ суду, пытали, приговаривали къ смертной казни — чаще всего посредствомъ сожженія на перекресткахъ дорогъ: для смягченія гнѣва Божія прибѣгали къ молитвамъ и эпитиміямъ. Обществомъ руководило духовенство и въ особенности монахи, число которыхъ въ XVII столѣтіи увеличилось до чрезвычайной степени: въ разныхъ мѣстахъ страны было около 600 монастырей. Монахи учреждали братства; въ исповѣдальняхъ и съ церковной каѳедры, въ монастырскихъ кельяхъ и во время странствованій за сборами они призывали къ покаянію, религіознымъ упражненіямъ и паломничествамъ. Нераскаяннымъ грѣшникамъ они грозили лишеніемъ причастія, христіанскаго погребенія и проклятіемъ. Вслѣдствіе всего этого общество съ увлеченіемъ предавалось религіознымъ упражненіямъ и набожности. Болѣе состоятельные люди совершали паломничества въ Лоретъ, Ассизъ, Римъ, Падую и Іерусалимъ; менѣе же состоятельные искали утѣшенія въ церквахъ, славившихся своими чудотворными иконами и мощами святыхъ. Благочестивые родители рады были, если дѣти ихъ поступали въ духовное сословіе, и сами подъ старость часто поселялись въ монастыряхъ.

Религіозному вліянію подпала и литература. Церковный духъ сказался въ тысячахъ панегириковъ, горахъ проповѣдей и безчисленномъ множествѣ житій святыхъ. Самые выдающіеся таланты тѣхъ временъ не могли освободиться отъ его вліянія. Календари, единственныя книги, кромѣ молитвенниковъ, распространеныя въ болѣе широкихъ кругахъ, поддерживали суевѣрія и предразсудки. Авторы ихъ, обыкновенно профессора академіи, писали о тяжелыхъ дняхъ, климактерическихъ годахъ, разсуждали о вліяніи планетъ на здоровье и жизнь человѣка; предсказывали будущее по кометамъ и затменіямъ.

Въ умственномъ движеніи запада Польша не принимала участія и даже не усваивала важнѣйшихъ изъ его пріобрѣтеній. Ей были чужды какъ великія открытія въ области астро-

номіи и экспериментальной физики—Кеплера, Галилея, Ньютона, Паскаля, Торричелли, такъ и философскія идеи Бекона, Декарта, Локка, Лейбница. Умственный мракъ не позволялъ народу видѣть опасность его положенія. Люди, болѣе критически относившіеся къ общественнымъ дѣламъ, должны были скрывать свои мысли изъ страха навлечь на себя обвиненіе въ ереси или посягательствахъ на шляхетскія вольности. Станиславъ Дунинъ-Карвицкій не имѣлъ мужества напечатать свой трактатъ объ устроеніи республики (*„De ordinanda republica“*), содержавшій много реформаторскихъ мыслей. Не зная причинъ зла и средствъ для его устраненія, народъ шелъ къ гибели.

VII.

Попытки реформъ и паденіе республики.

Навязанный Польшѣ Россіей и Австріей *Августъ III* (1736—1763) былъ ограниченнымъ и апатичнымъ тунеядцемъ. Время, остававшееся у него отъ охоты, онъ проводилъ въ бездѣльи, развлекаясь разрѣзываніемъ ножницами бумаги или стрѣльбою въ собакъ, которыхъ сгоняли подъ окна королевскаго дворца. Онъ не имѣлъ влеченія къ разврату, которымъ отличался его отецъ, но не обладалъ также энергіей и политической предпріимчивостью своего отца. Въ государственныхъ дѣлахъ онъ во всемъ полагался на своихъ саксонскихъ министровъ: въ началѣ на князя германской имперіи, Александра Сулковскаго, а впослѣдствіи на ограниченнаго и алчнаго карьериста, Генриха Брюля. Единственной системой Августа III было подчиненіе Россіи, штыкамъ которой онъ, главнымъ образомъ, и былъ обязанъ короною. Эта система сказалась въ курляндскихъ дѣлахъ.

По смерти послѣдняго представителя рода Кеттлеровъ, герцога Фердинанда († 1737), императрица Анна послала въ Митаву нѣсколько тысячъ русскаго войска для водворенія въ Курляндіи своего фаворита, Эрнста Бирона. Подъ страхомъ штыковъ войскъ императрицы, курляндцы избрали въ герцоги Бирона, котораго Августъ III утвердилъ, разрѣшивъ ему имѣть свою резиденцію въ Петербургѣ. Въ царствованіе малолѣтняго императора Іоанна Антоновича, мать его, правительница Анна Леопольдовна, сослала Бирона въ Сибирь, курляндцамъ же навязала въ герцоги брата своего мужа, Людвика-Эрнста Брауншвейгскаго. Раньше, чѣмъ Августъ III успѣлъ утвердить новаго герцога, въ Петербургѣ произошелъ дворцовый пере-

я должна признаться, что въ формѣ, которая къ вамъ такъ идетъ, я немножко видѣла побѣдителя пирамидъ!

— Вы достойны быть француженкой, сударыня, сказалъ Каванонъ, и я пью за ваше здоровье!

Она любовалась мужественной, широкоплечей фигурой Каванона, его сангвиническимъ лицомъ, обросшимъ густой бородой, и его страстными взглядами. Герикуръ ожидалъ, что Августинъ разсердится, но адъютантъ штаба, казалось, былъ очень доволенъ, что его пріятельницѣ такъ нравились красивые, храбрые мужчины.

Скрывая рукой не то улыбку, не то желаніе зѣвнуть, Мальвина слушала разглагольствованія капитана-меланхолика и непреложныя истины Грелу, старавшагося разрушить ея очарованіе императоромъ: — Если армія Мака разбита при Ульмѣ, то Бонапарте обязанъ этимъ исключительно неподражаемой смѣлости дивизіи Дюпона; шесть тысячъ человѣкъ удерживали, а потомъ отбросили двадцать пять тысячъ къ цитадели. Безъ этого подвига австрійская армія вся бы спокойно оставила свои позиціи, отрѣзала бы наши сообщенія и напала бы на нашъ флангъ. И виной этого пораженія была бы единственно грубая ошибка императора. Дюпонъ исправилъ эту ошибку, совершивъ чудеса храбрости и геніальности. А Наполеонъ даже не упомянулъ о немъ *въ приказѣ по великой арміи...* потому-что его императорскій престижъ сильно бы пострадалъ отъ этого.

— Виноватъ Мюратъ, послышался чей то протестъ.

— Мюратъ исполнялъ только его приказанія!

— Довольно, сударь, не горячись, остановилъ молодого Грелу осторожный полковникъ. У императора своя звѣзда.

Мальвина подошла къ Бернарду, немножко холодная сдержанность котораго стѣсняла ее. Она стала хвалить его мундиръ. Августинъ увлекъ гостей на другой конецъ комнаты.

— Вы очень недовольны женитьбой вашего брата, спросила она.

— Нисколько.

— Какого рода женщину вы желали бы ему въ жены?

— Ту, которая ему понравится и которая согласится выйти за него замужъ.

— Да развѣ найдется такая женщина, которая не согласится? Будущность его блестяща; разумъ у него какъ у зрѣлаго мужчины; семья его принадлежитъ къ лучшему обществу, я сужу по полковнику, его сыну и васъ.

— Сударыня...

— Да, да, у васъ благородная осанка... Вамъ можно повиноваться, не разсуждая. Вы можете приказывать только великія вещи.

Такъ она продолжала ему льстить, говоря о Виргиніи, которую знала за глупую и вѣчно больную женщину, объ Авреліи, которую знала по наслышкѣ, но могла судить о ней какъ о сестрѣ маіора, такъ духовно сроднившейся съ нимъ, что у ихъ дѣтей были даже одинаковые глаза.

— Въ васъ виденъ сильный характеръ, продолжала она... и это большое счастье для меня, что вашъ братъ познакомилъ насъ съ вами.

Бернардъ поддавался очарованію этого немножко глухого голоса и обаянію этого свѣжаго, молодого, благоуханнаго тѣла.

Мальвина знала, что братья—моряки водили свои корабли по всѣмъ частямъ свѣта. Она желала, чтобы они ознакомились съ ея дѣлами на Суматрѣ. И Каролина, если онѣ подружатся, можетъ помочь ей въ управленіи ея состояніемъ. При этомъ, она разсказала много смѣшныхъ исторій о явайской и малайской любви.

ГЛАВА XIV.

Мальвина, дѣйствительно, догнала въ своей коляскѣ полкъ, направлявшійся по знаменитымъ лѣсамъ Гогенлидена къ берегамъ Инна на встрѣчу Кутузова и русскихъ. Мюратъ командовалъ авангардомъ, драгунами и кирасирами Готпуля и гренадерами Удино. Корпусъ Ланна служилъ имъ поддержкой, Коляска оливковаго цвѣта, запряженная двумя мекленбургскими лошадьми съ бубенчиками на шеѣ, катилась за войсками на своихъ высокихъ колесахъ

Бернардъ былъ странно пораженъ, что на первой же остановкѣ Мальвина послѣдовала за Августиномъ въ корпусѣ Леона де Брюнау, а ему Бернарду только крѣпко пожала руку. Онъ думалъ, что она влюблена въ него до такой степени, что откажется отъ замужества, не желая съ нимъ разставаться. По крайней мѣрѣ въ минуту ея ранняго утренняго отъѣзда онъ убѣдился, что эта надежда неясно коренилась въ его головѣ и что его разочарованіе было велико. Кокетка, посмѣиваясь въ свой большой голубого бархата капоръ, поправляла на ногахъ складки своего коричневаго дорожнаго бурнуса и

опускала нарукавники на свои зеленыя перчатки. Кучеръ оправился и ожидалъ, когда захлопнется дверца кареты. Молодая женщина громко засмѣялась. Бернардъ все еще надѣялся услышать хотя слово объясненія этого лукаваго смѣха, но въ эту минуту Августинъ закричалъ кучеру: «пошелъ!» и Бернардъ долженъ былъ отскочить въ сторону, чтобы колеса экипажа не проѣхали ему по ногамъ.

— До свиданья, братъ. Желаю успѣха твоему знамени! — крикнулъ съ ироніей юноша.

А она ни слова, ни жеста, ни даже прощальнаго взгляда въ наружное четырехугольное стекло кареты подъ привязаннымъ на рессорахъ чемоданомъ. Все быстро исчезло за послѣднимъ домомъ деревни.

«Какъ, говорилъ себѣ Бернардъ, я страдаю, мое сердце такъ сильно бьется? Къ чорту бездѣльницу! Еще не доставало, чтобы я влюбился, какъ мальчишка». Онъ вернулся въ лагерь въ моментъ всеобщаго пробужденія. Офицеры встрѣчались на порогахъ домишекъ и жаловались на крысъ, недававшихъ имъ всю ночь покоя. Другіе подвязывали портупеи. На лужайкѣ драгуны доканчивали свой туалетъ, стоя передъ огнями бивуаковъ. Нѣкоторые чистили ножны сабель; другіе причесывались: иные наблюдали за похлебкой, кипѣвшей въ котлахъ; одна группа въ полотняныхъ чулкахъ и туфляхъ, задрапировавшись въ плащи и съ обнаженными головами, обмакивала хлѣбъ въ водку, предназначенную для раздачи, между тѣмъ, какъ большинство, зарывшись въ солому, не рѣшалось встать съ этого ложа и съ грустью смотрѣло на свои грязныя ботфорты и сырое оружіе, которое еще надо было вычистить.

Это бездѣльничанье еще усилило ярость маіора. Мало того, что братъ его подсмѣялся надъ нимъ, что онъ самъ наканунѣ написалъ Виргиніи и Каролинѣ массу нелѣпыхъ похвалъ невѣстѣ Августина и совѣтовалъ имъ радоваться браку его съ голландской авантюристкой, — нѣтъ, еще нужно было, чтобы эти люди своимъ тупоуміемъ и неряшествомъ сдѣлали его полкъ посмѣшищемъ всѣхъ. Герикуръ бросился на нихъ съ бранью и угрозами: «они не стоятъ нести службы въ славной арміи. Ничто значитъ не трогаетъ ихъ, ни великій долгъ, ни воспоминаніе о Гогенлинденѣ?»

Онъ разбросалъ въ стороны головни бивуачныхъ огней и это его немножко облегчило, точно онъ уничтожилъ также и тяготѣвшій надъ нимъ злой жребій. Насмѣшливыя лица брата

и лукавой его невѣсты носились передъ его глазами, пока онъ торопилъ солдатъ, сидѣвшихъ на соломѣ и натягивавшихъ лосины. Нѣкоторые послушно и быстро одѣвали зеленые мундиры или застегивали ворота. Тогда майоръ вдругъ смягчился: внезапно вспомнилъ о своей Виргиніи, — доброй любящей женѣ, которая можетъ быть тоже его обманываетъ...

Это было бы справедливое возмездіе. Но всетаки онъ считалъ ее неспособной на измѣну въ то время, когда онъ рискуетъ своей жизнью на войнѣ въ погонѣ за славой. Нѣтъ, вѣрная дочь полковника Лирисса была неспособна на такое паденіе. И Герикуръ жалѣлъ ее за это чистосердечіе, называлъ себя негодяемъ; говорилъ себѣ, что онъ измѣнилъ своей добродѣтели, своему «характеру», всему, чего отецъ его ожидалъ отъ него. И воспоминаніе о покойномъ опять завладѣло имъ съ прежней силой. Да, старикъ имѣлъ справедливыя причины къ смертельному отчаянію. Онъ предвидѣлъ.

Бернардъ продолжалъ свой гнѣвный обходъ бивуака: и люди вставали при его появленіи, быстро натягивали на себя свои кожаные жилеты, зеленые съ краснымъ мундиры. Вездѣ складывали багажъ. Нѣкоторые солдаты бѣжали неся на головѣ сѣдло, чепракъ и чемоданъ. Онъ пошелъ за ними. Около лошадей была страшная суматоха. Люди поспѣшно обмывали лоснящуюся шерсть животныхъ. Вся привязанность этихъ людей сосредоточилась на ихъ лошадяхъ. Не имѣя семьи и надежныхъ радостей, они ухаживали за животными, быстрота и сила которыхъ можетъ избавить ихъ отъ смерти.

Несмотря на всю эту сумятицу, весь полкъ скоро выстроился эскадронами по опушкѣ лѣса и своею прекрасной выправкой утѣшилъ майора за недавнее униженіе. Вычищенные, блестящіе драгуны выстроились въ три линіи красныхъ загорѣлыхъ лицъ и сверкающихъ касокъ.

При звукахъ трубъ три колонны тронулись по германскому лѣсу. Красноватый коверъ травы заглушалъ топотъ ихъ лошадей, слышался только шорохъ листьевъ. Герикуръ почувствовалъ всю мощь окружавшей его арміи. Развѣ онъ не способенъ совершить геройскіе подвиги и вернуться затѣмъ къ Мальвинѣ и Августину, раньше времени презиравшихъ его.

Ему вспомнились опять ихъ насмѣшливыя слова. Онъ завидовалъ своему брату, который въ его ненависти къ интриганамъ занялъ мѣсто Наполеона, обратившагося какъ бы въ стихійную силу, которой нужно покоряться изъ страха быть смѣшнымъ. Августинъ повидимому шелъ тѣмъ же путемъ, хотя

не имѣя на себѣ гигантской печати фатализма. Его женитьба на богатой авантюристкѣ, которая была старше его, съ цѣлью увеличить состоянie семьи и свою часть; то, что онъ продалъ свою молодость, свою красоту этой женщинѣ, то что онъ сумѣлъ ужиться адьютантомъ въ средѣ, гдѣ только интриги ведутъ къ повышенiю, — все это казалось Бернарду повторенiемъ маневровъ Бонапарта. Такъ зачѣмъ же ему, Бернарду, считать себя ниже брата? Отчего бы ему не удовлетвориться честью? Онъ страдалъ, что не могъ искренно отвѣтить себѣ на эти вопросы. Нѣкоторое время онъ даже думалъ изучить прiемы интриги. Но онъ наталкивался постоянно на свое полное незнанiе въ этомъ отношенiи. Въ другiя минуты онъ вооружался противъ соблазна, онъ предчувствовалъ сѣренькую жизнь, исполненную нравственной гордости, которая не удовлетворяла его стремленiй къ славѣ и богатству. Безсилiе его рѣшиться на что-нибудь, приводило его въ бѣшенство. Онъ могъ добиться побѣды только героизмомъ долга. Притомъ лучшiй полкъ армiи былъ къ его услугамъ. Около себя онъ видѣлъ посредственность Питуэта, пропитаннаго географическими знанiями, грусть элегическаго начальника, разбойническiе нравы Меркёра, презрѣнiе Виконта, грубую застѣнчивость полковника, широкое обжорство Кавапона. А между подчиненными — Марiусъ былъ вѣтрогонъ, Каюжакъ — хвастунъ, нуждался въ руководителѣ, у Пондена — недоставало иницiативы. Кузенъ Грелу не очень любилъ военное дѣло. Онъ присутствовалъ на войнѣ, какъ зритель на оперномъ представленiи. Одинъ только капитанъ Корбегемъ, суровый и храбрый, внушалъ ему довѣрiе. Но переходъ былъ такъ быстръ и такъ преисполненъ всякихъ мелкихъ заботъ военнаго ремесла, что майору некогда было выказать свое расположенiе Корбегему, въ то время какъ онъ дѣлалъ рѣзкiя замѣчанiя другимъ офицерамъ.

Проходя по Верхней Австрiи французы любовались на голубыя Альпы, показывавшiяся на горизонтѣ, когда прерывалась линiя лѣсовъ. Они шли по плодороднымъ равнинамъ. Стаи птицъ подымались въ воздухѣ. Маленькiе городки смотрѣлись въ волны рѣчекъ. При шумѣ водопадовъ, приводящихъ въ движенiе мельницы, полкъ проходилъ по маленькимъ переулкамъ, въ которыхъ пахло сахаромъ, пряниками и свѣжей мукой. Русскихъ не встрѣтили: они постепенно отступали. Вмѣсто того, чтобы рисковать судьбой шестидесятитысячнаго войска противъ ста пятидесяти тысячъ побѣдоносныхъ французовъ, Кутузову выгоднѣе было соединиться за Вѣной или

съ польской арміей, или съ эрцгерцогомъ Карломъ, если послѣдній, оставивъ Массену въ Италіи, миновалъ флангъ Наполеона, перейдя по Тиролю, Каринтіи, Штиріи, послѣ того какъ опрокинулъ армію Мормона на вершинѣ Альпъ, Бернадотта на склонѣ и Нея у подошвы. Эти три отряда прикрывали правый флангъ Наполеона, поддерживаемый кромѣ того арміей Ожеро, побѣдителя при Брегенцѣ, генерала Желлашичъ, тщетно избѣгавшаго Ульма.

Но Бернарду казалось, что все отступавшіе враги уносили съ собой славу его судьбы. Настичь ихъ—значило дождаться минуты воспламеняющаго его торжества. Тогда онъ, можетъ съ презрѣніемъ смотрѣть на плутни Мальвины, жалобы Каролины, хвастовство Августина, на обвиненія въ глупости и расточительности, можетъ обрадовать очаровательную Аврелію обезпеченіемъ счастья Эдуарда и Денизы, вознаградить покорную добродѣтель жены величіемъ положенія.

Онъ искалъ русскихъ со всей быстротой своихъ шестисотъ лошадей, со всѣмъ вниманіемъ, пыломъ и упорствомъ своихъ шестисотъ людей.

Но врагъ все ускользалъ.

— Мальвина прямо проѣхала въ Вѣну, сказалъ Августинъ своему брату.—Мы ее скоро увидимъ.

— Когда же свадьба милліонера, проворчалъ майоръ?

— Когда русскіе наконецъ остановятся. Они мчатся, какъ вѣтеръ.

Августинъ почти всякій день приходилъ къ своему брату. Одинъ разъ онъ сказалъ ему:

— Бернардъ, я думаю, что ты сердишься на меня, а между тѣмъ я тебя очень люблю. Да, да. Я искренно восхищаюсь твоимъ характеромъ. Увѣряю тебя, когда я по службѣ долженъ идти къ развѣдчикамъ арміи, я всегда очень доволенъ и спѣшу изо всѣхъ силъ поскорѣй тебя увидѣть. А ты не хочешь мнѣ давать никакихъ совѣтовъ, ты замыкаешься въ своей гордости. Тебѣ это вредитъ въ глазахъ начальства, но я понимаю тебя. Только у меня нѣтъ силъ обладать нравственнымъ мужествомъ, подобнымъ твоему. Мнѣ необходимо блистать, торжествовать. Побѣды ума надъ инстинктомъ и честолюбіемъ не удовлетворяютъ меня. Еслибы ты захотѣлъ, Бернардъ, ты бы могъ меня передѣлать. Но ты не хочешь. Я кажусь тебѣ юнымъ варваромъ... Это огорчаетъ меня. Я получилъ письмо отъ Каролины. Правда, что Виргинія пріѣдетъ въ Вѣну къ Авреліи съ маленькой Денизой? Обѣ пары оди-

наковыхъ глазъ встрѣтятся значитъ на колѣняхъ своихъ матерей... Ты замѣтилъ, братъ, что у баварокъ и моравокъ такіе же глаза, какъ у Денизы и Эдуарда... У тебя это воспоминаніе вѣрно осталось послѣ Гогенлиндена, а... душа побѣжденныхъ можетъ быть тоже перешла въ душу побѣдившей расы...

Старшій братъ улыбнулся, замѣтивъ маневры младшаго, и сказалъ:

— Хорошо, хорошо, мой милый, я не буду противиться твоему браку, ни ожидаемымъ тобою богатствамъ. Тѣмъ хуже для тебя, если потомъ ты будешь несчастливъ... Посмотри: Ульбахъ и его эльзасцы инстинктивно побѣжали къ той деревнѣ, окруженной хмѣлемъ, а гасконцы Каюжака къ той, гдѣ виноградники. А вонъ Бретонцы удятъ рыбу на берегу рѣки. Ивонъ бросилъ меня и трепещется на травѣ возлѣ мельницы, куда на развѣдки отправился патруль. Такъ каждая народность повинуется присущей ей склонности. Корбегемъ и фламандцы молча продолжаютъ идти, мучимые голодомъ.

Можешь ты сказать, когда получится хлѣбъ? Эти бѣдняги волнуются. Они голодны, понимаешь ты, Эдмъ. Этотъ полкъ похожъ на паука, разставившаго свою паутину. Патрули разсѣялись кругомъ до самаго сосноваго лѣса. Драгуны обыскиваютъ каждую лощину. Ни одного выстрѣла. Ахъ этотъ ужасный врагъ, который все отступаетъ и котораго никакъ нельзя настичь!

— Я тоже, отвѣчалъ Эдмъ, желалъ бы поскорѣй наткнуться на непріятеля. Мнѣ кажется, что тогда мы перестанемъ голодать и дрожать отъ холода и наши сапоги будутъ заплатаны. Въ своемъ бѣгствѣ австро-русскія войска уносятъ съ собой всѣ наши надежды на лучшее будущее.

— Императоръ это тоже чувствуетъ, прибавилъ Августинъ, играя своими потемнѣвшими аксельбантами. Посмотрите, какъ отвсюду всѣ собираются въ одно мѣсто. Вонъ тамъ на возвышенностяхъ столпились телѣги, экипажи, фургоны. Начальники торопятъ движеніе обоза. — Здѣсь бьется жизнь ста тысячнаго возбужденнаго войска. — Всѣ увѣрены въ себѣ. Всѣ составляютъ какъ бы одно цѣлое, которое спитъ на моравской землѣ, поглощаетъ ее, ѣстъ рыбу ея рѣкъ, пьетъ вина ея виноградниковъ и пиво, любитъ ея толстыхъ полногрудыхъ дѣвушекъ. Здѣшніе мальчики легко выучиваются въ школѣ русскому, нѣмецкому и французскому языкамъ. Каждый народъ оставляетъ здѣсь часть своей крови въ дѣтяхъ,

оставшихся въ утробѣ женщинъ.—И каждый оставитъ также много своей крови у подножія виноградника.—У кого здѣсь есть хлѣбъ? — Ни у кого изъ насъ. Остановка?

— Да.—Я голоденъ.—И я! Мнѣ кажется, что я жую кожу.—Мы имѣемъ право на полъ сухаря, смоченнаго въ водѣ.—Это обычная наша порція уже цѣлыя три дня.—На войнѣ, какъ на войнѣ, дѣти мои!

Армія могла насытиться только въ Бруннѣ, городѣ полномъ запасовъ, который русскіе не сочли нужнымъ защищать. Императоръ расположилъ здѣсь свою главную квартиру. Несмотря на холодъ и скверную погоду, на улицахъ все время толпились офицеры, желая узнать какія-нибудь новости и въ тоже время стараясь быть на виду у начальства передъ битвой, чтобы получить какое-нибудь важное назначеніе, напомнить о себѣ маршаламъ, ведущимъ здѣсь очень пышный образъ жизни. Всюду видиѣлись только кровныя лошади, коляски, повозки запряженныя четверкою. Гренадеры и кавалеристы отборныхъ ротъ стояли на часахъ передъ всѣми воротами. Среди гусаръ и драгунъ, адъютантовъ главнаго штаба парадировалъ Мюратъ. Августинъ восторгался подобными зрѣлищами. Онъ гордо проходилъ по многолюднымъ улицамъ, предоставляя любоваться собой горожанкамъ въ парчевыхъ головныхъ уборахъ, бѣлыхъ шубкахъ и въ красныхъ сафьяновыхъ сапожкахъ.

— Хорошо быть побѣдителемъ, говорилъ онъ болѣе равнодушному майору.

Пунктуальный Бернардъ отправлялся каждый день въ мѣстечко, гдѣ расположились лагеремъ эскадроны. Ожидали отставшихъ. Онъ тщательно осматривалъ перевязи карабиновъ и заставлялъ ихъ чистить. Слѣдилъ за тѣмъ, чтобы люди чинили свои мундиры и только тогда бывалъ доволенъ, когда находилъ солдатъ сидѣвшими подъ навѣсами сараевъ съ одеждой на колѣнахъ и иголкой въ рукахъ. Вахмистръ Ругонъ предсѣдательствовалъ на этихъ работахъ. Въ одномъ амбарѣ чинили ботфорты: въ другомъ мѣстѣ зашивали лосины и перчатки. Всюду чистили скребницею лошадей, залѣчивали раны, подковывали. Раздавался громкій стукъ молота о наковальню. Подрѣзывали хвосты лошадей. Ради тщательнаго присмотра за конями полковникъ самъ жилъ въ деревнѣ, въ домѣ изъ просмоленыхъ досокъ, къ нижнему этажу котораго примыкали крытые сараи и свиные хлѣва. Толстякъ прогуливался по деревнѣ въ голубыхъ чулкахъ, въ накинутой на плечахъ по-

нахѣ и надвинутой на уши фуражкѣ. Опираясь на трость, онъ распекалъ солдатъ. Передъ деревушкой протекалъ маленькій ручей, каждое утро затягивавшійся льдомъ, который разбивали солдаты, чтобы достать воды для стирки. Сотни три рубахъ висѣли на веревкахъ подъ низкими навѣсами.

Но служба и солдатское ученье не поглощали всецѣло вниманіе Герикура: онъ очень страдалъ болѣзнью желудка и почекъ. Это его приводило въ мрачное настроеніе духа, не потому чтобы онъ отдавался очень своей болѣзни, но потому что онъ боялся, будетъ ли онъ въ состояніи окончить эту кампанію, а слѣдовательно боялся пропустить удобный случай прославиться. Ему скоро исполнится тридцать лѣтъ, а онъ не былъ еще полковникомъ. Это его сильно огорчало.

Въ эти годы соперникъ уже командовалъ экспедиціонными корпусами въ странѣ Пирамидъ.

Майоръ представлялъ себѣ будущую жизнь у домашняго очага, если ему придется бросить неблагодарную военную службу, когда по истеченіи извѣстнаго времени онъ не добьется высшихъ степеней. Конечно, онъ не любитъ Виргинію, конечно онъ ее будетъ обманывать, она отплатитъ ему тѣмъ-же. Они разведутся. Онъ предвидѣлъ всѣ непріятности этого процесса. Но какъ же отдѣлаться отъ вялой и вѣчно нездоровой Виргиніи, отъ непріятной, ворчливой Каролины. Одно воспоминаніе о маленькомъ Дьедонне Кавруа вызывало въ немъ отвращеніе. Пракси-Блассанъ больше ему нравился, но меланхолія сестры была ему тяжела. Самъ не зная почему, причину этой грусти онъ приписывалъ себѣ. Онъ считалъ себя обязаннымъ предложить ей то, чего не давалъ ей раздражительный и дѣятельный дипломатъ: постоянную прочную привязанность. Чудесное сходство глазъ Эдуарда съ глазами маленькой баварки изъ Мескирхена развѣ не доказывало, какое сильное вліяніе имѣлъ онъ, Бернардъ, на Аврелію. И притомъ вѣдь она же спасла его отъ самоубійства, пославъ къ нему жену.

Смерть его отца унесла все съ собой, почтительная любовь къ покойному была всегда самымъ сильнымъ чувствомъ Бернарда. Съ тѣхъ поръ онъ стремился только къ славѣ, но она ускользала. И онъ предчувствовалъ, что онъ и не добьется ея въ этой странѣ, гдѣ произойдетъ больная битва латинскихъ народовъ съ славянскими и германскими.

Крутыя тропинки сбѣгали съ плоскогорья направо къ мутнымъ, большимъ, заросшимъ камышами, прудамъ, отра-

жавшимъ сѣрое небо съ пролетавшими птицами. Эти высоты были изрыты глубокими лощинами, похожими на скверныя раны, гдѣ ютились ужасныя деревушки съ деревянными избами, обмазанными, въ защиту отъ холода, глиной; черный дымъ, подымавшійся изъ трубъ топившихся торфомъ печей, застилалъ воздухъ. На склонѣ горы вертѣлась мельница, приводимая въ движеніе запруженнымъ ручьемъ. Какой-то старикъ въ нитяномъ колпакѣ ловилъ удочкой рыбу. Каменистая возвышенность терялась на сѣромъ горизонтѣ. Дороги вились между тощими полями и виноградниками. Дальше, лѣвѣе, плоскогоріе понижалось по направленію дороги къ Ольмюцу, образуя волнистую печальную долину. По его сторону дороги на одномъ косогорѣ пять тысячъ французовъ въ курткахъ, взрывая красную свѣжую землю, строили земляныя укрѣпленія. Дальше позади сосновый лѣсъ, примыкавшій къ Богемскимъ холмамъ весь кишѣлъ, какъ муравейникъ, пѣхотой, тоже возводившей окопы. Къ косогору везли тяжелую артиллерію. Всюду была замѣтна безумная радостная дѣятельность и слышался немолчный бой барабановъ.

А напротивъ, по другую сторону дороги толпы уланъ и казаковъ скакали вдоль плоскогорья отъ одной деревни до другой, до ручья, прикрывающаго бивуаки кавалеріи, иногда обмѣниваясь бездѣльными выстрѣлами съ солдатами 11-го стрѣлковаго батальона, стоявшаго на аванпостахъ.

Временами наступали моменты покоя и ожиданія.

Бернардъ Герикуръ смотрѣлъ съ горькимъ наслажденіемъ на окружающую его угрюмую природу, гармонировавшую съ мрачнымъ настроеніемъ его души.

Вернувшійся изъ Вѣны выздоровѣвшій Грелу тоже полюбилъ это мѣсто. Вмѣстѣ они проводили здѣсь цѣлые часы, размышляя о ничтожествѣ честолюбія и пустыхъ страстей.

— Все проходитъ, милый другъ, говорилъ поручикъ послѣ его разсказовъ о любви.

— Все проходитъ, да, отвѣчалъ Герикуръ.

— А жизнь преслѣдуетъ насъ!

— Мы преслѣдуемъ врага, котораго не можемъ настигнуть.

— Да,—не можемъ настигнуть.

Бернардъ заговорилъ о Денизѣ и Эдуардѣ; онъ выразилъ надежду на ихъ будущее счастье, которое онъ имъ приготовлялъ силою своего оружія, Каролина — своею дѣятельностью, а Пракси-Блассанъ — своимъ умомъ.

— Да, все это будеть очень хорошо, если оправдается дѣйствительностью. Очевидно надо думать о тѣхъ счастливыхъ дняхъ, которые испытаеть наше потомство, благодаря нашимъ стараніямъ.

— По моему тоже! отвѣчалъ Бернардъ.

И онъ мысленно перенесся къ эпохѣ римскаго могущества, когда сила латинскаго народа создала славу великаго Рима, его душу и торжество квиритовъ.

— Предвидѣлъ-ли Цезарь, что Бонапартъ воплотитъ, взлелѣянную имъ мечту, — латинизировать Германію? И вотъ эта мечта осуществилась на самомъ дѣлѣ. Мы идемъ подъ тѣми знаменами, которыя сопровождали римскіе легіоны и римскихъ центуріоновъ. Когда Варъ преслѣдовалъ недосягаемаго врага, думалъ-ли онъ, что мы окончимъ начатое имъ движеніе?

— Можетъ быть намъ не придется достигнуть этого, — но наши правнуки докончатъ наше дѣло. Люди согласятся повиноваться греко-римскому идеалу.

Такъ часто они любили философствовать подъ тактъ хода верховыхъ лошадей, совершенно не обращая вниманія ни на проливной дождь, ни на свистъ пуль надъ ихъ головами отъ русскихъ патрулей. Въ одинъ изъ такихъ дней ихъ нагналъ на своей сѣрой прелестной лошадкѣ Августинъ.

— Мальвина пріѣхала въ Брюнъ и привезла массу новостей отъ Виргиніи, Авреліи, Денизы, Эдуарда и Праксн-Блассана. Она съ ними въ отличныхъ отношеніяхъ теперь. Черезъ мѣсяцъ наша свадьба. Конечно, если русскія ядра не предупредятъ насъ раньше, прибавилъ онъ съ улыбкой, выражающей нѣкоторое опасеніе.

— Нашъ привѣтъ счастливѣйшему изъ людей!

— О, да! Невѣста прехорошенькая, живая и богатая. Моя жизнь устраивается вполнѣ!

— Моя тоже, — тяжело вздохнулъ Грелу, — но только совсѣмъ иначе.

— А моя уже устроилась, сказалъ Бернардъ.

— Ну, довольно! несчастные люди, Вертеры и т. п. Это еще не все. Не надо падать духомъ.

— Преслѣдовать то, чего нельзя достичь, и что уничтожаетъ послѣднія надежды....

— Ну, положимъ, мы все-таки настигли австрійцевъ и русскихъ. Теперь они наплачутся, — вотъ кстати и зала для ихъ бала. Императоръ сегодня послѣ полудня дѣлаетъ смотръ

драгунамъ. Да, я хотѣлъ тебѣ сообщить, майоръ Удино вернулся совершенно поправившійся отъ раны, полученной при Голабрюнѣ. А меня, кажется, производятъ въ капитаны.

— Недурно!

Дѣйствительно. Наполеонъ произвелъ смотръ въ деревушкѣ на берегу небольшого ручья. Мюратъ его сопровождалъ. Затѣмъ было велѣно собраться всѣмъ офицерамъ. Императоръ очень потолстѣлъ за послѣднее время. Дружески улыбаясь и показывая свои чудные зубы, сначала онъ объявилъ полковнику о его производствѣ въ бригадные командиры. Толстякъ совершенно растерялся и только молча приложилъ руку къ козырьку. Потомъ императоръ обратился къ Бернарду:

— Ахъ да, майоръ, это и есть та знаменитая турецкая лошадь полковника Лирисса, про которую говоритъ весь свѣтъ. Какая чудная лошадь!.... — Эскадронный командиръ Питуэ?

Послѣдній поднялъ голову. Наполеонъ благодарилъ его за знаніе мѣстности и за его работы, про которыя ему часто говорилъ Мюратъ. Этимъ работамъ полкъ былъ обязанъ своими удачными маневрами подъ Амштетеномъ, гдѣ были захвачены непріятельскіе конные патрули.

— Но вѣдь это я захватилъ конные патрули протестовалъ мысленно Герикуръ, но сдержался. Императоръ, не обращая на него вниманія, совѣтовалъ больше работать старшимъ офицерамъ, давая понять, что награды будутъ даны болѣе свѣдущимъ офицерамъ. Потомъ онъ похвалилъ капитана Каюжака и обѣщалъ ему орденъ почетнаго легіона за его участіе въ дѣлѣ при Амштетенѣ. Похвалу получилъ также и поручикъ Грелу. Императоръ продолжалъ говорить съ офицерами. Сюртукъ его весь былъ забрызганъ грязью, какъ и свѣтлые ботфорты. Герикуръ сдерживалъ давившія его рыданія. Какая-то турецкая лошадь привлекаетъ вниманіе императора, а онъ, — что онъ такое? — ничто. Онъ, который обучилъ военному искусству весь полкъ!...

— Майоръ, опять обратился къ нему императоръ, у васъ въ полку не хватаетъ людей.

— Нѣкоторыхъ не хватаетъ, но они догоняютъ насъ, государь!

— У васъ должно быть на лицо 630 человѣкъ, прибавилъ онъ, заглянувъ въ записную книжку.

— Государь, многіе изъ нихъ больные остались въ Голабрюнѣ. Мнѣ извѣстно, что они уже въ дорогѣ и скоро догонятъ полкъ..

— Но они должны быть уже на мѣстѣ. Я не желаю терпѣть такіе безпорядки. Цѣлой трети полка нѣтъ на лицо. Запасные отряды должны были заполнить выбывшихъ изъ строя людей въ Мюнхенѣ или въ Вѣнѣ. Вы мнѣ за это отвѣтите....

Майоръ окаменѣлъ. Императоръ, нахмуря брови, казалось, хотѣлъ пронзить его своимъ острымъ взглядомъ.

— Да, это такъ. Дорогія лошади занимаютъ васъ больше, чѣмъ наличный составъ полка.... Вы мнѣ отдадите отчетъ въ вашихъ распоряженіяхъ майоръ, можете быть въ этомъ увѣрены. Полковникъ, возьмите на себя разобрать дѣло майора и мнѣ сообщить рапортомъ.

— Государь.... въ Голабрюнѣ.... хотѣлъ только намекнуть полковникъ.

— Что такое? За такой безпорядокъ я буду отправлять подъ арестъ, знайте это. Если-бы мы не были наканунѣ сраженія, майоръ долженъ былъ-бы вернуться въ Бетунъ подъ арестъ.

Императоръ горячился все больше и больше, теребя нервно свою полную и бѣлую руку. Мюратъ съ растеряннымъ видомъ безмолвно стоялъ возлѣ него. Послѣ этого Наполеонъ рысью отъѣхалъ на своей кровной арабской лошади, нервно передергивая плечами въ своемъ сѣромъ запачканномъ сюртукѣ.

— Ну, братъ, нельзя сказать, что-бы тебѣ очень везло по службѣ, пробормоталъ съ сожалѣніемъ полковникъ. Но мечта сдѣлаться генераломъ не позволяла ему долго жалѣть Герикура. Онъ ему обѣщалъ современемъ передать свой чинъ.

Майоръ задыхался отъ бѣшенства. Вернувшись въ свою квартиру въ Брюнѣ, онъ бросился на кровать, ударяя кулаками въ стѣну, съ безумнымъ крикомъ. Записка Кавановa немного его успокоила: Мюратъ, писалъ онъ, объяснилъ императору всю несправедливость его выговора и этому дѣлу не будетъ дано дальнѣйшаго хода.

Но Бернардъ не мало не утѣшился. Онъ слишкомъ былъ униженъ своимъ врагомъ. Онъ началъ обвинять во всемъ свою несчастную судьбу и повѣдать свое горе полковнику Лириссу, который уговорилъ его обѣдать въ компаніи съ Кавановомъ, Эдмомъ, Августиномъ и Мальвиной, одѣтой въ роскошное платье изъ желтаго бархата. Болтливая и довольная собой молодая женщина не интересовалась ничѣмъ остальнымъ. Герикуръ рѣзко ей сказалъ, что замужнихъ женщинъ онъ уступаетъ дѣтямъ, и рано ушелъ. Кавановъ галантно извинился за него.

На слѣдующую ночь читали передъ эскадронами при освѣщеніи одной свѣчки, спрятанной отъ непріятельскихъ патрулей, подъ протянутой шинелью, приказъ императора, обѣщавшій новую побѣду.

Герикуръ былъ увѣренъ, что на этой равнинѣ, окутанной густымъ туманомъ, завтра онъ совершитъ что-то необычайное. Этотъ подвигъ подыметъ его въ глазахъ соперника, который легко поддается восхищенію передъ военной доблестью. Въ сердцахъ всѣхъ людей онъ вызоветъ сильное волненіе, переходящее въ энтузіазмъ. Какого рода будетъ этотъ подвигъ—онъ самъ еще не зналъ. Онъ какъ-бы предугадывалъ движеніе полка, которое его приведетъ на вершину плоскогорья и эту массу темныхъ фигуръ въ блестящихъ мундирахъ, воодушевляемыхъ воинственными криками. Онъ уже слышалъ ржаніе лошадей павлоградскихъ гусаръ по Ольмюцской дорогѣ. Онъ вспоминалъ кучу австрійскихъ юнкеровъ, которыхъ онъ видѣлъ утромъ, весело пьющихъ вино и съ азартомъ разбивавшихъ послѣ тоста пустые стаканы. Онъ рубилъ направо и налѣво этихъ безбородыхъ юношей съ розовыми щеками. Онъ навсегда уничтожалъ блескъ ихъ голубыхъ наивныхъ глазъ. И все это онъ дѣлалъ во имя могущества республиканской свободы.

Рѣзкій шумъ голосовъ разбудилъ его. Крики „да здравствуетъ императоръ“ ясно раздавались по всей линіи войскъ. Кавалерія съ пучками горящей соломы и ельника скакала галопомъ. Всѣ ряды батальоновъ Сушета, Кафарелли изъ своихъ подстилокъ вытаскивали охапки сѣна и, придавая имъ форму факеловъ, зажигали ихъ. Тоже самое дѣлали войска по всей линіи. Двѣ нескончаемыя стѣны людей съ пылающими факелами сразу поднялись, что бы освѣтить императора, появившагося въ центрѣ. За нимъ всѣ факелы гасли, какъ будто-бы одно присутствіе императора заставляло ихъ загораться.

Въ свою очередь драгуны продѣлали тоже самое съ криками «vivat», мечтая о будущихъ побѣдахъ. Императоръ, съ поднятой кверху рукой проѣхалъ передъ ихъ рядами, любуясь ихъ напряженнымъ выраженіемъ лицъ, единодушно выражающихъ императору довѣріе націи.

— Рабы, прошепталъ Грелу.

— Нѣтъ неправда, возразилъ Питуэ, въ этомъ порывѣ они привѣтствуютъ сами себя. Въ Наполеонѣ они привѣтствуютъ счастье всей націи, которая покрываетъ ихъ доблестной славой.

— Ave, Caesar, morituri...

— Да здравствуетъ императоръ! прокричалъ Корбегемъ, выпучивая свою золотомъ расшитую грудь.

Выпрямляясь на своемъ большомъ конѣ, императоръ проѣхалъ сквозь ряды вооруженнаго народа, собравшагося около костровъ. Дымъ отъ факеловъ скрывалъ его лицо. Можно было узнать только его руку, опускавшуюся и подымавшуюся въ отвѣтъ на привѣтствія.

— О! простоналъ Эдмъ, страдая отъ жажды соревнованія, какъ бы я хотѣлъ хоть одинъ часъ чувствовать то, что испытываетъ этотъ человѣкъ въ эту минуту!

— Что-жъ... женись на любовницѣ новаго Барраса, убей изъ-за угла своихъ противниковъ и, можетъ быть, ты и получишь главное начальство надъ какой нибудь италіанской арміей, молодой человѣкъ, сказалъ ему въ отвѣтъ Грелу. Да кромѣ того будь снисходительнымъ мужемъ и послушнымъ убійцей, добавилъ онъ.

— Перестаньте лейтенантъ, пожалуйста перестаньте, возразилъ Эдмъ, картина величія Наполеона слишкомъ прекрасна...

Вдали слышались раскаты привѣтственныхъ криковъ войска и лица собравшихся здѣсь шестидесяти тысячъ сіяли восторгомъ при проѣздѣ свиты Наполеона.

Затѣмъ войско снова заснуло, счастливое и бодрое какъ послѣ новой побѣды.

XVI.

Однако только между офицерами нѣкоторые проспали болѣе одного часа. Лихорадочная радость людей мѣшала имъ отдохнуть. Всю ночь слышались взрывы смѣха и перекличка. Вокругъ костровъ шелъ кутежъ; всѣ шутили со смертью съ такой покорностью провидѣнію, что трогательно было видѣть эту картину гигантскаго движенія, за которое возмездіемъ могла быть лишь одна опасность. Всюду слышался ропотъ ликующей толпы.

Военная музыка много разъ принималась играть серьезныя аріи Гретри. Тогда голоса солдатъ смолкали; они прислушивались къ звукамъ, въ которыхъ выливалась душа націи и которые, доносясь издалека черезъ эту громадную толпу, напоминали людямъ ихъ національнаго генія и его неясную великую миссію славы.

— Обыкновенно, прошепталъ Грелу, всѣмъ этимъ людямъ нравится только грубый и рѣзкій звукъ военной трубы; эту музыку они слушаютъ только по долгу дисциплины, подъ

торжественно развѣвающимся знаменемъ. А въ настоящую минуту, Эдмъ, вы не слышите ни одного взрыва смѣха, ни ругані, ни единаго восклицанія. Разумъ всѣхъ этихъ людей внезапно слился въ единый интеллектъ, полный вниманія, высоко одаренный и способный серьезно вѣрить. И вотъ всѣ эти мелкіе лавочники, прикащики, пахари и пастухи Франціи внезапно стали обладателями интеллекта, доступнаго въ обыкновенное время лишь избраннымъ гражданамъ.

Между тѣмъ Каванонъ, посланный Мюратомъ, собралъ полкъ за послѣдніе часы ночи. Возлѣ него командиръ эскадрона Питуэ, снабженный своими бумагами, сообщалъ свѣдѣнія о мѣстности, которую нельзя было различить во мракѣ. Слышался сильный гулъ и сквозь гулъ сверкали тысячи огненныхъ глазъ, и тѣни безпрестанно передвигались съ одной точки мрачнаго горизонта на другую. Слышно было, какъ артиллерія спускалась съ Пратцена по направленію къ прудамъ, съ однообразнымъ, тяжелымъ шумомъ колесъ, подчасъ прерывавшемся, подчасъ покрываемымъ короткими восклицаніями.

Сѣли на лошадей. Каванонъ объяснилъ офицерамъ, въ чемъ заключалась ихъ обязанность, и напомнилъ имъ, что они прикрываютъ правое крыло корпуса Ланна и дивизій Сюше и Карафелли и идутъ вслѣдъ за стрѣлками Келлермана, что четыре тысячи кирасиръ Готпуля и Нансути поддерживаютъ ихъ съ тыла, а справа Сультъ поведетъ свои батальоны на центръ русскихъ, и что имъ придется сражаться съ правымъ крыломъ непріятеля, т. е. съ инфантеріею Багратіона и съ кавалеріею принца Лихтенштейна и наконецъ, что семьдесятъ пять пушекъ, поставленныхъ на холмѣ, поддержатъ ихъ движеніе.

— По ту сторону этой колонны стрѣлковъ, предупредилъ ихъ Каванонъ, насъ ждутъ восемьдесятъ эскадроновъ русскихъ и австрійцевъ, построенныхъ въ двѣ линіи, и, какъ только наша авангардная колонна разсѣется, они насъ тотчасъ-же аттакуютъ!

Слова его оправдались, стрѣлковая колонна была вскорѣ разсѣяна и непріятельская инфантерія бросилась на нихъ въ аттаку.

Бернарду показалось, что всѣ склоны Пратцена спускаются въ равнину. Высоты рушились при грохотѣ скачущей галопомъ кавалеріи, несущейся рысью артиллеріи, въ видѣ лавинъ бронзовыхъ кирасировъ и полковъ съ торчащимъ кверху

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ редакцію—*Петербургъ, Ямская, 2.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ редакцію и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его копію.

Не сообщающіе своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 40 коп. почтовыми марками.

5) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ редакціи **не позже 1-го числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

6) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей:

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію, если авторы не потребуютъ ихъ обратно въ теченіе шести мѣсяцевъ **будутъ уничтожены.**

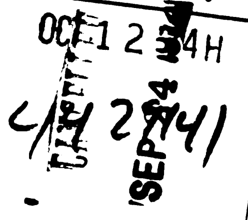
4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

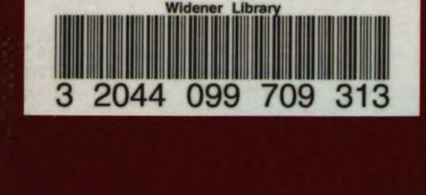
5) **Историч. документы и письма,** присылаемые для напечатанія, сдаются въ типографію въ копіяхъ и **тщательно сохраняются редакціей до востребованія** въ несгораемомъ помѣщеніи.

6) Съ перваго мая по первое сентября редакція будетъ открыта для личныхъ объясненій только по вторникамъ отъ 4 до 6 часовъ вечера.

Отъ конторы редакціи

Всѣ уплаты гонорара, по счетамъ и т. п., производятся ежедневно, кромѣ праздниковъ, между 15 и 20 числомъ каждаго мѣсяца, въ конторѣ редакціи (Ямская, 2), между часомъ и четырьмя дня.

Widener Library
3 2044 099 709 313